

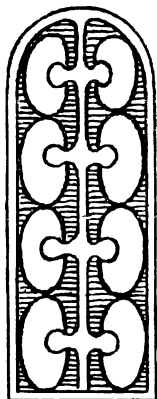
ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ УГРОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ УГРОВ

СБОРНИК СТАТЕЙ
СОВЕТСКИХ И ВЕНГЕРСКИХ
АРХЕОЛОГОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1972

В сборнике освещаются вопросы происхождения угорских народов, сложения их культуры. Рассматриваются памятники Западной Сибири, Прикамья и Среднего Поволжья. Ряд статей касается археологической культуры венгров IX—X вв., а также их социально-экономической истории в период создания государств.

Ответственные редакторы

А. П. СМЕРНОВ, В. Н. ЧЕРНЕЦОВ,
И. Ф. ЭРДЕЛИ

Древняя история венгерского народа в значительной степени, как известно, проходила на территории Советского Союза. Поэтому только совместный труд венгерских и советских ученых может пролить свет на сложную историю формирования венгров. Попыткой подобного рода коллективной работы и является предлагаемая книга.

В истории венгров можно наметить несколько периодов: I — правенгерский — начиная с раннего средневековья; II — угорский, охватывающий время совместного проживания древнеугорских народов на смежных территориях; III — финно-угорский или уральский, относящийся к древнейшей поре истории народов уральской языковой семьи.

В известном соответствии с этими периодами построен и предлагаемый сборник.

Первая часть сборника содержит статьи о происхождении народов угорской или восточноуральской ветви, а отчасти и о происхождении уральской общности в целом. Конечно, мы смогли затронуть здесь лишь некоторые из вопросов. Более полный охват этой проблемы потребовал бы самостоятельного сборника. Как известно, по вопросам, касающимся времени и места формирования уральской общности, единой точки зрения нет. Поэтому в данном сборнике мы и не ставили своей задачей оттенить какое-либо из существующих направлений, считая, что это не принесло бы пользы для решения проблемы при современном состоянии ее изученности.

Раздел открывается статьей Д. Ласло, которая является изложением его книги, вызвавшей оживленную дискуссию в Венгрии, но оставшейся, к сожалению, очень мало известной советским читателям. Как известно, Д. Ласло является защитником западной локализации уральской прародины. В противоположность ему О. Н. Бадер придерживается скорее приуральско-камской концепции. Автор возводит начало формирования общности к послепалеолитическому времени, но распад ее датирует относительно поздним временем — концом неолита (после IV тысячелетия до н. э.). В то же время В. Н. Чернецов, основываясь на исследованиях последних лет в Южном Зауралье и Приуралье (Г. Н. Матюшин) и Волго-Камье (А. Х. Халиков), стоит на позиции весьма раннего времени (мезолит) разделения уральской общности на западную (прафинско-пермскую) и восточную (праугорскую и самоедскую) ветви, с последующим развитием первой в Волго-Камье, а второй в Зауралье и Западной Сибири. Зауральской локализации праугров придерживаются в своих статьях В. И. Мошинская и В. А. Могильников.

Второй раздел книги охватывает преимущественно ранний период истории древних венгров. Одним из узловых пунктов праистории венгерского народа является время и место выделения его в самостоятельную

народность. Большинство современных венгерских исследователей поддерживает то представление, согласно которому венгры отделились от предков обских угров в середине I тысячелетия до н. э. на территории Западной Сибири, точнее в Прииртышье. В связи с этим огромное значение имеет выяснение облика и смены археологических культур данной лесостепной области (В. А. Могильников). По всей вероятности, передвижение гуннов или савир передвинуло и древних венгров на европейскую сторону Уральских гор, но не исключено, что переселение имело место гораздо раньше. Их дальнейшая жизнь протекала где-то поблизости с народами пермской языковой группы, о чем свидетельствуют заимствования в венгерском языке.

Для выяснения раннесредневековой истории венгров на передний план выступает территория Южного Прикамья и Среднего Поволжья.

На территории Карпатского бассейна, благодаря раскопкам в течение ста пятидесяти с лишним лет, накопилось огромное количество находок IX—X вв., ретроспективно-сравнительный анализ которых все больше и больше находит себе опору среди археологических памятников Украины и Поволжья. В нашем сборнике мы постарались вкратце охарактеризовать археологическую культуру венгров в IX—X вв. (И. Эрдели), подробно описать характерные черты их погребального обряда: погребение с конем (Ч. Балинт) и употребление металлических накладок на лице (И. Фодор); затем поднять вопрос о начале денежного оборота в IX в. (И. Гедай) и, наконец, указать некоторые восточноевропейские корни в культуре и искусстве венгров (А. Барта).

С точки зрения сравнительного анализа древневенгерских находок огромное значение имеют раскопки Танкеевского могильника IX—XI вв. Сходные черты в погребальном обряде (Е. А. Халикова) и отчасти даже среди вещей (Е. П. Казаков) заставляют нас задуматься над решением загадки родства этнических групп, оставивших после себя Танкеевский могильник и ряд могильников на территории Карпатского бассейна. Находки Танкеевского могильника еще больше подтверждают сведения венгерского монаха Юлиана, который в 1235 г. именно где-то в данной области разыскивал и нашел венгров, оставшихся на востоке, на территории «Великой Венгрии». Так как письменные источники конкретно о венграх-мадьярах начинают говорить только от начала IX в. н. э. (первым упоминает их продолжатель хроники Георгия Амартола), роль археологических источников еще больше возрастает.

Целью нашего сборника является введение в научный оборот древневенгерского материала, накопленного на территории Карпатского бассейна, а также той части археологического материала с территории СССР, которая может быть использована для сопоставлений с венгерским. Не менее важной задачей сборника является теоретическое осмысление археологического материала с точки зрения происхождения и расселения финно-угров. Надо надеяться, что предлагаемые материалы сборника вызовут дискуссию вокруг поднятых авторами вопросов и помогут указать те области, где скорее всего необходимы совместные исследования.

[В. Н. Чернецов], И. Ф. Эрдели

ДБЮЛА ЛАСЛО (Будапешт)

ля определения географической территории, на которой создались и развивались уральские народности, важно установить размещение первобытных угро-финских, самоедских и лопарских народностей вплоть до выделения предков венгров в самостоятельную народность.

В настоящее время еще нельзя проследить хронологически и территориально древнейшие периоды венгерской истории до времени угро-финской общности, исходя из отечественных археологических находок периода завоевания страны. Ведущий слой венгерского народа того периода является по своему характеру настолько тюркским, что выводы из археологических находок обнаруживают его общность скорее со степными, историческими тюркскими народностями, чем с угро-финскими, хотя не подлежит сомнению, что венгерский язык принадлежит к семье угро-финских языков. Исследования приводят нас к культуре, создавшейся в соседстве с пьяноборской. Эти признаки пока недостаточно ясны, чтобы служить серьезной основой исследования древней истории. Это заставляет приступить к исследованию данного вопроса при помощи данных языкознания.

Необходимо прежде всего рассмотреть исторические данные, относящиеся к самым древним местам поселения угро-финских народов. Тексты Геродота, которые не ведут нас дальше середины I тысячелетия до н. э., показывают, что к этому времени угро-финские народы разделились, и мы знаем ряд этнонимов, относящихся к населению северной половины Восточной Европы.

Много дает для понимания древней истории анализ биогеографической лексики. Эти данные показывают, что самое древнее место жительства уральских народностей следует искать там, где соприкасаются средневропейские лиственные леса и тайга. Однако пыльцовая карта древнего голоцена Евразии показывает, что в это время такой территории

¹ Gy. László. Östörténetünk legkorábbi szakaszai. Budapest, 1960. Содержание: Древнейший период нашей истории. Археологические памятники уральско-угро-финской древней истории в Советском Союзе.

Предварительные сведения о своей теории относительно прародины финно-угров Д. Ласло поместил в своем докладе на I Конгрессе финно-угроведов в Будапеште: «Die Ältesten Epochen der uralischen Vorgeschichte. Congressus Internationalis fenno-ugristarum». Budapest, 1960 (1963), стр. 416—419.

не было и что упомянутые леса соприкасались на Урале не позже II тысячелетия до н. э. К этому времени угро-финны жили уже отдельными группами. Следовательно, бравшийся до сих пор за основу тезис при исследовании прародины угро-финнов надо считать несостоятельным.

Анализируя фитогеографическое заселение растениями освободившейся ото льда территории, следует относить биогеографические слова уральских и угро-финских языков к трем группам. Слова, принадлежащие 1-й группе, относятся к лесам — *Pinus* и *Betula*, сохранившимся также в уральских языках. Слова, составляющие 2-ю группу, относящиеся к лиственным лесам, имеются у угро-финских народов, живущих к западу от обско-угорской и самоедской групп. Названия таежных деревьев, представляющие собой 3-ю группу, встречаются лишь в обско-угорских, самоедских языках, а также в языках некоторых соседних с ними народов. Это может быть объяснено тем, что 2-я и 3-я группы образовались после разделения уральских народов. Лишь слова 1-й группы пригодны для выводов относительно более раннего местожительства уральских народов.

Для решения поставленной задачи важно отыскать на пыльцевой карте древнего голоцена Евразии такую территорию, на которой имеются леса *Pinus* и *Betula*, но отсутствуют лиственные и таежные деревья. В древнем голоцене имеется лишь одна такая территория, распространяющаяся в общем от окрестностей Риги до рек Оки и Урала. Советское пыльцевое аналитическое исследование называет эту территорию ареалом *Pinus* и *Betula* со светлой порослью. Следовательно, на основе древнейшего слоя наших биогеографических слоев, первоначальное место жительства уральского народа следует искать в пределах этой территории.

Анализом археологического материала опровергаются три теории происхождения уральских народностей: 1) гипотеза уральско-алтайского бронзового века, имеющая в настоящее время только научно-историческое значение; 2) теория об отношении кунда-шигирских культур к угро-финским народностям и 3) гипотеза о происхождении угро-финнов из Приаралья. Этот материал аналогизируется с точки зрения хронологии, предполагаемых миграций и соответствий их с общепринятыми положениями угро-финского языкознания. Решающим фактором в этом отношении является, по всей вероятности, лопарско-самоедский вопрос. Ни одна из археологических теорий не дает удовлетворительного и хронологически приемлемого решения, причем полученные результаты не согласуются с выводами биогеографического лексического материала.

Очень важен вопрос, есть ли в древнеголоценовом периоде так называемая замкнутая археологическая культура, которая может соответствовать территории, определенной на основе фитогеографических слов, которые встречаются на территориях, заселенных впоследствии угро-финскими народностями. Замкнутой культурой, характерной для древнего и среднего голоцена на территории между Средней Польшей и Окой, является свидаерская, полностью соответствующая этим требованиям. Эта культура лежит в основе более поздних культур, характеризующихся гребенчато-ямочной керамикой, которые, особенно на своих поздних этапах, можно с уверенностью отнести к финно-угорским народам.

Соприкосновение восточной ветви свидерской культуры (вдоль р. Оки) с кундинской отражает смену языка лопарского народа. Последующее перемещение этой культуры показывает нам путь миграции лопарей. Эта же культура ответвляется и по направлению к Среднему Уралу (шигирская культура). В ней можно видеть культуру первобытных самоедов, распространившуюся впоследствии вплоть до Байкальского озера.

Техника нанесения гребенчато-ямочной орнаментики проникла с юга в позднесвидерско-кундинско-шигирскую культуру в различные крупные уральские группы из различных источников. Керамику Прибалтики, бассейна р. Оки и Среднего Урала нельзя считать происходящими друг от друга, даже при учете незначительных взаимодействий керамики типа сперрингс и др. Эти взаимодействия, однако, были не столь сильны, чтобы можно было говорить о значительной миграции народов, т. е. о распадении угро-финской общности. В период бытования гребенчато-ямочной керамики не может идти речь о миграции в крупных масштабах или в восточно-западном, или в западно-восточном направлении. Еще менее можно говорить о миграции из центра к востоку или западу, т. е. о распадении угро-финской общности. Это распадение произошло, вероятно, раньше. В тот период отдельные крупные группы финно-угров еще соприкасались. Однако их общение не имело характера переселения народов.

На основе точного совпадения фитогеографических процессов, языковых данных и археологических культур можно считать обоснованным предположение, что территорию первоначального размещения уральцев следует искать в зоне лесов, распространявшихся между Средней Польшей и Окой. Время возникновения этой этнической общности можно отнести к концу палеолита.

В соответствии с этим можно считать древнеуральскую этническую общность представителем одной из рано обособившихся ветвей граветтской культуры. Об ее дальнейшей судьбе говорит позднеграветтская свидерская, а также и продолжающие ее культуры, характеризующиеся гребенчатой керамикой. Эти поздние культуры вплоть до появления металла дают основание считать, что предки венгерского народа в это время жили на лесостепных территориях правого берега средней Волги, в соседстве с пермскими и обско-угорскими народами. Исторические данные, датируемые лишь несколькими сотнями лет до завоевания страны, позволяют сделать вывод, что сложившийся к этому времени венгерский народ жил на этой территории, окруженный степными тюркскими народами².

² Книга проф. Д. Ласло вызвала оживленную дискуссию и, кроме ряда журнальных рецензий (например: в журнале «A. Magyar Tudományok Akadémia, II. Oszt. Közleményei», вып. 10, 1962, стр. 123—127; в журнале «Acta Archaeologica», 1963, стр. 431—434; в журнале «Acta Linguistica», 1962, стр. 409—413; в журнале «Acta Ethnographica», 1962, стр. 233—234; в журнале «Finnisch-Ugrische Forschungen», 44, 1962, стр. 242—245), относительно его гипотезы появилось много статей на страницах журнала «Archaeologiai Ertesítő», из которых следует отметить выступление проф. Я. Харматты (т. 99, вып. 2, стр. 215—216). Ответ проф. Д. Ласло на появившиеся раньше рецензии дан в его докладе на II конгрессе финно-угроведов в Хельсинки (Congressus Secundus Internationalis fenno-ugristarum. Helsinki, 1965, ч. II, стр. 35—40).

О ДРЕВНЕЙШИХ ФИННО-УГРАХ НА УРАЛЕ
И ДРЕВНИХ ФИННАХ МЕЖДУ УРАЛОМ И БАЛТИКОЙ

О. И. БАДЕР (Москва)

послевоенные годы преимущественно в Прикамье и в Среднем Поволжье собран очень большой археологический материал, легший в основу представлений о населении эпохи неолита и бронзы и позволивший по-новому взглянуть и на проблему происхождения древне-финской культуры в европейской части Советского Союза.

Как известно, территорией первоначального сложения финно-угорской языковой общности, входящей вместе с самодийскими языками в уральскую языковую семью, в свете современных научных данных является область Урала в самом широком понимании, а также области, прилегающие к нему с востока. Распространение финно-угорского населения в Северной Европе на запад связывается с Уралом и Приуральем.

Древнейшими на севере Европы достоверными следами связи с Уралом и вообще с Востоком являются некоторые формы кремневых стрел и ножевидных пластинок и костяных наконечников стрел и гарпунов из памятников Латвии (например, Лубанское озеро) и более северных районов Прибалтики (например, Оленеостровский могильник, памятники каргопольской культуры), распространение керамики типа сперрингс, близкая которой, по Е. М. Берс, залегает в наиболее ранних неолитических слоях на Урале, и относительно свежий монголоидный тип некоторых скелетов из Оленеостровского могильника. Появление этих признаков на северо-западе следует относить к раннему этапу неолита (до появления здесь ямочно-гребенчатой керамики), а частью и к мезолиту и связывать их этнически с протосаамским населением Севера, близко соприкасавшимся на востоке с древнесамодийскими и палеоазиатскими группами.

Неолитическое население, создавшее в Средней России культуру с ямочно-гребенчатой керамикой и совершившее из Верхнего Поволжья движение на север в главном образом северо-запад в III тысячелетии до н. э.¹, давно уже традиционно, но ошибочно считается рядом авто-

¹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. ТГИМ, вып. IX. М., 1940; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952; Н. Н. Гуркина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1961; Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964. Г. А. Панкрушев полагает, что движение волго-окских племен на север, в частности в Карелию, началось еще в докерамическое время, в эпоху мезолита.

ров финно-угорязычным². Ретроспективная связь его с древнефинским населением Волго-Окского края и смежных районов не доказывается. Якобы непрерывная цепь культур, уводящая от современных финских народов Волго-Окского края и финских племен древнерусских летописей вглубь, к неолитической культуре с ямочно-гребенчатой керамикой, имеет одно разомкнутое звено: оно находится между неолитической культурой с ямочно-гребенчатой керамикой и энеолитической волосовской культурой.

В самом деле, первая из этих культур характеризуется круглодонной посудой из глины с примесью песка и дресвы, сравнительно тонкостенной, густо орнаментированной глубокими круглыми ямками округло-конической формы с оттисками зубчатого (гребенчатого) штампа; на поселениях с такой керамикой не раз исследованы полуземлянки округлой формы. На поселениях же волосовского типа выделялись толстостенные сосуды, нередко уже с уплощенными днищами, из глины с примесью растительных остатков и толченой раковины, главным образом, с зубчатым орнаментом, наносившимся иногда сложным (например, «рамчатым») штампом, образующим нередко своеобразный зубчатый остроугольный зигзаг («шагающая гребенка») и временами с вертикальной разделкой орнаментального поля; при этом жилища у волосовцев имели не округлую форму, а вытянуто четырехугольную и в ряде случаев соединялись друг с другом также углубленными в землю коридорами³.

Некоторые черты якобы переходного характера от ямочно-гребенчатой к волосовской керамике, указываемые И. К. Цветковой (например, отдельные фрагменты керамики из глины с примесью толченой раковины, но с ямочным орнаментом, или оттиски «рамчатого» штампа на некоторых сосудах рязанской позднеэнеолитической культуры) следует понимать не в этногенетическом смысле, а как результат длительного сосуществования населения обеих культур в смежных или даже одних и тех же районах, одним из которых был глухой Мещерский край, где сделаны эти наблюдения. Но приведенные факты не вуалируют резких различий между культурами с ямочно-гребенчатой керамикой и волосовской.

В то же время послевоенными исследованиями в Прикамье и Среднем Поволжье выявлена новая обширная историко-культурная область камского неолита, население которой, судя по распространению его памятников, занимало все Западное Приуралье, включая весь бассейн Камы и Белой, часть бассейнов Печоры и Вычегды и значительную (восточную) часть Среднего Поволжья. Именно с этой камской, западно-уральской неолитической культурой наиболее вероятна генетическая связь волосовской культуры, на что в аргументированной форме автор впервые указал в 1953 г.⁴ Одновременно предсказывалось присутствие

² А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; А. J. Brjussow. Geschichte der neolithischen Stämme in europäischen Teil der UdSSR. Berlin, 1957, и др.

³ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. ТГИМ, вып. XXII. М., 1953.

⁴ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952). УЗПГУ, т. IX, вып. 3. Харьков, 1953; O. Bahder. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA, 59 : 1. Helsinki, 1957.

памятников волосовской культуры в области Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья и была предложена теория распространения волосовских племен около грани между III и II тысячелетиями до н. э. из области Волго-Камья на Оку и в Верхнее Поволжье (где они заняли территорию населения с ямочно-гребенчатой керамикой и постепенно ассимилировали его) и еще дальше на запад вплоть до Прибалтики.

Эта теория нашла поддержку со стороны А. Х. Халикова⁵, открывшего в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье множество поселений волосовского типа, притом ранних; она была также поддержана и развита в работах П. Н. Третьякова⁶, в последующих статьях автора⁷, а также в недавних работах В. П. Третьякова⁸. Даже А. Я. Брюсов в последних статьях, оставив свою прежнюю точку зрения об автохтонности волосовцев, пришел к заключению о резком отличии волосовской культуры от всех неолитических окских культур и даже от всех культур, распространенных на Севере европейской части СССР, отметил черты сходства ее с культурами Среднего Зауралья (шигирской или горбуновской культурой) и также пришел к предположительному выводу, что волосовская культура возникла где-то недалеко от Среднего Зауралья, на западном или восточном склоне Урала, и затем продвинулась далеко на запад, в Волго-Окский край и дальше. Но это движение он отнес к более раннему времени, к IV и III тысячелетиям до н. э.⁹

Для неолитического населения камской или волго-камской, приуральской историко-культурной области устанавливается в материальной культуре преемственная связь вплоть до этнических местных культур удмуртов и коми в Прикамье и марийцев в Поволжье. Надо полагать, в это время уже произошло разделение древнего финно-угорского языка-основы, что находит свое археологическое выражение в существовании двух различных, но родственных обширных историко-культурных областей неолита по обе стороны Уральского хребта. Волго-камскую область следует считать пермско-финской, восточноуральскую — угорской.

В связи с затронутыми выше вопросами представляют значительный интерес топонимические исследования Б. А. Серебrenникова, ибо они, по нашему мнению, хорошо согласуются с данными археологии. Б. А. Серебrenников считает наиболее древним в Средней России топо-

⁵ А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Казанском Поволжье. МИА, № 61, 1958; *он же*. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. ТМАЭ, т. 1. Йошкар-Ола, 1960.

⁶ П. Н. Третьяков. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, 1961, № 2; *он же*. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966.

⁷ О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958; О. Н. Бадер. У истоков финно-угорской культуры в Восточной и Северной Европе (тезисы доклада). «VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966.

⁸ В. П. Третьяков. Неолитические племена Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дисс. Л., 1966; *он же*. Об уральских элементах на ямочно-гребенчатой керамике «геометрического» стиля. КСИА, вып. III, 1967.

⁹ А. Я. Брюсов. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (Этнический очерк). СА, 1965, № 2; *он же*. Проблема происхождения культур каменного века в северной части европейской территории СССР. СА, 1968, № 4.

нимическим пластом названия рек, оканчивающиеся на -ма, -га, -ша¹⁰, и называет эту топонимику волго-окской, «поскольку до периода передвижения неолитических племен на Север, она, по-видимому, первоначально была сконцентрирована в междуречье Оки и Волги»¹¹. Автор прослеживает ее распространение в Волго-Окском междуречье, в Горьковской области, в Чувашии, в Кировской, Вологодской, Архангельской областях, в Карелии и на западе — в Смоленской области. Критика гипотезы Б. А. Серебренникова со стороны ряда языковедов не опровергла ее, а соответствие ее археологическим данным значительно подкрепляет ее справедливость.

Дело в том, что, по Б. А. Серебренникову, волго-окская топонимика является доиндоевропейской; следовательно, она предшествует появлению в Волго-Окском крае и Среднем Поволжье племен с боевыми сверленными топорами и бомбовидной керамикой — носителей фатьяновской и балаповской культур. Она предшествует также появлению здесь финно-угорской топонимики. Считая Волго-Окское междуречье центром формирования древней волго-окской топонимики, указанный автор прослеживает затем и распространение ее на север, включая Карелию¹². Учитывая эти лингвистические данные, наиболее правдоподобно связывать топонимический пласт с окончаниями на -ма, -га, -ша с неолитическим населением с ямочно-гребенчатой керамикой; в самом деле, эта культура является дофатьяновской, ее ареал в основном совпадает с ареалом волго-окской топонимики, наконец, она распространилась позднее из Волго-Окского края на север. Отнюдь не исключается и связь рассматриваемой топонимики с более древней волго-окской мезолитической культурой, являющейся субстратной по отношению к культуре волго-окского неолита с ямочно-гребенчатой керамикой.

Так или иначе, из всего сказанного вытекает три очень важных вывода.

Население, создавшее культуру волго-окского мезолита и возникшую на ее основе культуру волго-окского неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, не было ни финно-угорским, ни индоевропейским по языку.

Распространение финно-угорских, точнее, праволгофинских племен в Волго-Окском крае и далее на запад и северо-запад необходимо связывать с начавшимся скорее всего в конце III тысячелетия до н. э. продвижением из Волго-Камья на запад племен волосовской культуры, первоначально сформировавшейся на основе волго-камской, западно-уральской неолитической культуры на территории Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья.

Индоевропейские этнические группы впервые проникают на территорию Средней России, в соответствии с господствующим мнением, на

¹⁰ Б. А. Серебренников. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР. «Вопросы языкознания», 1955, № 6.

¹¹ Б. А. Серебренников. Происхождение чуваш по данным языка. В сб. «О происхождении чувашского народа». Чебоксары, 1957, стр. 33.

¹² См. также: Б. А. Серебренников. Всякое ли внешнее сопоставление недопустимо? «Советское финно-угроведение». Таллин, 1968, IV, 1.

границ между III и II или в начале II тысячелетия до н. э. с фатьяновской и балановской культурами, и в Волго-Окском междуречье и севернее от него уже застают древнефинское население волосовской культуры в различных ее локальных вариантах.

В IV и III тысячелетиях до н. э., т. е. в эпоху неолита, обширные территории лесного Зауралья и лесного Приуралья, включая часть Среднего Поволжья, были заняты многочисленными родственными племенами, говорившими на древних финно-угорских диалектах. По мнению некоторых авторов¹³, древняя финно-угорская общность существовала на протяжении почти всего неолита, и распад ее на финскую и угорскую произошел на границе III и II тысячелетий до н. э., т. е. уже в конце неолита. Нам представляется, что этот распад произошел раньше, еще в глубине неолита, доказательством чего служат ясно обрисовавшиеся уже тогда две особые, хотя и родственные историко-культурные области: восточноуральская, урало-обская (древнеугорская) и западноуральская, урало-волжская (древнефинская).

В связи с этим представляет существенный интерес, что говорит о времени существования еще нераспавшейся финно-угорской общности языковедческая наука. Считается, что в период уральского языкового единства уже существовали слова, обозначавшие наконечник стрелы, лук, тетиву, долото, лыжи, нарты, понятия гребли, плетения и пр. Сопоставляя эти данные с археологической периодизацией, плетение, греблю, лук и стрелы вполне можно отнести еще к мезолиту; лыжи и нарты, по мнению большинства исследователей, скорее свидетельствуют об эпохе неолита¹⁴. Но недавно в бассейне Вычегды в торфянике Вис I в древнем, докерамическом слое найдены остатки лыж и полозьев от нарт, а также луков и других деревянных предметов¹⁵. Их орнаментация имеет общее с орнаментацией мезолитических изделий Северной Европы и Урала. Кроме того, висские полозья по их корытообразной форме и другим деталям близки полозу из Хейнолы (Финляндия)¹⁶. По геологическим данным этот полоз относится примерно к VII тысячелетию до н. э. Там же на Висе получены указания и об использовании лодок еще позднемезолитическим населением Приуралья.

Для подтверждения мезолитического возраста указанных деревянных изделий из I Висского торфяника служат не только условия нахождения их в культурном слое без керамики, но и абсолютные радиоуглеродные даты, недавно полученные для пяти предметов. Привожу их: 1) бревно, занимавшее в слое промежуточное положение между одним из луков и

¹³ Например, см.: А. Х. Халиков. У истоков финно-угорских народов. В сб. «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1967.

¹⁴ В. Н. Чернецов. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964.

¹⁵ Г. М. Буров. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды. СА, 1966, № 1; он же. Древний Синдор. М., 1967.

¹⁶ T. J. Itkonen. Muinaissuoksia ja jalaksia. «Suomen Museum», XXXVII. Helsinki, 1931, kuv. 5.

одним из полозьев — 7820 ± 80 лет до нашего времени¹⁷; 2) лук-самострел с перехватом на конце — 7150 ± 60 лет; 3) палка с уступом на конце — 7090 ± 80 лет; 4) доска со срезом — 7090 ± 70 лет¹⁸; 5) бревно со срезом — 8030 ± 90 лет¹⁹. Следовательно, эти вещи относятся не только к VI, но и к VII тысячелетию до н. э.

Как известно, Европейский Север (и прежде всего Северо-Восток, рано освободившийся из-под материковых льдов плейстоцена) был заселен человеком еще в глубокой среднепалеолитической древности²⁰. С тех пор люди не покидали Приуралья, а в эпоху мезолита, по археологическим данным, заселяли его относительно густо. Но далекую миграцию мезолитических людей на северо-запад, совершившуюся в несравненно более быстром темпе, чем заселение Северо-Востока Европы в палеолите, трудно представить себе без таких средств передвижения, как лыжи, нарты и лодки, не говоря уже о том, что в условиях Севера, где больше полугода лежат глубокие снега, жизнь подвижных мезолитических охотников без лыж и нарт вообще вряд ли мыслима.

По мере сокращения последнего материкового оледенения, занимавшего пространства к западу от полуострова Канина и к северу от верхней Волги и средней Вислы, следуя за заселением этих пространств растительным и животным миром, заселял их и человек. Эти процессы начались в конце плейстоцена и закончились, видимо, в среднем голоцене. Другими словами, первоначальное заселение Северо-Запада Европы человеком началось в позднем палеолите и закончилось в мезолите. Более широким фронтом этого движения был южный и юго-восточный, из Средней и Восточной Европы; менее широким, но несомненным был восточный, из Приуралья, с территории, не менее давно обжитой человеком.

Проблема первоначального заселения северо-запада — огромная проблема, которая еще ждет своих исследователей. Пока на юго-востоке, на Русской равнине ближайшими к пределам вюрмского, валдайского ледника являются палеолитические стоянки Сунгирь на Клязьме, относящаяся к относительно раннему времени верхнего палеолита, и более поздние палеолитические памятники: местонахождение черепной крышки человека на р. Сходне близ Москвы, стоянки Золоторучье и Алтыново на верхней Волге, а может быть, и местонахождение в устье р. Ягорбы, в пределах г. Череповца, где вместе с кремневыми и роговыми изделиями были найдены остатки фауны позднего плейстоцена: черепа мускусного быка, кости дикой лошади и большерогого оленя. Для изучения древнейших следов продвижения людей на запад из области Урала необходимы поиски палеолитических памятников в бассейне Северной Двины. Хронологически процесс первоначального расселения людей на Северо-Западе ориентировочно укладывается между 15-м и 5-м тысячелетиями до н. э.

¹⁷ Г. М. Буров. Древний Синдор.

¹⁸ А. А. Семенов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханов. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. СА, 1969, № 1.

¹⁹ Последняя дата еще не опубликована и любезно сообщена мне Г. М. Буровым.

²⁰ O. Bahder. New Data on the Original Inhabitation of North-East Europe. «Quartär», 19. Erlangen, 1969.

Как указывалось в начале этой статьи, первыми археологически прослеживаемыми в Северной Прибалтике и Карелии следами людей являются остатки мезолитического времени. Именно эту, мезолитическую волну переселенцев из области Урала скорее всего следует связывать с протосаамским, протолапарским населением Севера.

Основываясь на анализе названий растений у народов уральской языковой семьи, П. Хайду недавно пришел к заключению, что «прародина уральских народов в начале и в середине среднего голоцена находилась севернее Среднего Урала, между нижним течением Оби и руслом Печоры, преимущественно на сибирской стороне данного края»²¹. Но такой вывод сейчас нельзя связать с конкретной археологической культурой в указанной области. Мезолитическая основа уральской общности была, конечно, гораздо шире, охватывая весь Средний и Северный Урал, а затем и Северную Европу. На протяжении мезолита происходила и инфильтрация на север южных этнокультурных элементов как с юга, так и с юго-востока, усилившая европеоидный элемент в Северо-Восточной Европе²². С тех пор волны пришельцев в эти края как с юга, так и с востока неоднократно повторялись.

Вряд ли сейчас можно решать вопрос, появилось ли на северо-западе неолитическое население, выделявшее керамику типа сперрингс, с востока или явилось продуктом местного развития на широкой урало-балтийской мезолитической основе европейского Севера. Важно, что культура сперрингс так или иначе связана с областью Урала и по времени сопоставляется с более ранней частью уральского неолита, предшествовавшей распространению там керамики с зубчатым орнаментом, и относится к IV тысячелетию до н. э. Именно эту, ранненеолитическую культуру наиболее правдоподобно связывать с существованием еще не распавшейся финно-угорской языковой общности. С данным положением согласуется мнение ряда финских лингвистов (Э. Сетяля, Ю. Тойво-нена, Э. Итконена)²³, что именно к этому времени относится появление таких общих в финно-угорских языках понятий и слов, как горшок и поселок, деревья.

Те же финские языковеды, а также Д. В. Бубрих и Б. А. Серебrenников полагают, что финно-угорская языковая общность распалась на грани эпохи бронзы — появления металла, первых зачатков животноводства и земледелия. Их точку зрения воспринял и А. Х. Халиков²⁴. Так, например, Д. В. Бубрих, касаясь вопроса об историческом существовании различных финно-угорских языков, писал: «Замечательно, что сходные слова составляют своего рода систему, прямо обрисовывающую куль-

²¹ P. Hajdu. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie. AL, t. 14. Budapest, 1964, стр. 47—83.

²² О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. МИА, № 126, 1966.

²³ E. N. Setälä. Soome süge rahvoste eelajaludu. Tartu, 1932; V. N. Toivonen. Zur Frage der finnisch-ugrischen Uth Heimat. «Journal de la Societe Finno-Ougrien», 56:1. Helsinki, 1952; E. Itkonen. Die Vorgeschichte des Finnen aus der Perspektive eines Linguisten. «Ural-Altische Jahrbücher», XXXII. Wiesbaden, 1960.

²⁴ А. Х. Халиков. У истоков финно-угорских народов.

турное состояние на пороге эпохи металла. Раскрывается картина обитания в теплой полуземлянке, охоты с помощью лука и стрел, рыболовства с помощью довольно сложного ассортимента орудий, скромнейших начатков животноводства и земледелия, экзогамных родовых отношений и т. д.; металл выступает в поле зрения в украшениях»²⁵.

Но необходимо принять во внимание, что общность обозначения таких вещей, как медь и некоторые другие металлы, как свинья, поросенок или зерно, в ряде финно-угорских языков могла возникнуть и позднее распада финно-угорской общности. Я хочу сказать, что появление таких крупных культурных приобретений, как металл, домашняя свинья и возделывание злаков, вряд ли было конвергентным у древнефинских и древнеугорских племен, обитавших по обе стороны Уральского хребта. Каждое из этих новых культурных приобретений, появляясь в каком-то узком районе, относительно легко распространялось затем в родственной этнической среде по обе стороны Урала вместе со своим названием. Даже для более позднего времени, в эпоху бронзы, когда расхождение между древнефинской группой племен Приуралья и древнеугорскими племенами Зауралья стало более значительным, во всю эту колоссальную область по обе стороны хребта легко проникали бронзовые изделия одних и тех же типов, притом частью в виде готовых вещей из одних и тех же районов Обь-Иртышья. Даже для гораздо более позднего времени общеизвестно заимствование у иноязычных соседей совершенно чуждых названий вместе с заимствованными элементами культуры. Например, у манси Урала вся терминология, связанная с коневодством, имеет русское и коми происхождение, а связанная с оленеводством взята у ненцев, красноречиво указывая на источники заимствования коневодства и оленеводства. Термины же, обозначающие еще в глубокой древности металл, домашнюю свинью и зерно, были здесь с самого начала финно-угорскими; каждый из них возник в каком-то определенном пункте исконной финно-угорской территории, видимо, на юго-востоке и юге, и оттуда вместе с культурным приобретением быстро и широко распространился среди многих финно-угорских племен по обе стороны Урала тогда, когда в основном уже произошло их разделение на два крупных массива: западный, древнефинский, и восточный, древнеугорский. Так можно объяснить общность вышеуказанных финно-угорских терминов, возникших на протяжении эпохи бронзы, когда на той же территории в родственной этнической среде получил распространение сейминско-турбинский инвентарь медно-бронзовых изделий.

Анализируя обширный археологический материал области Урала и сопредельных местностей, нельзя не обратить внимания, что первая хорошо выраженная культурная дифференциация произошла во второй половине неолита, в III тысячелетии до н. э., когда в лесной зоне к западу от Урала, между Уралом и Волгой и еще западнее, обитали неолитические племена, выделявшие глиняную посуду с зубчатым орнаментом, а к востоку от Урала, между Уралом и Обью и еще восточнее — племена, выделявшие посуду с зубчатым и волнистым, струй-

²⁵ Д. В. Бубрих. О советском финно-угроведении. СЭ, 1949, № 2, стр. 192.

чатым орнаментом и все еще применявшие орнаментацию методом «отступающей лопаточки»²⁶. Это разделение до того единого или очень сходного культурного ареала необходимо поставить в связь с распадом древнего финно-угорского единства, с выделением древнего пермско-финского и древнеугорского массивов.

Представляет существенный интерес соотношение археологических данных с выводами языковедческой науки о локализации прародины финно-угров. В плане общего подхода к этому вопросу следует учесть, что в финно-угорских языках отсутствует слово, обозначающее море²⁷, а многочисленные общие названия деревьев — сосны, кедра, лиственницы, ивы, березы, вяза (у маньси, ханты, венгров, коми, марийцев, мордвы суоми)²⁸ говорят о жизни в лесной зоне. Для более точной локализации в пределах этой ландшафтно-географической зоны служат ареалы произрастания, с одной стороны, лиственницы, которая распространена в Сибири и на Урале (включая и Южный Урал), заходя на европейский Северо-Восток между Уралом и Белым морем, и, с другой стороны, вяза, который распространен в Европе и отсутствует к востоку от Урала²⁹. Все же известно, что разновидность вяза — *Ulmus montana* — встречается и на восточных склонах Урала. Очень важен и ареал кедра, который указывает на Западную Сибирь и северо-восточную часть Европы³⁰.

Из сопоставления ареалов лиственницы, вяза и кедра видно, что территорией, где эти древесные породы входят в состав леса, является Прикамье, Средний Урал и, видимо, его восточные склоны. Если добавить к этому, что общими для финно-угров являются названия меда и диких пчел, обитавших лишь в пределах Европы, то в итоге обрисовывается территория Прикамья и Среднего Урала как наиболее вероятная область обитания древнейших финно-угров. Этому мнению в последнее время придерживается большая часть лингвистов.

По теории, разработанной О. Доннером, Сетяля, Паасоненом и другими, «финно-угорский пранарод в III тысячелетии до н. э. проживал к западу от Урала, в окрестностях рек Волги, Камы и Белой, где находилась так называемая финно-угорская прародина»³¹.

К этому мнению присоединились и венгерские ученые. Так, М. Жириаи приходит к предположительному выводу, «что прародина финно-угров находилась в Европе, на древней территории распространения пчелы, т. е. в северной части Европы, в районе распространения пихты, северного

²⁶ О. Н. Бадер и В. Н. Чернецов. Мезолитические и неолитические племена Урала, Западной Сибири и Прикамья. «История СССР с древнейших времен до наших дней». М., 1966; В. Н. Чернецов. Опыт выделения этно-культурных ареалов в Северо-Восточной Европе и в Северной Азии. Сб. «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Томск. 1969; О. Н. Бадер. Уральский неолит. Сб. «Каменный век. Археология СССР», т. I. М., 1970, стр. 157.

²⁷ E. Itkonen. Die Vorgeschichte des Finnen...

²⁸ P. Haidu. Über die alter Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie.

²⁹ Г. В. Крылов. Леса Западной Сибири. М., 1961.

³⁰ Петер Хайду. К этногенезу венгерского народа. «Acta Linguistica», t. 11, f. 3—4. Budapest, 1953, стр. 264.

³¹ Петер Хайду. Указ. соч., стр. 248.

олени и можжевельника»³². По его мнению, «прародину финно-угров следует искать на северо-востоке Европы, точнее говоря, в лесной полосе между излучиной Волги и Уральскими горами, в районе рек Камы и Белой»³³.

По мнению советского лингвиста Д. В. Бубриха, для древних финно-угров «раскрывается картина обитания в теплой полужемлянке», а для района их обитания — «картина климата со снегом и льдом зимою, растительностью южного пояса лесной полосы, животного мира бассейна Волги без низовья»³⁴. Ссылаясь на одну из работ Л. С. Берга, этот автор отмечает отсутствие старых финно-угорских названий вневолжских рыб, например угря и лососевых³⁵.

Последнее утверждение могло бы иметь очень большое значение, имея в виду существенную роль рыболовства в жизни древнего населения Севера. Однако недавно Б. А. Серебрянниковым опубликовано специальное исследование, посвященное гидронимике Севера на -еньга, -юг, -юга, -уга, -ым, -ум и связанным с нею названиям рыб³⁶. Определяя эту гидронимику как древнюю финно-угорскую и исходя из наиболее вероятной предпосылки, что первая часть каждого гидронима должна содержать обозначение цвета воды, характера речного русла, название водоплавающих и лесных птиц, лесных зверей и различных рыб, типичных для рек и озер данной местности, автор приходит к заключению, что гидронимы бассейнов Печоры, Мезени, Северной Двины (включая Сухону и Юг), Онеги, Ветлуги, Вятки и верхней Камы содержат названия рыб в мансийском, хантыйском, венгерском, коми-зырянском, отчасти мордовском и финском, а также в самодийских языках. Это относится к перечню всей основной части промысловых рыб, в том числе и лососевых; последние расшифровываются из саамского языка, лососевые таймень и нельма — из хантыйского и мансийского языков. Таким образом, названия верхневолжских рыб в старом финно-угорском субстрате на северо-востоке имеются, и этот аргумент Д. В. Бубриха для локализации их прародины только к западу от Уральского хребта отпадает.

За включение Зауралья, а может быть и более обширных пространств Западной Сибири в прародину финно-угров говорят и ареалы некоторых животных, названия которых являются общими в финно-угорских языках. Так, если пчела и норка были распространены только в Европе, то соболь и бурундук являются типично сибирскими зверьками. Учитывая все данные «и прежде всего реальные соображения, относящиеся к бытовым условиям финно-угорских родов», П. Хайду допускает, «что область, обитаемая ими, распространялась и на восточную сторону Урала, перейдя в Западную Сибирь»³⁷.

³² Zsrai Miklós. Finnugor rokonságunk. Budapest, 1951.

³³ Там же, стр. 116.

³⁴ Д. В. Бубрих. О советском финно-угроведении, стр. 192.

³⁵ Там же.

³⁶ Б. А. Серебрянников. О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике русского Севера. «Советское финно-угроведение». III, 3. Таллин, 1967.

³⁷ Петер Хайду. Указ. соч., стр. 271.

Данные археологии, как уже указывалось, тоже свидетельствуют в пользу включения Зауралья в древнейшую область финно-угров, а также о происшедшем в середине неолитической эпохи разделении обширной территории древнейших финно-угров на две части: восточноуральскую и западноуральскую. В Зауралье культура с керамикой, украшенной зубчатым и волнистым орнаментом, сходна с культурой приуральского неолита с керамикой с зубчатым орнаментом, но не тождественна ей, и разделение древнего ареала уральской неолитической культуры на две историко-культурные области вполне очевидно, тем более что это подтверждается не только особенностями керамики.

Этническая принадлежность двух указанных групп уральских неолитических племен, устанавливаемая ретроспективным путем, также вряд ли подлежит сомнению: в Прикамье от неолита до средневековых пермско-финских культур существует преемственная связь³⁸; такая же связь может быть прослежена между неолитом Зауралья и этническими культурами манси и ханты Северного Зауралья и более широкой области горного Урала, что хорошо показано исследованиями В. Н. Чернецова³⁹.

Наша теория о времени и археологическом содержании раздвоения древнего финно-угорского массива находит подтверждение в трудах крупнейшего финского лингвиста Э. Н. Сетяля. Последний, опираясь на следы древних контактов финно-угорских и индо-европейских языков, создал теорию, согласно которой «финно-угорская эпоха» длилась, возможно, до 2500 лет до н. э., с оговоркой, что эта эпоха может быть отнесена и к более глубокой древности; в соответствии с нашей теорией, по Сетялю, разделение произошло у грани между 4 и 3 тыс. до н. э., т. е. около середины неолитической эпохи.

В это время, по тому же автору, угры окончательно отделились от остальных угро-финнов. После отделения угров в западной области древнего финно-угорского массива началась «финно-пермская эпоха», которая длилась до 1000 года до н. э., т. е. если мы переведем эту цифру на язык археологии — до конца бронзового века, или до начала его последнего, ерзовского этапа в основной части камского Приуралья. В «финно-пермскую эпоху», по Сетялю, выделились пермские финны и продолжали жить вместе лишь предки современных поволжских финно-угров и прибалтийских финнов. «Финно-волжская эпоха» закончилась, по-видимому, в последние века до нашей эры⁴⁰.

Более или менее сходные даты мы находим и у других языковедов.

Указанные соответствия во времени этапов этнической истории древнейших финно-угров, устанавливаемые по лингвистическим и археоло-

³⁸ О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.

³⁹ В. Н. Чернецов. К вопросу об этническом субстрате...; он же. Происхождение уральского неолита. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968; он же. Опыт выделения этно-культурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии, стр. 115.

Е. N. Selätä. Suomensukuisten kansojen enchistoria. «Sumen suku», I. Helsinki, 1926, стр. 163; он же. Soome sugu rahvaste eelajalugu. Tartu, 1932, стр. 44. Использую по: П. А. Ариста. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956.

гическим данным, позволят дать обобщенную характеристику этих этапов и их историко-культурного содержания.

В период таяния и сокращения размеров покровного оледенения в конце плейстоцена и раннем голоцене люди впервые заселили Север и Северо-Запад Европы. В этом процессе наряду с южной волной переселенцев существенную роль играла восточная волна, которую питало древнейшее население Приуралья, о чем свидетельствует, как было показано выше, археологический и палеоантропологический материал. Мезолитические культуры Севера-Запада — комса («арктический палеолит»), аскола, субмусьярви — в основном имеют макролитический характер, так же как ранний, аборигенный мезолит Урала и некоторые северные мезолитические памятники промежуточной территории⁴¹. Как указывалось, возраст ряда мезолитических памятников Севера подтверждается радиоуглеродными датами, указывающими на VI и VII тысячелетия до н. э.

Археологические данные свидетельствуют, что мезолитическое население нашей лесной полосы и Севера вело подвижную жизнь охотников, не имело прочных долговременных жилищ, обитало в легких шатрах с очагами, не пользовалось глиняной посудой, но употребляло лук и стрелы, весла и лодки и сани-нарты с желобообразными полозьями. Близкое общение с Уралом и Сибирью подтверждают находки в Северной Прибалтике монголоидных черепов, а также изделий из кедра, западные пределы ареала которого находятся в Приуралье.

К этому мезолитическому времени наиболее правдоподобно относить существование древнейшей и широкой уральской языковой общности, включавшей предков как угро-финнов, так и самодийцев. К этому же времени есть основания отнести и начало тесных контактов древних уральцев с праиранцами, следы которых можно видеть во внедрении на территории Урала мезолитических племен из областей Прикаспия.⁴²

Обращаясь к древнейшим предкам финно-угров, лингвисты характеризуют их как охотников и рыболовов высшей ступени дикости, условия существования которых принуждали их «к частым переменам местожительства, к кочевому образу жизни», что в свою очередь объясняет и расселение сравнительно малочисленного населения на столь значительной территории⁴³. В это время предки финно-угров близко соприкасались с предками самодийцев, еще не отделились от них и жили совместно.

По мнению П. Хайду, лингвистические факты, которые бы указывали на принадлежность древнейших финно-угров к периоду варварства, отсутствуют; «общество финно-угорских родов окончилось при переходе к низшей ступени варварства»⁴³. Вряд ли положение финно-угорского языкознания справедливо, но оно подтверждает стремление автора приурочить существование более древней, уральской языковой общности к эпохе мезолита, а может быть и позднего палеолита⁴⁴, когда Северо-Запад

⁴¹ О. Н. Бадер. Мезолит Прикамья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. МИА, № 126, 1966.

⁴² Петер Хайду. Указ. соч., стр. 271.

⁴³ Там же, стр. 272, 276.

⁴⁴ Представляется правдоподобным мнение В. Ф. Генинга, что зарождение древнейших языковых общностей происходило уже в период становления членораздель-

Европы впервые осваивался человеком. Возможно, что дифференциация самодийских и финно-угорских групп относится также еще к мезолиту, но археологический материал пока не дает оснований для такого утверждения. Поэтому отделение от самодийцев и существование еще целостной финно-угорской общности мы относим к первой половине неолита, когда господствовала круглодонная керамика с накольчато-волнистым орнаментом и орнаментацией «отступающей лопаточкой». Становление этой культуры, распространенной на Европейском Севере и на Урале, имело место 4000 лет до н. э. Тогда же произошло и формирование финно-угорского языка-основы; по данным лингвистики, это произошло в течение IV—III тысячелетий до н. э.⁴⁵

Ко времени финно-угорского единства относится и неолитическая культура сперрингс в Карелии, возникшая здесь, по Г. А. Панкращеву и В. Лухо⁴⁶, на основе мезолитических культур аскола и суомусъярви, относящихся еще ко времени существования уральского языкового единства. Но древний язык саамов принадлежал к самодийской группе. Надо полагать, что керамика сперрингс, близкая финно-угорской «накольчато-прочерченной», но принадлежавшая, по всей вероятности, саамам, была воспринята ими от соседей финно-угров значительно раньше того времени, когда саамы усвоили финский язык; естественно, эта керамика приобрела своеобразные местные особенности. В своей последней работе В. Лухо доказывает автохтонность культуры сперрингс.

О неолитической культуре периода финно-угорской общности, т. е. IV тысячелетия до н. э., мы знаем не так много, как о более позднем этапе неолита. Памятники этого времени лучше изучены в Зауралье (козловский этап) и в Среднем Поволжье. Судя по археологическим данным, люди жили в лесной стране уже оседло, на берегах рек и озер, в долговременных, а в периоды сезонного промысла во временных жилищах, занимались охотой, рыболовством и собирательством, пользовались каменными, костяными и деревянными орудиями и круглодонной и изредка плоскодонной глиняной посудой с накольчато-прочерченным орнаментом, не знали металла.

По лингвистическим данным, образ жизни, хозяйство и быт времени финно-угорской общности характеризуются следующим образом⁴⁷. Реконструируется занятие охотой и рыболовством. Об этом свидетельствует множество общих в финно-угорских языках охотничьих терминов и на-

---

ной речи и сложения основ современных языковых систем, в палеолите (В. Ф. Генинг. К вопросу о происхождении уральской этнической (языковой) общности. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV. Ижевск, 1967).

Вероятнее всего к палеолиту — к концу плейстоцена или к самому началу голоцена — может относиться древнейший «палеоевразийский» топонимический слой, намечаемый А. К. Матвеевым на европейском Севере и в Сибири (А. К. Матвеев. Проблема «палеоевразийского» слоя в топонимике русского Севера и Сибири. Сб. «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Томск, 1969).

⁴⁵ Петер Хайду. Указ. соч., стр. 307.

⁴⁶ Ville Luho. Die Kammerkeramische Kultur und die finno-ugrische Frage. «Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum», 23—28.VIII, 1956. Helsinki, 1965.

⁴⁷ Используем здесь главным образом работу П. Хайду «К этногенезу венгерского народа».

званий животных: стрелять, стрела, лук, тетива, колчан, копьё, лисица, куница, бобр, тетерка, куропатка, лебедь, гусь, гагара и т. п.; были распространены капканы, силки, петли.

От древнего рыболовства сохранились общие названия рыб: жерех, лещ, налим, линь и рыболовных орудий: сеть, забор, котец, поплавок, удочка. Рыба употреблялась в пищу преимущественно в сыром или сушеном виде.

Но пища готовилась и на огне: имеются понятия огонь, пламя, гореть, варить, печения рыбы на жаровне или варки ее в горшках; обозначения котла и кувшина.

Горшок, котел, кувшин, так же как развитое рыболовство, указывают на уже неолитическое время.

Кроме того, они питались различными ягодами, мучнистыми корнями, клубнями (слова: земляника, корень, кисловатая черешня, почка, лесной орех), которые употреблялись в сыром виде или готовились путем варки или поджаривания.

Аргументы в пользу земледелия и животноводства, по мнению самих лингвистов, шатки и неубедительны. Финно-угорские названия лошади и крупного рогатого скота неизвестны. Устанавливается лишь собаководство, имевшее к тому же здесь глубокие корни.

Что касается знакомства с пчелами и медом, то это не означает существования пчеловодства: видимо, речь может идти лишь о хищническом поведении медом диких пчел, обрекавшем последних на гибель.

Как уже указывалось, финно-угры жили в теплых полуполуземлянках⁴⁸, что также вполне соответствует археологическим данным. Что касается обстановки жилища, то о ней говорят такие слова финно-угорского происхождения, как, например, постель, порог, столб, колыбель и даже стол, — собственно, «земляное возвышение», которое не раз встречено нами в более поздних (бронзовой эпохи) полуполуземлянках в Среднем Прикамье.

Верхняя одежда изготовлялась из мехов и шкур, рыбой и птичьей кожи; имеются финно-угорские слова ремень, пояс, рукава, обувь из кожи северного оленя; о технике изготовления говорят понятия шить, игла, вязать, узел. Значительное место занимала обработка дерева, кож и особенно древесной коры.

Древние финно-угры умели плести сети, очищать шкуры от шерсти. Для транспорта использовали лодки, зимой лыжи и сани.

Они умели считать; у них существовало понятие торгового обмена.

Имеются слова, обозначающие различные орудия (шило, нож, топорик, рукоятка) и рабочие действия (сверлить, точить, долбить). Орудия изготовлялись главным образом из камня и кости. Применение металлов, ихковка и литье «не могут быть причислены к характеристическим чертам материальной культуры финно-угров»⁴⁹. Как видим, и здесь полное соответствие материальной культуре неолита.

По исследованиям Н. Н. Чебоксарова, уральский антропологический тип, отличающийся ослабленно монголоидными чертами, является пре-

⁴⁸ По Д. В. Бубриху.

⁴⁹ Петер Хайду. Указ. соч., стр. 281.

обладающим в антропологическом составе большинства финно-угорских и самоедских народов, хотя среди них хорошо представлены и различные европеоидные типы. По его мнению, трудно допустить, что все эти типы существовали у финно-угров в период их языкового единства, и для этого периода можно предполагать уральский расовый облик населения⁵⁰.

Процесс распада финно-угорского единства произошел не сразу. Лишь очень постепенно некоторые диалекты языка, приобретя самостоятельность, потеряли способность переживать общие процессы развития. По данным лингвистики, распад финно-угорского единства совершился предположительно в III или II тысячелетии, по Сетяля — около 2500 лет до н. э., по Хайду и Жираи — около 2000 лет. Но П. Хайду оговаривается: «что касается хронологии разложения финно-угорского языкового единства, точное определение ее невозможно»⁵¹. Опираясь на археологические материалы, я считаю нужным несколько удревнить эту дату и довести ее примерно до 3300 г. до н. э., когда произошло первое хорошо фиксируемое разделение неолитической культуры на две части: восточно-уральскую и западноуральскую. Приблизительно к этому времени относятся и разложение индоевропейского праязыка (у грани между IV и III тысячелетиями до н. э.).

Указанная крупная культурная дифференциация иллюстрирует распад древнего финно-угорского праязыка на две части, из которых затем выделились дальнейшие языковые группы и языки.

Поздненеолитическое население Зауралья говорило на угорском языке-основе, население Приуралья — на пермско-финском языке-основе.

Восточноуральская группа памятников развитого и финального неолита прошла на протяжении примерно от 3300 до 2200 лет до н. э. через два этапа развития: полуденский и сосновоостровский, продолжала сохранять своеобразие в энеолите, на липчинском этапе (2200—1800 лет до н. э.) и в эпоху бронзы, на аятском этапе (в середине II тысячелетия до н. э.) и позже. Она характеризуется поселениями на берегах рек и озер, иногда защищенными оградами, с недлинными полуземлянками четырехугольной формы, с бревенчатыми стенами; посуда обычно из глины с примесью талька, толченого сланца и слюды, полуяйцевидной формы, с густым гребенчатым и прочерченным волнистым орнаментом, в более позднее время выполненным с помощью зубчатого штампа; кремневые орудия высокой техники, большой процент шлифованных орудий, в том числе сланцевых ножей, тесел русско-карельского типа и своеобразных топоров-тесел с боковыми цапфами, особенно широко распространенных в Сибири. Среди поселений нередко располагаются круглые курганообразные насыпи из культурного слоя с обильными остатками золы и угля — наиболее вероятно культовое происхождение этих еще мало изученных насыпей.

Западноуральская или волго-камская группа памятников развитого и финального неолита прошла на протяжении от 3300 до 2200 лет до н. э.,

⁵⁰ Н. Н. Чебоксаров. К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы. СЭ, 1952, № 1.

⁵¹ Петер Хайду. Указ. соч., стр. 297.

т. е. в то же время, также два этапа в своем развитии — боровоозерский и хуторской, а затем и чернашинский или левшинский, энеолитический, длившийся примерно от 2200 до 1800 лет до н. э. Она характеризуется аналогичными поселениями на берегах рек и озер, но без оград вокруг них, длинными жилищами-полуземлянками с бревенчатыми стенами и с боковыми нишами и вытянутыми по средней линии кострищами-очагами; посуда лепилась из глины без примесей талька, с примесью песка и дресвы, имела полужайцевидную, закрытую форму и украшалась горизонтальными зонами оттисков зубчатого штампа лишь с очень незначительной примесью прочерченных линий и неостродонных ямочных вдавлений; курганообразные насыпи из культурного слоя к западу от Урала отсутствуют⁵².

Племена как зауральской, древнеугорской, так и приуральской, пермско-финской историко-культурных областей жили по-прежнему охотой и рыболовством и сохраняли в основном древний бытовой уклад. Но они расселились на более широкой территории на севере, востоке и западе, а у своих южных соседей впервые познакомились с зачатками производящего хозяйства: земледелия и животноводства.

Данные языка (13 этимологий), приводимые И. Х. Тойвоном, указывают на появление земледелия в финно-пермскую эпоху. Археологические следы возникающего земледельческого производства можно видеть в каменных наконечниках мотыг, известных в это время на поселениях по обе стороны Урала.

Лингвистика же устанавливает, что «животноводство у финно-угорских народов возникло только после прекращения первоначальной языковой общности»⁵³, но точнее хронология не определяется. Первые археологические следы домашних животных в последнее время зафиксированы на позднеэнеолитических памятниках Южного Урала (в раскопках Г. Н. Матюшина).

К западу от Урала позднеэнеолитическая культура с зубчатой по орнаменту керамикой занимала все Прикамье, включая бассейны Чусовой до среднего течения и Белой почти до верховий, значительную часть средней Волги вниз и вверх от камского устья и заходила на север в бассейны Печоры, Вытегры, а на северо-западе достигала Верхнего Поволжья.

Период существования этой позднеэнеолитической культуры в Приуралье длился более тысячи лет и был временем пермско-финского языкового единства. Но западные диалекты этого языка на нижней Каме и на средней Волге в течение этого периода все более обособлялись и постепенно складывались в волжско-финский язык-основу. «Как из финно-угорского праязыка выделились угорский и финно-пермский праязыки, точно так же выделились из последних языки, из которых некоторые также стали языками-основами. Из дифференциации угорского праязыка создавались обско-угорский праязык и язык правянгерцев, а из финно-пермской ветви развились финно-приволжский и пермский праязыки, служив-

⁵² О. Н. Бадер. Уральский неолит.

⁵³ Петер Хайду. Указ. соч., стр. 280.

шие основой для выделения языков мордвы, мари и прибалтийских финнов, с одной стороны, и языков коми и удмуртов — с другой»⁵⁴.

Разложение финно-пермского языкового единства, результатом которого явилось обособление и формирование финно-волжского языка-основы, очень хорошо иллюстрируется и конкретизируется в Волго-Камье на археологическом материале.

У границы III и II тысячелетий до н. э. на базе волго-камской, пермско-финской неолитической культуры формируются две крупные культуры эпохи раннего металла: турбинская на северо-востоке и волосовская на юго-западе. Они существуют на протяжении первой половины II тысячелетия до н. э. и отчасти его третьей четверти и имеют многие родственные черты.

Турбинская культура продолжает развиваться на месте, постепенно расширяет своей ареал на Северное Приуралье и образует ту основу, на которой в дальнейшем формируются пермско-финские культуры железного века⁵⁵.

Волосовская культура⁵⁶, возможно, частью под давлением появившейся в Среднем Поволжье индоевропейской балановской культуры, распространяется на запад, в область чуждой ей неолитической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой и, постепенно ассимилируя ее, достигает Прибалтики, о чем свидетельствуют многие памятники Волго-Окского края, Калининской, Псковской, Новгородской и Вологодской областей, Латвии, Эстонии и Карелии. Памятники волосовского типа на указанной территории иллюстрируют распространение древнефинского населения с востока⁵⁷. В процессе дальнейших исследований они, без сомнения, будут подразделены на несколько локальных культур, которые лягут в основу истории формирования различных как западных, так и волго-финских этнических групп.

Имеются некоторые данные и о продвижении пермско-финских турбинских племен далеко на запад, но севернее волго-финских волосовских племен. Так, поселения, близкие галовскому, печорскому варианту турбинских поселений, недавно обнаружены А. А. Куратовым на Зимнем берегу Белого моря⁵⁸, А. К. Матвеевым⁵⁹ следы пермской топонимики установлены вплоть до Северной Двины и Онеги. Весьма сходны с тур-

---

⁵⁴ Петер Хайду. Указ. соч., стр. 297.

⁵⁵ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952). «Ученые записки Пермского госуд. университета», т. IX, вып. 3. Харьков, 1953; он же. Поселения турбинского типа в среднем Прикамье. МИА, № 99, 1961; он же. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции ИА АН СССР, вып. 2. М., 1961; он же. Древнейшая история Прикамья. М., 1963.

⁵⁶ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. «Труды ГИМ», вып. XXII. М., 1953; А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

⁵⁷ O. Bader. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMVA, 59: 1. Helsinki, 1957; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге; А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья.

⁵⁸ А. А. Куратов. Доклад на пленуме ИА АН СССР в апреле 1969 г.

⁵⁹ А. К. Матвеев. Субстратная топонимика русского Севера. «Вопросы языкознания», 1964, № 2.

бинскими материалы с некоторых поселений Карелии (типа Соломенного IX)⁶⁰ и еще дальше на запад, — культуры Екерле⁶¹.

Турбинская и волосовская археологические культуры, единые по происхождению и достаточно близкие по составляющим их элементам, иллюстрируют уже ясные следы внедрения в хозяйство древнего металла, животноводства, и, вероятно, мотыжного земледелия. Эти крупные нововведения соответствуют и положениям финно-угорской лингвистики о том, что во время ознакомления с металлами и распространения их утилизации происходило обособление племен⁶², и о том, что первые языковые следы занятий скотоводством и земледелием «проявились... в эпоху угорского, финно-пермского и финно-поволжского праязыков»⁶³. Формирование турбинской и волосовской историко-культурных областей и значительное расширение их пределов подтверждает и положение лингвиста о том, что среди факторов, стимулировавших развертывание самостоятельности диалектов языка-основы, существенную роль играли переселение в другую область и преобразование основного способа производства⁶⁴, преобразование основ хозяйства. Но имеется и несоответствие в хронологии: так, разложение финно-пермской группы и обособление волго-финских языков от пермско-финских, по мнению большинства лингвистов, произошло приблизительно в 1000 г. до н. э., а по мнению венгерского лингвиста Жирян — даже несколько позже, что совпадает с началом ананьинской эпохи⁶⁵. Но археологический материал фиксирует этот распад в более раннее время, на 1000 лет раньше. Ананьинская же культура в Прикамье является лишь следующим звеном, связывающим турбинскую культуру с этническими пермско-финскими культурами удмуртов и коми, так же как синхронная ананьинской культура городищ дяковского и городецкого типов служит звеном, соединяющим этнические культуры волжских финнов — марийцев, мери, муромы, мордвы и других — через культуру с «текстильной» керамикой с волосовской культурой.

Итак, племена, принесшие с собой из Волго-Камья волосовскую культуру, были древнейшими носителями финской культуры в Средней России. Они распространялись в Волго-Окском крае, заселенном неолитическими племенами, выделявшими ямочно-гребенчатую керамику, долгое время жили чересполосно с ними, но в течение II тысячелетия до н. э. полностью ассимилировали их. Именно в волосовское время начала складываться в Средней России и финно-угорская топонимика, лишь отчасти включившая в себя более раннюю топонимику на -га, -ша, -ма.

В течение II тыс. до н. э. в Средней России появлялись и оседали многие племена пришельцев: балановские и фатьяновские, принадлежавшие

⁶⁰ Г. А. Панкрусев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964.

⁶¹ В. П. Третьяков. О связи древних племен Юго-Западной Финляндии и Прикамья во II тыс. до н. э. V Уральское археологическое совещание (тезисы докладов и сообщений). Сыктывкар, 1967.

⁶² Петер Хайду. Указ. соч., стр. 281, примеч. 134.

⁶³ Там же, стр. 295.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, стр. 305.

к обширному кругу индо-европейских племен с бомбовидной керамикой и каменными сверленными боевыми топорами; поздняяковские, родственные соседним с юга индо-иранским племенам срубной культуры; абашевские, рассматриваемые мною уже как продукт местных ассимилятивных процессов. Эти племена принесли в Волго-Окский край более прогрессивное производящее хозяйство, но были недостаточно многочисленными, не оставили заметных следов в местной топонимике и постепенно были полностью ассимилированы местной волго-финской волосоской средой, прочно освоившей этот обширный край в более раннее время ⁶⁶.

Указанный ассимилятивный процесс привел к формированию новой археологической культуры, представляющей собою снова слитное, целостное образование. Характерным признаком этой культуры является круглодонная и плоскодонная керамика с текстильными отпечатками на наружных стенках ⁶⁷.

Сложение культуры с «текстильной» или «сетчатой» керамикой нельзя связывать с какой-то одной из более ранних культур, хотя ее элементы и встречаются чаще на поздняяковских поселениях. Ее образование явилось актом нивелировки, слияния всех разнородных элементов, которые впитал в себя Волго-Окский край и соседние с ним районы в предшествующие века богатыми событиями II тыс. до н. э.; существование уже сложившейся культуры с «текстильной» керамикой можно приурочить к последней четверти II тысячелетия и к началу I тысячелетия до н. э.

Возникшая новая культура была вполне монолитна, хотя со временем в ней, несомненно, будут выделены локальные варианты. Она характеризуется многочисленными поселениями, более поздняя часть которых содержит наиболее чистый комплекс «текстильной» керамики. Собранный на них материал характеризует развитую земледельческую культуру с уже упавшим кремневым инвентарем, что является признаком, параллельным с прогрессом в употреблении металлических (бронзовых, а затем и железных) орудий.

Непосредственная историческая связь позднебронзовой культуры с «текстильной» керамикой и культурой городищ дяковского типа, возникающей в первой половине I тысячелетия до н. э. и доживающей до второй половины I тысячелетия до н. э., не подлежит сомнению, так же как и связь дяковской культуры с раннеисторическими финноязычными племенами той же территории ⁶⁸. Тем самым устанавливается и финноязычность населения культуры с «текстильной» керамикой. Поселения племен этой культуры можно рассматривать как памятники раннего этапа дяковской культуры.

Таким образом, происходившие на рассматриваемой территории на протяжении в основном II тыс. до н. э. этнические сдвиги и скрещения древнейших волго-окских, финно-угорских, индо-европейских и индо-иранских групп в конечном счете привели к победе финских языков,

⁶⁶ О. Н. Бадер. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.

⁶⁷ О. Н. Бадер. Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе. СА, 1966, № 3, стр. 32.

⁶⁸ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961.

первыми носителями которых здесь были племена с культурой волосовского типа.

Очень важен вопрос отношения культур волосовского типа в Средней России с культурами Прибалтики, но он пока слабо изучен, так же как и археологическая сторона взаимоотношений между самодийскими и угро-финскими группами в Зауралье. Эстонский языковед П. А. Аристэ подтверждает, что «предки прибалтийских финно-угров переселились в своем большинстве в Прибалтику и в соседние с ней области, по-видимому, с востока, но о времени этого переселения мнения лингвистов очень различны». По гипотезе финского исследователя финно-угорских языков Ю. Х. Тойвонена, отделение друг от друга поволжского и прибалтийского языков-основ произошло примерно за 1000 лет до н. э. и лишь после этого предки прибалтийских финнов направились в Прибалтику. Но П. А. Аристэ полагает, что «предшественник всех современных прибалтийских языков — прибалтийский язык-основа, по-видимому, существовал как таковой уже в IV—III тысячелетиях до н. э. Во II, а возможно, уже в III тысячелетии до н. э. этот язык имел такие диалектные различия, которые легли в основу позднейших прибалтийских языков»⁶⁹. С точки зрения археологии гипотеза П. А. Аристэ представляется более правильной.

Цело в том, что по исследованиям Л. Ю. Янитса и Н. Н. Гуринной, в Северной Прибалтике как раз в IV и III тысячелетиях до н. э. появляются неолитические памятники, обнаруживающие по ряду признаков черты близости памятникам волосовского типа (например, стоянка Кяапа в Эстонии, стоянки близ Нарвы и др.)⁷⁰. Древнейшие из них получили радиоуглеродные даты более ранние, чем принятые датировки памятников волосовского типа. Это обстоятельство, по мнению некоторых археологов, ставит вопрос о распространении волосовской культуры не с востока, из Волго-Камья, а с запада, из Прибалтики.

Вопрос о соотношении волосовских и близких им прибалтийских памятников оставим пока открытым. Он требует безотлагательного специального изучения. Но близость этих двух групп археологических памятников друг другу остается вне сомнений.

Пока для памятников волосовского типа в нашем распоряжении имеет-ся только одна радиоуглеродная дата: 4720 ± 50 (для стоянки Плещеево IV близ Переславля-Залесского)⁷¹. Эта дата, т. е. около 2770 лет до н. э., если она будет подтверждена на других памятниках, уравнивает во времени памятники волосовского типа на Русской равнине с памятниками нарвской культуры в Прибалтике. Если же подтвердится более ранний возраст прибалтийских памятников, то заранее может быть выдвинута следующая рабочая гипотеза: волны волосовских переселенцев из Волго-

⁶⁹ П. А. Аристэ. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 25.

⁷⁰ Л. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959; Н. Н. Гурина. Из истории древних племен западных областей СССР. МИА, № 144, 1967.

Сб. «Верхний плейстоцен». М., 1966, стр. 275.

Камня, постепенно покрывшие всю Среднюю Россию, встретили в Северной Прибалтике население с близкой культурой, сложившейся здесь на родственной уральской мезолитической основе.

При решении вопросов древнейшей истории Прибалтики и истории прибалтийских финнов, наряду с лингвистическими и археологическими материалами, очень важную роль играют и данные об антропологическом составе древнего населения. Сейчас становится «все более и более несомненным, что население это уже в IV и III тысячелетиях до н. э. не было однородным в расовом отношении, но состояло из представителей двух больших рас — европеоидов и монголоидов,— постепенно смешивающихся между собой»⁷².

Например, среди обильного палеоантропологического материала Оленеостровского могильника на Онежском озере при общем преобладании европеоидного расового типа, близкого кроманьонскому, выделяется несколько черепов с хорошо концентрированными монголоидными признаками. По мнению Е. В. Жирова, изучавшего этот материал, «антропологические особенности Южного Оленьего острова возникли в результате метисации высокорослых, весьма широколицых, хамеоконных европеоидов, т. е. кроманьонцев, с более малочисленной монголоидной популяцией»⁷³. Носители культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Прибалтике антропологически принадлежали к промежуточной группе между монголоидными и европеоидными и могли проникнуть в Прибалтику только с востока⁷⁴.

Смешанный, монголоидно-европеоидный тип хорошо представлен и среди черепов из могильника Караванха Вологодской области, относящегося ко II тысячелетию до н. э.⁷⁵ «Некоторые из этих черепов обнаруживают черты сходства с современными лапоноидными формами, для которых также характерно сочетание европеоидных и монголоидных особенностей (при очень специфическом общем морфологическом облике)»⁷⁶. С тем же лапоноидным типом, по Г. Ф. Дебецу, сближаются и волосовские черепа из Языкова на верхней Волге⁷⁷ и из Волосова на Оке. Аналогичны черепа и из Риннекальса в Латвии⁷⁸, так же как и черепа из Шигирского торфяника⁷⁹. Некоторые древнейшие черепа на территории Эстонии, происходящие из погребений на стоянках Нарва I и III, также иллюстрируют присутствие монголоидной примеси⁸⁰.

⁷² Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., стр. 41, 42.

⁷³ Е. В. Жиров. Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова. КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 54.

М. В. Вигор, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология Восточной Прибалтики. «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 1—2. М., 1959, стр. 158 и сл.

⁷⁵ М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949, стр. 88 и 89.

⁷⁶ Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., стр. 42.

⁷⁷ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М., 1948, стр. 87.

⁷⁸ Г. Ф. Дебец. Указ. соч., стр. 95.

⁷⁹ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. «Труды Института этнографии», новая серия, т. XXVIII. М., 1955, стр. 408—414, рис. 158.

⁸⁰ К. Ю. Марк. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 224.

Таким образом, «присутствие монголоидных компонентов в составе неолитического населения лесного севера Восточной Европы и Зауралья можно считать твердо установленным. Компоненты эти на рассматриваемой территории с глубокой древности смешивались с массивными европеоидными типами кроманьонского облика, ярко выраженными, например, среди известных ладожских черепов⁸¹ или среди костных находок из различных стоянок Эстонии, относящихся ко II тысячелетию до н. э.⁸² Нет ни малейшего сомнения, что монголоидные и европеоидные типы, принадлежащие к двум различным большим расам, не могли возникнуть одновременно в пределах одной и той же географической области. Учитывая сравнительно позднее заселение людьми лесного европейского Севера (в мезолите и раннем неолите), следует предполагать, что как монголоиды, так и европеоиды проникли сюда различными путями в уже сложившемся виде. Монголоиды могли распространиться, очевидно, только с востока, из-за Урала, где в Центральной Азии находилась по всем данным область их формирования»⁸³. Этот вывод, сформулированный Н. Н. Чебоксаровым уже почти 20 лет тому назад, подтвержден за это время новыми находками черепов в Нарве и Урале и данными о древнейшем заселении Северного Приуралья, что не меняет сущности высказанной концепции.

Как было показано, палеоантропологический материал подтверждает положение о заселении Прибалтики и нашей лесной полосы с юга европеоидами и с востока людьми ослабленно монголоидного типа⁸⁴, который есть основание связывать с Зауральем в эпоху уральской языковой общности, а в эпоху волго-финской общности с волосовскими племенами. Данные палеоантропологии не могут служить для обоснования гипотезы о расселении из Прибалтики в Среднюю Россию и о прибалтийском происхождении волосовских племен.

В заключение автор высказывает надежду, что изложенные здесь факты, положения и гипотезы, отнюдь не претендующие на решения большой и сложной проблемы древнейшего расселения финно-угров, будут полезны для ее совместного обсуждения с участием всех заинтересованных в этом наук.

---

⁸¹ А. П. Богданов. Человек каменного века (в кн.: А. А. Пностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882); Г. Ф. Дебец. Указ. соч., стр. 89—90.

⁸² J. A. Sul. Etude anthropologiques des ossements humaines neolitiques de Sope et d'Arau. Tartu, 1935; Г. Ф. Дебец. Указ. соч.

⁸³ Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., стр. 42.

⁸⁴ См. также: Г. Ф. Дебец. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. СЭ, 1961, № 6.

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ (Москва)

Изучение наскальных изображений Урала дало возможность установить территорию их распространения, хронологический диапазон, а привлечение археологических данных и этнографических параллелей по обским уграм и манси преимущественно — в какой-то степени понять их содержание и назначение. В равной степени теперь уже с достаточной уверенностью можно говорить об их этнической принадлежности и связать их с предками современных манси и отчасти хантов¹. Но завершение этой части работы неизбежно ставит нас перед новым вопросом: являлись ли наскальные изображения Урала частью изолированной, замкнутой в себе этно-культурной структуры, ограниченной лишь территорией Зауралья и непосредственно примыкающих к ней некоторых частей Обь-Иртышья, или вместе с этой структурой они находились в связи и взаимодействии с другими, а может быть, входили и в более широкую структуру, соответствовавшую более или менее обширной этно-культурной общности. .

Выяснение этого вопроса требовало сопоставления писаниц Урала с наскальными изображениями других районов. Однако методика таких сопоставлений совершенно не разработана, в силу чего не исключена возможность субъективных оценок тех или иных явлений. Для того чтобы по возможности снизить значение субъективности, а следовательно, и ошибок, которые из-за нее могли бы возникнуть, мною была разработана некоторая программа. По ней уже в дальнейшем и производились сравнение и противопоставление наскальных изображений отдельных районов. Позволю себе не вдаваться здесь — главным образом, из-за недостатка места — в подробности принятого метода, тем более что он опубликован отдельно², а перейду непосредственно к результатам сравнения.

А. П. Окладников наметил в Сибири несколько областей с характерными для них наскальными изображениями. Одна из таких областей охватывает лесостепные районы Северной Монголии и отчасти Забайкалья. Для нее характерны писаницы, выполненные красной краской, «удивительно единообразные по стилю и сюжетам»³. На них представлены

¹ В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала, I. САИ, В4 — 12. М., 1964; он же. Наскальные изображения Урала, II. САИ, В4—12. М., 1971.

В. Н. Чернецов. О приемах сопоставления наскальных изображений. СЭ, 1969, № 4.

³ А. П. Окладников. Петроглифы Ангара. М.—Л., 1966, стр. 3.

контурные четырехугольники, заполненные фигурками людей и точками, а также изображения домашних животных и парящих в воздухе птиц. В. В. Волков также подчеркивает, что подобные композиции повторяются с поразительным единообразием. Датируются эти писаницы первой половиной I тысячелетия до н. э., и их ареал довольно точно совпадает с территорией распространения плиточных могил.

На пространствах Центральной и Средней Азии А. П. Окладников выделяет обширную группу петроглифов с изображениями горных козлов и охотников, вооруженных луками и стрелами, вероятно более или менее синхронных упомянутому монгольским писаницам. А. Окладников связывает эти петроглифы с охотничьими племенами, населявшими степные и горные районы этих частей Азии, хотя, по всей вероятности, многие из них принадлежат скотоводам. Сюда же, в общих чертах, можно отнести многие из енисейских наскальных изображений, а также петроглифы Казахстана и значительную часть изображений из Саймалы Таш, опубликованных А. Бернштамом. Недавно С. С. Черников обнаружил в ливовых р. Бухтармы, около д. Пещора изображения оленя и человека, окрашенные красной охрой, которые он предположительно сблизил с уральскими. Однако в стилистическом отношении они весьма отличны, а к тому же известно их пока очень мало. По всей видимости, вопрос об этой очень интересной и нехарактерной для Казахстана группе изображений временно придется оставить открытым⁴.

К несколько более позднему времени относятся петроглифы и писаницы степей Монголии и Южной Сибири, содержащие стилизованные изображения оленей, связанные с культурами сако-тагарского типа⁵. По всей видимости, к этому же кругу культур относятся и многие группы енисейских петроглифов и широко известные Боярские писаницы. По верхней Лене А. Окладников выделил курыканские писаницы, представляющие, по его словам, «целый мир всадников, лошадей и верблюдов». Эти писаницы сопровождаются тюркскими руническими надписями и могут быть сопоставлены с синхронными им наскальными рисунками енисейских кыргызов и, отчасти, с тюркскими писаницами Алтая⁶. Легко заметить, что как по содержанию и сюжетам, так и по манере изображать людей и животных, все перечисленные группы писаниц и петроглифов — за исключением, быть может, бухтарминской — бесконечно далеки от уральских. Кроме самых общих моментов, свойственных большинству всех наскальных изображений, ничто не роднит их между собой. По всей видимости, не только о генетической, но и о контактной связи здесь говорить не приходится.

Все тот же А. П. Окладников, который уделил очень много внимания изучению наскальных изображений Сибири, выделил еще одну большую группу рисунков, которую он противопоставил рассмотренным выше,

⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить С. С. Черникова за предоставленную мне возможность ознакомиться с его неопубликованными материалами.

⁵ А. П. Окладников. Указ. соч.

⁶ В. В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, стр. 84—85.

группу, отражающую «большой культурно-исторический мир лесных племен охотников, собирателей и рыболовов сибирской тайги», центральное место в которой «принадлежит образу лося»⁷. А. А. Формозов, соглашаясь с классификацией, предложенной А. П. Окладниковым, добавляет, однако, что, «если принять за основной признак этой группы изображения лосей, придется включить в ту же зону не только Сибирь, но и Урал и Карелию»⁸. Оба соображения А. А. Формозова, очевидно, правильны, но в чем заключаются сходства и различия между сибирскими, уральскими и карельскими наскальными изображениями, он не раскрыл, преимущественно ограничившись ссылкой на разницу в технике выполнения и отчасти на стиль изображений. Однако техника нанесения изображений, хотя и может оказаться весьма существенной для первоначального выделения ареалов, сама по себе является лишь частным признаком, по которому мы не можем судить ни о сюжетной и композиционной стороне, ни о каких-либо других характерных чертах изображений данного ареала. В стилистическом отношении А. А. Формозов противопоставляет реалистические изображения лосей Сибири схематическим и статичным фигурам этих животных на Урале и в Карелии. Это правильно, но лишь в самых общих чертах, а при ближайшем рассмотрении мы неминуемо увидим несколько более сложную картину. Начать с того, что наши изображения зверей в карельских петроглифах не так уже схематичны и часто выполнены весьма тщательно, но при этом они стилизованы в совершенно определенной и достаточно выдержанной манере. Даже взятые отдельно карельские фигуры в большинстве случаев легко распознать среди петроглифических изображений любой другой территории. Но при этом они действительно статичны. В противоположность этому уральские изображения зверей, конечно, схематичны, причем выполнены с той непосредственной небрежностью, которая дается лишь при нанесении краской привычных, хорошо устоявшихся контуров рисунка. Однако в то же время многим фигурам уральских писаниц никак нельзя отказать в динамичности. Таким образом, в стилистическом отношении между карельскими и уральскими изображениями значительно больше различий, чем сходства.

Другая черта. В карельских петроглифах фигуры зверей всегда, а людей в подавляющем большинстве случаев строго профильны. В силу этого животные изображены с двумя ногами, а люди как бы с одной. Отклонения от последнего чрезвычайно редки, и то лишь в отношении пеших людей, как бы бредущих по снегу и оставляющих за собою следы. Лыжники — всегда профильно «одноногие». На Урале — фигуры животных тоже профильны, но изображаются когда с двумя, когда с четырьмя ногами, даже в пределах одной композиции. Люди даны всегда в фас. Таким образом и по этому пункту между Карелией и Уралом устанавливаются отчетливые различия.

---

⁷ А. П. Окладников. Указ. соч.

⁸ А. А. Формозов. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее. СЭ, 1967, № 3, стр. 83.

Сопоставим вкратце состав изображений. На Урале, как мы видели, животный мир представлен тремя породами копытных и в небольшом проценте некоторыми другими видами животных. Птицы представлены тремя видами водоплавающих — утками, гусями и лебедями. Изображения птиц и зверей дополняются крайне незначительным количеством человеческих фигур. Из других категорий: солярные и небесные знаки, изображения ловчих сооружений, бумерангов и bolas и, наконец, условные трудно определяемые изображения третьего и четвертого сюжетов. Для Карелии Ю. А. Савватеев приводит следующий список: лодки, люди, олени и лоси, медведи, волки и др., морские звери, птицы, следы, солярные и лунарные знаки (капканы)⁹. Этот список можно дополнить данными, приводимыми А. Линевским: а) звери — лось, олень, медведь, лиса, заяц, неопределимые животные; б) птицы — глухарь, куропатка, вальдшнеп, неопределимая лесная птица (кроншнеп?), лебедь, утка, гусь; в) морские животные¹⁰. Если даже отбросить морскую фауну Карелии, легко заметить, что состав изображений здесь несравненно более разнообразен, чем на Урале. Очень интересно для характеристики карельских петроглифов и количественное соотношение различных фигур. Так, по данным Ю. А. Савватеева, на Онежском озере встречено: изображений людей и других антропоморфных фигур — 63, лодок — 26, различных животных — 50, птиц 192, капканов (солярные знаки?) — 83. На Белом море в Новой Залавруге: людей — 179, лодок — 390, различных животных — 142, птиц — 67¹¹. Ко всему этому следует добавить многочисленные изображения луков, стрел, гарпунов, лыж и других предметов оружия и орудий, предзнамененных для активной охоты. Таким образом, в петроглифах как Онежского озера, так и особенно Белого моря человек со своими снастями является едва ли не центральной фигурой, хотя и окружающий его мир отображен с большим разнообразием и тщательностью. Снова видим глубокое различие между Уралом и Карелией.

Подавляющее большинство авторов, писавших о петроглифах Карелии, было склонно связывать их появление с охотничьей магией. Отчасти к этой позиции примыкает и Ю. А. Савватеев, занимающийся исследованием этих памятников в настоящее время, хотя в большей степени он видит в петроглифах прямое отражение местных преданий и мифов. К этой мысли он приходит главным образом потому, что на протяжении своего тысячелетнего существования петроглифы постепенно изменялись, причем реалистичность рисунков усиливалась, а сложность композиций увеличивалась в сторону все большей их повествовательности. Отмечает автор и переходящее значение отдельных групп изображений. Однако, исходя из объяснения, даваемого автором, мы легко можем установить, что сущность этого явления — т. е. кратковременность значения рисунков — в карельских петроглифах совершенно иная, чем в уральских писаницах. На Урале, как я пытался показать, кратковременность дол-

⁹ Ю. А. Савватеев. Петроглифы Новой Залавруги. СА, 1968, № 1, стр. 153.

¹⁰ А. М. Линевский. Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск, 1940.

¹¹ Ю. А. Савватеев. Указ. соч., стр. 144.

жна была обуславливаться тем, что смысловой акцент приходился не на рисунок, а на его изготовление и сопровождающие обряды. Преходящий характер карельских петроглифов Ю. А. Савватеев объясняет направлением развития местного петроглифического искусства, «художественная выразительность» которого постепенно усиливалась, в связи с чем старые петроглифы переставали «удовлетворять древних людей»¹² и рядом с ними выбивались новые.

Таким образом, при сопоставлении карельских наскальных изображений с уральскими мы обнаруживаем ряд глубоких расхождений между ними. Характерной чертой уральских писаниц является небольшое количество сюжетных композиций, неизменно повторяющихся с несущественными лишь вариациями. По лаконичности их можно сравнить разве с графическими формулами. И при этом у нас нет никаких оснований предположить, что содержание этих формул заметно менялось со временем. Совершенно иную картину наблюдаем как в онежских, так и боломорских петроглифах. Если в основе их и лежали какие-то магические действия и представления, они как будто не нашли места даже в самых ранних известных нам композициях. Видимо, уже к тому времени, т. е. к середине III тысячелетия до н. э., действия и представления, связанные с сезонными обрядами, достигли высокой ступени развития, возможно, обросли мифологическими сюжетами и охватили несравненно более широкий, а во многом и иной круг вопросов, связанных с бытовыми, культовыми и общественными интересами, чем тот, который когда-либо существовал не только в обществе древних уральцев, но и у непосредственных предков современных манси. Можно, следовательно, думать, что и по всей направленности карельские наскальные изображения не сопоставимы с уральскими. Мало того, что их развитие шло в ином направлении — к постепенному усложнению и совершенствованию композиций и художественности рисунка, — но они глубоко отличны и по содержанию этих композиций. По всей видимости, карельские петроглифы принадлежали и к иной этнической среде, с отличными формами общественного устройства и иными религиозными концепциями.

Проследим теперь возможную близость уральских писаниц с более восточными группами наскальных изображений. Особый интерес представляют некоторые из ангарских, состоящие из повторяющихся фигур лосей. По своему содержанию и в сюжетном отношении они еще в большей степени единообразны, чем уральские. Бесконечно повторяются изображения лосей, нередко налегающие одно на другое. И как бы в дополнение — «простые, монотонно повторяющиеся длинные ряды полос красной краской», пишет А. Окладников, которые «представляют собой один из самых характерных элементов наскальных изображений на Камennых островах... и в других местах на Ангаре...». Эти полосы «явно не имеют никакого определенного эстетического или изобразительного содержания и ограничиваются только утилитарной целевой направле-

¹² Ю. А. Савватеев. Некоторые вопросы изучения наскальных изображений Карелии. Сб. «Новые памятники истории древней Карелии». М.— Л., 1966, стр. 90.

ностью». О важном значении таких изображений свидетельствует уже само по себе их обилие. «Смысл композиций из параллельных вертикальных полос, выполненных на скалах красной краской, ясен. Они изображают охотничьи изгороди-загоны для копытных животных, в первую очередь для лосей»¹³.

В этих фразах А. П. Окладников хорошо вскрыл содержание ангарских лосиных композиций. Идея размножения и удачного промысла выступает в них совершенно отчетливо. И, «чтобы не оставалось сомнений,— продолжает он,— в истинном назначении и смысле таких рисунков, древний художник рисовал в связи с ними иногда и фигуры животных — лосей, попавших в западню.

В сочетании с полосами совершенно определенно и прозрачно показано целое стадо лосей, настоящий табун, загнанный за изгородь, сооруженную древними охотниками. Такой рисунок имел в глазах охотника определенный магический смысл и назначение»¹⁴.

В отличие от уральских, ангарские изображения зверей выполнены преимущественно техникой выбивания, но в небольшом количестве сохранились и накрашенные, в отношении которых А. П. Окладников отмечает, что они «довольно грубы и наивны, но при всем том вполне реалистичны»¹⁵. Такие рисунки — впоследствии повторенные по накрашенным контурам выбиванием — имеются на Втором Каменном острове рядом с накрашенными же вертикальными полосами, что позволяет поставить их в прямую связь

При сопоставлении уральских наскальных изображений с ангарскими, можно, как видим, установить их значительную близость в содержании и общей целевой направленности. Нет глубокого различия и в технике нанесения изображений. Так, с одной стороны, выбивание не являлось совершенно чуждым приемом на Урале, а с другой стороны, накрашенные охрой изображения не только не редки на Ангаре, но, возможно, отражают и достаточно ранний слой. В частности, только краской нарисованы ряды «загородок». Следует еще сопоставить наскальные изображения обоих районов в стилистическом отношении. Как уже говорилось, уральские фигуры животных не лишены реализма и динамичности, хотя в целом достаточно упрощены и лишь изредка среди них встречаются изображения, выполненные живо и натурально, как, например, фигура оленя на тагильском Писаном камне. На Ангаре выбитые изображения лосей и оленей в подавляющем большинстве случаев и реалистичны и динамичны, но накрашенные проявляют значительную степень упрощения и схематизации, сближаясь этим с уральскими. Изображения ребер у накрашенных фигур лосей со Второго Каменного острова¹⁶ делают эту группу еще более похожей на уральские писаницы. В которых эта черта представлена достаточно широко.

---

¹³ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 125.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 123.

¹⁶ Там же, табл. 49.

Хотя основная масса реалистически переданных выбитых изображений копытных на Ангаре довольно существенно отличается от уральских, можно, тем не менее, показать, что и такая реалистическая манера не чужда кругу зауральских и, говоря шире, древнеугорских памятников. Для этого необходимо лишь обратиться к дополнительным материалам, а именно к гравировкам на металлических дисках, относящихся к I тысячелетию до н. э. Правомерность сопоставления наскальных изображений с малыми формами рисунка и скульптуры признается многими авторами. Так, тот же А. П. Окладников сравнивает в стилистическом отношении ангарские петроглифы с мелкой костяной скульптурой из Базаихи, с изображениями на керамике и т. д. А. А. Формозов также сопоставляет изображения лыжников на петроглифах и на рукоятке бронзового ножа из могильника у д. Ростовки на Оми¹⁷. Наиболее же интересные соображения по этому вопросу были высказаны С. Н. Замятниным в статье, посвященной мелким фигурным изделиям из кремня. Автор отмечает основной район концентрации подобных фигурок по верхней Волге и Валдайской возвышенности, т. е. на территории культур ямочно-гребенчатого типа, а в смысловом отношении подчеркивает «наиболее тесную связь» этих фигурок с карельскими петроглифами¹⁸.

Совершенно идентичную картину можем наблюдать и в интересующем нас районе. Долины Иртыша и Оби в их нижних течениях полностью лишены выходов скал, и уже одно это должно было препятствовать появлению здесь писаниц или петроглифов. И тем не менее какое-то количество их существует. Около устья Иртыша долину пересекает конечная морена, в силу чего по правому берегу местами можно встретить довольно значительные валуны. Один из них находится у самой воды около юрт Алешкинских, и на нем совершенно отчетливо видны семь личиц, выполненных техникой выбивания. Сведения об этом памятнике сообщил сотрудник Ханты-Мансийского музея В. С. Алачев, и не исключено, что подобные петроглифы могут оказаться и в других местах этого района. Но в основном для низовий Иртыша и Оби характерны многочисленные находки гравированных изображений на металлических дисках, древних зеркалах и серебряных блюдах. Находки таких вещей обычно приурочены к древним святилищам и жертвенным местам, хотя мне известны случаи хранения их и в настоящее время среди манси и хантов.

Все известные нам гравировки охватывают период от середины I тысячелетия до н. э. до рубежа I и II тысячелетий н. э., хотя нет оснований ограничивать возникновение этой традиции лишь упомянутой ранней датой. Последняя свидетельствует скорее только о начале использования нового материала для нанесения рисунков, т. е. металлических и преимущественно круглых предметов. До той поры для этой цели могли использоваться и иные материалы и поверхности. В послед-

---

¹⁷ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 92.

¹⁸ С. Н. Замятнин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы. СА, X, 1948, стр. 98, 102, 112 и рис. 1.

нем нас убеждает сохранившаяся до недавнего времени на Казыме традиция делать на деревьях рисунки в районах некоторых культовых мест. Не исключено, наконец, что некогда рисунки могли наноситься на песке или расчищенных земляных площадках, как это известно по этнографическим наблюдениям у многих народов в разных точках земного шара.

К наскальным изображениям ближе всего стоят наиболее ранние гравировки. Встречаются они обычно группами, от нескольких штук до нескольких десятков предметов с нацарапанными на них фигурами, как, например, в Истяцком кладе¹⁹, в составе которого было около восьми-десяти металлических дисков, зеркал и слегка выпуклых блях из хрупкой светлой бронзы. Другая и, пожалуй, еще более существенная черта заключается в том, что рисунки очень часто наносились повторно, причем предыдущие при этом грубо соскабливались. Из этого может быть сделан вывод о преходящем значении гравировок, которые, видимо, лишь дополняли какие-то действия и обряды, в основе своей магического характера.

Гравированные изображения животных переданы в большинстве случаев вполне реалистично, несравненно реалистичнее, чем в писаницах, и в некоторых случаях напоминают изображения ангарских петроглифов, как, например, лось из Истяцкого клада. Но кроме реализма, — черты, распространенной достаточно широко, — в гравированных изображениях есть и еще одна черта, для них очень характерная и крайне редко встречающаяся за пределами описываемых памятников. Я имею в виду манеру изображать животных с открытой пастью. Кроме приведенного здесь примера, можно напомнить, что в такой же манере выполнены все медные литые фигурки волков из Истяцкого клада, нацарапанные изображения бобров и медведей на металлических дисках и многие другие фигуры. Обычна она и для анималистической костяной скульптуры Усть-Полуя и для современных рисунков манси и хантов. Столь же типична описываемая черта и для реалистических изображений лосей на Ангаре, в частности среди петроглифов 1 и 2-го Каменных островов, у Сухой Бали, Большой Кади и др.

В то же время тщетно искать эту черту среди писаниц и петроглифов других районов. Не говоря уже о Карелии и Казахстане, она почти полностью отсутствует на Лене, а на Енисее встречается лишь у изображений, в стилистическом отношении наиболее близких ангарским. Сближаются гравированные изображения зверей с некоторыми ангарскими накрашенными фигурами лосей, так же как и с уральскими писаницами и манерой изображать ребра.

Остается еще один, более удаленный район, к которому мы можем обратиться, опираясь на ангарские параллели. Этим районом является северная часть побережья Норвегии, где в изобилии обнаружены наскальные изображения. Крупнейший знаток норвежских петроглифов, проф. Гуторм Йессинг, а также и другие исследователи выделили среди наскальных изображений северной территории две резко отличные между со-

¹⁹ В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени. МИА, № 35, 1953, стр. 162.

бой группы. Первая, которую он связывает с местным охотничьим населением, состоит из более или менее реалистических изображений сухопутных и морских животных и в меньшей степени птиц. Эта группа в целом относится к неолиту, хотя наиболее поздние комплексы встречаются и в эпоху бронзы. Вторая группа, относящаяся к эпохе раннего железа, отличается от первой решительно во всех отношениях — стилистически, по содержанию, приемами нанесения и т. д. Она состоит преимущественно из очень схематичных изображений людей и животных, а также крупных лодок и кораблей с высокими загнутыми форштевнями. Этого типа петроглифы встречаются лишь в южной части территории и неизменно перекрывают изображения охотничьего характера²⁰.

Нас, конечно, могут интересовать лишь петроглифы первой группы. Они, в свою очередь, также не единообразны и распадаются в стилистическом и хронологическом отношении на более или менее отчетливые варианты. Наиболее ранний из них расположен на побережье Нур-Трённелага и значительной части Нурланда. На основании степени выветренности линий, высоты расположения над уровнем моря и ряда других наблюдений Г. Йессинг полагает, что петроглифы этого раннего типа охватывают весьма значительный промежуток времени, в течение которого менялись как размеры, так и стилистические особенности изображений. Древнейшие из них состоят из крупных фигур лосей, оленей и морских животных. Величина их иногда даже превышает натуральную, так что нередко встречаются фигуры лосей и оленей, достигающие трех метров в длину. Выполнены они прошлифованными контурами и сделаны в очень живой и реалистической манере, чем оказываются вполне схожими с ангарскими, равно как и с фигуркой из Базаихи, на которую ссылается А. Окладников. Важно отметить, что часто встречаются фигуры, изображенные с открытой или по крайней мере с намеченной пастью. Последнее особенно сближает этот тип норвежских петроглифов с Ангарой и гравированными изображениями. К этому можно добавить, что на основании находок остатков краски в углубленных контурах некоторых петроглифов Г. Йессинг полагает, что эти контуры некогда заполнялись красной охрой. По направлению к северу, особенно на территории Нурланн, наблюдается постепенное мельчание фигур с прошлифованными контурами, хотя они и продолжают сохранять свойственный им реализм. Северной границей их распространения является Финнхаген на Эфьорде. Здесь же, в Нурланне, начинается территория другого варианта наскальных изображений «охотничьего» типа. Они в основном распространены в областях Тромс и Финмарк, но в ряде случаев попадают и южнее — в Нуре, Трённелаге, Телемарке и даже в районе Осло. Наскальные изображения этого варианта, как правило, выполнены способом выбивания, но среди них встречаются и писаницы, накрашенные охрой. В стилистическом отношении эти рисунки резко отличаются от более ранних. Они меньших размеров, фигуры лосей и оленей редко достигают в длину 1 м и в массе значительно схематич-

²⁰ G. Gjessing. Nordenfjelske ristninger og malinger av den arktiske gruppe. Oslo, 1936, s. 166, 179, 201—202.

нее, хотя отдельные фигуры и не лишены живости и реализма. Но основной спецификой петроглифов и писаниц второго варианта являются изображения «линии жизни» и сердца, ребер, а также очень своеобразные линии, иногда продолжающие направление передних ног, а в других случаях перечеркивающих шею и, таким образом, как бы отделяющие голову от туловища животного. Все эти своеобразные графические элементы нам уже хорошо известны. Мы видели, что с той или иной полнотой они присутствуют и в уральских писаницах, и в обских гравировках, и на Ангаре, особенно в изображениях Каменных островов. а в небольшом проценте также и в Шалоболинской писанице на Енисее²¹, в группах, стилистическую и композиционную близость которых с ангарскими отмечает А. Формозов²². В качестве примера на рисунке сведены некоторые из этих параллелей. Ко всему этому следует добавить и еще одну своеобразную манеру заштриховывать более или менее сложным переплетением линий (в основе, вероятно, изображающих внутренности) туловища животных, встречающихся в петроглифах Норвегии²³, на Ангаре и изредка на Урале. В связи с только что упомянутыми линиями, как бы отсекающими головы у изображений животных, Г. И. Пелих сообщает, что совершенно тождественный прием наблюдался ею у селькупов и шорцев, где реальное, символическое или графическое отделение головы связано с охотничьей магией²⁴ и, очевидно, относится к комплексу древних обрядов очерчиваемой этнокультурной общности.

Г. Йессинг и другие норвежские исследователи также связывают описываемые ими петроглифы и писаницы первого и второго вариантов с охотничьей магией, с чем, очевидно, следует согласиться. Кроме изображений, высказанных им и Симонсеном²⁵, за это же говорит факт, что даже однотипные и синхронные изображения постоянно перекрывают друг друга. Как уже отмечалось, из этого можно сделать вывод о том, что смысловой акцент приходится не на сами изображения, а на процесс их изготовления — т. е. на те или иные, возможно, магические действия. К изображениям, связанным с охотничьей магией, следует, по всей видимости, отнести и различные геометризованные фигуры, часто встречающиеся в композициях как первого, так и второго вариантов. В одних случаях это ряды вертикальных штрихов (Гелл), несколько напоминающих накрашенные на Каменных островах Ангары, а также уральские (2-я Бородинская), в других — линии, пересекающие фигуры оленей, как в Теннесе, Киркели и др. Столь же обычны зигзагообразные фигуры, как в Бадале, несколько сближающиеся с уральскими, объясняемые нами как загородки. Особенно интересно в этом отношении изображение «В» на Овпенской писанице, полностью идентич-

²¹ К. В. Вяткина. Шалоболинские (Тесинские) наскальные изображения. МАЭ, т. XII, 1949, рис. VI, 9, 21, 69, 74, 1, 2.

²² А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 84.

²³ P. Simonsen. Arktiske Helleristninger i Nord-Norde. Oslo, 1958, s. 63, 74.

²⁴ Г. И. Пелих. О методе научной классификации сибирских петроглифов. СЭ, 1968, № 3, стр. 88.

²⁵ P. Simonsen. Указ. соч., стр. 78.

ное уральским фигурам в виде зигзагов с отрезками²⁶. Близость фигуры «В» к уральским «охотничьим загородкам» подтверждается и наличием в ней изображения животного. В целом Овненская писаница вызывает живые ассоциации с описанием Торнеусом старинных лопарских загонных охот на дикого оленя.

К этой же категории изображений относятся иногда довольно сложные геометризованные фигуры из переплетающихся линий, так или иначе связанные с изображениями животных, в которых Г. Йессинг считает возможным видеть так называемую «dyregga», т. е. ловчую яму для оленей²⁷. Сюда же следует отнести фигуры удлинненно-овальной формы, иногда одиночные, но чаще поставленные рядами или вытянутые в линии, в иных случаях сходящиеся под углом (см. Скогервейен группа В и Споранес)²⁸. Эйвинд Энгельстад сравнивает эти овальные фигуры со старинной деревянной ловушкой на оленей, хранящейся в Ствангерском музее, и считает, что в наскальных изображениях представлены охотничьи «пути», т. е. линии, состоящие из таких и им подобных звероловных снастей²⁹.

Таким образом, можно видеть, что норвежские наскальные изображения арктической группы в своей ранней части стилистически сближаются с реалистически выполненными фигурами лосей и оленей Ангары, обских гравировок и отчасти уральских писаниц. Более поздние части норвежских петроглифов и писаниц, содержащие уменьшенные в размерах и схематизированные изображения животных, у которых часто показаны «линии жизни», сердце и внутренние органы, находят себе полные аналогии с соответственно позднейшими группами ангарских петроглифов и уральскими писаницами. С последними норвежские наскальные изображения еще в большей степени роднит близость композиций, состоящих из фигур животных и птиц, ловчих сооружений и снарядов и иногда — людей. Чтобы в должной степени оценить указанные параллели, мы должны в какой-то степени ответить на вопрос, чем они могут определяться — генетической связью или только конвергентностью развития в сходных экологических условиях. Петроглифы и писаницы арктической группы Норвегии территориально ближе всего расположены к южноскандинавским, которые местами достигают на севере Нур Трёнделага и частично совпадают по времени. Однако, как известно, они отражают совершенно иное общество, далекое от охотников Крайнего Севера, породивших арктическую группу. Этот вопрос разработан в скандинавской и особенно норвежской литературе достаточно подробно, так что далее останавливаться на нем здесь нет необходимости. В Финляндии, как отмечает К. Нордман, пока что не известно наскальных изображений с зооморфными фигурами, и лишь на юге Финляндии имеются геометризованные орнаментальные начертания, выполненные кра-

²⁶ E. Engelstad. Ostnorske ristninger og malinger av den arktiske gruppe. Oslo, 1934, Pl. LIX, s. 90 og 132.

²⁷ G. Gjessing. Указ. соч., табл. XXIV, стр. 87.

²⁸ E. Engelstad. Указ. соч., Pl. XLIV, fig. 6; XLVII, LX.

²⁹ Там же, Pl. XLIII, b. s. 81, 131.

ской³⁰. Таким образом, остается лишь один район, примыкающий к Норвегии с востока, — территория карельских петроглифов. Уже в свете того, что было изложено выше, можно предвидеть, каковы окажутся сходства и различия между ними. К последним, кроме специфичности стиля карельских изображений, следует отнести и полное несходство в выполнении наскальных изображений. Карельские — всегда выбитые и почти всегда силуэтные, тогда как норвежские — неизменно контурные и нанесены как выбивкой, так и проглифовой и накрашиванием. Но еще существеннее отметить обилие изображений человека и повествовательный характер многих карельских композиций, чуждый северонорвежским наскальным изображениям в такой же степени, как и уральским и ангарским. Также коренным образом отличается и направление развития общего стиля изображений карельского и норвежского ареалов. Ю. А. Савватеев пишет, что в Карелии «это развитие шло не по пути схематизации образов и утраты реалистических черт, а как раз наоборот... Именно в относительно поздних петроглифах Залавруги мы как раз и находим особенно яркие образцы — настоящие шедевры наскального искусства»³¹. В Норвегии же, как мы видели по данным Г. Йессинга, Е. Энгельстада и Р. Симонсена, все развитие шло от крупных реалистических изображений к измельченным схематичным, подобно тому, как отмечает А. П. Окладников и для Ангары. Вместе с тем наблюдаются и некоторые параллели. Часть их обусловлена близостью экологических условий, достаточно единообразных для норвежского и беломорского побережий. Сюда можно отнести изображения морских животных, типичные для петроглифов как арктической группы Норвегии, так и беломорских Карелии. Другие аналогии касаются инвентаря, связанного с промыслом тех же морских животных, в частности формы лодок. В норвежских петроглифах представлены лодки, имеющие форму прямоугольников, длина которых немногим больше чем вдвое превышает ширину. Форштевень несколько возвышается над бортами и отогнут вперед. Лодки этого типа в композициях обычно сочетаются с изображениями китообразных (Эвенхус). Г. Йессинг склонен видеть в них кожаные каркасные лодки, подобные эскимосским «умиакам»³². Ю. А. Савватеев также отмечает подобные же изображения среди беломорских петроглифов, которые он тоже считает каркасными с кожаной обтяжкой³³. Однако они полностью отсутствуют среди онежских наскальных изображений, где представлены лодки совершенно иного типа — длинные, многovesельные, с выступающими концами килевой доски, что делает их похожими на древнюю ладью из Хьёртспрингса в Дании³⁴ и суда наскальных изображений Южной Скандинавии. Совершенно очевидно, что лодки перво-

³⁰ C. A. Nordman. Die Steinzeitlichen Tierskulpturen Finnlands. IPEK, Jahrgang, 1936/1937. Berlin und Leipzig, 1936/1937, s. 48.

³¹ Ю. А. Савватеев. Некоторые вопросы изучения наскальных изображений Карелии, стр. 90.

³² G. Gjessing. Указ. соч., стр. 130.

³³ Ю. А. Савватеев. Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967, стр. 143.

³⁴ А. Э. Кристенсен. Изучение истории судостроения в Дании, Швеции и Норвегии. СЭ, 1966, № 3, стр. 34, рис. 1.

го типа специфичны лишь для беломорской группы карельских петроглифов и их, очевидно, следует рассматривать как результат контактов между оставившим карельские петроглифы пришлым с юга населением — по Савватееву носителями ямочной и ямочно-гребенчатой керамики³⁵ — и аборигенами, обитателями побережья и субарктической части Карелии, Финляндии и Норвегии, по всей видимости, предками современных саамов-лопарей.

В заключение следует обратиться еще к одной группе наскальных изображений, которые своим сходством и различиями с рассмотренными здесь уральскими, ангарскими и норвежскими могут, как мне представляется, подкрепить высказанные выше предположения. Я имею в виду петроглифы томского Писаного камня, находящегося на правом берегу р. Томи, в 90 километрах ниже Кемерово. Изображения Писаного камня, количество которых А. Мартынов оценивает как 280, были сфотографированы и скопированы художником Э. Биглером. Несколько десятков из них было опубликовано А. Мартыновым³⁶. Территориально и в культурном отношении томский Писаный камень находится между писаницами Урала и петроглифами Ангары. Характерными для него являются фигуры животных с открытыми пастьми, изображения ребер, линии, пересекающие шею и грудь лосей, иногда сближающиеся с заштриховкой, о которой говорилось выше в отношении ангарских и норвежских фигур. В ряде случаев встречаемся с изображением внутренних органов. Среди прочерченных изображений обнаруживается своеобразная манера изображать глаз животного³⁷, типичная для угорских гравированных фигур. С уральскими писаницами томская скала сближается и своими композициями, среди которых можно отметить несомненно близкие первому сюжету. Такова, например, композиция третьего камня³⁸. На ней изображена группа лосей,двигающихся в правую сторону. Совершенно очевидно, что группа не была создана сразу, а неоднократно пополнялась новыми фигурами. В левой части — мужская антропоморфная фигура и остатки еще двух, а в правой, непосредственно перед лосями, три кружка с точками посредине — не исключено, что это изображения ловчих ям. Близки к этому и композиции второго и пятого камней, но на последней фигурирует антропоморфное изображение с раздвоенной головой³⁹, на Урале характерное лишь для третьего сюжета. Можно думать, что на томской скале они сливаются и место загонщика-человека замещает дух.

Но в одном отношении томские изображения резко отличаются и от ангарских, и от уральских. Почти все они, а особенно выбитые, сильно стилизованы в совершенно определенной манере. В основе этой стилизации лежит гипертрофическое подчеркивание характерных черт

---

³⁵ Ю. А. Савватеев. Некоторые вопросы изучения наскальных изображений Карелии, стр. 76.

³⁶ А. Мартынов. Лодки в страну предков. Кемерово, 1966.

³⁷ А. Мартынов. Лодки в страну предков, стр. 28 — изображение в верхней части таблицы.

³⁸ А. Мартынов. Указ. соч., стр. 27.

³⁹ Там же, стр. 13.

животных. Головы лосей вытянуты, морды неестественно раздуты и выгнуты. Задняя часть туловища непропорционально мала по сравнению с передней. Все эти стилистические особенности, включая и изображения раскрытой пасти и ребер, хорошо известны по зооморфным поделкам ажурного литья кулайской культуры, на территории которой или в непосредственной близости от нее находится и томский Писаный камень. В качестве аналогий можно сослаться на фигурки лосей из Бокчара и Кулайки, опубликованные И. М. Мягковым⁴⁰, а особенно на изображение того же зверя из Мурлинского клада на Иртыше⁴¹. Почти столь же близки между собой и изображения медведей с томской скалы и из Мурлинского клада⁴². Приведенные аналогии позволяют нам не только надежно датировать выбитые изображения томской скалы временем кулайской культуры, т. е. второй половиной I тысячелетия до н. э., но в известных пределах определить ее этническую принадлежность. По мнению М. Косарева, В. Могильникова, Р. Ураева⁴³ и других исследователей, кулайскую культуру следует связывать с предками некоторых самоедских групп и в первую очередь сеякупов. Они же, по всей вероятности, явились творцами и петроглифов томского Писаного камня.

Томские петроглифы представляют очень большой интерес для понимания некоторых закономерностей в развитии наскальных изображений рассматриваемого ареала. Как уже отмечено, в основе своей они содержат те же самые специфические особенности, которые свойственны наскальным изображениям Урала, Ангары и Норвегии и, по всей видимости, отражают какие-то общие для населения этих территорий представления и традиционные навыки. Вместе с тем для каждой из перечисленных территорий можно указать те или иные типичные для них черты как в характере композиций и составе фигур, так и в стиле изображений, что может объясняться отличиями экологических условий, изолированностью и иными контактами.

Суммируя изложенное, можно наметить некоторые закономерности в развитии наскальных изображений, которые как будто являются общими для выделенного ареала. Они заключаются в последовательности изменения форм изображений животных, что довольно отчетливо выступает в сводных таблицах. Г. Йессинг, анализируя наскальные изображения «охотничьего» типа, выделил среди них три группы, которые он определил как стилистические и отчасти хронологические. В основном Г. Йессинг, видимо, прав, хотя, сопоставляя теперь норвежские изображения с писаницами и петроглифами других частей ареала, думаю, что говорить здесь следует не столько о стиле, сколько об изменении и развитии представлений, связанных с изготвлением наскальных изображений. Изменение формы представляло собой вторичное явление, подчиненное общей причине — развитию традиционных представлений. В этой связи следует под-

⁴⁰ И. М. Мягков. Древности Нарымского края. «Труды Томского краевого музея», т. II. Томск, 1929, табл. I, рис. 6, 9, 10, 14, 20 и др.

⁴¹ В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени, стр. 153, табл. XII, 4.

⁴² Там же, рис. 5.

⁴³ Р. А. Ураев. Кривошеинский клад. «Труды Томского краевого музея», т. V. Томск, 1956, стр. 345.

черкнуть, что группы, выделенные Г. Йессингом для Норвегии, в равной степени относятся и к другим частям ареала, хотя и не везде они выражены в равной степени полно, что особенно относится к наиболее ранним.

К первой группе принадлежат крупные, реалистически выполненные фигуры животных, хорошо представленные в Норвегии и на Ангаре, которые, видимо, являются наиболее ранними, хотя не исключено, что в отдельных случаях они продолжали изготавливаться и в последующее время.

Вторая группа представлена упрощенными и схематизированными изображениями животных. Наряду с этим характерной для нее чертой является передача элементов внутреннего строения — ребер, сердца, внутренних органов и «линии жизни». Думаю, что было бы неправильно рассматривать эту группу как результат «упадка изобразительного искусства», что нередко приходится слышать. Этот формальный подход едва ли может привести нас к пониманию сущности явления. К тому же не следует упускать из виду, что в наскальных изображениях рассматриваемого ареала мы имеем перед собой не произведения художественного творчества, а лишь служебные рисунки, изготовление которых было полностью подчинено требованиям традиционных представлений и действий, а форма изменялась лишь в результате развития столь же традиционных идей. С этой точки зрения изображения и первой и второй групп не в равной степени, но по-своему правдивы. Разница заключается, видимо, в том, что фигуры первой группы отражают ничем не скорректированное визуальное восприятие, откуда и стремление к натуралистическому воспроизведению внешности объекта. Изображения второй группы основаны не на зрительном восприятии, а на знании естества этого объекта. Каждое существо, кроме внешних покровов, имеет и жизненно важные внутренние органы, и истинно правдивый рисунок должен их отобразить. Чем больше переносится внимание на внутреннюю сущность объекта — в данном случае животного — тем упрощеннее могут быть и внешние контуры рисунка. Как будто повсеместно, в пределах ареала, фигуры этого типа сочетаются с изображениями различных ловушек.

К третьей группе вслед за Г. Йессингом отношу очень схематичные изображения, часто локально стилизованные, контуры которых нередко грубо нарушают природу объекта. Зато внутри эти фигуры бывают заполнены пересекающимися линиями, в основе отражающими жизненные органы.

На Урале, Ангаре и на Томи фигуры этого типа обычно сочетаются с условно антропоморфными и антропозооморфными изображениями. Фигуры этой группы следует, видимо, рассматривать как переход к графическим символам, передающим объект в совершенно условной форме, на которой, как, например, на Урале, могут отражаться и стилистические приемы, выработанные в орнаментальном искусстве.

Выявление существования ареала наскальных изображений, сближающихся между собой по ряду основных признаков, еще не является решением всей задачи в целом. Как уже упоминалось, перед нами встает необходимость исторической оценки этого явления. Следует ли установ-

ленные параллели рассматривать как многократные, но случайные совпадения или же они свидетельствуют о существовании в некотором прошлом реальных генетических связей. Для решения этого вопроса следует привлечь дополнительный материал, как археологический, так и по другим смежным дисциплинам. В 1947 г. А. П. Окладников в своем докладе на Первом уральском археологическом совещании отметил, что восточно-уральская культура неолита и бронзы распространялась на восток до Енисея, где она обнаруживается в нижних слоях поселения на р. Собакиной, на Базаихе и т. д. В носителях ее следует видеть древних «уральцев», предков современных манси и хантов, и, может быть, самоедoppenцев⁴⁴. Этот тезис А. П. Окладников впоследствии развил в отдельной статье, в которой он привел и некоторые образцы керамики с Енисея с четко выраженными уральскими чертами и в том числе с орнаментом в виде уже хорошо знакомого нам зигзага с отростками⁴⁵. В настоящее время, благодаря полевым исследованиям последних лет и, в частности, раскопкам Л. П. Зяблина на верхнем Енисее, работам Г. И. Андреева на Подкаменной и Нижней Тунгуске, а Л. П. Хлобыстина на п-ове Таймыр, мы располагаем уже значительно более полными данными. Эти новые материалы позволяют уже с достаточной уверенностью говорить о том, что территория распространения урало-западносибирской культурной общности захватывала в эпоху неолита и бронзы также и Енисей. По всей видимости, не позднее чем средний неолит, т. е. еще в пределах IV тысячелетия до н. э., древние уральцы, распространяясь по лесной полосе на северо-восток, заселили среднее и нижнее течение Енисея, включая нижние течения Ангары и Подкаменной Тунгуски, Нижнюю Тунгуску и в той или иной степени полуостров Таймыр, принеся с собой и ряд традиционных черт в области материальной культуры.

Аналогичную картину можно проследить и в другом направлении — к северо-западу от Среднего Зауралья. Следует, однако, заметить, что в рамках настоящей статьи могу привести лишь самые выводы, но не материал, на котором они построены. В отношении последнего придется ограничиться лишь самыми необходимыми ссылками, преимущественно на уже известные работы.

Пути расселения людей из Зауралья на запад точно установить пока трудно. Однако, по всей вероятности, они не лежали через бассейн Вычегды, а тем более Камы. Археологические материалы, относящиеся к неолиту, известные нам по работам Г. М. Бурова, не содержат никаких отчетливо зауральских форм. В свое время М. Е. Фосс высказала мнение, что путь из-за Урала в Большеземельскую тундру шел по северу и отчасти через верховья Печоры⁴⁶. С таким предположением, очевидно, следует согласиться, тем более что в условиях более мягкого климата сред-

⁴⁴ А. П. Окладников. К изучению неолита восточного Приуралья и Западной Сибири. Тезисы доклада на 1-м уральском археологическом совещании. Пермь, 1948, стр. 20.

⁴⁵ А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея. СА, 1957, № 1, стр. 34, 42.

⁴⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 145.

него голоцена, когда в районе современных западных тундр северная граница редколесья доходила до моря⁴⁷, эта территория представляла несравненно больше удобств, чем непроходимые дебри и глубокие снега более южной таежной полосы. В пользу этой гипотезы свидетельствуют и характерные формы каменного инвентаря, которые обнаруживаются среди сборов, произведенных Г. А. Черновым на развеевных стоянках в бассейне Печоры⁴⁸. Особенно интересны материалы с протоков реки Колвы, рек Сандибей-ю и Колва-вис, характеризующиеся преимущественным использованием пластинчатой техники. Здесь находим многочисленные концевые скребки, пластины с боковыми выемками, столь характерные для раннего и отчасти среднего неолита Зауралья, ножи и наконечники стрел на ножевидных пластинах. Особенно интересны наконечники с боковым шипом, которые в Зауралье являются прямым развитием ранне-неолитического наконечника с боковой выемкой (так называемого кельтеминарско-уральского типа), относящегося к IV тысячелетию до н. э. К этому же комплексу должна быть отнесена керамика со «слабым волнистым орнаментом», которую Г. А. Чернов отмечает для той же стоянки Сандибей-ю № 8⁴⁹. Большинство описанных черт, включая и наконечники с боковым шипом, обнаруживаются и далее на запад, в Заонежье, в частности в материалах Модлоны, Каравайхи и Карелии (Черная Губа IV). Близость форм каменных орудий, относящихся к «печорской» культуре и раннему периоду каргопольской, отмечала и М. Е. Фосс⁵⁰. Весьма отчетливо уральский неолитический комплекс выступает в южном Оленеостровском могильнике. Так как по этому вопросу уже много говорилось и много писалось, ограничусь лишь ссылками на основных авторов. В. И. Равдоникас отмечает сходство оленеостровской культуры с памятниками Зауралья и Западной Сибири, а опираясь на данные А. П. Окладникова, и с неолитическими комплексами нижней Лены⁵¹. Н. Н. Гурина указывает на атипичность Оленеостровского могильника для карельской культуры и высказывает мысль, что имеющиеся материалы не дают «возможности прямо связать древнее население, оставившее после себя могильник на Оленьем острове, ни с одним из древних племен, обитавших в эпоху неолита или в более раннее время в лесной полосе европейской части СССР». Далее Н. Н. Гурина отмечает близость Оленьего острова с памятниками каргопольской культуры (нижний слой Нижнего

⁴⁷ В. А. Тихомиров. Основные этапы развития растительности севера СССР в связи с климатическими колебаниями и деятельностью человека. «Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический». М., 1962, стр. 47—50 и рис. 4.

⁴⁸ Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека на рр. Колве, Колва-вис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре. КСИИМК, вып. IX. М., 1941; *он же*. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. «Труды Комиссии по изучению четвертичного периода», т. VII, вып. 1. М.—Л., 1948; *он же*. Стоянки древнего человека в бассейне р. Печоры. КСИИМК, вып. XXIII. М., 1948.

⁴⁹ Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры, стр. 81 и табл. V, рис. 60.

⁵⁰ М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 110 и рис. 62.

⁵¹ В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на южном Оленьем острове Онежского озера. МИА, № 47, 1956, стр. 23.

Веретья) и приходит к выводу, что «наиболее вероятным путем проникновения древнего населения в Карелию в эпоху, предшествующую возникновению могильника на Онежском озере, следует считать восточный»⁵². К этому она добавляет, что, по-видимому, с древними оленеостровами была связана керамика типа сперрингс, характерная для наиболее ранних стоянок Карелии⁵³.

Наиболее же ярким доказательством и в полном смысле слова следами этой древней миграции являются полозья нарт типа «со средним желобком», обнаруженные в торфяниках Финляндии и отчасти Швеции. В отношении этих полозьев существует довольно обширная литература, но я постараюсь коснуться здесь лишь самого главного. Полозья «со средним желобком», найденные в Финляндии, конструктивно совершенно идентичны полозьям, обнаруженным в торфяниках Зауралья — Горбуновском (2 полоза) и Приканавинском. Но мало того, обломок полоза из Йилистаро (Финляндия) оказался к тому же сделанным из сибирского кедра, распространение которого на запад в эпоху среднего голоцена не заходило далее верховьев Печоры⁵⁴. В связи с этим У. Сирелиус, опубликовавший находку, писал: «С предельной вероятностью можно принять, что нарта, которой принадлежал полоз, была сделана в области произрастания сибирского кедра, а не то, чтобы в Финляндию был привезен лишь материал для нее»⁵⁵. Позднее к вопросу о возрасте и происхождении полозьев со средним желобком вернулся финский же исследователь Вилле Лухо. Он отметил, что полозья этого типа, найденные в Финляндии, можно отнести ко времени типичной гребенчатой керамики, а полоз из Гротраск (Швеция) — к переходу от неолита к бронзе. Лухо пришел к выводу, что связи между Зауральем и территорией современной Финляндии существовали уже в период ранней финской гребенчатой керамики и продолжались позднее, как это доказывается полозом из Йилистаро⁵⁶.

Г. Йессинг, со своей стороны, намечает пути проникновения этих восточных воздействий: из Заонежья через Северную Финляндию, северное побережье Ботнического залива и далее по большим водным путям вдоль рек Скеллефте и Питэ в Хэльтеланд, Офотен, Тромс и западный Финмаркен⁵⁷. Тут можно напомнить, что именно в бассейне р. Питэ был найден гротрасский полоз уральского типа, а в Остерботтоне — полоз из Йилистаро.

Об «особенно отчетливых» связях Карелии с арктическим неолитом Скандинавии писала и М. Е. Фосс, опираясь как раз на наиболее типичные формы сланцевых орудий⁵⁸. Но надо сказать, что именно подоб-

⁵² Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1956, стр. 261.

⁵³ Н. Н. Гурина. Указ. соч., стр. 258.

⁵⁴ М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957, стр. 252.

⁵⁵ U. Sirelius. Über Art und Zeit der Tähmung des Renntieres. JSFOu, v. XXXIII. Helsinki, 1916—1920, s. 17.

⁵⁶ V. Luho. Keskikuurnslisten jalasten ikä. Suomen Museo LVII. Helsinki, 1950.

⁵⁷ G. Gjessing. Nordenfjelske ristninger of malingen av den Arktiske gruppe. Oslo, 1942, p. 491—496, fig. 231.

⁵⁸ М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 198.

ные орудия — угловые (boot-shaped) ножи, длинные, ромбического сечения наконечники стрел, наконечники удлинненно-треугольной формы, с продольными желобками и т. д. являются столь же характерными и для неолита Зауралья.

Таким образом, археологический материал, привлекаемый даже в самой общей форме, показывает на распространение к западу и на восток неолитической культуры Зауралья и Западной Сибири. Есть также некоторые основания полагать, что одновременно, как результат этого процесса, по всей полосе субарктики, от Норвегии на западе и по крайней мере до низовьев Лены на востоке, складывалась более или менее единообразная культура, возможно с рядом специфических для нее черт. Впервые мысль о такой арктической культуре была высказана Г. Йессингом, который писал, что «нельзя исключить возможности существования реальных связей на протяжении этого обширного пространства»⁵⁹. К подобному же выводу пришел А. П. Окладников, допуская «мысль о прямых связях, существовавших в древности между племенами и древними культурами» на пространстве по крайней мере от устья Лены до Южного Оленьего острова и до Северной Скандинавии⁶⁰. Несколько позднее позицию А. П. Окладникова принял В. И. Равдоникас. Приходилось об этом вопросе писать и мне⁶¹.

Специфика экологических условий в субарктике, особенно в прибрежной полосе, и относительная изолированность ее от более южных районов, должны были неизбежно привести к сложению особых, специализированных форм хозяйства и материальной культуры и к известному своеобразие в истории формирования самого населения этой зоны. Следует учесть, что оно в какой-то степени было оторвано от этногенетических процессов, протекавших особенно интенсивно в лесостепи и южной части лесной полосы, где уже в среднем неолите началась дифференциация древней урало-сибирской этнокультурной общности. Отголоски этих процессов достигали Крайнего Севера, по долинам магистральных рек — Печоры, Оби, Енисея и Лены, но, однако, лишь в ослабленной степени, что хорошо прослеживается по археологическим материалам. Есть много оснований полагать, что в приполярной полосе продолжало существовать население, сохранявшее в себе, местами даже до средневековья, этнические черты древних уральцев. В неолите эта этническая общность была еще достаточно едина за счет внутренних связей, которые были, видимо, достаточно интенсивными. О степени этой интенсивности можно составить себе некоторое представление, если подумать о том, что деревянные полозья нарт могли служить никак не более десяти лет и тем не менее за это время бродячие охотники, которыми скорее всего и были уральцы приполярной полосы, покрывали расстояние от Урала до побережья Ботнического залива, где и был найден йилистарский полоз из сибирского кедра.

---

⁵⁹ G. Gjessing. Указ. соч., стр. 492.

⁶⁰ А. П. Окладников. История Якутии, т. I. Якутск, 1949, стр. 120 и табл. XVII.

⁶¹ В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала, I, стр. 7 и сл.

Существование описанной здесь древней этнической общности, по всей вероятности, и явилось причиной близости черт наскальных изображений северной Норвегии и нижней Ангары, с одной стороны, и Урала — с другой. Подтверждения этому предположению можно найти не только в археологических, но и в языковых, антропологических и этнографических материалах. В западной части приполярного ареала уральцы, представленные там южнооленеостровской культурой, с которой, по мнению Н. Н. Гуриной, связана керамика типа сперрингс, явились основным компонентом в позднейшем формировании саамов-лопарей. Именно с протосаамами связывает поселения с керамикой типа сперрингс и Г. А. Панкрушев⁶². Это предположение особенно хорошо подтверждается исследованиями только что упоминавшейся Н. Н. Гуриной, которая проследила непрерывную генетическую связь между культурами Южного Оленьего острова, неолитических поселений Кольского п-ова и могильника на Северном Оленьем острове⁶³, в материалах которого обнаружены столь специфичные для саамов Т-образные колотушки для бубнов. Хорошо отражают единство древней общности и языковые данные. Как известно, протосаамский язык, до того как он был в начале I тысячелетия ассимилирован балтийско-финским, был близок восточноуральским⁶⁴.

Вопросом этим занимались многие исследователи, но, как замечает Ю. Фаркаш, «при всем различии их концепций все эти исследователи (т. е. Тойвонен, Равила, Лагеркранц, Коллиндер, Итконен) единогласны в одном пункте, что протолопари... были близкородственны самоедам» (а по Лагеркранцу также вогулам и осякам)⁶⁵. Пожалуй наиболее определенно об этом пишет И. Тойвонен в специально посвященной этому вопросу работе. По Тойвонену, предки лопарей говорили тем же самым языком, что и предки самоедов и в течение длительного времени пралопари разделяли одну и ту же территорию с древним угорским народом (предками вогулов и осяков)⁶⁶. На основании комплексных данных Е. Лагеркранц пришел к выводу, что саамы имеют наиболее близкое языковое родство с хантами, манси и самоедами и должны быть признаны вместе с ними в качестве носителей древней арктической культуры⁶⁷.

В антропологическом отношении лапоноидный тип, к которому относятся саамы, может рассматриваться как результат древней метисации с участием какого-то монголоидного элемента, которым был, по-видимому,

⁶² Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего железа. М.—Л., 1964, стр. 96.

⁶³ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского п-ова. МИА, № 39, 1953, стр. 392, 405.

⁶⁴ Л. А. Аристз. Примечания к книге П. Хакулинен «Развитие и структура финского языка». М., 1953, стр. 291; *Peter Haidu*. К этногенезу венгерского народа. «Acta Linguistica», t. II, Fasc. 3—4. Budapest, 1953.

⁶⁵ J. Farkas. Bemerkungen zu der ungar historischen Formenlehre III. «Ural-Altaische Jahrbücher», B. XXVI, H. 1—2. Wiesbaden, 1954, s. 53.

⁶⁶ V. Toivonen. Zum Problem des Protolappischen. Sitz. Fin. Akad. d. Wiss. Helsinki, 1949, s. 186—187.

E. Lagercrantz. Synopsis des Lappischen. Oslo, 1941, p. 336 (цитировано по П. Хайду).

едисейский расовый тип⁶⁸. Этот монголоидный компонент хорошо прослеживается в материалах древних могильников на островах Большом Оленьем в Баренцевом море и Южном Оленьем на Онежском озере. По поводу его М. М. Герасимов отмечает, что он, видимо, представляет собой «древний палеосибирский вариант юкагирского антропологического типа», что совершенно несомненно «указывает на древнее движение с востока из-за Урала. Подобное проникновение монголоидного типа из Сибири, вероятно, было многократным, но в черепах с Оленьего острова отражен, по-видимому, древнейший этап переселения этого юкагирского палеосибирского типа»⁶⁹. К результатам, хорошо подкрепляющим эти выводы, пришла И. М. Золотарева на основании исследования групп крови у народов Севера. По ее данным, лопари, юкагиры, эскимосы и в меньшей степени некоторые самоедские народности принадлежат к одному типу, характеризующемуся высокой частотой группы А, очень низкой частотой группы В и умеренным показателем для О⁷⁰. В перечисленном ряду народностей юкагиры находились в восточной его части. В историческое время западной границей их расселения была восточная часть п-ова Таймыр⁷¹, но в более отдаленные периоды они, или вернее их предки, жили и южнее по правобережью нижнего Енисея и, вероятно, по низовьям его правобережных притоков, соседя с прасамоедскими группами среднего Енисея. Так по крайней мере можно судить по территории распространения археологических материалов урало-западносибирского типа. Об единообразии черт культуры от саамов на западе и до юкагиров на востоке пишет и Ю. Б. Симченко, главным образом на основании этнографических данных, собранных им за последние годы⁷². Принадлежность древних юкагиров к субарктической этно-культурной общности подтверждается и данными языка. В 1940 г. Бьорн Коллиндер выпустил сравнительное исследование юкагирского и уральских языков, в котором приходит к выводу, что «юкагирский язык достаточно близко родствен финно-угорским и составляет с ними общность»⁷³. Вскоре после этого на аналогичную тему опубликовал исследование Карл Буда, который не только добавил ряд этимологий, но и много соответствий из области фонетики, лексики и грамматики. Э. Леви положительно оценил эти исследования, а К. Менгес, завершая свою обстоятельную рецензию на книгу Б. Коллиндера, отметил, что автор «доказал несомненную принадлежность юкагирского

⁶⁸ Г. Ф. Дебец. Палеантропология СССР. «Труды ИЭ, новая серия», т. IV. М.—Л., 1948, стр. 93 и 317.

⁶⁹ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. «Труды ИЭ, новая серия», т. XXVIII. М.—Л., 1955, стр. 319 и 345.

⁷⁰ И. М. Золотарева. Распределение групп крови у народов северной Сибири. Доклад на VII МКАЭН. М., 1964, стр. 6.

⁷¹ Ю. Б. Симченко. Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии. Сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии». М., 1968, стр. 203.

⁷² Ю. Б. Симченко. Основные черты культуры охотников на дикого оленя северной Евразии. Доклад на VII МКАЭН. М., 1964.

⁷³ B. Collinder. Jukagirisch und Uralisch. «Uppsala Universitets Arsskrift», № 8, Uppsala, 1940, s. 13.

языка к уральским»⁷⁴. В связи с исследованиями Б. Коллиндера, Эркки Итконен заметил, что уже как Буденц, так и Паазонен считали, что «юкагирский язык, который хотя и причисляется к палеоазиатским языкам, дает по меньшей мере столько же родственных связей с уральскими, как и индоевропейская языковая группа»⁷⁵. Вслед за работой Б. Коллиндера вышла книга Ангере. Последний ввел большой дополнительный материал и, хотя и склоняется к более широкому параллелям, отмечает на протяжении всей работы, что рассмотренные им аналогии свидетельствуют о существовании генетической связи между юкагирским языком, с одной стороны, и уральскими — с другой. Вслед за Коллиндером он касается и реконструирования тех возможных исторических условий, которые объяснили бы это родство⁷⁶. Следует отметить, что в литературе высказывались и сомнения по поводу существования урало-юкагирского языкового родства, главным образом со стороны лингвистов, сторонников несколько устаревшей теперь теории волго-камской прародины уральских народов⁷⁷. С таким сомнением вначале отнесся к проблеме и П. Хайду, однако в своей последующей работе он признал перспективность дальнейших исследований⁷⁸. Суммируя все приведенные данные, можно, очевидно, прийти к заключению, что именно предки юкагиров составляли восточную часть очерченной выше этно-культурной общности, некогда существовавшей на пространстве от северной Скандинавии до Таймыра и правобережья Енисея. С ними, по всей видимости, следует связывать и наскальные изображения нижней Ангары, равно как и археологические материалы п-ова Таймыр и правобережья нижнего Енисея.

Несмотря на протекшие тысячелетия и на достаточно сложные этнические процессы, в результате которых сформировались ныне существующие народности, отдельные черты, отмеченные как специфичные для наскальных изображений всех четырех групп — ангарской, томской, уральской и норвежской — не исчезли полностью и в какой-то степени могут быть прослежены по этнографическим материалам. К сожалению, пока не удалось еще подобрать «сквозных» примеров, главным образом из-за скудности графического материала по саамам, однако не сомневаемся, что в дальнейшем это можно будет выполнить.

Но даже и те немногие образцы, которыми мы располагаем, достаточно показательны. Так, совершенно аналогичны изображения внутренних органов и «линии жизни» в фигурах животных норвежских писаниц (Эвенхус) и в современных и древних лопарских гравировках на кости⁷⁹, а также в рисунках и гравировках обских угров. В одинаково живой реалистической манере сделаны изображения лосей в норвежских и ангарских пет-

⁷⁴ K. Menges. Jukagirisch und Uralisch by Bjorn Collinder. «Language», v. 18, № 2, 1942, p. 164.

⁷⁵ E. Itkonen. Björn Collinder 1894—1954. «Uralo-Altaische Jahrbücher», B. XXVI, H. 1—2, Wiesbaden, 1954, s. 2.

⁷⁶ J. Angere. Die Uralo-Jukagirische Frage. Uppsala — Stockholm, 1956.

⁷⁷ I. Sebesyén. Johannes Angere. Die Uralo-Jukagirische Frage. «Acta Linguistica», t. VIII, f. I. Budapest, 1958.

⁷⁸ P. Hajdu. Finnugor Népek és nyelvek. Budapest, 1962.

⁷⁹ G. Gjessing. Указ. соч., стр. 144.

роглифах, обских гравировках и в юкагирской контурной резьбе по дереву. Наконец, совершенно идентичны изображения животных с открытыми ртами норвежских наскальных фигур, обских гравировок, ангарских петроглифов и «знамен» колымских юкагиров XVII в. По поводу последних Ю. Б. Симченко, обработавший очень большой материал по тамгам и «знаменам» народов Сибири, замечает, что «отличительной чертой, весьма характерной для юкагирских изображений, является тщательная прорисовка открытого рта животного. Лосей с открытыми ртами рисовали только юкагиры»⁸⁰. В свою очередь лучший знаток искусства народов Сибири С. В. Иванов считает, что изображение открытого рта у животного встречается вообще редко⁸¹. В своей монографии, посвященной рисунку народов Сибири, он даже не выделяет этой черты в качестве особого признака. И действительно, среди приводимых им материалов изображения животных почти не встречаются ни у одного из народов, за исключением все тех же юкагиров и эвенов (ламutow) ⁸², в генезисе которых юкагирский субстрат занимал, вероятно, очень значительное место.

В заключение считаю нужным упомянуть еще об одной группе наскальных изображений, открытых лишь в совсем недавнее время и в настоящее время исследуемых Н. Н. Диковым⁸³. Группа эта находится на побережье Ледовитого океана в районе Чаунской губы, где петроглифы и писаницы встречаются как на открытых скалах, так и в пещерах. В сюжетном отношении их можно подразделить на две группы. Первая из них связана с охотничьей тематикой. Здесь имеются сцены охоты, поколки оленей (т. е. охота с лодок, во время переправ оленей через реки), охоты на морского зверя и т. д. Вторая группа резко отлична и содержит антропоморфные, преимущественно женские фигуры. Отличительной особенностью последних являются грибообразные наголовья. Н. Н. Диков склонен видеть в этих фигурах изображения грибообразных духов (люди-мухоморы), и мне кажется, что он недалек от истины. Интересно отметить, что самый прием изображения сочетания образов — антропоморфного и фитоморфного совершенно идентичен тому, какой находим в древнеугорских гравировках, в которых встречаются изображения женщин-растений, женщин-косуль, женщин-сов и т. д. Во всех случаях второй (не антропоморфный) признак передан в виде соответствующего наголовья⁸⁴. В стилистическом отношении петроглифы, найденные Н. Н. Диковым, не имеют себе достаточно аналогий в Восточной Сибири. Территориально ближе всего к ним расположены ленские петроглифы и писаницы, опубликованные А. П. Окладниковым, но и они не дают сколько-нибудь заметного сходства. В наскальных изображениях Лены находим иную трактовку антропоморфных фигур, совершенно другой прием изображения лодок. Отсутствуют там и своеобразные, довольно реалистически

⁸⁰ Ю. Б. Симченко. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965, стр. 194.

⁸¹ Со слов С. В. Иванова.

⁸² С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири конца XIX — начала XX в. «Труды ИЭ, новая серия», т. XXII. М.—Л., 1954, стр. 209.

⁸³ Н. Н. Диков. Петроглифы Чукотки. «На Дальнем Севере». Литературно-художественный альманах, № 1. Магадан, 1968, стр. 107.

⁸⁴ В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени, стр. 155, табл. XIII, 2.

переданные антропо-фитоморфные или подобные им изображения. А. П. Окладников совершенно правильно отмечает формальное сходство ленских изображений лодок не только с некоторыми южносибирскими, но и с карельскими и южноскандинавскими. Но этими же самыми чертами они отличаются от пегтымельских, опубликованных Н. Н. Диковым. Единственной аналогией последним, в которых автор видит изображения кожаных байдар-умиаков, являются лодки — по Г. Йессингу типа умиаков — петроглифов арктической Норвегии. Но не одна лишь эта черта сближает пегтымельские и норвежские наскальные изображения. Весьма сходны стилистически и фигуры оленей. Характерно, что подобное же сходство наблюдается и с некоторыми ангарскими изображениями оленей. На основании имеющихся данных сейчас пока еще трудно делать выводы о степени и характере близости пегтымельских петроглифов с норвежскими и другими наскальными изображениями уральского ареала. Однако в связи с этим следует напомнить, что еще А. П. Окладников неоднократно отмечал «близкие аналогии» некоторым археологическим материалам с нижней Лены (Уолбинский кырдал у полярного круга), в Оленеостровском могильнике на Онежском озере и даже в Северной Скандинавии⁸⁵. Вместе с тем он отмечал, что эта культура рыболовов и бродячих охотников тундры не ограничивалась в своем распространении на восток лишь низовьями Лены, а доходила до Колымы, а может быть, и дальше на восток⁸⁶. Отмечает западные параллели для пегтымельских петроглифов и сам Н. Н. Диков, который считает, что их можно рассматривать как наследие «неолитического циркумполярного мира охотников Евразии»⁸⁷. Не исключено, что пегтымельские наскальные изображения также следует связывать с отдаленными предками юкагиров или какой-то родственной им группы.

---

⁸⁵ А. П. Окладников. Ленские древности, вып. II. Якутск, 1946, стр. 137.

⁸⁶ А. П. Окладников. История Якутии, стр. 113, 123.

⁸⁷ Н. Н. Диков. Петроглифы Чукотки, стр. 112.

О ЗАУРАЛЬСКИХ ЗООМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ГЛИНЯНОЙ ПОСУДОЙ

(К вопросу о древних контактах в уральской среде)

В. И. МОШИНСКАЯ (Москва)

В отличие от мелкой пластики Северной и Восточной Европы скульптурные изображения более восточной области Урала и примыкающей к нему части Западной Сибири почти неизвестны в литературе. Пока у нас нет ни одной работы или даже статьи, которая была бы посвящена специально этой категории предметов. Только антропоморфные изображения разбирались более детально, и то лишь в небольших заметках. Основная масса глиняных фигурок, изображающих человека, относится уже к железному веку¹, и только одно весьма своеобразное антропоморфное изображение, возможно, принадлежит к более раннему времени². Отсутствие публикаций зооморфной пластики привело к тому, что стало складываться неверное представление о территории ее распространения, якобы не простиравшейся на восток далее Прибалтики³.

Следует указать, что Урал и Зауралье изобилуют различными изображениями зверей как плоскостными, так и объемными, выполненными в различных материалах, в том числе и вылепленными из глины⁴. В этой небольшой статье мы предполагаем разобрать лишь одну группу зооморфных изображений, а именно изображения, связанные с глиняной посудой. Они представлены в обеих формах — и в плоскостной и в объемной. Весь привлекаемый мною материал происходит из раскопок, что облегчает определение хронологической и культурной его принадлежности. Объемные изображения целых фигур зверей редки. Мы можем привлечь здесь лишь одно — фигурку ползущего зверя, помещенного на стенке одного из салехардских сосудов⁵. Хотя она и не отличается особенно высокой степенью детализации, но тем не менее весьма выразительна. Поза, характерный изгиб тела позволяют предположить, что натурой послужил

¹ В. И. Мошинская. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири. КСИИМК, вып. 75.

² В. М. Раушенбах. Женская статуэтка со стоянки Березовый Мыс. МИА, № 130, 1965.

³ T. Edgren. Einige neue Funde von kammkeramische Vogelbildern und Tierskulpturen ans Ton. Finskt Museum, 1966. Helsingfors, 1967, стр. 20—21.

⁴ Изображениям животных и птиц, связанным с деревянной посудой, посвящена монография Д. Н. Эдинг «Резная скульптура Урала». «Труды ГИМ», вып. X. М., 1940.

⁵ В. И. Мошинская. Стоянка эпохи бронзы и жилище усть-полуйской культуры в Салехарде. МИА, № 35, 1954, стр. 186, табл. IV, 3, 5, 7.

какой-нибудь мелкий лесной хищник, скорее всего соболев. Этот экземпляр стоит особняком как по характеру рельефного изображения, так и по месту его расположения на сосуде. Как правило, зооморфная пластика бывает связана с краем сосудов, изображаются одни лишь головы зверей, которые бывают выполнены с различной степенью детализации. В наших материалах их известно около десятка, если не учитывать редуцированные экземпляры, в которых рельефное изображение головы зверя имеет форму простого выступа на краю сосуда. Оснащение сосудов рельефными изображениями голов зверей известно среди находок на стоянках по р. Тагилу (Полуденка I, Кокшаровская на Юрьинском озере, 1-ая Береговая стоянка Горбуновского торфяника), на Южной Сосве (Махтыли) и далее на восток — в памятниках, принадлежащих к урало-сибирскому культурному ареалу, — среди находок в поселении эпохи бронзы Самусь IV на Томи, на стоянках на Андреевском озере в бассейне р. Туры, из пихного слоя поселения Большой Лог на р. Оми и, наконец, из упоминавшейся выше стоянки Салехард в Нижнем Приобье. Значительная степень схематизации большинства изображений не позволяет говорить с какой-нибудь долей уверенности о том, какие именно звери были объектами изображений. По ориентации головок на краю сосудов их следует разделить на две группы: а) обращенные мордами внутрь сосудов. б) обращенные мордами наружу. Разберем их в соответствии с этими группами.

Первая находка была сделана еще в 1933 г. во время раскопок на Горбуновском торфянике, на площади 1-ой Береговой стоянки⁶. Здесь среди многочисленных обломков керамики был найден край сосуда со скульптурной головой животного с большими прямо стоящими ушами и мордой, обращенной внутрь сосуда. Морда более подробно не детализирована и покрыта несколькими оттисками гребенчатого штампа, так же как и остальная часть края с внутренней стороны⁷. Сосуд украшен орнаментом, нанесенным гребенкой, оттиски которой образуют горизонтально расположенные пояса. Слой 1-ой Береговой стоянки смешан и частично принадлежит к среднему периоду уральской бронзы, однако большая часть керамики представлена обломками сосудов с гребенчатой орнаментацией, которые могут быть увязаны с поздней фазой уральского неолита⁸. С неолитической керамикой связываются рельефные зооморфные изображения на стоянке Полуденка I. Наряду с редуцированными изображениями в виде выступов по краю сосудов на Полуденке I был обнаружен один сосуд с рельефными головками, обращенными мордами внутрь сосуда (рис. 1). Морда передана в форме выпуклости, на которой ямками показаны лишь глаза⁹. Полуденка I представляет собой памятник со смешанным культурным слоем, лишь в жилищах были обнаружены чистые комплексы, принадлежащие к неолитическому времени. Зооморфное оформление связано с той группой керамики, которая была охарак-

⁶ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала, стр. 94—95, рис. 88, 89.

⁷ Хранится в ГИМ.

⁸ В. Н. Чернецов. Неолит Зауралья (рукопись).

⁹ Хранится в Нижне-Тагильском краеведческом музее. Благодарю О. Н. Бадера за любезно предоставленные мне фотографии этой керамики.

теризована автором раскопок как «гребенчато-волнистая» и отнесена им к неолиту¹⁰. Значительное сходство с рельефными изображениями из Полуденки I обнаруживается в находке, которая была сделана на стоянке Малое Плесо¹¹ на Андреевском озере (бассейн р. Туры) (рис. 2). Сходство это определяется не только тем, что обращенная внутрь сосуда морда показана в виде выпуклого овала, на котором ямками обозначены глаза, но и тем, что край сосуда в обоих случаях снабжен глубокими насечками, придающими ему особый, отличный от остальной массы керамики, вид. Обломок сосуда с зооморфным изображением был обнаружен в хозяйственной яме вместе с другими сосудами, среди которых оказались два целых. Они весьма своеобразны, это плоскодонные сосуды закрытой формы, украшенные волнообразными узорами и наклепными вертикально расположенными валиками (рис. 3). По орнаментации они весьма архаичны, но характер плоского дна с хорошо выработанным бортиком не позволял отнести их ко времени более древнему, чем эпоха бронзы. Идентичная керамика была обнаружена в могильнике Ростовка на Оми в комплексе, относящемся к эпохе бронзы.

К эпохе бронзы относятся и остальные известные мне изображения этой группы. Здесь прежде всего следует отметить находки, которые были сделаны в Салехарде¹². Наряду с зооморфным наклепом в виде целой фигурки зверя на тулове сосуда, о котором говорилось выше, на керамике эпохи бронзы были отмечены зооморфные наклеи на краях сосудов, как в виде выпуклого овала с обозначенными глазами, так и в редуцированной форме — выступами по краю небольших чаш. В виде выступов такого рода изображения были зафиксированы и в других памятниках, среди которых следует указать Большой Лог на Иртыше, где такая керамика была обнаружена в нижнем слое, относящемся к позднему этапу местной эпохи бронзы, а также в памятниках эпохи раннего железа и последующего времени¹³. В форме, близкой к сосуду из нижнего слоя Большого Лога, она известна среди находок из Гляденова на Каме¹⁴.

К группе «б» может быть отнесено значительно меньшее количество изображений. Все они связаны лишь с неолитической керамикой. Наиболее выразительные находки были сделаны на стоянке Кокшарова на Юрьинском озере, но, к сожалению, материал стоянки Кокшарова до сих пор не издан и в настоящее время автор раскопок (А. И. Рассадович) занята обработкой материалов из этих раскопок, поэтому пока имеются лишь предварительные данные, по которым трудно судить относительно количества находок, распределения их на площади памятника и т. д. Насколько можно судить по данным отчета, три такие находки были сделаны А. И. Рассадович во время ее работ на стоянке Кокшарова на

¹⁰ О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, вып. XVI, стр. 139—147; он же. Новый тип неолитического жилища на Урале. СЭ, № 2, 1947; он же. Археологические памятники Тагильского края. «Ученые записки Молотовского гос. ун-та», т. 8, вып. 2. Молотов, 1953.

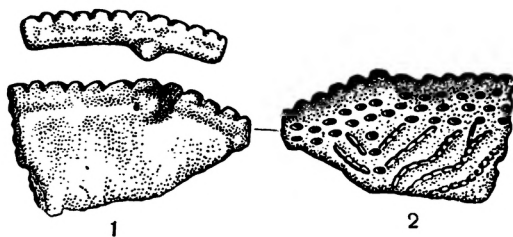
¹¹ Коллекция находится в хранилище ИА.

¹² В. И. Мошинская. Стоянка эпохи бронзы..., табл. IV, рис. 1, 2, 7.

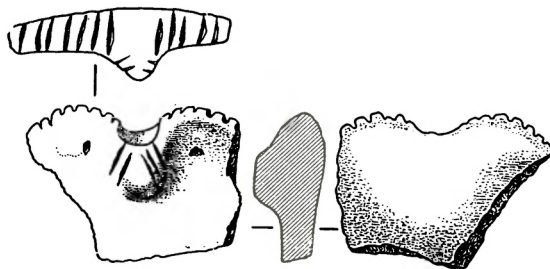
¹³ Там же, стр. 184.

¹⁴ Там же.

Рис. 1. Край сосуда с зооморфным налепом со стоянки Полуденка I

Рис. 2. Край сосуда с зооморфным налепом со стоянки Малое Плесо на Андреевском озере

Рис. 3. Сосуд со стоянки Малое Плесо, вместе с которым был найден обломок сосуда с зооморфным оформлением

Юрьинском озере в 1955 и 1957 гг.¹⁵ Объемные головки зверей, расположенные на краях сосудов, очень схожи между собой. Все они обращены мордами наружу, морды показаны выпуклостями, на которых небольшими углублениями обозначены глаза. Следует отметить продольные черточки на головках. Эти черточки заметны и на выпуклостях по краям сосудов известным из стоянок Козлов Мыс на Андреевском озере и Махтыли на южной Сосве, что позволяет видеть в них редуцированные зооморфные изображения той же группы, что и изображения из Кокшаровой.

Насколько можно судить по имеющимся в руках весьма неполным материалам, территория распространения группы «а» была значительно более широкой, чем территория распространения группы «б». Во временном отношении распространение группы «а» охватывает также более широкий диапазон. В то время как изображения группы «б» связаны лишь с неолитической керамикой (Кокшарова, Полуденка, Махтыли, Козлов Мыс), изображения группы «а» отмечены как для эпохи неолита (Полуденка I), так и для различных этапов эпохи бронзы. Редуцированные формы в виде выступов по краю сосудов известны как для эпохи неолита, когда они существуют параллельно с рельефными головками обеих групп (Кокшарова, Полуденка I, Махтыли, Козлов Мыс на Андреевском озере), так и позднее — в разные периоды эпохи бронзы (стоянка Салехард, нижний слой городища Большой Лог на Иртыше) и в раннежелезном веке вплоть до I тысячелетия (Гляденово на Каме).

Наряду с объемными изображениями зверей, уральская глиняная посуда бывает снабжена графическими, составленными из оттисков гребенчатого штампа, реалистическими фигурами животных или птиц, организованными в композиции, состоящие из рядов фигур, расположенных одна за другой. Графических изображений зверей пока очень мало, известны лишь изображения косули (рис. 4), причем все известные экземпляры происходят со стоянок Карасьего и Исетского озер в Среднем Зауралье¹⁶. Изображения водоплавающей птицы встречаются гораздо чаще¹⁷. Оставляя вне рассмотрения изображения «уточек», нанесенные штампом, полагаю, что графические изображения птиц следует подразделить на более сложные (вариант 1) и схематизированные (вариант 2). Наиболее сохранившиеся экземпляры керамики с орнитоморфным декором первого варианта были добыты во время раскопок стоянки Чебаркуль (рис. 5) на Южном Урале¹⁸. На этой стоянке были собраны обломки по меньшей

¹⁵ А. И. Рассадович. Отчет об археологической разведке в 1955 г. Архив ИА, д. 1195, стр. 10, рис. 22; она же. Отчет об археологических раскопках Кокшаровского поселения в 1957 г. Архив ИА, д. 1689.

¹⁶ О. Е. Клер. Предварительная заметка об открытии изображений на сосудах неолитической эпохи на Урале. ЗУОЛЕ, 1901, т. XXII, стр. 224—227; Е. М. Берс. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. МИА, № 21, 1951, стр. 240, рис. 3, 4, 9; фотоархив В. Я. Толмачева в ЛОИА.

¹⁷ Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, стр. 151.

¹⁸ Н. Н. Кипарисова. Отчет о работах Уральско-Миасского отряда в 1952 г. Архив ИА, № 692, стр. 34, рис. 1, стр. 16; она же. Отчет о раскопках Чебаркульской неолитической стоянки в 1953 г. Архив ИА, № 826, стр. 14; стр. 69.

Рис. 4. Фрагменты краев с графическим изображением косуль

мере от двух сосудов с изображениями водоплавающих птиц. Хорошо реконструируется лишь один из них. Это сосуд полуяйцевидной формы с заметной примесью талька в глиняном тесте (признак очень характерный для уральской керамики). Орнаментация сосуда сводится к чередующимся поясам, составленным из оттисков короткого гребенчатого штампа, — вдоль края полоса из частых наклонных оттисков, под ней широкий пояс, составленный из фигур плывущих птиц, изображения которых выполнены оттисками короткого (4-зубого) штампа, ниже чередующиеся ряды пря-

мых и волнистых линий из таких же оттисков. Рисунок на обломках второго сосуда, который не удалось реконструировать, повторяет пижнюю часть первого сосуда с тем лишь отличием, что зигзаги исполнены в виде лент с поперечной штриховкой. Для обоих сосудов характерно обилие свободного, лишенного рисунка поля¹⁹. Особенности композиции орнамента чебаркульских сосудов, так называемый «разреженный узор», позволяют отнести их к ранней фазе местного бронзового века.

Графические изображения водоплавающей птицы известны в ряде стоянок Среднего Зауралья, но выходят и за его пределы²⁰. Хороший образец схематизированного варианта должен быть отмечен среди материалов с жертвенного места Сузгун на Иртыше.

Зооморфные налесты на керамике представляют собой явление, широко распространенное как в пространственном, так и во временном отношении²¹. Вполне вероятно, что рельефный зооморфный декор, особенно в тех случаях, когда зверь обращен мордой внутрь сосуда, мог иметь охранительное значение для сосудов, содержащих пищу. Об этом позволяют судить многочисленные параллели с различными территориями, никак не связанных с Уралом в культурном отношении. Особенно ярко апотропеический характер звериных изображений на керамике может быть продемонстрирован дагестанской пословицей — «если на сосуде нет зверя, накрой его крышкой». Возможно, что изображения и группы «б», т. е. когда звериные головы обращены мордами наружу, тоже могли иметь охранительное назначение, но не исключено, что они могли играть и другую роль. По наблюдениям В. Ф. Старкова на Кокшаровой и в Махтылах, посуда с такими изображениями могла быть связана с погребениями, но пока рано еще говорить об этом впрямь до того, как будет добыт более обильный и полноценный материал. Апотропеическое значение могли иметь и плоскостные изображения, но, учитывая существование запретов — смешивать мясо и рыбу в одном сосуде, можно допустить и другую роль этих изображений, а именно, что они указывали, для чего данный сосуд предназначен²².

Учитывая универсальность представлений о зооморфных апотропеях считаю излишним приводить многочисленные параллели. Интерес может представить лишь узкий круг аналогий, происходящих с территорией культур сходного типа. Наиболее близкие аналогии как для рельефных

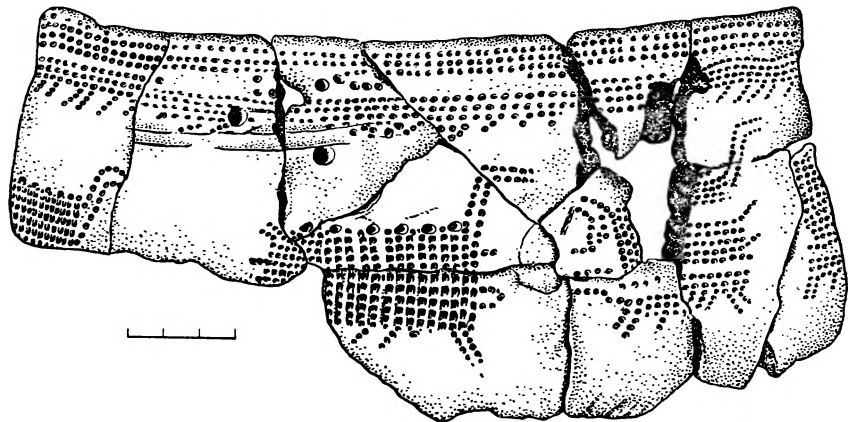
---

¹⁹ Хранится в Челябинском краеведческом музее. Пользуюсь случаем принести благодарности Г. Н. Матюшину, любезно предоставившему мне фотографии керамики.

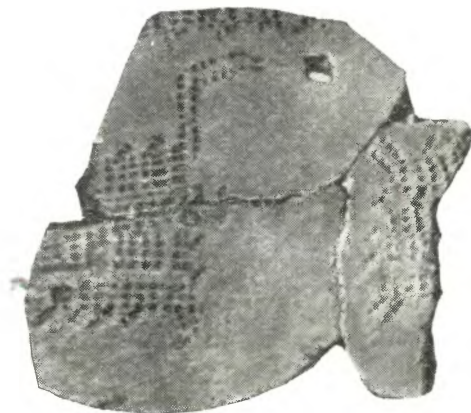
²⁰ Н. Н. Гурина. Указ. соч., стр. 151.

²¹ К. М. Салон. Изображения животных на керамике сарматского периода. «Труды Гос. Эрмитажа», т. I. Л., 1941; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, № 106, стр. 60, рис. 15А, 4, 7; Maenchen-Helfen. A chinese bronze with central-asiatic motives. BMFA, № 30. Stockholm, 1958; Б. А. Литвинский. Рангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.

²² А. Kannisto. Materialien zur Mythologie d. Wogulen, gesammelt v. At. Kannisto MSFOu, v. 113, стр. 391; В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. М., 1971.

Рис. 5. Обломок сосуда с графическим изображением водоплавающей птицы 1-го варианта со стоянки Чебаркуль

Рис. 6. Фрагмент сосуда с графическим изображением водоплавающей птицы 2-го варианта со стоянки Чебаркуль

налепов, так и для плоскостных изображений водоплавающей птицы могут быть привлечены из коллекций, происходящих с территории Финляндии. Плоскостные изображения встречаются чаще и послужили объектом специального изучения. А. Европеус, который специально ими занимался, насчитывает семь мест находок, откуда известны изображения птиц на керамике, сопоставимые с уральскими первого варианта²³. По данным А. Европеуса, область их распространения охватывает Южную Карелию, Саво и Норд-Тавастланд, причем особенно много их в Саво. А. Европеус датирует находки ранней фазой типичной гребенчатой керамики стиля II I²⁴.

Близкие аналогии, которые обнаруживаются между уральскими и финляндскими материалами в том, что касается зоо-орнитоморфных изоб-

²³ Suomen Museo, 1953.

²⁴ T. Edgren. Einige neue Funde von kammkeramischen Vogelbildern und Tiersculpturen aus Ton. Finskt Museum, 1966. Helsingfors, 1967, стр. 8.

ражений, связанных с глиняной посудой, заставляют рассмотреть вопрос о том, в какой степени можно считать это сходство случайным.

На территории Финляндии отчетливо прослежено, что зоо-орнитоморфный декор связан с гребенчатой керамикой²⁵. Последнюю финские археологи рассматривают как местное явление, возникшее на базе культуры Суомусярви. В. Лухо указывает, что культура ранней гребенчатой керамики западной группы (т. е. финско-прибалтийско-восточнопрусской) имеет свой каменный и кварцевый инвентарь, на основании которого ее можно выводить непосредственно из докерамической культуры. Новым является лишь искусство изготовления керамики. По мнению В. Лухо, можно предполагать, что гребенчатая орнаментация этой керамики возникла в Финляндии, причем моделью для глиняных сосудов могли послужить остро- и круглодонные корневатикки²⁶.

Установлению возможной хронологии распространения зооморфной пластики, связанной с глиняной посудой, может способствовать синхронизация уральских и финляндских материалов. В этой связи следует упомянуть попытки, которые были предприняты в этом направлении В. Лухо. Исходя из материалов 6-го разреза на Горбуновском торфянике и привлекая данные, которые были получены в результате типологического изучения полозьев, известных с территории Финляндии и Урала, В. Лухо приходит к выводу, что полоз из Горбуновского торфяника типологически представляется более древним, чем полозья Финляндии, относящиеся ко времени гребенчатой керамики. Обнаруженная в 6-ом разрезе Горбуновского торфяника керамика с гребенчато-волнистой орнаментацией, по мнению В. Лухо, может быть синхронизирована с раннегребенчатой керамикой Финляндии²⁷. По данным В. Н. Чернецова и В. Ф. Старкова, керамика волнисто-гребенчатого типа является переходной от средней к поздней фазе уральского неолита. Наиболее древние экземпляры зооморфных изображений на глиняных сосудах связаны с керамикой среднего и даже раннего этапов уральского неолита и обнаружены в памятниках этого времени (Козлов Мыс, Кокшарова). Находки на торфяниках Финляндии полозьев от нарт и поделок, изготовленных из сибирского кедра, делают допустимым предположение, что в эпоху неолита имели место передвижения населения с востока на запад²⁸. В. Лухо считает возможным говорить, что ко времени ранней гребенчатой керамики между Уралом и Финляндией существовали установившиеся связи. Продолжались они, по его мнению, и в период гребенчатой керамики, как об этом позволяет судить находка полоза из

---

²⁵ T. Edgren. Указ. соч.

²⁶ V. Luho. Die kammkeramische Kultur und die finno-ugrische Frage. «Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum». Helsinki, 23—29/VIII 1965, II. Helsinki, 1968, стр. 53.

²⁷ V. Luho. Keskikuurnallisten julastan ikä. Немецкое резюме. «Suomen Museo», LVII. Helsinki, 1950.

²⁸ J. Ailio. Zwei Tiersculpturen. SMYA, XXVI. Helsinki, 1912; U. T. Sirelius. Zur Geschichte d. prähistorische Schliften. Festschrift Publication. D'hommage offerte au W. Schmidt. Wien, 1928, стр. 949—953.

дерева сибирского кедра (*Pinus sibirica*), обнаруженного в Йилистаро²⁹. Если учесть данные В. Лухо относительно синхронизации ранней фазы гребенчатой керамики Финляндии с этапом гребенчато-волнистой керамики Зауралья, то можно высказать предположение, что появление на территории Финляндии зооморфного декора может совпадать со временем расширения связей с востоком. Небезынтересно привести здесь также мнение В. Лухо о сходстве ранней гребенчатой керамики Финляндии с керамикой восточного ареала гребенчатой керамики. В своем докладе на II конгрессе финноугроведов В. Лухо указывает, что «керамика восточной группы, происходящая из Западной Сибири, по орнаментации напоминает раннюю керамику западной группы прежде всего стиля 1 : 2, но также и стиля 1 1»³⁰.

Как уже отмечалось выше, зооморфный декор керамики представляет собой явление широко распространенное и поэтому вполне допустимо, что он мог возникнуть конвергентно в этих удаленных одна от другой областях, но формальное сходство, которое обнаруживается при анализе изображений, и наличие контактов между этими территориями, которые подтверждаются целой серией находок, заставляет предполагать, что дело обстоит более сложно. Возможно, что со стороны Зауралья имели место известные воздействия. В пользу этого предположения говорят находки деревянных ложек с орнитоморфными рукоятями, выполненными в стиле горбуновской деревянной резьбы³¹. Такого рода ложки, обнаруженные на территории Финляндии, изготовлены как из сибирского кедра, так и из других пород дерева, для которых можно допустить местное происхождение. Что касается ложки, вырезанной из куска сибирского кедра, то она скорее всего была привезена, поскольку трудно предполагать, что ввозилось дерево, как было отмечено Сирелиусом³². Но даже в тех случаях, когда найденные на территории Финляндии ложки с орнитоморфными рукоятями изготовлены из местных пород дерева, в стилистическом отношении они очень близки зауральским, что неоднократно отмечалось исследователями³³.

Не настаивая на однозначном решении вопроса о происхождении зооморфного декора, связанного как с деревянной, так и глиняной посудой, можно все же высказать предположение, что распространение уральского населения на север и на запад вплоть до Финляндии могло оказать воздействие на развитие зооморфного декора в этой области. Древность и длительность существования этой традиции на Урале может подкрепить это предположение.

---

²⁹ V. Luho. Kekkikun rullisten jalastenikä. Немецкое резюме. «Suomen Museo» LVII. Helsinki, 1950.

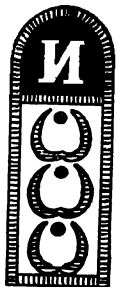
³⁰ V. Luho. Die kammkeramische Kultur und die finno-ugrische Frage, стр. 52.

³¹ C. A. Nordman. Die steinzeitlichen Tiersculpturen Finland. JPEK, 1936/1937, стр. 46.

³² U. T. A. Sirelius. Über Art u. Zeit der Zählung des Renntiers. JSFOu, t. XXXIII. Helsinki, 1916—1920, стр. 15—17.

³³ G. Gjessing. Circumpolar stone age. «Acta arctica», fasc. II. Kbenhavn, 1944, стр. 62.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ (Москва)

История и культура племен лесостепного Прииртышья в эпоху раннего железа известна слабо, хотя и представляет большой интерес как для изучения генезиса аборигенного угорского населения Приобья, так и для познания истории населения сопредельных районов — ранних кочевников Казахстана, Алтая, а частично и сармат Приуралья, с которыми племена Западной Сибири были более или менее тесно связаны. Среди племен лесостепи Северного Казахстана и Западной Сибири эпохи раннего железа некоторые исследователи склонны видеть также протомадьяр, переселившихся отсюда позже на запад и достигнувших затем территории современной Венгрии¹.

В данной статье мы ставили задачу дать краткую общую характеристику культуры крупной группы племен, занимавших лесостепное Прииртышье в эпоху раннего железа, этнографические особенности и ареал расселения которой удалось выявить достаточно определенно в ходе полевых исследований последних лет, проведенных под руководством автора Иртышским отрядом Западносибирской экспедиции ИА АН СССР и археологической экспедицией Уральского университета. Этим работам предшествовали эпизодические раскопки курганов, проводившиеся еще в дореволюционное время С. М. Чугуновым в 1895—1896 гг. у с. Спасского в Барабинской лесостепи², А. П. Плаховым в 1897 г. у с. Николаевки, вблизи Омска³, М. С. Знаменским, А. И. Дмитриевым-Мамоновым и В. Н. Пигнатти в окрестностях Тобольска⁴, в ходе которых удалось добыть первый материал, характеризующий культуру племен лесостепного Прииртышья. Наиболее выразительный комплекс материала этой культуры, в том числе коллекция керамики, был получен из курганов у сел Саргатки и Коконовки, исследованных В. П. Левашовой в 1926—1927 гг., частично опубликовавшей результаты своих работ⁵.

¹ В. Н. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье. МИА, № 35, 1953, стр. 238; А. К. Матвеев. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка). Уч. зап. ПГУ, № 191. Пермь, 1968, стр. 138—139.

² ОАК за 1895 г., стр. 41—42; ОАК за 1896 г., стр. 100—102.

³ А. П. Плахов. Протоколы заседаний Западно-Сибирского отделения Русского географического общества за 1897 г. (№ 234).

⁴ В. И. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш. МИА, № 35, 1953, стр. 189, 217.

⁵ В. П. Левашова. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западносибирского музея за 1926—1927 гг. «Известия Гос. западносиб. музея»,

Первая удачная попытка обобщения материала из западносибирских и зауральских курганов сделана П. А. Дмитриевым, считавшим, что западносибирские курганы принадлежат особой группе сармат, отличной по отдельным элементам культуры от соседних сармат Оренбургской области⁶. Иную оценку этого материала дал позже В. Н. Чернецов, который выделил памятники лесостепи среднего Прииртышья типа Коконовских и Саргатских курганов в отдельную культуру кочевых угорских племен савыров⁷. Фрагментарность имевшегося тогда материала в значительной мере обусловила то, что в названных работах не были детально определены характерные особенности этой культуры, а ареал ее распространения был дан в самых общих чертах на территории лесостепи Западной Сибири и Зауралья. В дальнейшем исследованиями К. В. Сальникова памятники лесостепного Зауралья были отнесены к особой гороховской культуре⁸, а нами было указано на культурное своеобразие лесостепных и степных племен, населявших прилежащую к Оби часть Обь-Иртышского междуречья, демонстрирующих близость в культуре с племенами Верхнего Приобья и Алтая⁹ и по своему облику более резко отличных от племен Прииртышья, чем последние отличаются от населения Притоболья. В результате такого деления для третьей четверти I тысячелетия до н. э. памятники Прииртышской лесостепи оказались замкнутыми в отдельный район. Открытие и изучение на его территории большого числа памятников со сходными культурными особенностями, особенно в керамике и погребальном обряде, позволяет ставить вопрос о выделении здесь особой культуры, которую мы называем «саргатской» по памятнику — курганной группе у с. Саргатка Омской области, где был получен впервые наиболее выразительный комплекс материала этой культуры, ставший в настоящее время широко известным исследователям.

Как показывает имеющийся сейчас материал, хронологические рамки этой культуры укладываются в пределах с IV—III вв. до н. э. по II—III, может быть, даже по IV в. н. э. Нижний предел этой даты определяют находки аналогичных раннесарматских бронзовых втульчатых наконечников стрел и меча с бабочковидным перекрестием и брусковидным, сломанным под углом наверху из Коконовских курганов¹⁰, втульчатого бронзового наконечника стрелы и удила с костяными двудырча-

---

№ 1. Омск, 1928, стр. 159; она же. Два сосуда из курганов Омской области. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 86—88.

⁶ П. А. Дмитриев. Мысовские стоянки и курганы. ТСА РАНИОН, вып. IV. М., 1929, стр. 187—188.

⁷ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 224—225, 240.

⁸ К. В. Сальников. Иткульская культура. Краеведческие записки. Челябинск, 1962, стр. 23.

⁹ В. А. Могильников. Особенности культуры и основные проблемы изучения раннего железного века лесостепного Прииртышья. «V Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов и сообщений». Сыктывкар, 1967, стр. 67.

¹⁰ В. А. Могильников. Коконовские и Саргатские курганы — памятники племен лесостепи Западной Сибири. Сб. «Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени». М., 1972, рис. 2, 5.

тыми псалиями из кургана у с. Артын¹¹, аналогичный псалям из кургана № 3 Алебастровой горы IV в. до н. э.¹² Верхний предел — II—IV вв. н. э. — фиксируется материалом из кургана у дер. Калачевка, где представлены крупные железные черешковые наконечники стрел, имеющие аналогии на широкой территории в памятниках позднесарматского времени¹³, и тонкие бронзовые штампованные бляшки, с полушаровидными выпуклинами, подобные бляшкам из склепа 1 Изыхского чатаса, отнесенного Л. Р. Кызласовым к III в. н. э.¹⁴

Количество памятников, датированных IV—III вв. до н. э., пока ограничено. К этому времени принадлежат курганы у Коконовки, где вскрыто 6 насыпей, курганы у с. Артын с двумя исследованными насыпями и некоторые курганы Большереченского, Потчевашского, Усть-Тартасского могильников¹⁵. Наиболее поздний материал дал курган у с. Калачевка Саргатского района. Ряд памятников относится к эпохе около грани н. э. (Саргатка, Богдановка, Абатское, Кип и др.)¹⁶. Большое число рекогносцировочно обследованных объектов не имеет точной даты.

Переходим к характеристике материала саргатской культуры. Памятники этой культуры представлены курганными могильниками, городищами и неукрепленными поселениями (рис. 1). Наиболее полно изучены могильники. Сложенные из чернозема насыпи курганов обычно круглой, в виде сегмента шара, реже овальной формы, диаметром в среднем — 15—20 м при высоте 0,4—2 м располагаются группами или цепочкой, тянущейся, как правило, на некотором расстоянии вдоль обрыва берега реки или края надпойменной террасы. Наиболее крупные насыпи достигают до 40—50 м в диаметре и четырех-пяти метров высоты и даже более (Камышино-Курское, Большережье, Богдановка). Большинство курганных групп небольшие, насчитывающие всего по несколько насыпей и лишь единичные состоят из нескольких десятков курганов (Артын — свыше 20, Ново-Троицкое — около 70, Большережье — свыше 50 насыпей)¹⁷.

По величине и числу курганов, а также по системе их расположения некрополи можно разделить на два типа. К первому относятся памятники, на которых около одного или нескольких больших курганов

¹¹ В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда Западносибирской экспедиции. Архив. ИА, № 3325-а, рис. 18, 2.

¹² М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1 — 10, табл. 21, 2.

¹³ С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956, рис. 2, 45.

¹⁴ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, рис. 51, 6; 52, 14.

¹⁵ В. И. Мошинская. Указ. соч., стр. 196—202; ОАК за 1895 г., стр. 41.

¹⁶ В. А. Могильников. Коконовские и Саргатские курганы...; он же. Отчет о работах Иртышского отряда за 1968 г. Архив ИА; М. Г. Мошкова, В. Ф. Геннинг. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири. Сб. «Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени». М., 1972.

¹⁷ В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда в 1966 г. Архив ИА, № 3716, 3325, стр. 10; И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 276—277.

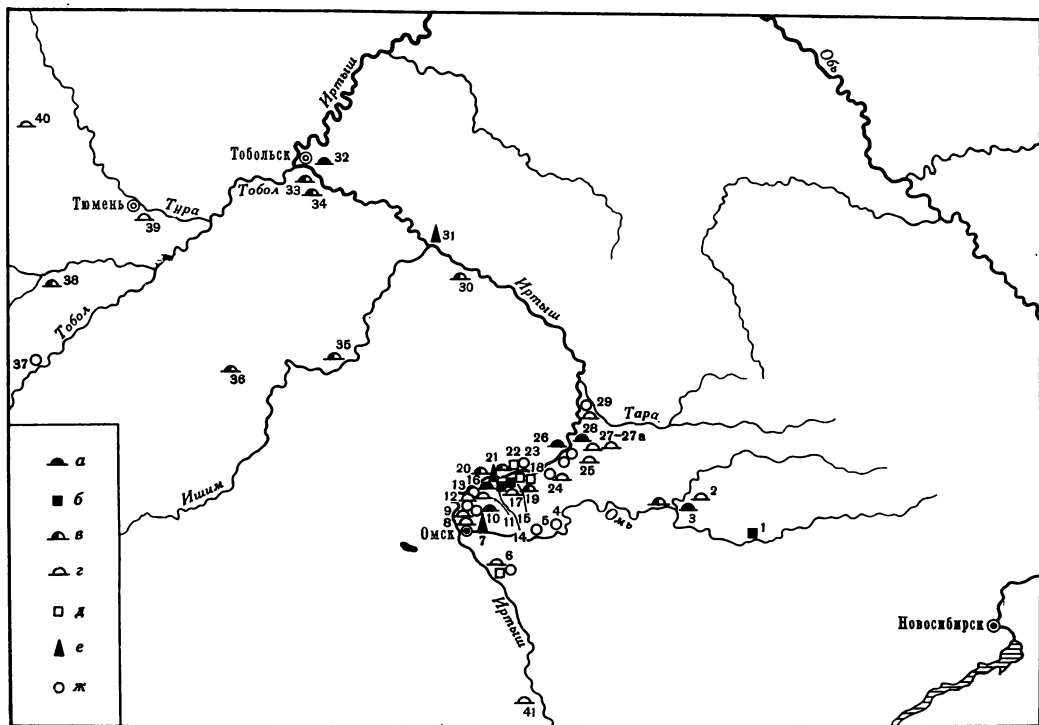

Рис. 1. Расположение памятников саргатской культуры

а — курганы IV—II вв. до н. э.;	7 — Сперановка;	25 — Пустынное;
б — городища IV—II вв. до н. э.;	8 — Захламино;	26 — Большеречье;
в — памятники II в. до н. э.—III в. н. э.;	9 — Николаевка;	27—27а — Карташово, Камышино-Курское;
г — курганы с неопределенной датировкой;	10 — Коконовка;	28 — Артын;
д — городища с неопределенной датировкой;	11 — Ново-Троицкое;	29 — Окунево;
е — находки фрагментов керамики саргатского типа;	12 — Чернолучье;	30 — Кип;
ж — неукрепленные поселения;	13 — Малитина;	31 — Ново-Никольск;
1 — Абрамово;	14 — Горная Бития;	32 — Потчеваш;
2 — Мышайлы;	15 — Горский Лог;	33 — Савино;
3 — Усть-Тартас;	16 — Лежанка;	34 — Тюково;
4 — Вишневка;	17 — Крупянка;	35 — Абатское;
5 — Игнатьевка;	18 — Розановка;	36 — Фоминцево;
6 — Ачаир;	19 — Богдановка;	37 — Речкино;
	20 — Калачевка;	38 — Бакланское;
	21 — Саргатка;	39 — Мыс;
	22 — Кушайлы;	40 — Макушино;
	23 — Андреевка;	41 — Иртышское;
	24 — Исаковка;	

группируются лежащие поблизости друг около друга мелкие насыпи, содержащие единичные погребения (Коконовка, Артын, Большеречье). Второй тип представляют некрополи, состоящие из довольно больших курганов, диаметром около двадцати и более метров, высотой около двух метров, стоящие на значительном расстоянии друг от друга и содер-

жащие под одной насыпью по несколько погребений (Калачевка, Богдановка, Абатское, Саргатка). На основании весьма ограниченного материала можно предварительно предполагать, что памятники первого типа свойственны раннему периоду существования саргатской культуры IV—III вв. до н. э., а второго типа — относятся к последующему времени.

Под насыпью, в материке у большинства курганов имеется кольцевой ровик шириной 0,4—0,8 м и глубиной 0,2—0,5 м, который идет по периметру и оконтуривает первоначальный диаметр кургана. Небольшие размеры ровиков и их малая ширина по отношению к величине насыпей наводят на мысль о том, что они образовались не просто в результате выемки земли для насыпки кургана, а выполняли функцию ограды вокруг него. Это мнение подкрепляется находками на дне некоторых ровиков (Коконовка, курган 3)¹⁸ остатков столбов и имеющимися в ровиках перемычками, служившими, очевидно, проходами в этой ограде. Ровиков нет у мелких курганов. По-видимому, это обстоятельство объясняется тем, что малые курганы были окружены неглубокими ровиками, которые врезались в чернозем, но не достигали материка и сейчас не фиксируются в погребенном черноземе. Аналогичная картина наблюдается в лесостепном Притоболье, где часто небольшие курганы не имеют кольцевых ровиков¹⁹. В насыпях курганов обычно пахотятся кости в основном домашних животных, преимущественно лошади, реже — крупного и мелкого рогатого скота, представляющих, очевидно, остатки тризны. В ровике кургана у Калачевки встречены два черепа лошади и один череп быка. Из костей диких животных эпизодически встречаются кости лося (Коконовка), выдры (?), зайца (Богдановка), птицы (Богдановка, Горная Бития, Калачевка). Кроме того, кости животных — лошади, мелкого рогатого скота — в ряде случаев (Коконовка, Богдановка, Горная Бития и др.) лежали в могилах как заупокойная пища, чаще в изголовье и реже сбоку от погребенного. Определенную роль в погребальном ритуале играл огонь. В курганах конца I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э. около уровня древнего горизонта, на слое выкида центральной могилы, иногда под ним и как вкрапления в него часто располагаются слоем угли и зола от большого погребального костра. Остатки отдельных небольших кострищ, лежавших на уровне погребенной почвы и в насыпях, обнаружены также в курганах IV—III вв. до н. э. (Коконовка, Артын). Кусочки угля и золы встречаются на дне и в заполнении могильных ям. В некоторых курганах (Горная Бития, Богдановка) около костяков в могилах имеется белая меловая подсыпка и мелкие кусочки желтоватой краски (Богдановка, Калачевка).

Под одной насыпью находится одно или несколько погребений. Все исследованные курганы IV—III вв. до н. э., у которых имеется определенная датировка и достаточная документация (Коконовка — 6 кур-

---

¹⁸ В. А. Могильников. Раскопки 1967 г. в Коконовке. Сб. «Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени». М., 1972, рис. 2.

¹⁹ В. Е. Стоянов, В. Н. Фролов. Курганные могильники у д. Воробьево. ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1962, рис. 16, 18.

ганов, Артыш — 2 - кургана), содержали одиночные могилы, лежащие под центром насыпи. Под курганами последующего времени, конца I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э., обычно находится по нескольку погребений — одно основное, центральное, над которым первоначально насыпан курган, и несколько — впускных, хронологически близких центральному в пределах одного, относительно короткого отрезка времени. Впускные и основные захоронения различаются локализацией и размерами могильных ям. По особенностям погребального обряда и элементам конструкции могил они близки друг к другу. Следует отметить, что контуры могильных ям впускных погребений, лежащих на уровне материка, в погребенной почве или черноземе насыпи обычно не прослеживаются. На уровне материка могильные ямы обычно имеют подпрямоугольную, со слегка закругленными углами или подовальную форму с почти вертикальными или несколько наклонными стенками. Вдоль длинных стенок могил иногда располагаются ступеньки — заплечики. В северном торце у части могильных ям, в изголовье погребенных (Коконовка, к. 10, Богдановка, к. 1, погр. 4) находились подбой глубиной до 0,2 м и высотой до 0,5 м, в которых стояли глиняные сосуды²⁰. Наибольшие размеры имели основные центральные погребения, которые врезались в материк на глубину до 1,5 м и в плане достигали длины 4 м и ширины 3 м (Саргатка). Впускные погребения, лежащие в материке, обычно весьма узкие, прямоугольные, рассчитанные на помещение обычно одного умершего с инвентарем.

В неразграбленных могилах костяки лежат, как правило, на спине, вытянуто. Руки уложены вдоль корпуса или несколько откинута. Только в одном случае (Горная Бития, к. 3, погр. 2; III—II вв. до н. э.) встречено скорченное положение на левом боку.

Ориентировка погребенных не была строго стабильной на протяжении всего периода существования этой культуры. Точной закономерности ее изменения пока нельзя проследить ввиду небольшого количества материала. Все же можно констатировать, что в курганах IV—III вв. до н. э. господствует ориентация погребенных головой на север, иногда с небольшими отклонениями. В более поздних захоронениях этот обычай строго не соблюдался и наряду с преобладающей северной встречается положение головой на запад и восток (Саргатка, Богдановка, Калачевка).

Основные, центральные захоронения почти всегда парные (Горная Бития, Богдановка, Саргатка, Коконовка и др.). Они располагаются в наибольших по величине могильных ямах подпрямоугольной или подовальной формы. Сверху, на уровне горизонта или около него, иногда поверх слоя выкида (Коконовка, курганы 8, 11) могилы перекрывались накатом обычно в один и реже — в два ряда (Коконовка, к. № 8), бревна которого укладывались вдоль или поперек могильной ямы. Для опоры деревянного перекрытия служили также упомянутые ступеньки-за-

---

²⁰ В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда за 1967 г. стр. 6, 7; он же. Отчет о работах Иртышского отряда за 1968 г., стр. 21.

плечики, устраиваемые вдоль стенок могил. Они встречены в отдельных погребениях (Коконовка, Калачевка, Абатское) ²¹.

Впускные погребения располагаются в насыпях курганов, около уровня древнего горизонта, или врезаются в погребенный чернозем и материк. В некоторых курганах (Абатское, Богдановка, Горная Бития, курганы № 1, 3) они локализовались под насыпью по окружности, а в курганах у Калачевки и Горной Битии, к. № 4 — образовывали ряд. Возможно, таким расположением впускных погребений по периферии насыпи отчасти объясняются отклонения от господствующей северной ориентировки. Как и основные, впускные погребения в некоторых случаях перекрывались бревенчатыми накатами (Богдановка, Абатское), иногда берестой, но в большей части перекрытия не прослеживаются. В отдельных захоронениях прослежены остатки деревянной обкладки стенок могил. В кургане 1 у с. Саргатки она имела подобие сруба высотой около 0,5 м и размерами в плане — 2×0,81 м. На дне могильных ям ряда погребений встречены следы древесной подстилки (Саргатка, Калачевка, Богдановка, Горная Бития).

Большой интерес представляют некоторые могилы из Горной Битии, одна из которых содержала захоронение только двух черепов, без прочих костей скелета. Один из этих черепов имел две пробоины. В другом кургане было одно погребение тулова без головы и, в противоположность этому, под той же насыпью имелось захоронение целого скелета, в изголовье которого справа лежал еще один череп ²².

Сходство конструкции погребальных сооружений основных и впускных погребений при однотипности погребального инвентаря свидетельствует об их хронологической близости. По-видимому, курганный могильник был родовым кладбищем, а отдельные курганы служили усыпальницами членов отдельных семей. При этом центральная могила предназначалась, по-видимому, для главы семьи. Поэтому она имела наибольшие размеры и часто содержала парные захоронения. Впускные погребения, как правило, одиночные, являлись, очевидно, захоронениями членов семьи. Вероятно, обряд захоронения лиц, надо полагать, связанных кровным родством, в одном кургане вокруг могилы общего предка входит в обиход в западносибирской лесостепи несколько позже, чем у сармат, где он был широко распространен в прохоровской культуре ²³. Эти изменения, по-видимому, отражают какие-то перемены в структуре общества, возможно, более четкое выделение отдельных семей.

Инвентарь погребений состоит из керамики, орудий труда, предметов вооружения, украшения и культа. Глиняные сосуды в погребениях IV—III вв. до н. э. встречаются редко. Пока это единичные находки. В кургане № 10 у Коконовки в изголовье погребенного стоял небольшой гли-

²¹ В. А. Могильников. Исследования в лесостепном Прииртышье. Сб. «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967, стр. 151; *он же*. Исследования в Омском Прииртышье. Сб. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 141; М. Мошкова, В. Ф. Геннинг. Указ. соч.

²² В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда за 1968 г., рис. 17, 19.

²³ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры..., табл. I.

няный сосуд, украшенный пояском наклонных резных линий на плечиках (рис. 2). Из другого Коконовского кургана, раскопанного в 1926 г. В. П. Левашовой, происходит фрагмент верхней части сосуда с узким горлом. Неорнаментированные фрагменты стенок довольно грубого сосуда найдены в грабительском шурфе кургана 1 у с. Артын²⁴.

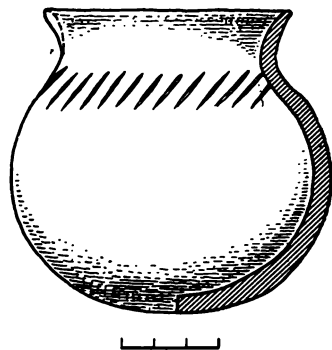

Рис. 2. Сосуд из Коконовки, курган 10

В более поздний период — конца I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э. — керамика имеется в большинстве погребений. В одной могиле часто находится по несколько сосудов, стоящих преимущественно в изголовье, реже сбоку или у ног погребенного. В случаях, когда в захоронении помещено по два сосуда, один нередко стоит у головы, второй — у ног. Насколько можно судить по имеющемуся материалу, максимальное число сосудов в одной могиле достигает пяти (Богдановка, погр. 6).

Помимо керамики, вещевой инвентарь изученных погребений весьма немногочислен. Частью это объясняется ограбленностью большинства захоронений, особенно, надо полагать, наиболее богатых, центральных, а частью, по-видимому, относительной бедностью племен Прииртышской лесостепи предметами из цветных металлов, стекла и камня, что было обусловлено тем, что лесостепное Прииртышье далеко отстояло от древних металлургических очагов и центров цивилизации.

Примечательно малое количество находок предметов вооружения из металла по сравнению с их количеством из сарматских курганов. Напротив, в относительно большом числе имеются костяные наконечники стрел.

Кратко остановимся на характеристике отдельных категорий вещей.

Предметы вооружения представлены железными мечами, кинжалом из Богдановки, наконечниками стрел и копий. Из защитного оружия в курганах IV—III вв. до н. э. (Коконовка) находятся прямоугольные костяные пластины от панцирей²⁵. В курганах более позднего времени они пока не обнаружены, что объясняется, по-видимому, изменением типа доспехов, исключившим применение костяных пластин. Находки мечей известны пока всего в двух пунктах. В Коконовке, в кургане IV—III вв. до н. э., обнаружен упоминавшийся выше короткий меч-акинак, в Богдановке в погребении I в. до н. э. — I в. н. э. найден длинный двуручный меч с литым, бронзовым, прямым перекрестием и круглым, кнопковидным навершием²⁶. Находки железных наконечников

²⁴ В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда Западносибирской экспедиции. Архив ИА, Р-1, № 3325, стр. 11.

²⁵ В. А. Могильников. Коконовские и Саргатские курганы...

²⁶ В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда за 1968 г., рис. 43, 1.

копий известны из Богдановки, где копьё с относительно длинной втулкой и пером с ребром посредине находилось в одном комплексе с мечом и кинжалом, а также — из Коконовки, где встречена железная втулка копья²⁷. Немногочисленные бронзовые втульчатые наконечники стрел, известные из курганов IV—III вв. до н. э., в основном по форме следуют раннесарматским образцам и только в кургане у с. Абатского найден массивный наконечник стрелы кулайского типа²⁸, форма которых типична для лесных районов Приобья²⁹. Бронзовым наконечникам стрел в погребениях сопутствуют и подражают по форме втульчатые костяные наконечники. Последние находятся также в погребениях, где бронзовые наконечники не встречены (Горная Бития)³⁰. По-видимому, как и у сармат в I в. до н. э., мелкие втульчатые костяные наконечники стрел исчезают вместе с бронзовыми наконечниками. Их заменяют известные и ранее костяные черешковые наконечники, которые позже встречаются в одних комплексах с железными, черешковыми наконечниками. Эволюция последних в лесостепи Западной Сибири еще недостаточно известна. Однако можно полагать, что изменения их величины и пропорций приблизительно соответствовали эволюции железных наконечников стрел у кочевников Казахстана и Средней Азии, с которыми были в контакте племена западносибирской лесостепи. Среди костяных наконечников стрел в Горной Битии представлен также наконечник стрелы с пазом для укрепления черешка, имеющий аналогии в материале Усть-Полуйского городища³¹.

Данные об устройстве лука пока ограничены. Можно говорить, что в I в. до н. э.—I в. н. э. распространяется сложный лук с роговыми срединными и концевыми накладками, встреченными в курганах у Саргатки и Богдановки³². По форме они аналогичны накладкам гуннских луков из находок на Иволгинском городище в Забайкалье³³ и могильнике Джумгал Кызарт на Памире³⁴.

С предметами вооружения связаны находки в погребениях предметов конской узда — удила и сопутствующих им костяных ворворок. Наиболее ранний тип удила с прямыми костяными двудырчатыми псалиями представлен, как отмечено выше, в кургане IV—III вв. до н. э. у с. Артын. К эпохе около грани н. э. относятся удила с крестовидными псалиями из кургана у Богдановки, аналогичные удилам из раннесарматских курганов Старые Кишки в Башкирии³⁵ и меото-сарматского могильника

²⁷ В. А. Могильников. Коконовские и Саргатские курганы..., рис. 2, 11.

²⁸ М. Г. Мошкова, В. Ф. Генинг. Указ. соч., рис. 6, 5.

²⁹ И. М. Мягков. Находка на горе Кулайке. «Труды Томского краевого музея», т. I. Томск, 1927, стр. 67.

³⁰ В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда за 1968 г. Архив ИА, Р-1, № 3716, рис. 8, 1, 2.

³¹ В. И. Мошинская. Материальная культура Усть-Полуя. МИА, № 35, 1953, табл. II, 7.

³² В. А. Могильников. Коконовские и Саргатские курганы..., рис. 8, 4, 5; он же. Отчет Иртышского отряда за 1968 г., рис. 44.

³³ А. В. Давыдова. Иволгинское городище. СА, XXV, 1956, рис. 21, 10—14.

³⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.—Л., 1952, стр. 73, рис. 37.

³⁵ М. Х. Садыкова. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки. АЭБ, т. I. Уфа, 1962, табл. VI, 2.

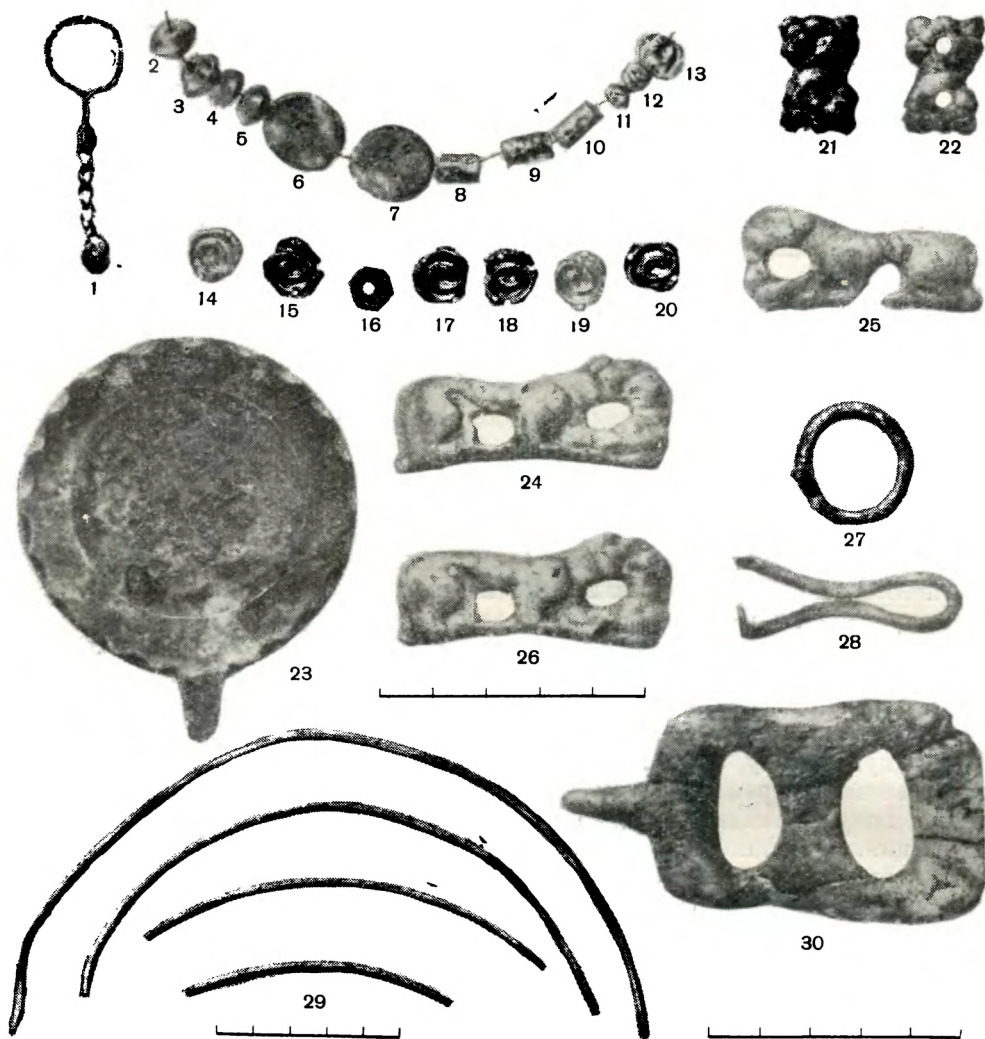

Рис. 3. Детали костюма и предметы туалета. Богдановка, курган 1

1 — золото, сердолик; 2—5, 16 — сердолик; 6—12 — стекло; 13 — паста, обернутая золотым листом; 14, 15, 17—20 — золото; 21—29 — бронза; 30 — кость; 1—15, 17—20 — погребение 3; 21, 22, 24, 25 — насыпь; 23 — погребение 6; 27—30 — погребение 5

у станции Усть-Лабинской на Кубани³⁶. В кургане у Богдановки найдены также удила с большими кольцами, появляющиеся в Западной Сибири, судя по сопутствующим им пряжкам с неподвижными язычками (рис. 3, 27, 30), в I в. до н. э. — I в. н. э. Костяные ворворки с косо-

³⁶ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, рис. 12, 12.

срезанным краем из Богдановки аналогичны подобным вещам с Иволгинского городища³⁷.

Из орудий труда в погребениях находятся железные ножи и глиняные пряслица. Причем в ряде погребений (Богдановка, Горная Бития) ножи лежали в могилах рядом с костями животных, мясо которых (филейная, тазовая часть, часть ноги) было положено в качестве заупокойной пищи. Украшения и детали костюма представлены найденной в Богдановке золотой серьгой со сложновитой цепочкой и сердоликовой бусиной на конце (рис. 3, 1), стеклянными и сердоликовыми бусами (рис. 3, 2—12), пастовой или глиняной реберчатой бусиной, покрытой золотым листком (рис. 3, 13), бронзовыми, железной с золотой инкрустацией и золотыми бляшками, бронзовыми зеркалами, бронзовыми, железными и костяными пряжками, круглопроволочной простой гривной из Богдановки (рис. 3, 29).

Среди стеклянных бус представлены округлые, крупные синие с белыми глазками (Коконовка, Горная Бития)³⁸, аналогичные бусам из раннесарматских курганов³⁹, боченовидные стеклянные золотистые (Саргатка)⁴⁰, распространенные в ранне- и среднесарматское время⁴¹, круглые и цилиндрические из непрозрачного стекла (Саргатка, Богдановка)⁴². Сердоликовые биконические бусы (рис. 3, 2—5) встречены в погребениях у Богдановки. Там же, но в другой могиле найдена сердоликовая зубовидная подвеска и восьмигранная бусина (рис. 3, 16).

Помимо бус, украшениями служили бронзовые, железные и золотые бляшки. Последние встречены во впускном погребении у Богдановки. Они изготовлены штамповкой из тонкого листа и украшены спиральным орнаментом (рис. 3, 14, 15, 17—20). Бронзовые литые бляшки имеют умбонovidную форму с петельками на обороте для крепления к ремню. В Калачевке встречены упомянутые выше штампованные бляшки. Железная полусферовидная бляшка из Богдановки имела следы золотой инкрустации. Очевидно, украшением поясов или сбруи являлись бляшки из Богдановки с изображением пантер (рис. 3, 24—26) и двух сопоставленных голов грифонов (рис. 3, 21, 22), встреченные в насыпи кургана около края могильной ямы центрального погребения. Последние по стилю изображения сопоставленных голов напоминают бляшки с изображениями конских головок из Биктимировского могильника Башкирии⁴³. Сюжеты звериного стиля, в частности пантера, указывают на связи со степным миром. Бронзовые зеркала из курганов двух типов. К первому принад-

³⁷ A. V. Davydova. The Ivolga Gorodische. «Acta Archaeologica Hungarica», т. XX. Budapest, 1968, Fig. 14, 34—36.

³⁸ В. А. Могильников. Коконовские и Саргатские курганы..., рис. 2—9; он же. Отчет Иртышского отряда за 1968 г., рис. 21, 1.

³⁹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры..., табл. 30, 16, 41; 31, 1.

⁴⁰ В. А. Могильников. Коконовские и Саргатские курганы..., рис. 10, 7.

⁴¹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры..., стр. 44—45, табл. 30, 69; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 50, 1959, стр. 440—441.

⁴² В. А. Могильников. Коконовские и Саргатские курганы..., рис. 10, 6; он же. Отчет Иртышского отряда за 1968 г., рис. 49, 8—9.

⁴³ А. Х. Пшеничнюк. Биктимировский могильник. АЭБ, т. II. Уфа, 1964, рис. 2, 1.

лежат круглые зеркала с валиком по краю (Кип, Фоминцево, Абатское) ⁴⁴, аналогичные зеркалам с памятников прохоровской культуры и средне-сарматского времени ⁴⁵. Второй тип представлен круглыми зеркалами с полулунными углублениями на краю диска (рис. 3, 23). Эти зеркала известны из курганов у Богдановки, Усть-Тартаса и Тюковой ⁴⁶.

Находки бронзовых пряжек пока представлены только в погр. № 5, кургана № 1 у Богдановки, где обнаружены две круглые пряжки с неподвижным шпеньком (рис. 3, 27) и две лировидные пряжки (рис. 3, 28). Последние аналогичны пряжкам из Тулхарского могильника конца II в. до н. э.—начала I в. н. э. в Таджикистане ⁴⁷, первые — сближаются с пряжками памятников прохоровской культуры IV—II вв. до н. э. ⁴⁸ и пьяноборской культуры, где в несколько видоизмененном виде доживают до II в. н. э. ⁴⁹ Происходящая из этого же погребения большая костяная пряжка с неподвижным язычком (рис. 3, 30) была, по-видимому, подпружной. Единичные экземпляры железных пряжек представлены железными кольцами, язычок у которых не сохранился (Богдановка, Саргатка).

Являющиеся, вероятно, культовыми небольшие глиняные блюда — с орнаментом из резных треугольников, ямок и рельефного узора находятся как в погребениях (Мыс, Калачевка) ⁵⁰, так и на поселениях (Колмаковское городище) ⁵¹. Очевидно, также с культовой целью был поставлен маленький сосудик с углями в погр. 6 у Богдановки ⁵². В лесостепном Прииртышье, где нет камня, эти глиняные блюда и сосуды — курильницы, очевидно, исполняли роль каменных жертвенных плит и курильниц, известных в Зауралье ⁵³.

Судя по материалу немногочисленных неразграбленных погребений, расположение в могилах предметов вооружения и украшения соответствует их месту на костюме умершего. Наконечники стрел лежат около ног, сбоку, где прикреплялся колчан, мечи и кинжалы несколько ниже пояса, гривна (Богдановка, погр. 5) — на шее, бусы — в области груди, шеи и ног, где, очевидно, служили украшением обуви.

⁴⁴ Коллекция Омского музея; В. Ф. Генинг, Г. Д. Голдина. Курганы у села Фоминцево. ВАУ, вып. 8. Свердловск, 1968; М. Г. Мошкова, В. Ф. Генинг. Указ. соч., рис. 4, 1.

М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры..., табл. 28, 13; А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, рис. I—IV.

⁴⁶ ОАК за 1896 год, рис. 402; В. И. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш, табл. XVII, 1.

⁴⁷ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, № 136, М.—Л., 1966, табл. XV, 1—4.

⁴⁸ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры..., табл. 25.

⁴⁹ В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1962, рис. 7.

⁵⁰ П. А. Дмитриев. Указ соч., стр. 183, рис. 3; В. А. Могильников. Исследования в лесостепном Прииртышье, стр. 152. Коллекция Омского музея.

⁵² В. А. Могильников. Отчет Иртышского отряда за 1968 г..., стр. 24.

⁵³ П. А. Дмитриев. Жертвенные камни Зауралья. КСИИМК, вып. XIX. М., 1948, стр. 12—21; В. Ф. Генинг. Курганы у гор. Шадринска. ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1962, рис. 37, 43.

До недавнего времени поселения племен эпохи раннего железа лесостепного Прииртышья не были известны, а население, оставившее курганы типа Саргатских и Коконовских, рассматривалось как кочевническое⁵⁴. В последние годы открыто большое число поселений в Прииртышье и Притоболье. Благодаря находкам на этих поселениях и в курганах идентичных форм керамики и отдельных вещей, указывающих на синхронность поселений и курганов, можно считать, что оба вида памятников оставлены одним оседлым населением. Причем неоднократно констатировано, что с определенным поселением связана лежащая вблизи курганная группа. Такое сочетание отмечено в Коконовке, Ново-Троицком, Горной Битии, Богдановке и ряде других мест (рис. 1). Пока поселения изучены еще слабо, и мы дадим только их беглую характеристику.

Поселения племен саргатской культуры представлены городищами (Горная Бития, Богдановка, Каргаповка, Розаповка, Кушайлы, Карташово и др.) и неукрепленными селищами (Коконовка, Ново-Троицкое, Малитина, Пустынное и др.), в ряде случаев имеющими мощный культурный слой. Городища расположены преимущественно на мысах между оврагами, у реки и с напольной стороны защищены одним или несколькими валами и рвами. Валы имеют выемки, а рвы — соответствующие перемычки для проезда на защищенную площадку. Небольшое число городищ расположено у обрыва ровного коренного берега реки или озера и с напольной стороны ограждено овальными или подпрямоугольными валами (Калмаково — на р. Оми, Кушайлы — на р. Иртыше)⁵⁵. К валам с напольной стороны часто примыкает неукрепленная часть поселения со следами жилищ в виде неглубоких овальных впадин (Богдановка, Кушайлы). Аналогичные жилищные впадины прослеживаются на площадках городищ и отдельных селищ, топография расположения которых близка городищенской. Они также занимают высокие незатопляемые берега пойменных озер и рек (Коконовское, Ново-Троицкое, Малитина и др.). Раскопки на селищах и городищах (Коконовское, Горский Лог, Богдановское) выявили остатки подпрямоугольных жилищ размером около 4×5 м, 5×6 м, слегка углубленных основанием в землю, с очагом в центре, устроенном на ровном полу (Богдановка), в яме (Горский Лог) или на глинобитном возвышении, которое могло быть остатком пода от примитивной печи (Коконовка). Культурный слой поселений обильно насыщен фаунистическими остатками, керамикой, орудия труда довольно редки. В остеологическом материале представлены преимущественно кости домашних животных — лошади, крупного и мелкого рогатого скота, при этом доминируют кости лошади. На поселениях Горский Лог, Богдановка и Битые Горки, датируемых приблизительно IV—II вв. до н. э., в небольшом числе встречены кости свиньи, которые лишь эпизодически находятся на древних поселениях Западной Сибири. Кости диких живот-

⁵⁴ В. Н. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье..., стр. 238.

⁵⁵ И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте...; В. А. Могильников. Исследования в Омском Прииртышье, стр. 141.

ных принадлежат лосю, косуле, бобру, лисице, зайцу, кунице или соболю⁵⁶.

Обращает внимание малочисленность находок на поселениях наконец-ников стрел, что в комплексе с остеологическим материалом указывает на второстепенную роль охоты в хозяйстве. Зато в значительном количестве встречаются костяные проколки и глиняные пряслица. Последние свидетельствуют о развитии прядения и ткачества, сырьем для которых служила, надо полагать, главным образом, шерсть домашних животных. Скотоводство было основой благосостояния населения. Прямых свидетельств наличия земледелия пока не обнаружено, хотя, по-видимому, в каких-то, возможно, ограниченных пределах оно было, о чем свидетельствует находка серпа на городище Большой Лог вблизи Омска⁵⁷. Подсобную роль в хозяйстве играло рыболовство, на что указывают немногочисленные находки на поселениях костей щуки, язя, окуня, осетровых и других рыб.

Слабая изученность поселений позволяет пока дать лишь общую характеристику керамики с привлечением материала из курганов. Сосуды изготовлены весьма грубо из глины с примесью шамота и песка. Поверхность мелких сосудов, как правило, гладкая, у крупных — довольно часто имеет штрихи в виде параллельных бороздок от заглаживания концом щепки или пучком травы. Среди керамики из курганов преобладают круглодонные горшковидные сосуды с суженным горлом, отогнутым венчиком и яйцевидным или шаровидным туловом (рис. 4). Изредка обнаруживаются сосуды с уплощенным дном (рис. 4, 9; 5, 4) и баночной формы (рис. 5, 7; Саргатка)⁵⁸. На поселениях наряду с горшковидными сосудами, аналогичными сосудам из курганов, находятся миски с круглым и уплощенным дном. В единичных экземплярах на поселениях и в курганах имеются небольшие плоскодонные блюда (Горная Бития, Мышайлы)⁵⁹.

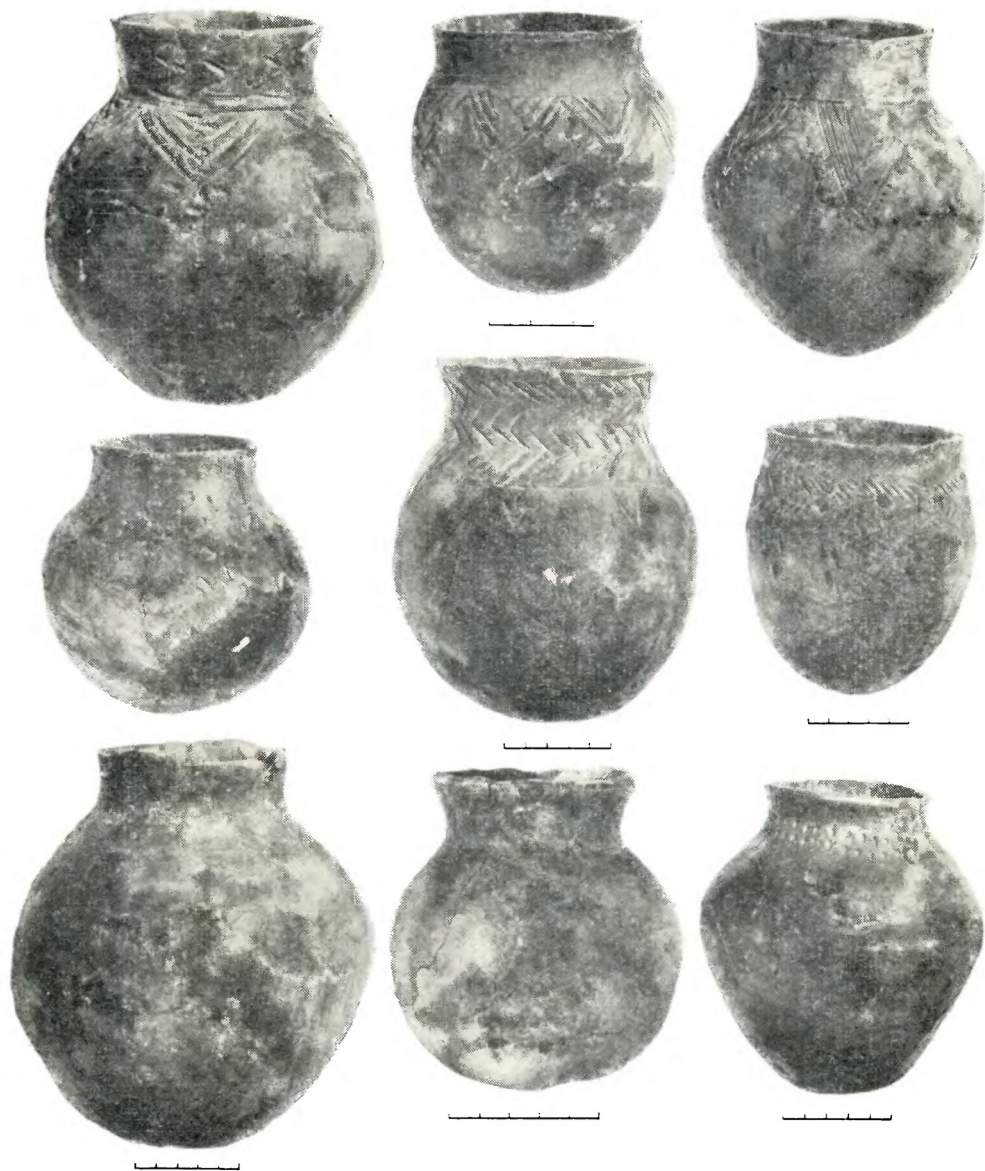
Большая часть посуды украшена резным и ямочным орнаментом (рис. 4, 5). Отпечатки зубчатого штампа встречаются как исключение. Орнамент располагается на шейке и плечиках, а ямочные наколы иногда покрывают также дно сосудов (рис. 4, 1, 4; 5, 4). Излюбленной композицией орнамента является горизонтальная елочка по шейке, нередко дополняемая как будто только на ранних памятниках (Коконовское поселение, Каргановское городище) рядом ямок и «жемчужин». По предварительным наблюдениям можно заключить, что на более поздних поселениях орнамент из жемчужин (рис. 5, 6, 7) исчезает, зато в большом количестве встречаются наколы в форме грубых треугольных ямок. Характерный орнамент в виде свисающих треугольных фестонов (рис. 4, 1—3; 5, 1, 2), образующий в плане обычно пяти- или восьмилучевую розетку, встречается только на плечиках горшков с узкой шейкой и неизвестен на широко-

⁵⁶ Определение произведено доктором биол. наук В. И. Цалкиным.

⁵⁷ В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. Городище Большой Лог. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, рис. 27, 7.

⁵⁸ В. А. Могильников. Коконовские и Саргатские курганы..., рис. 3—5, 9, 10.

⁵⁹ В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда за 1968 г., рис. 25, 18; ОАК за 1894 г., рис. 220.

Рис. 4. Керамика саргатской культуры

1, 2, 4—9 — Богдановка, курган 1; 3 — Богдановское городище; 1 — погр. 1; 2, 8, 9 — погр. 6; 4 — погр. 5; 6 — погр. 7; 7 — погр. 8

горлых сосудах и чашах, украшенных вдоль венчика узором в виде резной горизонтальной елочки, сетки, легких наклонных насечек, ямок и «жемчужин» (рис. 5, 6, 7).

После фрагментов керамики пряслица представляют наиболее многочисленную категорию вещевых находок на поселениях саргатской культуры. Как и сосуды, они вылеплены из глины с примесью шамота. По форме большинство пряслиц круглые, некоторые с небольшой концентрической выемкой с одной стороны у отверстия (рис. 6, 1, 4), остальные усеченно-конические (рис. 6, 2). Часть пряслиц подобно сосудам украше-

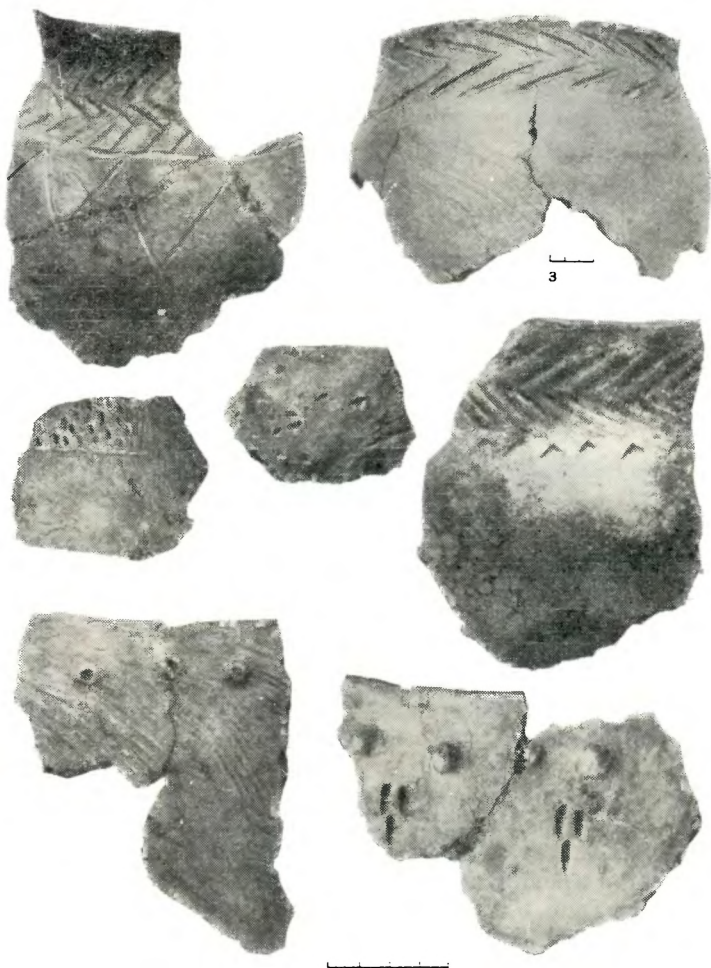
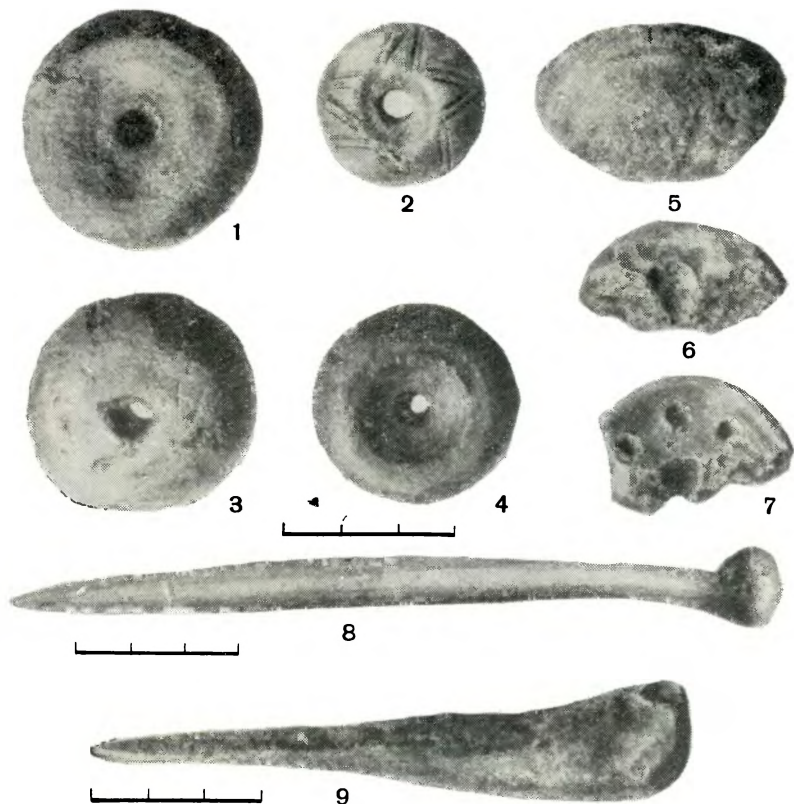

Рис. 5. Керамика саргатской культуры. Коконовское поселение

Рис. 6. Пряслица и проколки. Коконовское поселение

1—7 — глина; 8, 9 — кость

на ямочными наколами и нарезными треугольниками (рис. 6, 2, 7). Следует отметить, что орнамент на пряслицах и сосудах в виде резных треугольников и наколов сходен с узорами на упоминавшихся выше глиняных жертвенных блюдах.

На поселениях находится довольно много костяных изделий — проколки, наконечники стрел, пряжки, заготовки и др. Среди них наиболее многочисленны проколки, сделанные преимущественно из метакарпальных костей лошади (рис. 6, 9). Лишь единичные экземпляры специально выточены из кости (рис. 6, 8).

Как отмечено выше, костяные наконечники стрел на поселениях находятся довольно редко. На ранних памятниках встречаются как втульчатые (Колмаковское городище)⁶⁰, так и черепковые наконечники (Гор-

⁶⁰ Коллекция Омского музея.

ский Лог)⁶¹, на поселениях конца I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э. обнаружены только черешковые наконечники (Горная Бития, Богдановское городище).

Костяные пряжки с неподвижным языком, встреченные на Коконовском поселении и в кургане у Богдановки, принадлежат к типу пряжек довольно широко известных у кочевников Евразии второй половины I тысячелетия до н. э.⁶² Пряжка другого типа — в виде пластинки с отверстиями для прикрепления к ремню, — происходящая с Богдановского городища, по форме близка пряжке из позднеананьинского поселения Гремячее в Прикамье⁶³.

Вопросы связей саргатских племен лесостепного Прииртышья с соседними заслуживают специального рассмотрения, и здесь мы коснемся только некоторых аспектов этой проблемы. Непосредственное соседство и контакты саргатских племен и степных кочевников способствовали распространению у этих народов сходных форм материальной культуры, однотипного оружия и предметов украшения — бус, зеркал, предметов звериного стиля и т. п. Как можно судить по приведенным выше аналогиям, формы мечей, бронзовых и железных наконечников стрел населения лесостепи Западной Сибири следуют в основном образцам, распространенным среди сармат Приуралья, ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. При этом облик предметов вооружения позволяет, вероятно, говорить, правда пока предварительно, поскольку материал очень ограничен, о трех основных направлениях связей. С одной стороны, это связи с Западом, с сарматским миром, которые констатируются находкой удил с крестовидными псалмами из Богдановки⁶⁴, меча и мелких бронзовых наконечников стрел, аналогичных раннесарматским, из Коконовки и Артына. По-видимому, опосредованные связи с Средней Азией в I в. до н. э. — I—II вв. н. э. документируются находкой длинного меча с бронзовым перекрестием из Богдановки, аналогичного мечам из Кую-Мазарского могильника в Ташкентском оазисе⁶⁵. Об этом же свидетельствует находка в том же погребении из Богдановки гончарного сосуда центральноазиатского происхождения⁶⁶. К восточным контактам, по-видимому, восходит распространение сложного лука с костяными накладками, известного и Забайкалье и в более раннее время⁶⁷, а также о восточных связях говорит находка бронзового котла в кургане у Богдановки, аналогичен которому котел с Иволгинского городища⁶⁸.

⁶¹ В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда в 1966 г. Архив ИА, № 3325, рис. 46, 3—5.

⁶² С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948, рис. 4е.

⁶³ А. Д. Вечтомов. Раскопки Гремячанского поселения на р. Тулве. ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962, рис. 36, 3.

⁶⁴ В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда за 1968 г., рис. 36, 30.

⁶⁵ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. «Труды Института истории и археологии АН Узб. ССР», вып. VIII. Ташкент, 1956, стр. 205 и сл.

⁶⁶ В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда за 1968 г., рис. 42, 2.

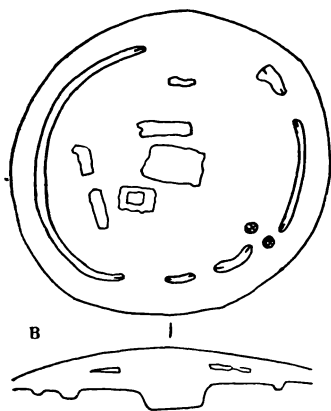
⁶⁷ М. И. Рижский. Бронзовый век Забайкалья. «Материалы по древней истории Сибири». Улан-Удэ, 1964, стр. 345.

⁶⁸ A. V. Davydova. The Ivolga Gorodishche, Fig. 20.

Устройство курганов

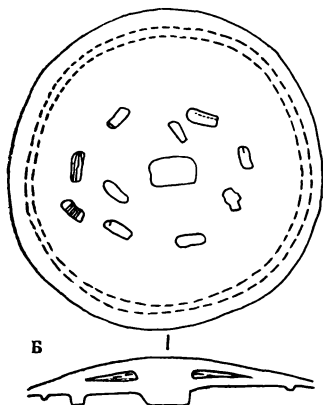
Основные формы керамики

Типы венцев

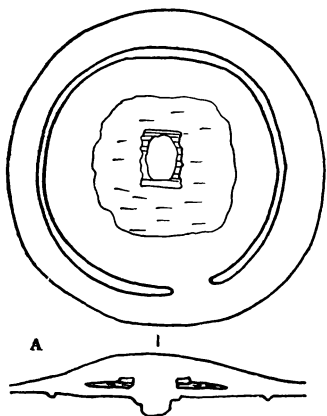
В

1

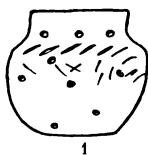
Б

1

А

1

1

2

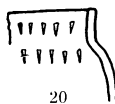
3

4

5

20

21

22

23

24

25

26

27

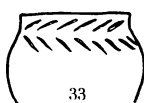
30

31

32

33

34

35

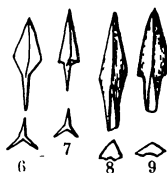
36

37

38

6

7

8

9

10

11

12

13

14

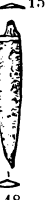
15

16

17

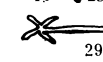
18

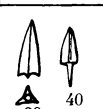
19

28

29

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

Указывая на распространение кочевнических форм, нельзя не подчеркнуть элементов своеобразия в вооружении лесостепного населения Западной Сибири, выражавшемся в широком использовании костяных наконечников стрел, представленных у степняков в ограниченном количестве и в применении, хотя и редком, бронзовых наконечников стрел кулайского типа (Абатское)⁶⁹, что в свою очередь отражает связи с северными лесными племенами. Своеобразие защитного вооружения IV—III вв. до н. э. прослеживается в использовании костяных пластинчатых панцирей в отличие от сарматских металлических панцирей. Скорее всего отмеченные элементы своеобразия, проявляющиеся в широком использовании костяных предметов вооружения, были вынуждены и диктовались, вероятно, как мы уже отмечали, сравнительной бедностью Прииртышья металлом и его удаленностью от развитых культурных центров.

Описанный выше комплекс материала характеризует племена саргатской культуры, которые в IV—II вв. до н. э. занимали лесостепное Прииртышье — на востоке — до среднего течения р. Оми в районе г. Куйбышева, на севере по долине Иртыша доходили до Тобольска, на юге — приблизительно до современной границы Казахстана⁷⁰, на западе — до Притоболья. Здесь, в междуречье Тобола и Ишима, они соседствовали с родственными племенами гороховской культуры⁷¹, составлявшими с саргатскими племенами одну этно-культурную общность. В конце I тыс. до н. э., по-видимому, около грани н. э. прииртышские племена продвигаются

⁶⁹ М. Г. Мошкова, В. Ф. Генинг. Указ. соч.

⁷⁰ Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет о работе Павлодарской экспедиции 1955 года. ТИИАЭ, т. VII. Алма-Ата, 1959, стр. 43.

⁷¹ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 23.

Рис. 7. Сводная таблица материалов саргатской культуры

А — Коконовка, курган 11, IV—III вв. до н. э.;			19 — железное копье;	23—29 — Богдановка, курган 1
Б — Богдановка, курган 1, II в. до н. э.—I в. н. э.;			28 — костяная пронизка от узды;	23 — погр. 6;
В — Калачевка, курган 1, II—IV вв. н. э.			29, 46 — железные удила;	24 — погр. 7;
1 — 4, 20—27, 30—38 — глиняные сосуды;			41 — железный колчанный крючок;	25 — погр. 1;
5 — глиняное блюдо;			42 — синяя стеклянная бусина с глазками;	26 — погр. 8;
6, 7, 17, 40 — железные трехлопастные наконечники стрел;			44 — костяная панцирная пластина;	27 — погр. 2;
8, 9, 45 — костяные черешковые и втульчатые наконечники стрел;			47 — костяной псалий;	28 — погр. 4;
10, 11 — бронзовые штампованные бляшки;			48, 49 — костяные пряжки;	29 — погр. 3);
12, 13 — бронзовые пряжки;			1, 6—11 — Калачевка, курган 1, погр. 4;	30 — Коконовка, курган 3, погр. 2;
14, 43 — железные мечи;			2 — погр. 2;	31 — Коконовка, курган 10
15, 16 — костяные накладки лука;			3 — погр. 3;	32 — Коконовка, курган 3, погр. 1;
18 — железный кинжал;			4 — погр. 5;	33—38 — Коконовка, поселение;
			5 — погр. 6);	39, 45 — Коконовка, курган 10;
			12—19, 22 — Богдановка, курган 1, погр. 5;	40, 44, 48, 49 — Коконовка, курган 8 (раскопки В. П. Левашевой);
			20, 21 — Богдановское городище;	41—43 — Коконовка, курган (раскопки И. И. Матнас);
				46, 47 — Артың, курган

на запад, занимают Притоболье, низовья Исети и Миасса (курганы у с. Бакланское)⁷², территорию, ранее заселенную племенами гороховской культуры⁷³. Вместо свойственной для Притоболья IV—II вв. до н. э. гороховской керамики с примесью талька распространяется керамика с примесью шамота и песка и ямочными наколами, типичная для Прииртышья. Такое движение было, по-видимому, косвенно связано с миграцией юго-восточных степных племен, вызванной первым вторжением гуннов в Восточный Туркестан в середине I в. до н. э.⁷⁴ Возможно, что с этим движением с юго-востока связано появление в лесостепи Прииртышья вещей среднеазиатского происхождения. Однако, как показывает керамика, коренных изменений этно-культурной карты Западной Сибири в это время, вероятно, еще не произошло. Смещение происходило в основном в пределах расселения родственных этнических групп, саргатской и гороховской. Наслойвавшаяся на гороховскую саргатская культура в лесостепи Западной Сибири просуществовала до III—IV вв. н. э. Попав в орбиту великого переселения народов, она прекращает существование в период около III—IV вв. н. э. Часть племен этой культуры ушла на запад, где смешалась с другими народами. Немногочисленное оставшееся население вошло во взаимодействие с проникавшими из тайги в лесостепь этническими группами, в результате чего сложилась новая культура лесостепи Западной Сибири второй половины I тысячелетия н. э., памятники которой представляют Перейминский и Бобровский могильники⁷⁵.

Недостаточное количество материала пока не позволяет решить вопрос о происхождении культуры Прииртышья. Пока можно только полагать, что она формируется на базе местных андроновидных лесостепных племен эпохи поздней бронзы, дальнейший генезис которых еще очень слабо известен.

---

⁷² Раскопки В. П. Бирюкова в 1913 г. Колл. Шадринского музея.

⁷³ В. Е. Стоянов. Изучение раннего железного века лесостепного Зауралья в советское время. «Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967», вып. 1. История СССР. Свердловск, 1967, стр. 42.

⁷⁴ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1952, стр. 102.

⁷⁵ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58. М., 1957, табл. XIV; Ф. Х. Арсланова. Бобровский могильник. ИАН Казахской ССР, серия обществ. наук, вып. 4. Алма-Ата, 1963, стр. 68—83.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ УГРО-ВЕНГРАХ В ПОВОЛЖЬЕ

А. П. СМЕРНОВ (Москва)

дним из совершенно темных вопросов истории средневековой Европы является вопрос о венграх, их происхождении и первом периоде их истории до прихода на Венгерскую равнину. Нечеткость и отрывочность письменных сведений привела к разногласию в исторических построениях и заставила некоторых исследователей искать других путей и источников для изучения раннего периода их истории. По вопросу происхождения венгров в исторической науке существует два основных направления. Одни связывают венгров с народами угро-финской семьи, другие — с тюрками. Основания для последнего построения есть. Византийские историки причисляли венгров к тюркам и в венгерском языке имеется значительное число тюркских слов. Сравнительно недавно, наряду с историками и лингвистами, в этой работе по ранней венгерской истории приняли участие археологи. Первый, А. В. Шмидт, пытался связать с венграми определенные памятники Приуралья. Исследуя Бахмутинский могильник, он обратил внимание на то, что многие поселения и могильники бахмутинской культуры датируются в пределах до VII в. «Если археологические и иные данные допускают, что насельниками Башкирии в V—VII вв. было одно из угорских племен, то невольно встает перед нами вопрос о венграх... Нельзя ли, действительно, видеть предков венгров, в частности, в носителях бахмутинской культуры?» — писал А. В. Шмидт. «В пользу этого, — отмечал он, — предположения, как кажется, может говорить еще один факт, установленный работами БЭ (Башкирская экспедиция). Бахмутинский могильник обрывается примерно на VII веке. Из Никольского и Новинковки тоже неизвестны предметы более позднего времени. Таким образом, в VII веке кладбища бахмутинской культуры были брошены... Имеющиеся исторические данные допускают появление венгров в степи в VII в. н. э. Но, конечно, это предположение является пока лишь предварительной гипотезой и необходимы новые археологические изыскания, притом в связи с палеоантропологическими и лингвистическими, чтобы сделать ее более обоснованной»¹⁻². Это предположение было воспринято рядом ученых как

¹⁻² А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. Уфа, 1929, стр. 26.

доказанное и многие археологи стали считать Бахмутинский могильник эталоном венгерской культуры в Приуралье³. Позднее, в 1962 г., М. И. Артамонов отметил значение Стерлитамакского могильника для характеристики среды, из которой вышли венгры. Он кратко характеризовал вооружение и особо остановился на керамике в виде круглодонных сосудов, не характерных ни для алан, ни для тюркских племен, а скорее для местных финно-угорских, к числу которых принадлежали и венгры⁴. Это построение больше отвечает исторической обстановке, чем гипотеза А. В. Шмидта. Косвенные данные заставляют выводиться венгров из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. По своему материалу Стерлитамакский могильник больше всего соответствует историческим сведениям. Нельзя не заметить, что сомнения Р. Г. Кузеева и лингвиста Т. М. Гарипова в угорском происхождении башкир имеют под собой основания⁵. В 1964 г. П. Д. Степанов выступил с обоснованием точки зрения о принадлежности памятников типа городища Ош-Пандо венграм, отнеся к угорско-мадьярским племенам всю так называемую пеньковскую культуру.

Городища типа Ош-Пандо и близкие им находятся на территории Мордовской АССР и долгое время приписывались древней мордве. Разбирая материал исследованного им городища Ош-Пандо, П. Д. Степанов отмечает, что этот памятник, так же, как и некоторые вещи с соседних памятников — городища Ашна-Пандо и селища у села Гулюшево Ульяновской области, представляют ценный материал для выявления культурного комплекса угорско-мадьярских племен VI—IX вв.⁶

Выводы П. Д. Степанова основаны на огромном материале, полученном раскопками четырех лет этого городища, по мнению исследователя, давшего четыре культурных напластования. Нижний из них фатьяновский, затем городищенский I тысячелетия до н. э. В верхнем слое обнаружены вещи древнемордовского комплекса, датируемого, по мнению исследователя, не позднее VII в. н. э. и вещи, определяемые как угорско-мадьярские, датируемые VI—IX вв. н. э.

Эти положения по датировке материала и разделению слоя на четыре комплекса были хорошо обоснованы в его монографии «Ош-Пандо»⁷. Не останавливаясь на характеристике ранних слоев или, точнее, находок из нижнего слоя, так как культурный слой плохо стратифицирован, следует выделить те материалы, на которых основывает свои положения исследователь. «Первое, что выделило угорско-мадьярский комплекс,— пишет он,— было отличие его от древнемордовского: не оказалось масловых находок красных пастовых бус, столь характерных для всех древнемордовских памятников середины I тысячелетия н. э., привесок с грузи-

³ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 76 (указана литература).
М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 339.

⁴ Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев. О научной командировке в Венгерскую Народную Республику. «Материалы по археологии и этнографии Башкирии», т. I. Уфа, 1962, стр. 326.

⁶ П. Д. Степанов. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. «Археология и этнография Башкирии». Уфа, 1964, стр. 137.

⁷ П. Д. Степанов. Ош-Пандо. Саранск, 1967.

ком и спиральной, нагрудных блях, втульчатых топоров и т. п. Вторым обстоятельством было то, что наш культурный комплекс оказался идентичным памятникам левобережья Волги и Нижней Камы (Именьковское городище, святилище Шолом, Рождественский могильник и др.), где, как правило, древняя мордва в I тысячелетии н. э. не проживала. Эти памятники рядом исследователей в последнее время приписываются угорско-мадярским племенам»⁸.

Не могу не заметить, что в последнее время мнение В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова изменилось и теперь они памятники именьковской культуры приписывают тюркам. В 1968 г. П. Н. Старостин опубликовал материалы именьковской культуры, приписав все городища тюркам. В построениях и П. Д. Степанова, и П. Н. Старостина есть одно недоразумение, основанное на том, что городища именьковской культуры, существовавшей с III—IV вв. н. э. и до VIII в., до прихода булгар, по одной версии принадлежали тюркам, по другой уграм-мадярам, в основном кочевникам. Первая версия, основанная на крайне ограниченном материале, раскопках нескольких городищ и поверхностном осмотре остальных, находится в противоречии с историческими данными о кочевниках и не соответствует тем тюркам, которые нам известны по сведениям античных и позднее китайских источников.

Непонятно, каким образом кочевники, прошедшие огнем и мечом всю Азию и Европу, оставили памятники с мощным культурным слоем, с постройками, которые могли принадлежать только оседлым племенам. На этих памятниках найдены земледельческие орудия, открыта масса хранилищ, хозяйственных ям. Все это не вяжется с представлением о кочевниках. Да если взять и весь комплекс вещей и прежде всего керамику, то она по своей форме и фактуре будет идентична посуде городищ и могильников древней мордвы и близких ей племен Правобережья Волги, сложившихся на базе городецкой культуры. Городецкая культура генетически тесно связана с могильниками и городищами исторической мордвы. Это положение в настоящее время доказано.

С первых веков н. э. установлена инфильтрация племен городецкой культуры с правого берега на левый. В литературе не раз высказывалось мнение о раннем проникновении мордвы на левый берег. Это хорошо прослежено по памятникам марийского течения Волги, в частности, по Ветлужским городищам, на которых нижние пласты принадлежат ананьинской культуре, а верхние — смешанному пьяноборско-городецкому типу. Установлено, что в формировании марийского народа большую роль сыграли городецкие племена. Продвижение на левый берег шло широкой полосой до куйбышевского течения Волги. Такие памятники, как селище Бабий Бугор на Болгарском городище, Бальмерское городище и Шолом, а в районе Ульяновска селища у дер. Ботьма, Малое Малицино, Ерзовки, Нижний Урень⁹⁻¹⁰, свидетельствуют о проникновении городецких племен на левый берег. Все они связывались с мордовскими племена-

⁸ П. Д. Степанов. Памятники угорско-мадярских (венгерских) племен..., стр. 144.

⁹⁻¹⁰ А. Смирнов, В. Тихомирова. Археологические памятники левобережья Волги. «Историко-археологический сборник». М., 1948, стр. 188.

ми; их керамика с шероховатой поверхностью, лепленная от руки, характерна для мордовской культуры на протяжении длительного времени, до XIII—XIV вв. Сторонники тюркской теории не могли выставить ни одного факта, подтверждающего их положение. Территория именьковской культуры, очерченная П. Н. Старостиным, не включает бассейн р. Суры. Эта культура не распространяется, по его мнению, за пределы Свияги. Вопрос о тюркском характере именьковской культуры отпадает. Принадлежность городищ и селищ именьковской культуры тюркам была определена В. Ф. Генингом по наличию плоскодонной посуды. Он неоднократно высказывал точку зрения о принадлежности плоскодонной посуды тюркам, а круглодонной — угро-финским племенам. Можно заметить, что плоскодонная посуда широко распространена не только в среде тюркских, но и угро-финских народов, примером чему могут служить племена правобережья Волги и более западных районов. Близки и жилища именьковской культуры мордовским и марийским. Следует заметить, что погребальный обряд именьковских племен еще не изучен. Трупосожжения Рождественского могильника нельзя считать обрядом захоронения, характерным для Поволжья и Приуралья. В отношении его высказывались разные точки зрения. В могильниках финно-угорских племен трупосожжения составляют только некоторый процент. Так, в Борковском и Кузьминском могильниках встречены погребения кремированных трупов, причем сожжение производилось на стороне. Остатки костей положены вместе с углями. Вещи чаще всего лежат компактной кучкой, иногда на дереве или ткани¹¹. Близкий рождественскому обряд погребения встречен в Максимовском могильнике, приписываемый или муроме или мордве-ерзе. Там остатки кремации помещались в неглубоких ямах, до 0,7—0,8 м, чаще всего квадратной формы. Вещи помещаются в кучке или укладываются в сосудик (например, могила 10, стр. 73, могила 18, стр. 74)¹². Такие же погребения встречены в Кузьминском могильнике¹³. Примеров можно привести немало. Эти сожжения одни приписывают финнам, другие славянам, проникшим в финно-угорскую среду.

Рождественский могильник, который по обряду захоронения резко выделяется из общего числа финно-угорских могильников Поволжья, бесспорно тюркских, и могильников Венгрии, дал вещи, аналогичные многим вещам из мордовских могильников. Прежде всего в числе украшений следует отметить поясные наборы, распространенные на больших пространствах Алтай—Паннония. Общими являются привески в форме уток, характерные для могильников и городищ среднего течения Оки, браслетообразные кольца с втулкой, напоминающие мерянские, привески бутылчатой формы и ряд других украшений. Таким образом, можно констатировать общность керамики, многих форм украшений, жилищ и хозяйственных построек, свидетельствующих об общности культуры именьковской и мордовской, которые генетически связаны с городищной

¹¹ А. А. Спицын. Древности бассейнов Оки и Камы. «Материалы по археологии России», вып. 25. СПб., 1901, стр. 27.

¹² Там же, стр. 44.

¹³ Там же, стр. 88, 91.

культурой. Правда, в именьковской культуре есть хорошо ощутимый пьяноборский компонент, который в сравнительно меньшей доле имеется и в материале населения правобережья Волги, что доказывается в настоящее время значительным материалом, в том числе такими памятниками как могильники, исследованные М. Р. Полесских, Кошибеевским и Сергачским могильниками и, наконец, Андреевским курганом. По левобережью Волги пьяноборский компонент являлся субстратом.

П. Д. Степанов, относя Ош-Пандо к группе угорско-мадьярских племен, отметил черты, характерные для угорско-мадьярских племен и отличие их культуры от древнемордовских. На городище Ош-Пандо не оказалось массовых находок красных пастовых бус, привесок с грузиком и спиралькой, нагрудных блях, втульчатых топоров. Нельзя не заметить нарочитость подбора указанных признаков и их случайность. Не выделены характерные признаки культуры, что неоднократно отмечалось в нашей литературе, важность установления признаков культуры и необходимость сравнения однотипных памятников. П. Д. Степанов сравнивает мордовские могильники с городищем. Как правило, на городищах украшения встречаются сравнительно редко, в то время как могильники дают их целые комплексы. Что касается отмеченных исследователем красных бус глухого стекла или, как их иногда называют, пастовых, то они имеют широкое распространение не только у мордвы. Можно указать Мошинский клад, находящийся далеко за пределами расселения мордовских племен, в котором группу бронзовых изделий сопровождает большой набор красных бус¹⁴. Красные бусы встречены и на р. Чепце, о чем можно судить и по могильнику Чем-шай, где таких бус единицы, так как он относится ко времени около IX—XI вв., когда такие бусы вышли из употребления. С другой стороны, раскопки Мыдланшай дали большое число красных бус¹⁵. Наконец, в могильниках Башкирии, которые ряд исследователей приписывает древним венграм, находки красных бус довольно часты. Так, исследуя Бахмутинский могильник, А. В. Шмидт отмечает в инвентаре погребений значительное их число¹⁶. Это же отметил и Н. А. Мажитов¹⁷, указавший, что число красных бус в ранних могильниках достигает 23%. Их было найдено 812 экз. В поздних погребениях красных бус почти нет. Красные бусы приходится вычеркнуть из этнических признаков. П. Д. Степанов отмечает отсутствие на Ош-Панде височных привесок с грузиком и спиралью, характерных для мордовских племен мокши и эрзи. Такие подвески отсутствуют на значительной территории распространения племен, близких мордве или принадлежащих к мордве. Их нет по рязанскому течению Оки и муромскому течению Оки, где жили, по одним данным, мешера и мурома, а по мнению П. Д. Степанова, — мордва-ерзя. П. Д. Степанов считал отмеченные височные привески характерными для мокши. Так что отсутствие

¹⁴ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

¹⁵ В. Ф. Генинг. Мыдланшай, удмуртский могильник VIII—IX вв. ВАУ, вып. 3. Ижевск, 1962, стр. 48—49.

¹⁶ А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 19.

¹⁷ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 12—13.

височных привесок данного типа не может служить доказательством отсутствия на этой территории мордовских племен. Нагрудные бляхи также имеют сравнительно широкое распространение, и отсутствие их ни о чем не говорит. Втульчатые топоры, которые привлечены П. Д. Степановым в качестве характерного признака мордвы, не являются этническим признаком¹⁸. П. Д. Степанов правильно отмечает, что височные кольца с кубиком на конце, а также нагрудные бляхи с парными выступами на окружности не характерны для мордвы¹⁹. Эти украшения широко распространены в Европе вообще и, по-видимому, не могут служить основой для выделения культуры. Уже сам автор отметил их широкое распространение в Приуралье, Северном Кавказе и Венгрии. Можно добавить и район Чепцы, где таких нагрудных блях довольно много и они представлены рядом вариантов²⁰. Известны они в Деменковском могильнике²¹. На Чепце есть и кольца с кубиком (Мыдланьшай)²². Такие кольца в измененном виде бытуют до XIII—XIV вв. Поздние их варианты известны в Армыпской колонии Болгар²³. К сожалению, в изучаемое нами время происходит значительная нивелировка культуры. Одни и те же типы вещей, в частности оружие и поясные наборы, получают распространение от Алтая до Паннонии, что вполне понятно, так как их разносили волны кочевников. Этим объясняется наличие одних и тех же типов вещей, находящихся на Ош-Пандо, на Пастерском городище²⁴. Вещи, отмеченные П. Д. Степановым в качестве типичных для мордвы и для угров, таковыми не являются.

В районе р. Суры известно значительное число памятников, отмеченных П. Д. Степановым и определенных им как мордовские. Так, в 1945 г. он открыл одиннадцать городищ и селищ в районах, примыкающих к Суре²⁵. Значительно позднее, в 1962 г., составляя археологическую карту Западного Поволжья, тот же исследователь указал в бассейне реки Суры 17 городищ и селищ городищевой культуры и 29 поселений и 8 могильников древнемордовских. Все это говорит о том, что в основном край был заселен мордовскими племенами²⁶.

К сожалению, мы еще не знаем вещей, характерных для угорских племен. Во всяком случае керамика ничего общего не имеет с приуральской и западносибирской, где локализованы племена угров.

¹⁸ П. Д. Степанов. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен..., стр. 144.

¹⁹ П. Д. Степанов. Ош-Пандо, стр. 104.

²⁰ Н. Г. Первушин. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. «Материалы по археологии восточных губерний России», вып. II. М., 1896, табл. XI, 11, 13, 14.

²¹ В. Ф. Генинг. Деменковский могильник, памятник ломоватовской культуры. ВАУ, вып. 6. Свердловск, 1964, стр. 153, табл. II, 1, 2, 3.

²² В. Ф. Генинг. Мыдлань-шай..., табл. I, 5.

²³ А. П. Смирнов. Армянская колония города Болгара. МИА, № 61, 1958, стр. 355, рис. 9, 4.

²⁴ П. Д. Степанов. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен..., стр. 144.

²⁵ П. Д. Степанов. Еще один памятник древней мордвы в долине р. Суры. «Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР», т. II. Саранск, 1949, стр. 57.

²⁶ П. Д. Степанов. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья. МИА, № 111, 1962, стр. 225, 250—254.

При решении этнических вопросов нельзя опираться на сходство и различие в вооружении и орудиях труда, которые, как правило, имеют широкий диапазон распространения. Если бы П. Д. Степанов картографировал все материалы, приведенные в его интересной работе, то он бы увидел, что они далеко расходятся за границы очерченной им именьковской культуры. Многие вещи можно встретить и на территории Венгрии, что, однако, не дает оснований для сопоставления этих двух групп населения. Вещи, на которые указывает П. Д. Степанов на территории Венгрии, основываясь на материале могильника Конград-Кендерфёльд, и принадлежат к числу вещей, имеющих широкое бытование. Это серьги с кубиком, наконечники копий и стрел, бронзовые пряжки, ножи, бусы кирпичиком со срезанными углами²⁷⁻²⁸. Отмеченное же сходство керамики основано на недоразумении.

В качестве дополнительного довода П. Д. Степанов отмечает прекращение функционирования ряда мордовских могильников, что было вызвано политическими событиями VII—VIII вв. Мордва-мокша ушла и с верховьев реки Суры, о чем автор судит по могильникам Армиевскому и Селиксенскому, и с низовьев этой реки, по данным могильников Ивановского и Сергачского, в VIII в. на Мокшу и Цну. Как справедливо отмечено исследователем, значительную роль в этом передвижении сыграло движение болгар с юга. Вместе с тем он считает, «что этот уход был обусловлен в какой-то степени передвижением угро-мадьяр с востока из Заволжья в Присурье...»²⁹. Подтверждением большой роли болгар является большое число городищ в Пензенской области с характерной болгарской керамикой (Селиксенское, давшее характерную домонгольскую посуду, и ряд других болгарских городищ)³⁰. Весь материал, которым располагает наука, позволяет считать все памятники Присурья принадлежащими мордве, вытесненной болгарами при их движении.

Об уходе аборигенов можно судить по таким памятникам, как остатки поселения близ дер. Городище Ульяновской области, на котором нижний слой принадлежит городищенскому времени и последующей эпохе древнемордовского населения. Верхний, болгарский, хорошо отделяется по материалу и стратиграфии, свидетельствующей о смене населения. Едва ли уход был полным. Какая-то часть населения сохранилась на своих местах или была слегка потеснена к западу и северу. Севернее, на территории Чувашии, финно-угорские городища сохранялись еще в раннее болгарское время, куда проникали и пришельцы болгары. Процесс ассимиляции финно-угорского населения проходил весьма активно и там, на территории Чувашского Поволжья, сформировалась группа верховых чуваш.

В I тысячелетии н. э. мы наблюдаем инфильтрацию населения с запада на восток и, по-видимому, в обратном направлении. Этот процесс хорошо документирован для пьяноборского времени и доказательством

²⁷⁻²⁸ П. Д. Степанов. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен..., стр. 146.

²⁹ П. Д. Степанов. Ош-Пандо, стр. 111.

³⁰ М. Р. Полесский. Археологические разведки городищ и селищ XIII—XIV вв. «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 2. Саратов, 1959, стр. 102 и сл.

этому служит керамика пьяноборского времени в Западном Поволжье. Движение на восток также документируется в основном керамикой. Это проникновение мордовских племен достигло территории Башкирии, где встречены сосуды, которые местные исследователи называют керамикой романовского типа. Есть и типичные мордовские украшения, но они одни не могут служить доказательством проникновения самого населения.

Территории Среднего Поволжья, правого и левого берегов Волги, Приуралья на всем протяжении были тесно связаны в культурном отношении. По-видимому, была и инфильтрация населения. Однако у нас нет никаких данных для утверждения о существовании в бассейне р. Суры сколь-либо значительной группы угорско-мадьярских племен. Отсутствие керамики типа приуральской убедительно говорит об этом.

В Западном Поволжье мы не встречаемся с той сложной картиной, которая типична для территории Башкирии, где в одних и тех же районах находят различные типы посуды. В настоящее время там намечаются значительные районы, в которых господствует определенного типа посуда и в этих же комплексах встречается чуждая керамика. Иногда встречаются и целые памятники с другим комплексом вещей, свидетельствующие о проникновении чужеземцев и, по-видимому, о добрососедских отношениях пришельцев с аборигенами. На этой территории возникали и новые культурные комплексы в результате ассимиляции пришельцами местного населения.

Ничего подобного в Западном Поволжье не было. Здесь мы имеем местные памятники, раскопки которых дали нам три группы вещей: местные мордовские вещи, вещи, имеющие широкий диапазон распространения и, наконец, группу вещей, известных хорошо в Приуралье, которые некоторыми исследователями связываются с уграми. Последняя группа вещей служит доказательством культурных связей, может быть даже этнических, что нельзя, однако, признать достоверным. Подводя итоги своему исследованию, П. Д. Степанов пытается объяснить причины нахождения мордовских вещей на городище Ош-Пандо. Он приводит несколько надуманных теорий о столкновении мадьяр с мордвой, брачных связях ошпандовцев и мордвы и, наконец, высказывает достоверную теорию о наличии мордовских вещей в результате мирного торгового обмена.

К сожалению, приведенных данных оказалось слишком мало для решения проблемы об угорско-мадьярских племенах на правобережье Волги. Для этих целей следует провести большую работу по картографированию вещей, которые считаются угорско-мадьярскими, не только в области Поволжья и Западного Приуралья, но на территории значительно большей. По-видимому, следует охватить всю Восточную и Центральную Европу и Западную Сибирь. Вещи, которые П. Д. Степанов склонен считать характерными для угро-мадьяр и мордвы, займут огромную территорию и будет ясно, что указанный им комплекс вещей не может служить этническим признаком.

В настоящее время мы еще не располагаем достаточно хорошо проработанным археологическим материалом и в своих исторических построениях об угро-мадьярах в Поволжье можем опираться только на противоречивые данные письменных источников.

БАШКИРИЯ И ЕВРАЗИЙСКИЕ СТЕПИ IV—IX ВВ.

(по материалам поясных наборов)

В. Б. КОВАЛЕВСКАЯ (Москва)

Исследование древней истории венгров уводит нас географически из Подунавья на восток в Приуралье и евразийские степи, а хронологически из конца первого тысячелетия н. э. в его последнюю четверть и середину.

В статьях А. П. Смирнова «Археологические данные об угро-венграх в Поволжье» и Антала Барта «Истоки венгерской культуры X века», опубликованных в этом сборнике, дается освещение состояния вопроса, поэтому нет резона вновь останавливаться на значении для этой темы изучения археологии Башкирии IV—IX вв. В последнее время издан целый ряд работ, посвященных вопросам этнической истории Башкирии¹. Исследуются вопросы хронологии, этнографии, поднимаются проблемы прихода на исследуемую территорию сармато-алан и тюрок, вопросы взаимоотношения с ними местных угорских племен и т. д. Наша цель очень ограничена. Мы хотим рассмотреть только одну группу находок из погребальных комплексов IV—IX вв., а именно поясные наборы, чтобы уточнить как вопросы хронологии, так и рассмотреть связи Башкирии с различными районами Евразии в это время. Почему выбраны поясные наборы. Это массовый материал, в данной статье рассматривается около 800 пряжек, накладных бляшек и наконечников поясов, происходящих в своей основной массе из хорошо документированных комплексов. Именно анализ этого материала в свое время вызвал ряд построений исследователей о приходе на территорию Башкирии групп населения южного происхождения. К сожалению, до тех пор, пока исследователи были принуждены пользоваться случайными аналогиями из ряда опубликованных могильников с территории Поволжья, Крыма и Кавказа, нельзя было привести какие-либо количественные критерии определения направления и характера связей.

¹ «Археология и этнография Башкирии», т. I, Уфа, 1962; т. II, Уфа, 1964; Н. А. Мажигов. Бахмутинская культура. М., 1968; М. С. Акимова. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968. «Итоговая научная сессия Института истории языка и литературы БФАН СССР за 1967 год». Уфа, 1968; «Научная сессия по этногенезу Башкирии». Уфа, 1969.

Данная статья опирается на подготовленные автором два тома свода археологических источников «Поясные наборы Евразии IV—IX вв.», где дается классификация всего доступного материала, хранящегося в нескольких десятках столичных и провинциальных музеев (более 7000 экземпляров деталей поясов). Объем статьи не позволяет остановиться на принципах типологии и разбирать все представленные в древностях Башкирии детали поясов, приходится ограничиться только типологическими таблицами с изображением исследуемого материала и текстовыми таблицами, где даны количественные характеристики для каждого из исследуемых образцов. Читатель может почерпнуть данные об их датировках на основании хронологического определения комплексов. Каждый образец детали поясного набора, представленный на рисунке, является типом, подтипом или вариантом в принятой нами классификации, построенной на исследовании сочетания ряда характеризующих предмет признаков. Он может иметь (или не иметь) аналогии, это значит, что идентичный данному экземпляру предмет может происходить из комплексов с других территорий. В таблицах даны сводные данные по количеству имеющихся на территории Евразии аналогий каждой из рассмотренных деталей поясного набора. Поскольку приведение данных о точном местонахождении каждой из аналогий можно найти в своде, мы даем только обобщенные данные о том, сколько экземпляров происходит из комплексов того или иного периода определенного района. Анализ аналогий с точки зрения даты тех комплексов из которых они происходят, позволит нам уточнить хронологию комплексов Башкирии, а анализ аналогий с точки зрения их принадлежности к тому или иному району позволит по-иному поставить вопрос о характере и направлении торговых связей.

В целом материал поясных наборов, происходящий с территории Башкирии, распределяется следующим образом: нами рассмотрено 104 экз. пряжек, 573 экз. накладных бляшек и 93 экз. наконечников, т. е. всего 770 экз. деталей поясных наборов. Причем 20,5% этого материала происходит из комплексов IV—V вв., 57,7% из комплексов VI—VII вв., 19,6% — из комплексов VIII—IX вв. и только 2,2% (в основном за счет пряжек) происходит из недатированных комплексов² (рис. 1—5).

Если же рассматривать находки с точки зрения направления связей, то в целом мы можем зафиксировать следующее. 770 экз. деталей поясных наборов Башкирии имеют 1304 экз. аналогичных деталей поясных наборов с территории Евразии³, которые распределяются следующим

---

² Деление на три периода является некоторым обобщением, поскольку ряд комплексов датируется переходным временем (V—VI вв., VII—VIII вв.). При внесении материалов этих комплексов в таблицы мы относили при обобщении половину наблюдений из комплексов V—VI вв. в группу IV—V вв. и половину в группу VI—VII вв.

³ Нам представляется очень удобным следующее принятое в литературе членение евразийских степей на западноевразийские — к западу от Волго-Донья (сюда входит Северный Кавказ), Поволжье, Поднепровье, срединноевразийские (от Алтая до Волги) и восточноевразийские (к востоку от Алтая, вернее Джунгарии. См.:

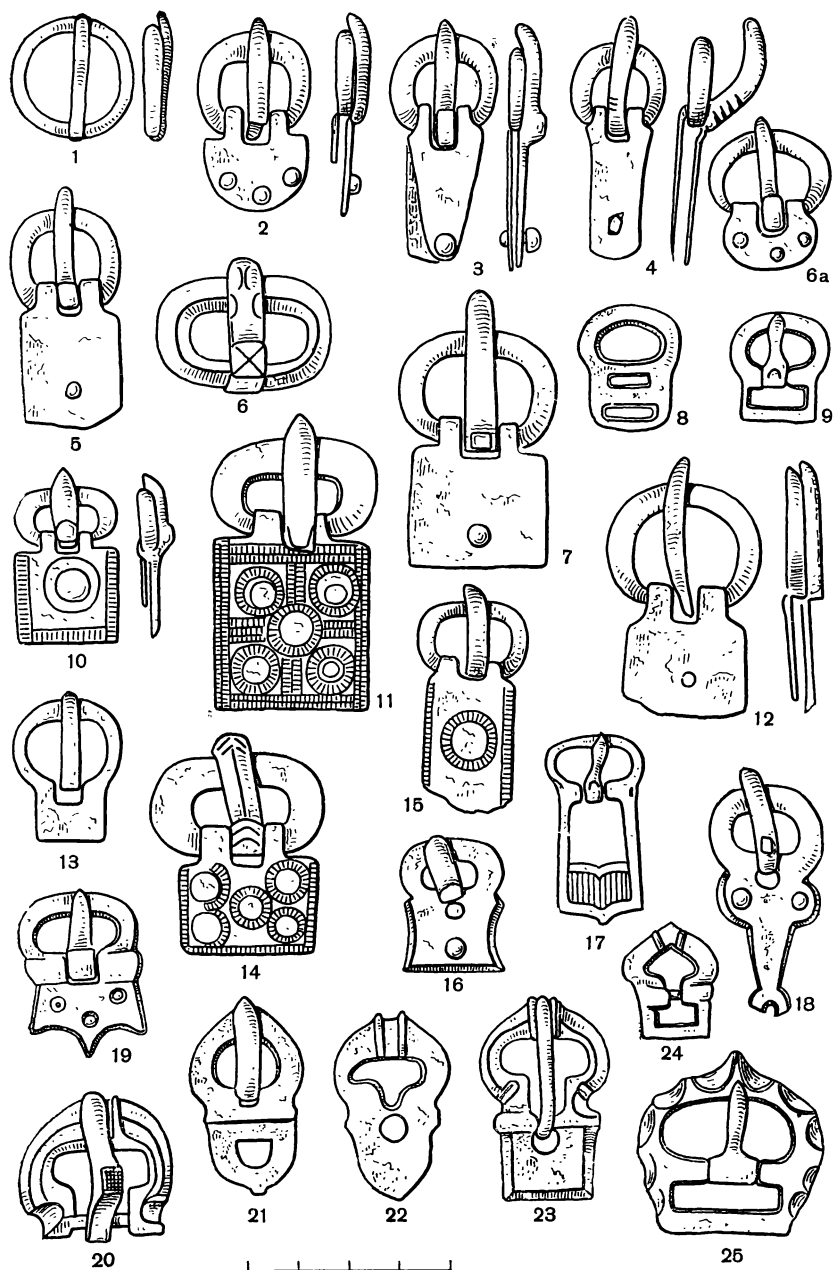

Рис. 1. Пряжки Башкирии IV—IX вв.

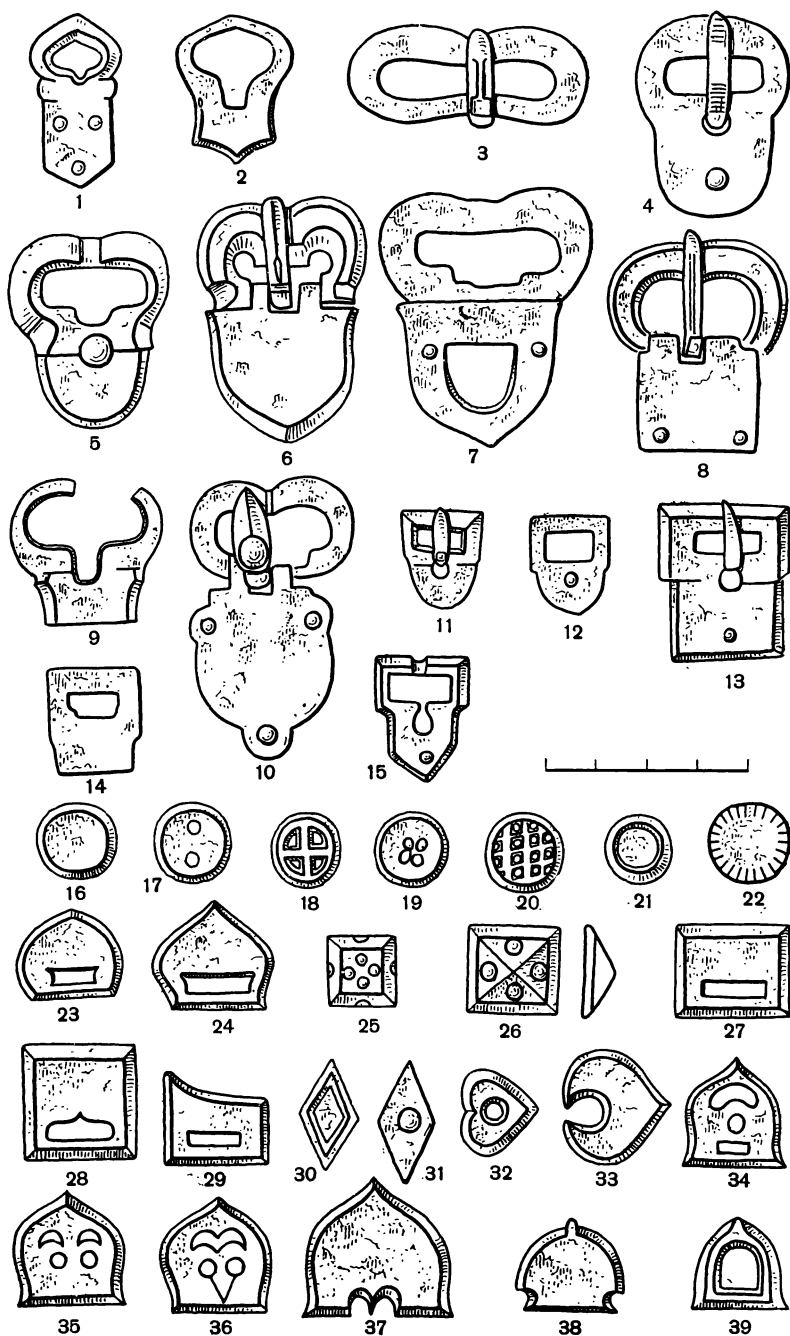

Рис. 2. Пряжки и накладные бляшки Башкирии IV–IX вв.

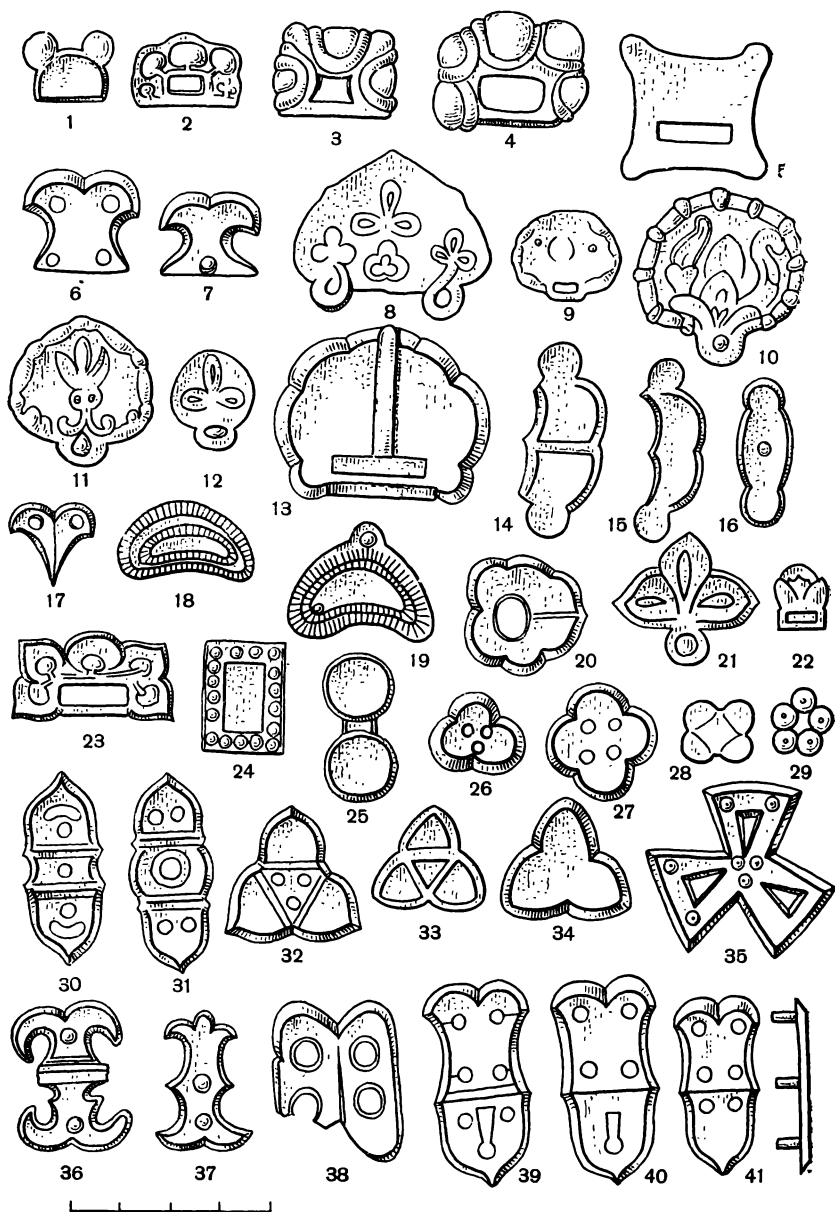

Рис. 3. Накладные бляшки Башкирии IV—IX вв.

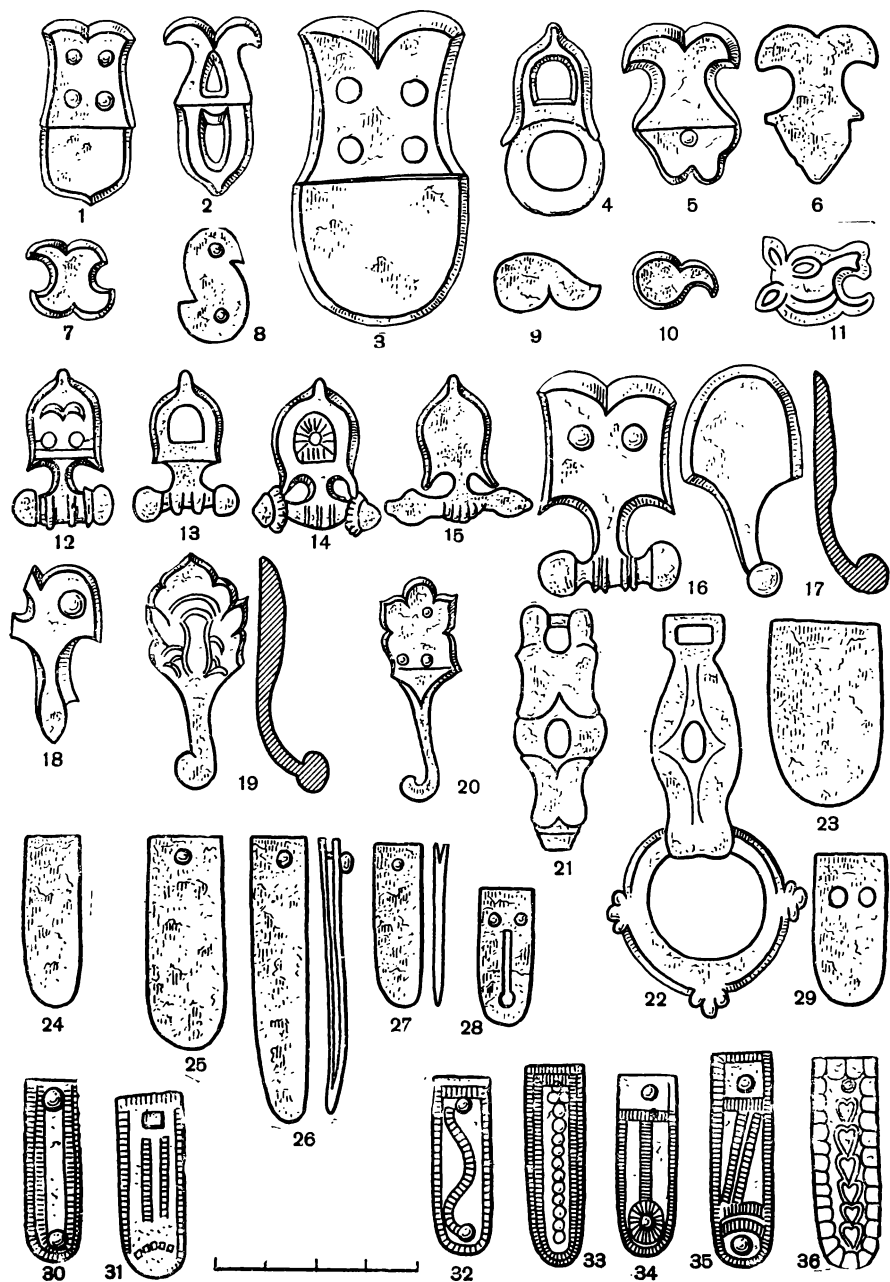

Рис. 4. Накладные бляшки и наконечники ремней Башкирии IV–IX вв.

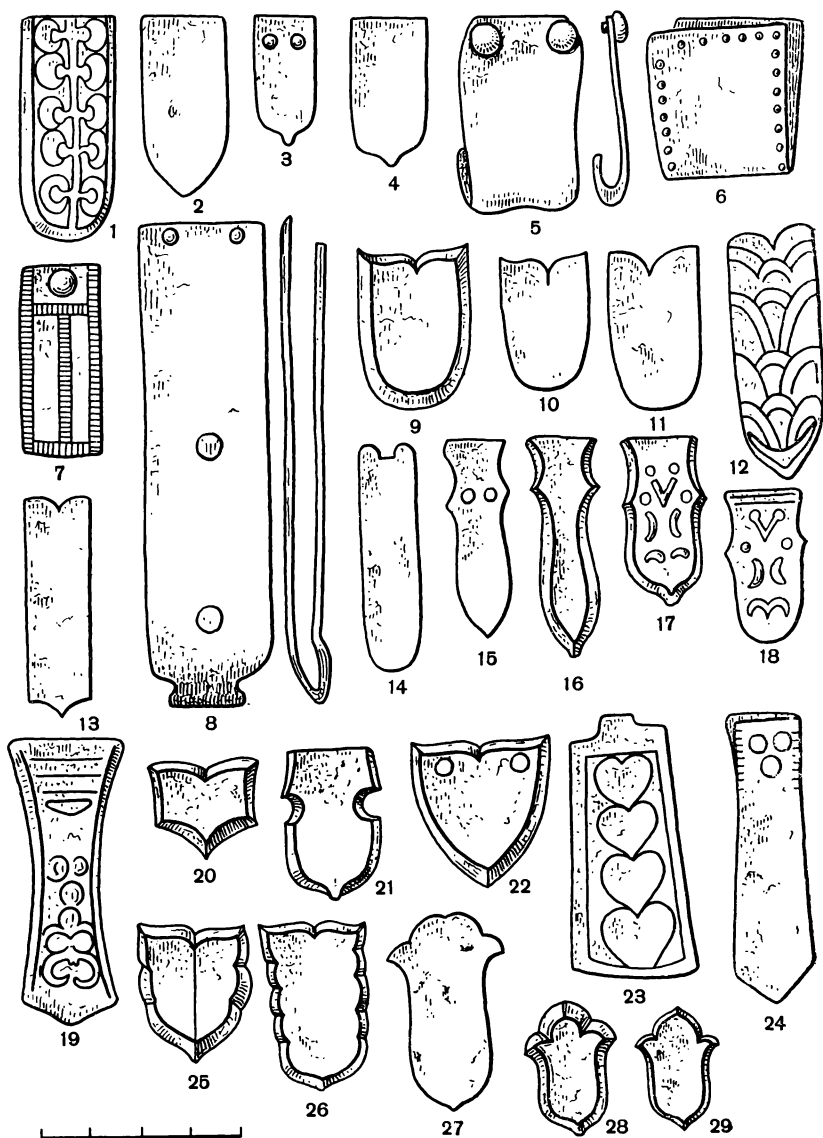

Рис. 5. Наконечники ремней Башкирии IV—IX вв. (1—5 в 2-х экз.)

образом: 39,0% происходят из Сибири, 19,1%, — с Кавказа, 13,0% — из Поволжья, 12,8% — из Крыма, 8,6% — из Пермской области и 7,5% — с Дона и Днепра. Ниже мы покажем, что хронологическое рассмотрение связей дает значительно более дифференцированную картину, так как мы получаем возможность исследовать явления не в статике, а в динамике.

Прежде чем останавливаться на разборе материала, происходящего с территории Башкирии, рассмотрим, какую информацию мы можем почерпнуть из анализа такой категории вещей, как поясные наборы, и почему для I тысячелетия н. э. наиболее плодотворным является рассмотрение этой категории вещей на такой широкой территории, как евразийские степи.

На поясных наборах в большей степени, чем в любом другом археологическом материале, проявлялась общевразийская мода⁴, сходные типы были распространены от Монголии на востоке до Италии на западе и от среднего и верхнего течения Волги на севере до Закавказья на юге, хотя «центром разнообразия» оставались западноевразийские степи с Крымом и черноморским побережьем Кавказа.

Поясные наборы служили как бы паспортом дружинника, их жаловали за воинские заслуги, они указывали на то место, которое занимал воин в иерархии военной и административной, и являлись знаком отличия⁵. До сих пор спорным и во многом неясным является то, какой вклад внес тот или иной народ в эту евразийскую моду, где находились производственные центры в пределах Евразии и какова роль в создании той или иной группы поясных наборов культурных центров Византии, сасанидского Ирана, Центральной Азии и Сибири.

Но раз уж мы все время говорим об общей «евразийской» моде, рассматривая происхождение, изменения и связи этой категории вещей в пределах Евразии, то коротко остановимся на том, что мы имеем в виду, говоря о Евразии. Видим ли мы в ней географическое понятие или нечто большее. Вслед за Н. С. Трубецким⁶ под Евразией мы понимаем «месторазвитие» кочевой культуры: евразийские степи от Хингана на востоке до Дуная на западе, то, что П. Н. Савицкий называл «хингано-карпатским прямоугольником степей»⁷. Именно на этой терри-

---

Л. Н. Гумилев. По поводу предмета исторической географии (Ландшафт и этнос). III. «Вестник Ленинградского университета», 1965, № 18, серия геологии и географии, вып. 3, стр. 117. Они не выделены особо, так как отсюда происходят лишь единичные экземпляры деталей поясных наборов. Крым, где особенно четко прослеживается контакт степи с причерноморскими центрами, рассматривается особо.

⁴ Подробнее см.: В. Б. Ковалевская (Деоник). Стекланные, каменные и металлические украшения IV—IX вв. Северного Кавказа и Крыма как исторический источник. Автореф. канд. дисс. М., 1961, стр. 14—17.

⁵ В. Б. Ковалевская. О некоторых знаковых системах в археологии. Труды по знаковым системам, IV. «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 236. Тарту. 1969.

⁶ Н. С. Трубецкой. Европа и человечество. София, 1920.

⁷ П. Н. Савицкий. О задачах кочевниковедения (почему скифы и гунны интересны для русского?). Прага, 1923, стр. 8.

тории на протяжении I тысячелетия н. э. прокатываются волны переселения народов — гунны, авары, болгары, тюркюты, мадьяры и т. д.

Изучение этих культур всадников-степняков, доходивших в своих походах до Центральной и Западной Европы и внушавших ужас как гарнизонам и жителям крепостей, так и историкам раннего средневековья, представляет особый интерес для воссоздания истории народов, населявших нашу страну⁸; в частности, без глубокого анализа мира евразийских всадников-степняков в его единстве и целостности, с культом верности и воинской доблести, соединявшего (а не разделявшего) цивилизаций Индии и Китая с Византией, сасанидским Ираном, нельзя изучать историю ни одного из народов, населявших Россию, в том числе и историю Башкирии.

Во всех крупных государствах раннего средневековья мода на поясные наборы всегда воспринималась как «мода на все кочевническое». Для китайцев первых веков н. э. эта мода пришла от гуннов, для сасанидского Ирана из кочевой степи через Среднюю Азию⁹, для Византии — от болгар-кутургур¹⁰. Здесь мы видим очень наглядное подтверждение тех положений, которые выдвинул еще П. Н. Савицкий, подчеркивающий, что кочевая культура степного мира очень тесно была связана с культурами лесной зоны, с одной стороны, и цивилизациями Ирана, Византии и Китая — с другой.

В этой работе рассматривается вклад степных культур, внесенный в культуру народов, дальнейшая история которых связана с территорией Башкирии, а позднее и с Подунавьем.

Несмотря на то, что для неспециалиста все пряжки кажутся похожими друг на друга, это сходство очень относительно и определяется тем, что функциональная нагрузка у них одна — они должны застегивать ремень пояса. Поэтому у них должно быть кольцо, через которое продевается ремень, язычок — для закрепления этого ремня (эти две составные части необходимо присутствуют в каждой пряжке) и щиток для прикрепления пряжки к концу ремня.

Несмотря на эту строгость в функциях пряжек мы можем наблюдать очень большое разнообразие как во внешнем оформлении пряжек (формы кольца, щитка и язычка, орнамент и т. д.), так и в технике изготовления (литые, чеканные, способ прикрепления кольца к щитку и щитка к ремню).

Задача типологического исследования, которую мы не имеем возможности здесь раскрыть, и заключается в том, чтобы описать и анализировать все эти особенности и связать их с теми или иными районами (локализовать ремесленные мастерские, выяснить, как распространялась «евразийская мода» и каков вклад в нее тех или иных местных традиций).

---

⁸ П. Н. Савицкий. Указ. соч., стр. 13.

⁹ В. Распопова. Поясной набор Согда VII—VIII вв. СА, 1965, № 4, стр. 78—91.

¹⁰ N. Mavrodinov. Le trésor protobulgare de Nagyszentmiklós. АН, XXIX. Budapest, 1943, стр. 194—197.

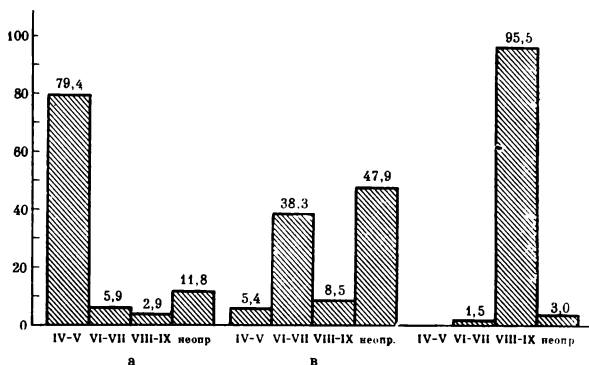
Если мы взглянем на таблицу, где изображены все пряжки, найденные на территории Башкирии, и сравним со всем многообразием пряжек, найденных в Евразии, то мы должны отметить следующее. В Башкирии представлены все наиболее распространенные типы пряжек, имеющие наиболее широкий ареал. Простые, неорнаментированные пряжки преобладают над богато орнаментированными, столь типичными для Крыма и Кавказа, с одной стороны, и Подунавья — с другой.

Все собранные нами с территории Башкирии пряжки распределяются хронологически следующим образом: 22% происходят из погребений IV—V вв., 57% — из погребений VI—VII вв., 11% — из погребений VIII—IX вв. и 11% — из недатированных коллекций. Для того чтобы проверить правильность хронологического определения тех комплексов Башкирии, из которых происходят приведенные нами материалы, приведем следующие графики для аналогий (рис. 6, 7). Берутся все пряжки, происходящие из комплексов IV—V вв., к ним подбираются все аналогичные им экземпляры с территории Евразии. 79,4% аналогий происходят из комплексов IV—V вв., 5,9% аналогий происходят из комплексов VI—VII вв., 2,9% — из комплексов VIII—IX вв. и 11,8% — из недатированных коллекций. Что дает нам изучение этого графика? Во-первых, то, что выделение комплексов IV—V вв. в Башкирии проведено правильно, так как более $\frac{3}{4}$ аналогичных пряжек со смежных территорий датируются этим временем. Во-вторых, мы видим, что пряжки IV—V вв. в пределах Евразии имеют достаточно узкую дату, так как менее 10% аналогичных им экземпляров может быть найдено в комплексах последующего времени (VI—IX вв.) и то за счет нескольких наиболее простых типов круглорамчатых пряжек.

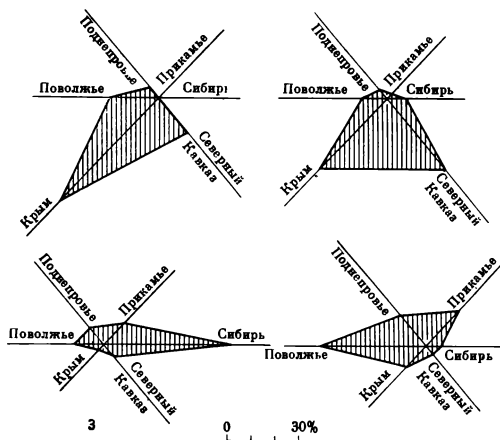
Для VI—VII вв. мы видим следующую картину. Около половины аналогичных экземпляров пряжек на смежных территориях происходят из случайных коллекций и не могут помочь нам в деле датировки комплексов, происходящих из Башкирии, 5,4% аналогий происходят из комплексов предшествующего времени. Сразу же скажем, что это происходит за счет того, что в комплексах VI—VII вв. с территории Башкирии мы видим целый ряд типов пряжек (рис. 1, 10, 11, 14), являющихся подражанием золотым и серебряным пряжкам «полихромного стиля», украшенным инкрустациями из драгоценного камня, которые мы находим в гуннских древностях времени Атиллы на Волге, в Казахстане, Крыму и Подунавье. В VI—VII вв. они делаются из бронзы, покрыты тонким штампованным листком, имитирующим зернь, инкрустированы стеклянными, а не каменными вставками и являются дешевым ремесленным подражанием тем пряжкам, которые были образцами высококачественного ювелирного производства. 38,3% аналогий (что составляет $\frac{3}{4}$ от датированных аналогий) происходят из комплексов VI—VII вв. и 8,5% — из погребений VIII—IX вв. (за счет пряжек, имеющих широкую дату — VI—IX вв. или пережиточно бытующих в погребениях VIII—IX вв.).

Пряжки из комплексов VIII—IX вв. Башкирии не имеют аналогий в комплексах IV—V вв., только 1,5% происходят из комплексов VI—VII вв. и 95,5% аналогий найдено в погребениях VIII—IX вв. Евразии. Аналогии из недатированных комплексов составляют всего 3,0%.

Рис. 6. Хронологическое определение аналогий для башкирских пряжек, происходящих из комплексов IV—V вв. (а), VI—VII вв. (в), VIII—IX вв. (с)

Рис. 7. Распределение аналогий для поясных наборов Башкирии по географическому признаку

Сравнение всех этих трех графиков между собой показывает, что аналогии в пределах Евразии для пряжек Башкирии подтверждают правильность хронологического определения тех комплексов, материалы которых исследуются в данной работе.

Посмотрим, что мы можем сказать о связях Башкирии с сопредельными территориями для исследуемого времени на основании тех же материалов. Рассматривая распределение пряжек, аналогичных найденным в комплексах IV—V вв. Башкирии, мы видим, что половина найдена в Крыму, четверть — на Северном Кавказе, 17,6% — в Поволжье и лишь 4,4% — в Приднепровье и 2,9% — в Сибири. То есть все связи указывают

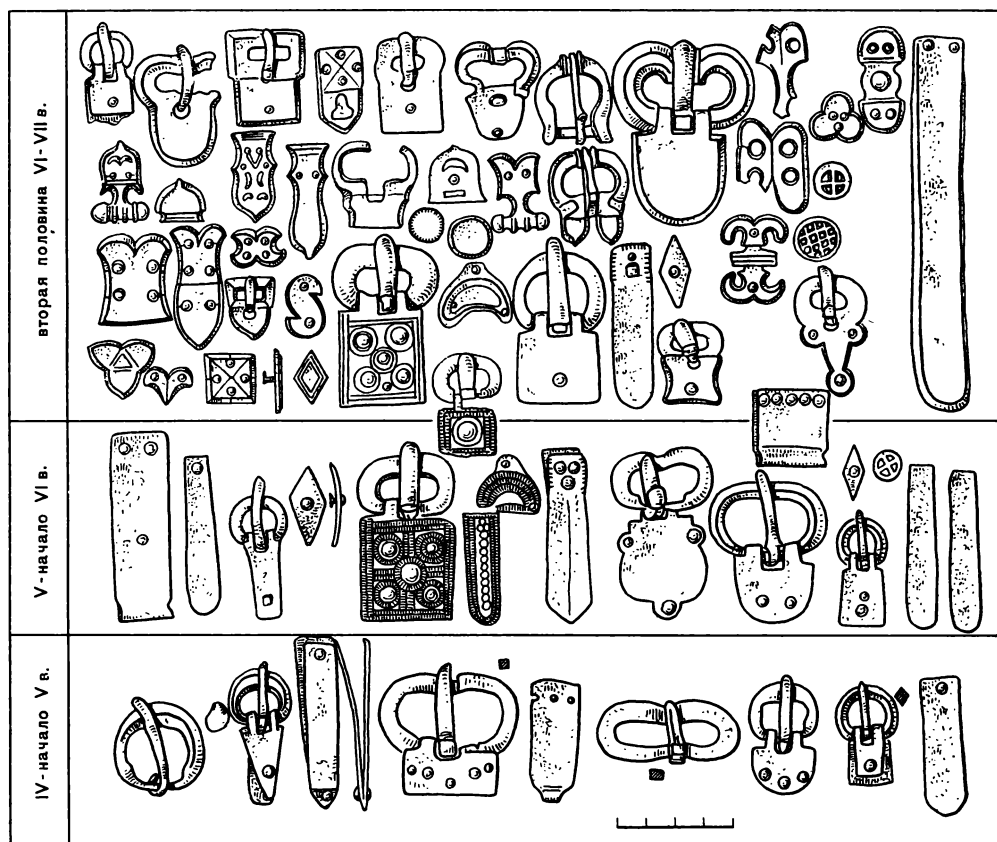
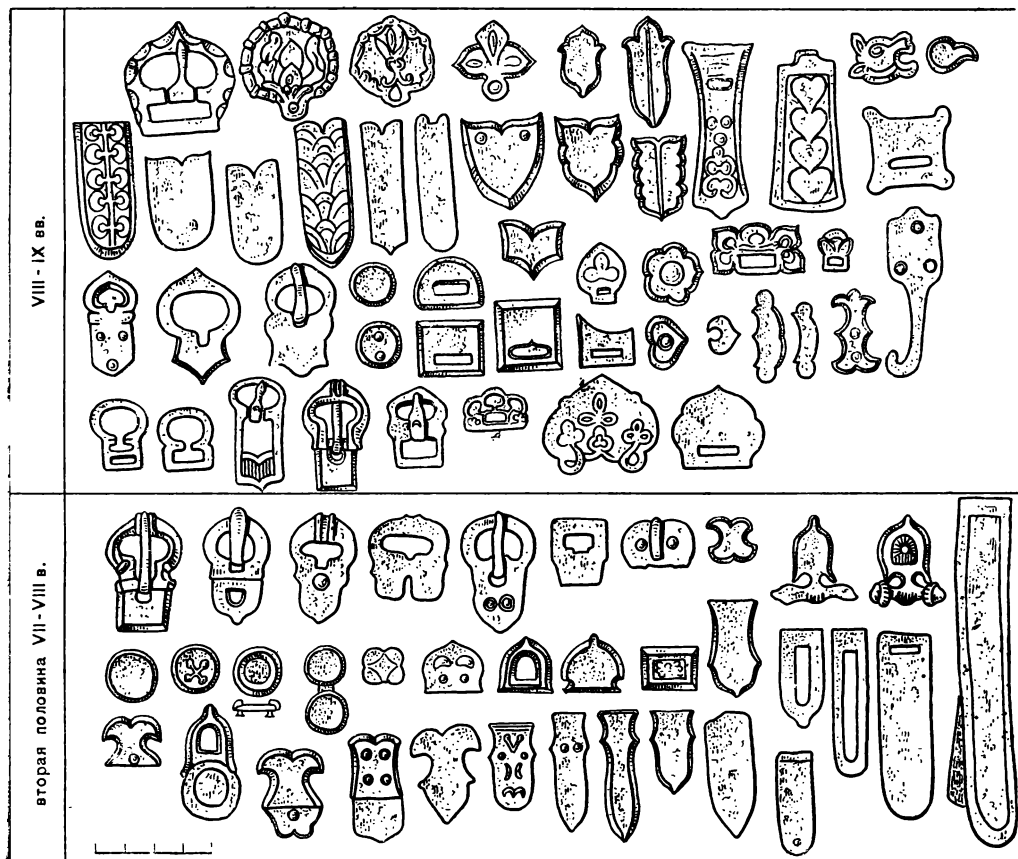

Рис. 8. Периодизация могильных комплексов Башкирии IV—IX вв.

на сармато-аланский мир Северного Причерноморья. Башкирия оказывается связанной с городскими центрами Крыма, Северного Кавказа и Поволжья и лишь очень незначительно с более восточными территориями.

В VI—VII вв. картина меняется в сторону усиления связей с Северным Кавказом (51,5%), на втором месте оказывается Поволжье (21,3%), затем Крым (12,8%), Сибирь (6,4%), Прикамье (5,4%) и Приднепровье (3,2%). Следовательно, основными связями для Башкирии продолжают оставаться юго-западные с алано-болгарским миром евразийских степей Поволжья — Предкавказья.

Аналогии с Сибирью свидетельствуют о связях, по направлению их скорее с запада на восток, чем наоборот, — Башкирия, занимающая промежуточное положение между западноевразийскими и срединноевразийскими степями, получает пряжки юго-западного происхождения и часть их,

через территорию Башкирии, попадает дальше на восток — в Казахстан и Сибирь.

В VIII—IX вв. связи с более удаленными районами заменяются связями с более близкими — на первое место выходит Среднее Поволжье (43,9%) и Прикамье (18,2%), затем Крым (15,2%), Подонье и Приднепровье (13,6%), Сибирь (6,1%) и Северный Кавказ (3%). В VIII—IX вв. выделяются по поясным наборам, в частности по пряжкам, несколько основных зон с различной традицией — салтово-маяцкие с центром в Подонье, именно за счет пряжек этого типа (рис. 1, 17; 2, 1) усиливаются связи со Средним Поволжьем и Подоньем, сибирские (рис. 1, 8, 9, 25; 2, 2), проникающие в Башкирию с Востока и отсюда попадающие в Прикамье, Поволжье и далее на запад, и местные крымские и северокавказские, которые в отличие от предшествующих периодов почти совсем не проникают на территорию Башкирии (рис. 8).

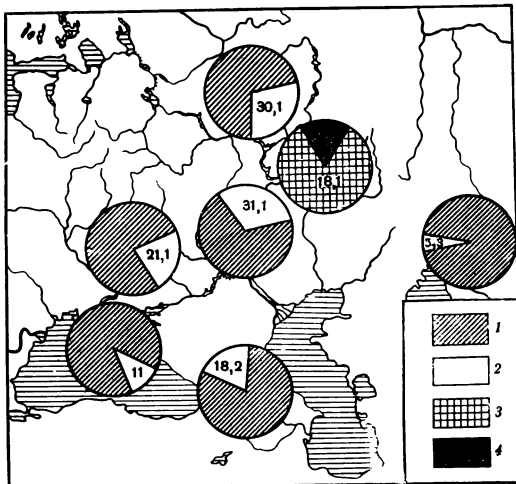

Рис. 9. Схема географического распределения аналогий башкирским пряжкам в Евразии

- 1 — процент пряжек, не имеющих аналогий в Башкирии;
- 2 — процент пряжек, имеющих аналогии в Башкирии;
- 3 — процент пряжек Башкирии, имеющих аналогии на других территориях;
- 4 — процент пряжек Башкирии, не имеющих аналогий на других территориях

Посмотрим, совпадают ли данные, которые мы получим при анализе накладок и наконечников, с тем, что мы увидели выше. В нашем распоряжении 573 экз. накладок и 93 экз. наконечников, происходящих из комплексов IV—IX вв. Башкирии, причем более половины составляют поясные наборы VI—VII вв., около 20% — IV—V вв. и VIII—IX вв. Аналогичные найденным в Башкирии типам поясные наконечники и накладки распределяются географически следующим образом: около половины их происходят из памятников Сибири, затем следуют Северный Кавказ, Крым, Поволжье, Прикамье и Поднепровье. Но последнее распределение лучше рассматривать, сравнивая находки VI—VII вв. с VIII—IX вв., причем, как и в случае с пряжками, график показывает, что проведенное нами хронологическое определение комплексов Башкирии подтверждается аналогиями (рис. 6).

Если в поясных наборах IV—V вв. накладки отсутствуют, а в V—VI вв. встречаются в очень небольшом количестве и представлены несколькими специфическими для территории Башкирии типами (рис. 2, 31), то в VI—VII в. в памятниках Башкирии появляется большое количество серебряных накладок и наконечников с прорезной геометрической орнаментацией, восходящей к антропоморфным изображениям, по своему происхождению связанных с Северным Причерноморьем. Как и в случае с пряжками, основные связи ведут нас на юго-запад в алано-болгарский мир. 46,8% аналогий происходят из Крыма, 41% из Северного Кавказа и всего 3,8% из Приднепровья, 3,2% из Сибири и по 2,6% из Поднепровья и Прикамья.

Совсем другую картину видим мы для VIII—IX вв. 58,9% накладок, аналогичных тем, что найдены в башкирских курганах VIII—IX вв., происходят из Сибири, на втором месте стоит Верхнее Прикамье (где тоже в поясных наборах VIII—IX вв. наблюдается сильное тюркское влияние), затем Приднепровье, Поволжье, Северный Кавказ и Крым. Следовательно, если говорить о связях или тяготении к той или иной

культурной области, то рубеж VIII в. следует принять за начало особенно сильного тюркского влияния на территории Башкирии, которое по материалам поясных наборов почти не прослеживалось раньше. В разборе характера и направления связей по аналогиям всегда следует иметь в виду, что в количественном отношении сравниваемые по областям материалы неравноценны. Поэтому представляет интерес в каждом случае брать отношение числа пряжек, имеющих аналогии с башкирскими, к общему числу пряжек, найденных на этой территории, и тогда мы получаем следующую карту (рис. 9). Конечно, все эти наблюдения касаются моды, подкрепленной евразийской кочевнической традицией, по которой пояс дружинника был свидетельством его принадлежности к тому или иному племени, воинскому подразделению, отражая место, занимаемое дружинником в административно-политической иерархии.

Пряжки Башкирии и аналогии к ним

№ рисунок	Количество														
	Башкирии					Крыма					Кавказа				
	IV—V вв.	VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ.	Всего	IV—V вв.	VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ.	Всего	IV—V вв.	VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ.	Всего
1, 1	2				2	31				31	8	2			10
1, 2	4				4										
1, 3	6	1			7				1	1					
1, 4	1	1			2										
1, 5	2	4			6						3			4	7
1, 6					1										
1, 6a	5				5	2				2					
1, 7		2			2										
1, 8			1		1										
1, 9			1		1		1	3		4					
1, 10		12			17										
1, 11		2			2										
1, 12	1	2			3			1		1		1			1
1, 13			2		2										
1, 14		2		1	3										
1, 15		1			1										
1, 16		2			2										
1, 17			1		1										
1, 18		3			3										
1, 19			1		1										
1, 20		1		1	2									2	2
1, 21			1		1		1		1	2		1		1	2
1, 22			1		1										
1, 23			1		1										
1, 24			3		3			4		4			1		1
1, 25			1		1										
2, 1			1		1			1		1					
2, 2			1		1										
2, 3	2	1		1	4						2			5	7
2, 4		4			4							1			1
2, 5		1			1				1	1		2		1	3
2, 6		3			3									4	4
2, 7		1			1									1	1
2, 8		2			2		1			1			1		1
2, 9		1			1										
2, 10		1			1										
2, 11		2			2							1			1
2, 12		3		2	7		6		1	7		6	3	16	25
2, 13		3			3				2	2				2	2
2, 14			1		1										
2, 15	1				1	1				1		1			1

п р я ж е к в к о м п л е к с а х

Поволжья					Поднепровья					Сибири					Прикамья					Всего аналогий
IV-V вв.	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	IV-V вв.	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	IV-V вв.	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	IV-V вв.	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	
3		1		4	1				1											46
3				3																4
		1		1	1				1											2
1		1		2																2
6		2		8											2				2	17
					2	2			2	1				1						7
					1			7	7		1			1				2	2	15
1								1	1											1
					1	3			3											6
1						1			1											1
																				1
								3	3											3
					2				2								1	1	2	6
	2																			4
		1		1													8		8	9
		16		16			6		6				3	3		2		2		32
		5		5			3		3											9
			1	1																
	1			1						1				1						9
	1		1	2																2
					1				1	3				3			1		1	6
																				9
	2		1	3																1
		1		1																2
		1		1				2	2									2		35
		1		1																7
													1	1						3

Примечание: В последней колонке указано число пряжек без учета данных по Башкирии.

Накладные бляшки Башкирии IV—IX вв. и аналоги к ним

№ рисунка	Количество накладных														
	Башкирии					Крыма					Северного Кавказа				
	IV—V вв.	VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ. нах. §	Всего	IV—V вв.	VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ. нах.	Всего	IV—V вв.	VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ. нах.	Всего
2, 16		1	10		11		6			6		18	2		20
2, 17			10		10										
2, 18		30			30										
2, 19			3		3										
2, 20		10			10										
2, 21			2		2										
2, 22		3			3							5	12		17
2, 23			1		1										
2, 24															
2, 25		9			9		1			1					
2, 26		1			1										
2, 27, 28			13		13										
2, 29			1		1										
2, 30		1			1										
2, 31	120	219			339										
2, 32			1		1										
2, 33			8		8								6	3	9
2, 34		1			1							2		1	3
2, 35			2		2										
2, 36		2			2		16		2	18		11		1	12
2, 37				1	1				1	1					
2, 38		1	4		5										
2, 39			1		1									2	2
3, 1															
3, 2			2		2			2		2			2		2
3, 3			1		1										
3, 4			1		1										
3, 5															
3, 6		2	1	1	4							3		2	5
3, 7															
3, 8			1		1								1	15	16
3, 9			1		1										
3, 10			1		1										
3, 11			1		1										
3, 12			3		3										
3, 13			6		6										

бляшек в комплексах

Поволжья				Поднепровья				Сибири				Прикамья				Всего аналогий
VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	
7	2		9	2	6		8	33	57 2	2 1	92 2 1		6		6	141 2 1
2	1 6		3 6	4			4	6	43	6	55			1	1	24 62
	48		48		1		1		91 5	43	134 5		30 15		30 15	1 213 20
	4		4						11 33	2 1	13 34					13 47 3
1			1										2		2	33 1
1	1 1		1 1					2	2		4		3		3	8 3
	1		1		20		20									25
2			2	1			1									8
					37		37									53
	2		2						15		15		19	1	20	2 35

№ рисунка	Количество накладных														
	Башкирии					Крыма					Северного Кавказа				
	IV-V вв.	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	IV-V вв.	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	IV-V вв.	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего
3, 14			2		2										
3, 15			1		1										
3, 16															
3, 17			5		5							2			2
3, 18		2	2		4										
3, 19		3	4		7										
3, 20				3	3										
3, 21															
3, 22			1		1										
3, 23			1		1										
3, 24			1		1										
3, 25			1		1										
3, 26		1			1										
3, 27		10			10										
3, 28			3		3										
3, 29			14		14										
3, 30		2			2		2			2					
3, 31		1			1										
3, 32		4			4		15			15					
3, 33		5			5		10			10					
3, 34		3			3		6	7		13					
3, 35		1			1										
3, 36		2			2										
3, 37			1		1										
3, 38		1			1										
3, 39		2			2										
3, 40				2	2										
3, 41		4		2	6		11			11		7		7	14
4, 1		3	1		4				1	1					
4, 2			1		1										
4, 3		2			2										
4, 4			1		1										
4, 5			1		1										
4, 6															
4, 7															
4, 8			1		1										
4, 9, 10				6	6										

бляшек в комплексах

Поволжья				Поднепровья				Сибири				Прикамья				Всего аналогий
VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ. нах.	Всего	VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ. нах.	Всего	VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ. нах.	Всего	VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ. нах.	Всего	
										8	8					8
									1		1					3
									8		8					8
					4		4									4
									1		1					1
									10		10					10
																2
																15
																10
																13
														1	1	1
																25
																1
								2			2					2

		Количество наконечни													
№ рисунков	Башкирии					Крыма					Северного Кавказа				
	IV—V вв.	VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ. нах.	Всего	IV—V вв.	VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ. нах.	Всего	IV—V вв.	VI—VII вв.	VIII—IX вв.	Случ. нах.	Всего
4,23			4		4		3			3					
4,24		1	1		2	1	3			4		7			7
4,25		2			2		3			3		1			1
4,26	3	1			4										
4,27	1	2			3	2	1			3					
4,28		1			1		3		1	4		23		11	34
4,29		6			6		5			5		1	1		2
4,30—36	3	11			14										
5,1			1		1										
5,2		1	1		2										
5,3		2			2										
5,4		1	1		2										
5,5	1	1			2										
5,6		1			1										
5,7		1			1										
5,8	2	7			9										
5,9			2		2										
5,10			1		1										
5,11			1		1									2	2
5,12			1		1										
5,13			1		1										
5,14			1		1			1	1	2					
5,15		9	1		10		3			3		5		3	8
5,16		1			1							6			6
5,17		1	1		2										
5,18			1		1										
5,19			1		1										
5,20			1		1										
5,21		2			2									2	2
5,22			1		1										
5,23			1		1										
5,24		1			1										
5,25			1		1										
5,26			4		4										
5,27—29			3		3										

Примечание: Данные об аналогиях к рис. 4, 11—22 не приводятся в связи с их недостаточным количеством.

КОВ В КОМПЛЕКСАХ

Поволжья				Поднепровья				Сибири				Прикамья				Всего аналогий
IV-V вв.	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Всего	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	VI-VII вв.	VIII-IX вв.	Случ. нах.	Всего	
4	1 3		1 3 4					1	53	3	57		2		2	60 13 4
																3 39
	1		1		1	1	2	1	1	1	3			1	1	13 4
																3
																3
																15 7 2 2
						2	2			1	15 7					2
	1 3	5	6 3					2	1		3		3		3	23
								2	2		4		6	2	8	21
	3		3													4 12 1
		2	2													11
								5	1 5 1		1 10 1					
									9		9					

Прежде чем приступить к осуществлению основной задачи данной статьи, необходимо коротко охарактеризовать общий облик нашей ранней культуры. Принято говорить, что это типично восточноевропейская степная кочевническая культура. Ее археологические памятники пока что почти исключительно представлены материалами могильников. В преобладающем своем большинстве они являются металлическими изделиями трех главных разновидностей: оружие, предметы конского снаряжения и декоративные ювелирные изделия личного пользования.

Оружие — это сабля, боевые топоры, стрелы, костяные пластинки лука. Конское снаряжение представлено стремянами, подпружными железными застегками, удилами, остатками седел, декоративными бляхами для украшения конской сбруи. Разнообразие личных украшений почти неисчерпаемо: главные предметы — это весьма привлекательные по своим мотивам серебряные пластинки для кожаных сумок, поясные наборы из серебра и бронзы, ажурные бронзовые круги, серебряные диски для украшения одежды, серьги, кольца, бронзовые гривны, пробитые диргеми и динарии. Перечень весьма неполный, но для данной статьи нет необходимости более подробного перечисления.

Древневенгерские могилы являются грунтовыми, костяки лежат в вытянутом положении, головой на запад, лицом к востоку. Над присыпкой землей покойников у их ног положены четыре конечности и голова лошади.

Качество выделки орнаментации предметов колеблется от превосходного до весьма скромного. Это является бесспорным признаком социальной дифференцированности венгерского общества X в. Золотые изделия встречаются редко и только в находках, принадлежащих высшему слою общества. Излюбленным металлом древних венгров было серебро разной чистоты, но мастера увлекались тонким золочением особенно фона орнаментов, в чем они обнаружили большую изобретательность.

Главным мотивом, характерным для этого периода, были переплетающиеся растительные, пальметные орнаменты в скупом сочетании с фантастическими зоо- и антропоморфными фигурами. От этого основного мотива встречаются отклонения. В разном сочетании основных декора-

тивных элементов древние венгерские металлурги и ювелиры создавали весьма разнообразные сюжеты, свидетельствующие о богатой фантазии и о неисчерпаемости возможностей композиций. Согласно металлографическим анализам термическая и холодная обработка металлов древними венгерскими мастерами находилась на уровне времени. Они продолжали восточноевропейские технические и художественные традиции.

Теперь следует обратить внимание читателя на объективный недостаток выдвинутых аргументов. Он выражается в том, что в перечисленных материалах отсутствуют орудия труда, т. е. находки, происходящие из поселений. Археологические розыски и нахождение ранних поселений на густонаселенной территории Венгрии представляют вообще большую трудность. А поиски поселений, синхронных могильникам, охарактеризованным выше, считались почти безнадежным делом, так как предполагалось, что подвижный образ жизни древних венгров вряд ли мог оставить заметные следы поселений. Эта концепция была, казалось, непоколебимо подтверждена материалами, добытыми из могильников. Какие-либо другие стремления считались безнадежно обреченными на неудачу, вопреки тому, что языковедение поставляло целый ряд ценных данных в пользу более комплексного характера культуры венгров X в. Эти языковые данные доказывали, что целая группа взаимосвязанных слов болгаро-тюркского происхождения в венгерском языке отражает знакомство с плужным земледелием. Примечательно, что эти слова свидетельствуют не о поверхностном знакомстве с некоторыми орудиями обработки земли и ее продуктами, а о целом цикле земледельческих работ и о вторичной обработке продуктов земледельческого труда. Эти важные культурно-бытовые слова вошли в венгерский язык еще тогда, когда венгерские племена находились на восточноевропейской равнине. Они обращают внимание на весьма существенные взаимные контакты между народами и на значительные технико-экономические сдвиги в быту народов Восточной Европы в целом.

Ирано-арабские географы информируют нас о том, что венгры VIII—IX вв. имели пахотные земли. Это сообщение говорит в пользу языковедческих выводов. Немногочисленные находки серпов и мотыжек в могилах X в. тоже подсказывают, что не следует спешить с выводами о характере венгерской культуры X в. В настоящее время уже обнаружены первые синхронные с древневенгерскими могильниками поселения X в., но основным археологическим источником по истории ранней венгерской культуры остаются односторонние материалы, добытые из могильников. Таким образом, и мне следует остановиться на наблюдениях, основанных на анализе могильных находок.

Типологически эти находки имеют свои аналогии, но не идентичность на огромном пространстве от Минусинска до Карпат и от Волго-Камья до Кавказа и берегов Черного моря. Вполне понятно, что венгерские специалисты ищут объяснения своих проблем на основе материалов, добытых советской наукой, в то же самое время наши советские коллеги, ища ответа на свои нерешенные проблемы, обращаются к аналогиям, представленным находками из венгерских могильников X в. Получается любопытный заколдованный круг, впрочем отнюдь не бесполезный с точ-

ки зрения развития науки. Но было бы большим легкомыслием обходить молчанием по крайней мере один аспект проблематики этого закодированного круга. Он представлен растительным стилем украшения декоративных металлических изделий. Предпочтительность применения этого растительного стиля в причудливом сочетании с зоо- и антропоморфными изображениями появилась и начала распространяться с рубежа VII—VIII вв. Этот стиль принято называть сасанидским или постсасанидским.

За этим термином скрываются непрекращающиеся научные дебаты, связанные с оправданностью или неоправданностью применения этого термина по отношению к стилю, возникшему после гибели названной династии, художественные образцы которой к тому же весьма скупо представляет растительный орнамент. Вдобавок сложная и противоречивая идейная атмосфера, отраженная в стиле упомянутой династии, была очень далека от художественного мышления неискушенных грубых жителей степей. Хорошо известны противоречия, разделяющие ученых в оценке шаткого равновесия глухой и открытой идеологической борьбы, существовавшей в сасанидском Иране. Нет единства взглядов в толковании удельного веса отдельных идейных фрагментов, вылившихся в хрупкий сасанидский синкретизм художественного стиля, выступавшего и на металлических изделиях. Однако в понимании глубоких общественных преобразований, происшедших в период с первой четверти III в. до конца первой трети VII в., выражается единогласие. Это единогласие сводится к тому, что в период правления сасанидов постепенно складывались вассалитетные, феодальные отношения. Складывание этих новых общественных отношений и их идейно-художественное выражение оказали влияние на смежные с Ираном области. Это влияние распространялось по крайней мере в двух направлениях: на Кавказ и на Среднюю Азию. Из этих неиранских областей технические приемы обработки и орнаментации декоративных металлических изделий широко распространились в глубь Восточной Европы. Художественный вкус, представленный этими изделиями, внедрялся среди восточнославянских племен и среди весьма пестрых в этническом отношении народов степей как раз в тот период, когда в общественном строе этих народов происходил интенсивный процесс разложения родо-племенных отношений и возникновения элементов раннефеодальных отношений.

С помощью кавказских и среднеазиатских мастерских пышные орнаменты нашли дорогу к сердцу варварской племенной аристократии, жаждавшей выразить свою власть во внешних проявлениях. Разумеется, колоссальные социальные сдвиги среди народов Восточной Европы, особенно остро проявившие себя с рубежа VII и VIII вв., были далеко не следствием контактов с весьма отдаленным Ираном. Острые политические конфликты между сасанидским Ираном и восточноевропейскими народами, торговые и культурные контакты между ними хотя и были немаловажными, но во всеобщей исторической картине были всего лишь эффектными внешними проявлениями глубоких социально-экономических преобразований в самой Восточной Европе, приведших к известной унификации, которая ознаменовала начало новой эпохи — средневековья.

Процесс этой унификации охватил народы до разной глубины и к тому же не во всех случаях увенчался успехом — крушение многих некогда грозных народов красноречиво говорит о мучительности этого процесса. Но унификация нового масштаба была налицо в Восточной Европе, она проявлялась в общих тенденциях развития и во взаимообусловленности исторических судеб народов.

Эти факторы в своем конкретном направлении были неидеальными и не поддаются идеализации, они всего лишь выражали объективный ход общественного развития. Памятуя о том, что внутреннее и взаимообусловленное развитие восточноевропейских народов было основной предпосылкой восприятия нового художественного стиля, я не чувствую необходимости отказаться от термина «сасанидский стиль», применяемого к растительному орнаменту. Тем более нет, что замечательные кавказские декоративные изделия возникли под явной инспирацией синкретических сасанидских образов и оказали влияние на восточноевропейские вкусы двумя способами: знаменитые ирано-кавказские декоративные изделия попадали в торговую сферу и их мотивы служили образцами для мастеров, действовавших в разных областях Восточной Европы, а также в результате непосредственного влияния кавказских мастеров на восточноевропейские мастерские.

Перед тем как закончить данный круг проблем, следует коснуться аргументации в пользу мусульманского происхождения растительного стиля. Сторонники этого взгляда исходят из того, что арабское завоевание Ирана, закавказских стран и Средней Азии, а также распространение в них мусульманской веры вытеснили зоо- и антропоморфные изображения сасанидского синкретизма. Коран запрещает идолопоклонство, а изображение фигур живых существ ревнителями мусульманской веры приравнивалось к идолопоклонству, и поэтому растительный, линейный стиль стал выразителем художественного мироощущения мусульманской религии. И как раз с начала VIII в. народы Восточной Европы вступили в тесный контакт с мусульманским миром, о чем говорит огромное количество находок кладов куфических монет. Итак, следует полагать, что растительный стиль внедрялся в Восточной Европе через эти мусульманские контакты. Хронологический аспект этой аргументации весьма внушительный. И интенсивность торговых контактов мусульманской Средней Азии с Восточной Европой не подлежит сомнению. К тому же эти контакты были гораздо явственнее тех, которые связывали Восточную Европу с Ираном. Следовательно, предположение об арабской инспирации нового растительного стиля является почти безупречным. Но все же есть одна причина среди прочих, которая вынуждает отказаться от этого заманчивого предположения. Художественная концепция отвержения мусульманской религией изображений живых существ начала распространяться и превращаться в общее каноническое правило только в течение X в., и потребовалось еще одно столетие, чтобы эта концепция получила общее признание в мусульманском мире. Таким образом, только XI в. можно считать периодом окончательного сложения мусульманского растительного стиля. Сложению этого стиля предшествовала острая теологическая борьба среди толкователей антропоморфических выкладок Ко-

рана, эта борьба продолжалась полтора столетия. Существовало сильное течение, которое допускало изображение живых существ, выгородив из этой категории только самого аллаха, считая, что он является вечным и трансцендентальным, который не имеет человеческих черт. В ранних мусульманских произведениях архитектуры и декоративного искусства воспроизводились византийские и сасанидские образцы, более того, человеческие изображения начали исчезать даже со стен мечетей только в X в. Следует полагать, что в интересующий нас отрезок времени мусульманство навряд ли могло повлиять на широкое распространение растительных мотивов среди восточноевропейских народов, такое влияние могло бы появиться в лучшем случае только в X в. Однако, как известно, в последней четверти этого века уже были исчерпаны резервы широких экономических и культурных контактов между мусульманской Средней Азией и Восточной Европой.

Волжские болгары не имели столь широких возможностей, чтобы в художественном отношении повлиять на Восточную Европу в целом. Ибн Фадлан был не особенно высокого мнения о глубине религиозных познаний болгарских мусульман, поэтому наивные в религиозных тонкостях волжские мусульмане едва ли могли играть решающую роль в сложении художественного стиля. К тому же растительный стиль начал широко внедряться среди народов Восточной Европы, как известно, на рубеже VII—VIII вв., в период, когда турки-болгары еще не играли решающей роли в распространении этого стиля. Они сами были всего лишь одними из многих, начавших воспринимать этот новый стиль.

Еще раз хочется подчеркнуть, что объективные условия, порожденные глубокими социально-экономическими изменениями, служили предпосылкой для выработки нового стиля и новых идеалов.

Следовательно, если подходить к заколдованному кругу аналогичных с древневенгерскими памятниками явлений на огромной территории с позиций анализа этих изменений всеобщей исторической значимости, то становится ясным, что указанные аналогии являются выражением не просто взаимных контактов, а объективных многогранных процессов, служивших основой для культурной унификации. Древневенгерские явления культурно-исторического порядка являются одним из элементов, цементирующих восточноевропейские народы. Кажется, что при таком подходе гордиев узел, завязавшийся без учета общих закономерностей, поддается развязыванию. Итак, можно утверждать, что истоки венгерской культуры X в. берут свое начало из общего культурного развития народов Восточной Европы.

Однако кажется, что такое объяснение не содействует выделению индивидуальных особенностей отдельных этнических культур, а, наоборот, как бы даже отбрасывает этот весьма важный аспект исторического интереса.

Хорошо известны трудности, возникающие вообще при попытках этнической и хронологической классификации археологического материала, а в частности археологического наследия так называемого кочевнического мира. В этом последнем случае трудности классификационного порядка особенно велики: кропотливый трудоемкий анализ с применением

остроумных статистических комбинаций дал ценные, но пока еще не совсем убедительные результаты. Наша наука в этой области еще находится в стадии первых шагов. Монотонная традиционность экономических приемов кочевнического быта наложила отпечаток на культуру, бедность инвентаря орудий труда тормозила динамику развития, религиозные верования, отраженные в похоронных обрядах, с небольшими трудно уловимыми изменениями наследовались от одного народа к другому. Киев, Новгород, Смоленск и густая сеть сельских поселений восточнославянского мира были созданы не кочевниками. Динамичность развития славян базировалась на разнообразии плуга и других орудий земледельческого и ремесленного производства. А плужное земледелие играло исключительную роль в создании исторически прочных фундаментов, социально-экономических форм средневекового быта.

Без особой прозорливости обнаруживается, что за общими явлениями глубоких изменений в Восточной Европе скрываются весьма существенные различия этнического и культурно-экономического порядка, которыми нельзя пренебрегать.

В результате многолетних трудов, приложенных советскими коллегами, перед нами разворачивается несколько территориальных археологических вариантов степных культур VII—X вв., которые, может быть, мы не с полной уверенностью можем связывать с отдельными конкретными народами, упомянутыми в письменных источниках, а тем не менее выделение северокавказского, салтовско-маяцкого и волго-камского вариантов следует считать за громадное достижение, тем более, что внутри этих больших территориальных разновидностей степной культуры успешно прослеживаются специфические группы. Если учесть большие этнические перемещения и интенсивно развивающиеся контакты, характерные для эпохи, то методология советской археологии заслуживает пристального внимания.

Возникает законный вопрос, к какому из выделенных до сих пор вариантов и групп тяготеет древневенгерская культура? Учитывая то, что эта культура обнаруживает только аналогии, а не идентичность на территории Советского Союза, возможности четко сформулированного ответа являются ограниченными.

Относительно продолжительности пребывания древневенгерских племен на территории, простирающейся от Дона до Карпат, ученые, в том числе и советские, придерживаются различного мнения. Исходя из дословного толкования свидетельства Константина Багрянородного, что венгры в течение трех лет находились на службе у хазар, многие считают, что венгры быстро прошли через степь. Следовательно, они не могли играть заметной роли в упомянутых выше общих процессах. В этом случае нам следует думать, что надежды мало для нахождения идентичных явлений. Есть и такое предположение, что текст Константина Багрянородного испорчен, поэтому нет необходимости доверяться тексту источника во всех деталях, и в зависимости от различных соображений считается, что венгры в течение тридцати или трехсот лет находились в сфере хазарского интереса.

На мой взгляд, основное в этой дискуссии не продолжительность пре-

бывания венгерских племен на службе у хазар, а возможная продолжительность нахождения древних венгров в радиусе действий мощных изменений, о которых говорилось выше. А толкованием одного места единственного источника опять попадаем в заколдованный круг. Очевидно, следует проанализировать совокупность различных данных, сопоставляя одни с другими. В этой связи я желаю обратить внимание читателя на три момента: 1. Древневенгерские памятники культуры X в. отражают глубоко укоренившиеся технические традиции, типологические формы и художественный стиль, истоки которых не подлежат сомнению. 2. Несмотря на то, что некоторые декоративные изделия в данную эпоху были безусловно предметами широкой международной торговли, из рук древневенгерских мастеров выходили предметы, на которых широко распространены орнаментальные элементы сложились в своеобразной интерпретации, характерной для древневенгерского этноса, и эта интерпретация продолжалась в Венгрии в X в., даже тогда, когда контакты с Восточной Европой начали слабеть; форма и стиль изделий выражали социальные идеалы периода, непосредственно предшествующего сложению раннефеодального венгерского государства, и эти языческие идеалы сошли с исторической сцены только в период массового принятия христианства, а всеобщисторические наблюдения подтверждают, что схождение на нет языческих культурных достижений является закономерным явлением в период массового крещения. А в средние века принятие христианского круга идей было подготовлено предшествующим социальным расслоением и культурным развитием, нашедшим свое выражение в художественных идеалах. 3. В венгерский словарный фонд прочно вошли болгаро-тюркские слова, связанные с плужным земледелием, и среди этих слов нет ни одного архаизма, они зафиксированы в письменных документах, начиная со второй половины XI в., одновременно с началом латиноязычной литературы в Венгрии¹. Фонетические особенности этих слов убедительно доказывают, что они вошли в венгерский язык между V и VIII вв., в течение длительного периода, задолго до прихода древних венгров на нынешнюю территорию нашей страны.

Следовательно, мы не считаем возможным согласиться с выводом о быстром прохождении венгерских племен по степным областям Советского Союза.

При анализе специфики венгерской культуры X в. необходимо учесть прочные традиции строительной техники жилищ, наблюдавшиеся в венгерских поселениях XI в. При закладке построек практиковалось жертвоприношение животных, в том числе лошадей, т. е. строительство «на

¹ G. Bárczi. A magyar szókincs eredete. Budapest, 1958, стр. 77; он же. Magyar szóbajtó szótár. Budapest, 1944, passim. Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912, стр. 35—137. «A magyar nyelv történeti — etimológiai szótára», vol. I. Budapest, 1967. Вопросительный знак после слов указывает на спорность происхождения. Даты после слов указывают их первое упоминание в письменных источниках. Alma 1009, arat? 1211, árpa 950, bor 1116, bors 1075, borsó 1229, búza 1138, csalán 1214, csöpi 1405, dara 1522, dió 1015, eke 1358, gyom 1456, gyümölcs 1130—1140, kender 1256, kepe XIV, kóro 1153, komló 1086, körte 1055, ocsu? 1544, orso XVB, öröl XVB, sarló 1001, som 1055, söprő XIVB, szérő XIV, szór XV, stöloő 1193, tarló 1233, tiló 1597.

крови», что, как известно, является признаком устойчивых традиций, соблюдаемых народами, давно знакомыми с техникой строительства постоянных жилищ.

Часто цитируемое свидетельство фрейзингского епископа Оттона², проходившего через Венгрию со вторым крестовым походом (1147 г.), о легких летних жилищах венгров не является правомерным. Крестовосходы были проведены по территории Венгрии под строгим контролем венгерских воинов, причем вдоль западного берега Дуная, где незадолго до этого были поселены печенеги, вступившие на службу венгерского государства. Своеобразный быт этих недавно поселенных кочевников не случайно заинтриговал образованного епископа. За год до этого от рук этих грозных всадников на недисциплинированные отряды крестоносцев обрушилось большое несчастье на западных границах Венгрии.

Итак, свидетельство фрейзингского епископа не может служить серьезным аргументом для подтверждения полукочевой культуры венгров даже в середине XII в.

После этого короткого экскурса следует вернуться к X в.

Очевидно, венгерская культура X в. сложилась под влиянием такого варианта восточноевропейской культуры, который соединял в себе и элементы кочевого и плужного земледельческого быта. Такой быт мы называем полукочевой культурой. Благодаря научным достижениям наших советских коллег мы теперь имеем представление о таком своеобразном сочетании кочевых и земледельческих элементов в разных вариантах салтовско-маяцкой культуры. Однако заманчивая идея аналогий многих элементов в разных группах и подгруппах этой культуры с древневенгерской культурой далеко не достаточна для подтверждения идентичности.

Следует избегать поверхностных выводов, базирующихся на идее аналогии. Салтовско-маяцкий комплекс всего лишь доказывает реальное существование культурных и бытовых особенностей определенного периода, в течение которого древневенгерские племена еще находились в сфере сложных взаимосвязей на территории Восточной Европы. Однако эти достижения, выношенные этносами разных историко-культурных традиций, объективно доказаны в культуре древних венгров X в. В результате выявления культурных особенностей салтовско-маяцкой культуры удалось связать древнюю венгерскую земледельческую терминологию болгаро-тюркского происхождения с конкретной экономической средой. Значение археологического материала в оценке культурно-экономических процессов и достижений заключается в его объективности.

При анализе письменных свидетельств всегда приходится учитывать субъективность авторов, что, конечно, в своем роде тоже важный момент, но орудия труда, бытовые предметы и жилища служили для практической деятельности, для поддержания жизни людей. Искажения всякого рода тут немислимы. Плохо сделанным плугом нельзя пахать, плохой плуг грозит роковыми последствиями. Слова и термины в языке

---

² «*Ottonis episcopi Frisingensis gesta Friderici I. imperatoris*». Ed. F. A. Gombos. Budapest, 1913, стр. 106—109.

служили для ежедневной деловой коммуникации членов общества: выражения экономического характера, тугубо связанные с культурно-экономической практикой общества, имели не магическое значение, они обслуживали производственную сферу.

Следовательно, салтовско-маяцкий комплекс имеет большое значение для определения места истоков венгерской культуры X в. Разумеется, этот комплекс является продуктом скрещивания разнообразных культурных исторических традиций. В связи с этим хотелось бы отметить одно наблюдение.

В случае наиболее развитого варианта салтовско-маяцкого комплекса удалось убедительно показать его идентичность во многих деталях с северокавказскими аланскими древностями, а аланская культура развивалась под сильным иранским влиянием.

В современной тюркологии наблюдается направление, которое связывает происхождение многих тюркских терминов с иранским языковым влиянием. Незавершенность и дискуссионность этих выводов настраивает на вполне законную осторожность, но тем не менее это направление достойно пристального внимания со стороны историков и археологов.

В живом венгерском языке имеется небольшая группа слов аланского происхождения, причем эти слова вошли в наш язык в рамках того же хронологического порядка, как и болгаро-тюркские. Вдобавок к этому эти слова связаны отчасти с земледелием, а отчасти с торговой деятельностью³. Может быть, позволительно выдвинуть гипотезу относительно того, что болгаро-тюркские термины плужного земледелия, имеющиеся в венгерском языке, и у передающего народа являлись заимствованиями из аланского (сарматско-аланского) круга языков. Возможно, что болгаро-тюрки являлись посредниками в передаче венграм культурно-экономических достижений северокавказских аланских племен, имевших контакты с иранским миром. Впрочем, мысль эта не совсем новая, так как в конце прошлого столетия и в начале этого столетия венгерские ученые уделяли большое внимание проблемам северокавказских контактов, но в результате несовершенности метода, ошибочных предположений и уклона большинства специалистов в сторону венгеро-тюркских связей исследования указанного направления зашли в тупик. Но в свете проблематики всего салтовско-маяцкого комплекса неизбежно попадут в центр внимания эти северокавказские контакты.

Богатые данные салтовско-маяцкой культуры во многом помогли поискам места венгерской культуры X в., но в то же самое время они привели в действие почти со стихийной силой новую лавину проблем.

В том числе далеко не решенным является вопрос об участии и влиянии исконно земледельческого славянского мира на изменение экономического уклада части степного населения в VII—IX вв. Постановка этой проблемы имеет большое значение с точки зрения не только истории Восточной Европы в целом, но и с точки зрения истоков древне-венгерской культуры.

³ G. Bárczi. Указ. соч., стр. 51—55. Аланские слова: asszony ok. 1200, híd 1183, vért XIV verem? ok. 1200, gazdag? XIV. Персидские слова: vám 1264, vár 1055, vásár 1055.

Итак, салтовско-маяцкий комплекс таит в себе много нерешенных исторических проблем, но он доказывает реальное существование той исторической среды, которая повлияла на формирование древневенгерской культуры.

Эта культура была переходной в двух аспектах.

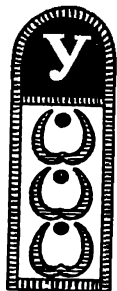
Во-первых, древневенгерские племена принесли с собой развитое кочевое хозяйство и существенные элементы плужного земледелия, их культурно-экономический уклад был переходным от менее интенсивной к более интенсивной форме хозяйственной деятельности.

Во-вторых, этот комплексный характер венгерской культуры служил предпосылкой для превращения союза племен в раннефеодальное государство, ведущим экономическим моментом этого превращения было интенсивное развитие плужного земледелия, сложение постоянных поселений сельского типа. Следовательно, комплексный характер венгерской культуры X в. был переходным и в плане социально-экономического порядка.

За сто лет с момента прихода венгерских племен на современную территорию этот процесс завершился. Считалось трудно объяснимым, что в условиях раннего средневековья за столь короткий период могли произойти такие важные изменения. Разумеется, неравномерность исторического развития проявилась и в венгерской истории. Однако без учета и понимания крупных изменений, которые оказали влияние на венгерские племена еще на восточноевропейской равнине, нет возможности понять конкретные проявления неравномерности развития венгерской истории.

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ КОНЦА IX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X В. Н. Э.

ИШТВАН ЭРДЕЛИ (Будапешт)

же свыше 130 лет ведется археологическое исследование памятников древних венгров¹. Вначале исследовались только могильники, а систематические раскопки поселений начались почти на сто лет позже.

Древневенгерские могильники от самого конца IX в. (начиная с 896 г.) до середины X в. можно расчленить на три типа:

1. Богатые одинокие или парные погребения знатных мужчин и женщин (Гестеред, 336, Земплин, Бордань, 98 и т. д.).

2. Погребения богатых женщин в окружении могил слуг или бедных сородичей.

3. Погребения патриархальных семей².

По мнению некоторых венгерских исследователей (Б. Сёке и др.), могильниками простого венгерского народа нужно считать те большие рядовые могильники, которые, по нашему мнению, появились уже в результате дальнейшего общественного развития и этнического преобразования, начиная от середины X в. Для окончательного выяснения этой сложной проблемы прежде всего следует устранить хронологические трудности путем тщательной разработки типологии вещей и установлением характерных хронологических комплексов.

В дальнейшем приводим в пример несколько могильников конца IX—начала X в., по публикациям Н. Феттиха, Д. Ласло, И. Диенеша, Д. Газдапустаи и своим. Все эти могильники расположены восточнее линии Дуная, так как на территории Задунавья мы пока не располагаем данными хорошо документированных древневенгерских могильников, которых там значительно меньше, чем на равнине. На территории Задунавья древневенгерские погребения мы находим иногда по краям позднеаварских могильников (напр., близ г. Дьёра, 351, или с. Виснека, 1213) или они представлены несколькими разрозненными погребениями, например близ с. Бана (обл. Дьёр-Шопрон, 54), поэтому в нашей характеристике мы обратимся главным образом к могильникам равнины.

¹ Погребение воина в с. Ладаньбене (Бенепуста, 614) открыто было в 1834 г.

² По мнению К. Мештерхази: «Adatok a honfoglaláskori magyar köznépi család szerkezetéhez». А. Debreceni Déri Múzeum Évkönyve, 1966—1967 (1968), стр. 168, у захоронений древних венгров данного типа нужно различать могильники матрилинеарных «угорских» и патрилинеарных, т. е. тюркских больших семей.

Могильник близ с. Тисабездед (обл. Сабольч-Сатмар, 1107) раскопан в 1896 г.³ Всего в нем было открыто 18 погребений, расположенных на песчаном холме. Могильник бескурганный. Погребения были расположены в одном ряду, концы которого постепенно опускаются, образуя нечто вроде двух крыльев. По анализу Д. Ласло⁴, самое богатое погребение расположено в центре. Погребения, расположенные левее центрального (№ 8, 7, 6, 5, 4, 17, 3, 2, 1, 9, 10, X), богаче, чем те, которые находились правее от него (№ 12, 13, 14, 15, 16; здесь и в дальнейшем сохранена нумерация соответственно первым публикациям). На левом крыле во всех погребениях находились кости лошадей (головы и ног), за исключением 10-го, а на правом — лошадиные кости были только в погребении 15 (женское погребение). Женские и мужские погребения были строго распределены по крыльям: мужчины на левом, женщины на правом. Соответственно некоторым признакам Д. Ласло находит связь между отдельными погребениями обоих крыльев и считает, что здесь мы имеем дело с погребениями мужей и их жен. Представляют интерес следующие наблюдения: колчан, вопреки обычаю, расположен на левом боку в погребениях 2, 9 и 10, а число наконечников стрел, идя от центра к краям, уменьшается (на левом крыле): 8, 7, 6, 4 и 1 шт. За всеми этими наблюдениями, по мнению Д. Ласло, кроется определенная закономерность. Сабли были найдены в погребениях 8, 10 и X. В погребении 7 имелся железный наконечник копья. Только в одном погребении (№ 3) был найден глиняный горшок, стоявший в изголовье покойника. С точки зрения погребального обряда интересно отметить присутствие остатков серебряных наглазников в погребениях 2 и 9.

Могильник близ с. Кенезлё (обл. Боршод-Абауй — Земплен, 548) собственно делится на два обособленных могильника, лежащих на двух песчаных холмах. В 1913 г. А. Йожа и Л. Кишш открыли 25 погребений⁵, расположенных в шести рядах⁶. В 1927 и 1930 гг. несколько дальше от этих погребений в результате раскопок Н. Феттиха и Л. Бартуца было открыто еще 25 погребений, образующих один ряд⁷.

За последние годы выяснилось, что такое расположение характерно для многих могильников IX—X вв. Подобное наблюдение сделал И. Диепеш близ г. Орошхазы (два могильника на расстоянии ок. 200 м) и с. Тисаэслара (четыре могильника)⁸, у с. Середя (в Словакии) (пять могильников)⁹. Общую характеристику двух могильников близ с. Кенезлё мы приводим по книге Д. Ласло¹⁰. В первом ряду первого могильника в центре мы находим богатое погребение мужчины (№ 14). Среди

³ АЕ, 1896, стр. 385—412 и АЕ, 1931, стр. 49—52.

⁴ HMNE, стр. 128.

⁵ АЕ, т. 34, 1914, стр. 304 и сл. и АЕ, т. 45, 1931, стр. 78—108.

⁶ I. Dienes. Honfoglaláskori tarsolyainkról. FA, т. XVI, стр. 83.

⁷ АЕ, 1931, стр. 78—119. Н. Феттих, полагая, что речь идет об одном и том же могильнике, продолжал нумерацию раскопок 1913 г., что на самом деле не соответствует действительности (см. I. Dienes. Указ. соч. FA, т. XVI, стр. 84—86).

⁸ I. Dienes. Указ. соч. FA, т. XVI, стр. 87.

⁹ A. Točík. Almagyarische Gräberfelder in der Südwestslowakei. Archaeologica Slovaca — Catalogi, т. III. Bratislava, 1968, стр. 41, рис. 15.

¹⁰ HMNE, стр. 138—147.

находок имеется накладка на сумке и кости лошади. На левом крыле расположены следующие погребения: 15—ж?, 16—м, 17—ж?, 18—м с костями лошади, 19—ж. На правом крыле — 13—ж?, 12—м?, кости лошади, 20—ж?, 21—м, кости лошади, 22—ж?, 23—ж?, 24—ж?, 25—м с саблей и боевым топориком.

Во втором ряду, в центре, нашли мужское захоронение (№ 11) с костями лошадей. Дно могильной ямы было обмазано глиной. Подобное явление наблюдалось в 1 и 18 погребениях. В колчане у покойного найдено 6 наконечников стрел. Погребение датируется западными монетами 905—945 гг. На правом крыле подряд находились: 10—м (?), яма с обмазанным дном, кости лошади, пояс с металлическими накладками. Возможно, что этот ряд собственно был не вторым в могильнике, так как между раскопанными первым и вторым рядами проходит дорога шириной в 6 м. В третьем ряду, в центре, нашли погребение без каких-либо вещей (?). На левом крыле погребений не было. На правом крыле было только одно, мужское(?) погребение (№ 1), рядом найденные стремена, вероятно, происходят из другого погребения.

В четвертом ряду в центре не было погребений, так же как и на левом крыле. На правом крыле находились следующие: 7—м, 8—ж? без вещей.

В пятом ряду, в центре, найдено мужское погребение (3) с богато украшенным поясом, металлической накладкой на сумке и саблей. На левом крыле не было никаких погребений. На правом крыле найдены следующие погребения: 4—ж?, 5—ж? и 6—ж?

Во всех этих женских (?) погребениях не было никаких вещей.

В шестом ряду, в центре и на левом крыле, не было погребений. На правом крыле было только одно женское (?) (№ 9), без вещей.

Второй Кенезлёский могильник. В центре было расположено одно богатое мужское погребение (1), в котором скелет лежал на подстилке из досок. Из находок отметим накладку на сумке, 8 наконечников стрел. На левом крыле были следующие: 27 — детское, без вещей; 26—ж с костями лошади вдоль скелета; 46—м с богато украшенным поясом, досками на дне могильной ямы, костями лошадей; 45—м с костями лошади вдоль скелета, под ним доски, богато украшенный пояс, 7 или 8 наконечников стрел, арабский дирхем 907—913 гг.; 44—ж с костями лошадей; 43—ж, сапоги украшены металлическими накладками; 42—м, богато украшенный пояс, один (?) наконечник стрелы; 41—ж, глиняный горшок в изголовье; 40—м, кости лошади вдоль скелета на левой стороне, 5 наконечников стрел; 47—ж, кости лошади; 48—м, кости лошади; 49—ж, кости лошади на левой стороне скелета; 50—м, кости лошади растянута на левой стороне скелета; 29—м, 7 наконечников стрел, сумка с бронзовыми накладками, пояс украшен бронзовыми бляхами, сабля, кости лошади; 30—м, кости лошади; 31 — детское, на левой стороне кости лошади в растянутом положении, 2 пояса (!) с накладками; 32 — двойное погребение м и ?, два горшка; 33—м, глиняный горшок в изголовье; 34—ж, сапоги украшены металлическими накладками, только конское убранство без костей; 36—м?; 37—?, в изголовье глиняный горшок и просверленная итальянская монета 922—926 гг.; 38—ж,

глиняный горшок, других вещей нет; 39—м, конское убранство, 3 наконечника стрел, украшенные резьбой костяные накладки футляра для лука.

Пояса, украшенные накладками, имели только покойники в погр. 3 и 2. В погребении 8 была найдена позолоченная накладка на сумке из меди (см. рис. 1).

Могильник «Башхалом» расположен близ с. Тисаеслар (обл. Сабольч-Сатмар, 1113). В 1945 г. он был раскопан Л. Кишшем, директором Ниредьхазского музея и дал общим счетом 24 погребения (последние два открыты в 1948 и 1958 гг., их соотношения с остальными неизвестны). Могильник опубликован в 1956 г. научным сотрудником Венгерского национального музея И. Диенешом¹¹. И. Диенеш переработал документацию и находки раскопок Л. Кишша методом «анализа плана» могильника, разработанным Д. Ласло в начале 40-х годов. Погребения расположены в основном в одном ряду, если иметь в виду погребения взрослых (кроме погр. 20). И. Диенеш разбил погребения на два крыла, установив, что женские погребения располагались только на правом, а мужские только на левом крыле.

Детские могилы расположены возле женских, как бы образуя второй (№ 4, 5, 6 и 7) и отчасти даже третий ряды (№ 2). Данный могильник также является могильником большой патриархальной семьи и по своему устройству больше всего походит на бездедский. Разделение на два крыла и размещение полов отдельно, по справедливому мнению И. Диенеша, отражают размещение людей в юрте. Именно отражают, потому что этот порядок представлен на могильниках в перевернутом виде: мужчины и женщины поменялись местами, которые они занимали при жизни. Такое зеркальное отражение, вслед за наблюдениями Д. Ласло¹², можно установить вообще во многих погребениях, когда колчан и сабля менялись своими законными местами, т. е. были положены на противоположную сторону. Например, в могильнике в г. Клуж (Коложвар, Румыния). В башхаломском могильнике, например, в 11-м погребении колчан лежит наоборот, т. е. на левой стороне скелета. Зато останки лошадей сохранили свое место, изображая боевого коня, готового для езды, помещенные с левой стороны своих хозяев.

В дальнейшем мы вкратце охарактеризуем все погребения подряд, в соответствии с публикацией И. Диенеша, сначала крыло мужчин, затем женщин (в нашем описании сохранена оригинальная нумерация погребений Л. Кишша).

Мужчины: погр. 8. Огниво и кремень. Кости лошади отсутствуют. Кости барана.

Погр. 9 Богато украшенный металлическими накладками пояс, 7 железных наконечников стрел, колчан, кости лошади. Одно из трех богатейших мужских захоронений могильника (№ 9, 11, 10).

¹¹ I. Dienes. Un cimetiere de hongrie conquerants á Bashalom. AA, т. VII, 1956, стр. 245—273.

¹² HMNE, стр. 468—470; Gy. László. A régészet és a magyar Östörténet. Сб. под ред. L. Ligeti. Budapest, 1943, стр. 200, рис. 2.

Погр. 11. 5 железных наконечников стрел, колчан, кости лошади.

Погр. 10. Богато украшенный пояс, металлическая накладка на сумке, 5 железных наконечников стрел, колчан, кости лошади. Железная «мотыга» и сабля.

Погр. 12. 4 железных наконечника стрел, кости лошади.

Погр. 13. Лошадиных костей нет, только стремяна, железный наконечник стрелы. Здесь же найдена просверленная монета Людовика Милостивого (781—840 гг.).

Погр. 15. Два (?) железных наконечника стрел. Лошадиных костей нет.

Погр. 14. Костяные накладки лука, колчан, огниво, кости лошади.

Погр. 16. Огниво, 5 наконечников стрел, костей лошади нет.

Погр. 18. Самое крайнее на левом крыле. Без вещей.

На этом же крыле, но западнее от ряда погребений, недалеко от изголовья 14-го погребения, как будто во втором ряду (в ряду детей) найдено еще одно погребение (№ 20), без каких-либо вещей.

Перейдем теперь к описанию женского (правого) крыла могильника.

Погр. 1. Кости лошади (без убранства), стеклянные бусы.

Погр. 3. Проволочные браслеты, кости лошади, врачебный инструмент (трепан), серыги.

Погр. 17. Стеклянные бусы, проволочные браслеты, бронзовое кольцо, кости лошади, воротник рубашки украшен ромбовидными накладками.

Погр. 21. Стеклянные бусы, ромбовидные накладки воротника рубашки, бронзовое кольцо, кости лошади, сапоги украшены накладками-гвоздями.

Погр. 22. Стеклянные бусы, ромбовидные накладки воротника рубашки, кости лошади.

Остальные погребения все детские. Обращает на себя внимание отсутствие глиняной посуды в могильнике. Этот могильник, по-видимому, один из наиболее ранних древневенгерских могильников на территории Венгрии. В нем захоронено первое и отчасти второе поколение венгров-завоевателей.

Характерной чертой Башхаломского могильника является и то, что число женщин в нем значительно уступает числу мужчин (5 : 11). И. Диенеш объясняет это результатом тех потерь, которые были учинены венграм со стороны печенегов накануне завоевания родины.

Около с. Тисаеслар имеется еще несколько (не менее пяти) подобных могильников, по всей вероятности, тех патриархальных семей, которые относились к одному и тому же роду¹³.

Могильник близ с. Эперешке (обл. Сабольч-Сатмар, 283) раскопан директором Ниредьхазского музея Л. Кишшем¹⁴ и расположен на расстоянии 6 км от с. Бездед. На песчаном холме было вскрыто всего 8 погребений в трех рядах. Во 2-м и 3-м погребениях были найдены роскошные покрывки сумок (см. прилож. карту).

¹³ RT, вып. II, стр. 78—79; I. Dienes. Указ. соч., стр. 255.

¹⁴ АЕ, т. XXXIX, 1920—1922, стр. 42—55. В 1925 г. найдено еще одно погребение: RT, т. II, стр. 35.

Д. Ласло также разбил ряды могильника по крыльям:

	правое крыло	левое крыло
I ряд:	1, 4, 2	—
II ряд:	6	3, 5, 8
III ряд:	7	—

Погребения, расположенные на левом крыле, также более богатые (за исключением 2-го погр.), чем на противоположной стороне, но женские и мужские строго не распределены. Лошадиные кости были в погребениях 2 и 3.

Могильник в г. Сарваше (обл. Бекеш, 935) был открыт целиком в 1957 г. Д. Газдапустаи¹⁵. Всего найдено 9 погребений, которые образуют один несколько кривой ряд. Бросается в глаза малочисленность женских погребений: так, на 5 мужских приходится всего 2 женских захоронения. Могильник, по всей вероятности, принадлежит еще к первому поколению венгров-пришельцев. В отличие от других могильников мужское захоронение (№ 8) с богато украшенным поясом занимает крайнее положение, на последнем месте правого (можно сказать, женского — детского) крыла. Трудно определить центральное захоронение, вероятно таковым было первое мужское захоронение, где найдены сабля и кости лошади, или второе с тремя железными наконечниками стрел и костями лошади. Детских погребений всего найдено два (№ 3 и 4). «Незаконченность» могильника свидетельствует о том, что потомки захороненных здесь взрослых людей вскоре переселились в другое место.

Могильник близ с. Стреда над Бодроком (Чехословакия, 916) (Бодрогсердахель) частично был открыт чехословацким, а затем венгерским археологами в 1937 и 1941 гг.¹⁶ При раскопках вскрыли всю площадь могильника и нашли всего 11 погребений, которые были вырыты в скалистом грунте. Таким образом, над некоторыми погребениями после захоронения образовались небольшие холмики из камней (погр. 1, 2, 4, 6 и 8), напоминающие каменные курганы.

Сохраняя порядковый номер публикации, краткое описание погребений сводится к следующему: ориентация могил головой на запад, за исключением 3-го погребения.

1-е погребение (детское) отличается бедностью, в нем найдены всего 2 бусины и кости животных на правой стороне таза. Руки лежали вдоль тела.

Во 2-м погребении лежал костяк мужчины. На его правом боку находился колчан с 8 разными железными наконечниками стрел и костяные пластинки составного лука. На правой стороне у пояса огниво и 2 кремешка, у левой ноги — стремяна и удила, ниже, около ступни, череп и четыре ноги лошади. Найдены еще железный нож.

¹⁵ Не опубликован. Описание могильника включено в канд. диссертацию И. Эрдели: «Венгры в Лебедии». Рукопись хранится в Москве, в Библиотеке им. В. И. Ленина. ДК 59-7/295, стр. 71—74.

¹⁶ I. Erdélyi. A bodrogszerdahelyi honfoglaláskori temető. A Nyiregyházi Jósza A. Múzeum Évkönyve, т. IV—V, 1961—1962 (1964), стр. 17—30.

В 3-м погребении, которое было врублено в скале, лежал скелет мужчины, головой на ЮЗ, с руками на животе. На правой стороне (вместо левой!) вдоль тела лежали сабля и костяные накладки лука. На левой — колчан с 5 наконечниками стрел разного типа. Между ног — стремяна и удила. У левого плеча — кость животного. Найдены еще: железный нож, огниво, кремешки и около правого виска бронзовое колечко. На правой стороне у пояса найдены бронзовые украшения кожаной сумочки, в том числе ромбовидная накладка¹⁷.

В 4-м погребении лежал костяк женщины с руками на животе. Возле черепа — кость животного. Воротник рубашки был украшен 12 литыми серебряными накладками. Круглые серебряные пластинки украшали и плечевую часть одежды¹⁸.

В 5-м погребении лежал скелет подростка с руками на тазе. Ступни отрезаны раскопками 1937 г. У правого плеча лежал железный боевой топорик, у шеи — 12 бусин. Найдены еще кости животных.

В 6-м погребении лежал скелет ребенка. Около шеи 5 бусин, ниже — несколько круглых и ромбовидных литых серебряных накладок с позолотой.

В 7-м погребении лежал скелет ребенка. В изголовье у правой стороны стоял глиняный горшок с линейно-волнистым орнаментом, рядом с ним плетеная серебряная цепочка, бронзовое колечко и фрагменты свинцовой пластинки. В погребальной яме находились камни.

В 8-м погребении лежал скелет мужчины с руками вдоль тела. У левой ноги найдены: огниво, кремь и нож.

В 9-м погребении лежал скелет женщины непосредственно на скале. Правая рука находилась на животе, левая — вдоль тела. Погребение без вещей.

Некоторые случайные находки с территории могильника (удила, нож и т. д.) указывают на то, что здесь, возможно, раньше было уничтожено еще примерно два погребения. Вместе с ними число погребенных было всего 13. Почти все детские погребения расположены рядом (погр. 6, 7 и погр. 5 подростка). Обращает на себя внимание малочисленность женских захоронений (погр. 4 и 9). Этот факт, а также наличие богатых серебряных накладок в погребениях, открытых в 1937 г., говорят о том, что мы имеем дело с могильником первого поколения венгров — завоевателей родины.

Странное расположение погребений отчасти, вероятно, объясняется каменистой неровной горной поверхностью, где расположен могильник. Несмотря на это, центральное положение занимают самые богатые захоронения (№ 2, 3 и 4). От центральной оси богатых мужских погребений 2 и 3 правее расположены женские и на самом краю по обеим сторонам ряда и погребения детей (№ 6 и 7). Если попробовать разбить весь могильник на ряды, то получаются неполные ряды. Исходя из предположения Д. Ласло, соответственно которому каждый из чис-

¹⁷ Реконструкцию сумки см. в кн. Д. Ласло. HMNE, стр. 436.

¹⁸ I. Erdélyi. A honfoglaló magyarság régészeti emlékenyaga keleteurópai kapcsolatainak néhány kérdéséről. AE, 1960, стр. 169—176.

нов патриархальной семьи имел заранее обусловленное и определенное место на кладбище, получается четыре ряда (I: погр. 4, II: погр. 3 и 8, III: погр. 1 и 2 и IV: погр. 6, 5, 7 и 9), где пустые полосы являются резервированными местами для последующих покойников, которые, возможно, вследствие передвижения и перемещения групп населения хоронились где-то в другом месте. Можно, конечно, предположить и то, что на этом могильнике мы имеем дело с другой системой кладбища, когда погребения образуют круг соответственно расположенную юрт на аиле (в центре с богатым мужским захоронением 3 ?).

Ко второму типу относятся те древневенгерские могильники, в центре которых расположено женское богатое погребение.

Сегед-Боярхалом (обл. Чонград, 951). На небольшом песчаном холме в 1889 г. было найдено 5 погребений. Богатое женское захоронение лежит как будто в центре квадрата, а четыре мужских расположены по его углам¹⁹. Женщина имела богато украшенные пояса (вероятно, два) и сапоги с серебряными накладками.

Левее от погребения женщины попадаются более богатые захоронения мужчин с костями лошадей (№ А и В).

Кецел (обл. Бач-Кишкун, 536). Открыто всего 6 погребений. Посередине захоронение старой богатой женщины²⁰, которая была захоронена, судя по ее золотым серьгам византийской работы, не ранее конца X в. В этом же погребении найдено еще два глиняных горшка. Вокруг женского расположено пять мужских погребений²¹. В двух из последних найдены обоюдоострые мечи (типа X, по Паульсену), которые датируются концом X — началом XI в.²² Этот могильник отличается от предыдущих своей датировкой, но для полной характеристики данного устройства мы считали все-таки нужным привести и его. Этот последний пример указывает на живучесть старых традиций в области погребального обряда.

Хенцида (обл. Хайду-Бихар, 382). Раскопки Н. Феттиха²³. Открыто 26 погребений. Ориентировка могил разнообразная. Самыми богатыми являются погребения, расположенные по оси В—З. В центре находится самое богатое захоронение, могила женщины. В ее могиле лежали и кости лошади. Д. Ласло предполагает, что над погребением возвышался курган. Этот могильник отличается от других, кроме своей разнообразной ориентации погребений, и тем, что они врыты в глиняную почву вместо песчаной. Это более характерно для позднеаварских памятников Венгрии, так же как и ориентировка погребений С—Ю. Исходя из этого, Д. Ласло считает, что, по всей вероятности, тут наряду с венграми

¹⁹ АЕ. 1891, стр. 102—114.

²⁰ HMNE, рис. 14.

²¹ Раскопки Н. Феттиха, АН, т. XXI, стр. 104—106; АН, рис. 17.

²² K. Bakay. Archäologische Studien zur Frage der ungarischen Staatsgründig. AA, т. 19, 1967, стр. 168.

²³ АН, т. XXI, стр. 93—101. При нашей характеристике мы пользовались критическими замечаниями Д. Ласло относительно публикации Н. Феттиха (HMNE, стр. 158 и рис. 18). См. еще Gy. László. Nonfoglaláskori régészetünk és a magyar nagycsalád. АЕ, т. 77, 1950, стр. 139.

захоронены представители аборигенного населения, подчиненного пришельцами²⁴.

Могилиники, за редким исключением, расположены на песчаных холмах. В древности место могил обозначалось деревянными столбами или другими сооружениями, уже бесследно исчезнувшими, но на наличие которых указывает точное расположение погребений, которые друг друга никогда не перерезают.

Погребальный обряд древних венгров достаточно ясно представляется по приведенным примерам.

Трупосожжение венграми не практиковалось. Исключением является сожжение трупа воина в 926 г. в Санктгалленском монастыре, умершего на чужбине. Характерной кочевнической черте, погребениям с конем, посвящена специальная работа, которая помещена также в нашем сборнике²⁵, поэтому на этом мы сейчас не остановимся. Относительно других общих или особых явлений мы ограничимся краткими замечаниями. Кроме простых шахтообразных погребальных ям, в некоторых могилиниках (близ с. Пали и Еттевень) наблюдали ладьевидное оформление дна ямы и соответствующее положение покойников²⁶. Зафиксировать наличие деревянных гробов не всегда удавалось, но они несомненно употреблялись (напр., мог. Бекешсентандраш, 78). Иногда под скелетом археологи находят слой золы (напр., могилиники Эдхазашгергё, 273 и Пилинь, 817).

Покойники довольно часто сопровождались собаками (Кока, 583, Пилинь, 817, Секкуташ, 987, Тисабездед, 1107 (?), Надьхалас, 701, Надьхедеш, 705 и др.), а не только лошадьми.

Кости других животных в качестве остатков мясной пищи встречаются гораздо реже (Карош, 532, кости свиньи?). Место тризны среди могил археологи нашли при раскопках могилиника близ г. Эгера (271) и С. Тисабурь (1111). Пищу в глиняных горшках клали в погребения также редко. Горшки являются производством гончаров местного аборигенного населения. Не исключено, что на территории Венгрии глиняные котлы с внутренними ушками появились уже с венграми, а не только с печенегам или половцами.

Из вещественного материала самыми характерными являются серебряные, часто позолоченные, главным образом литые, бляшки, которые украшали пояса мужчин, воротники женской одежды и убранство коней. Они резко отличаются от позднеаварских тяжелых бронзовых изделий по своему узору²⁷, расположению²⁸ и технике. По своему узо-

²⁴ HMNE, стр. 160—161; *Gy. László*. Указ. соч. в АЕ, т. 77, 1950, стр. 142.

²⁵ См. статью Ч. Балинта в настоящем сборнике.

²⁶ *A. Uzsocki, B. Szőke*. Honfoglaláskori magyar sírok Páliban. Árrabona, 1960, вып. 2, стр. 5—9; *A. Uzsocki*. Honfoglaláskori magyar sírok Ötvevényben. Там же, 1962, вып. 4, стр. 9—24. Оба могилиника относятся уже ко второй половине X в.

²⁷ *N. Fettich*. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. АН, XXI, 1937, I—II; он же. Altungarische Kunst. Berlin, 1943.

²⁸ *I. Dienes*. A karancslapujtői honfoglaláskori öv és mordvínföldi hasonmása. АЕ, 1964, стр. 18—40; он же. A bordányi honfoglaláskori női sír lószerszámja. A Szegedi Móra F. Múzeum Evkönyve.

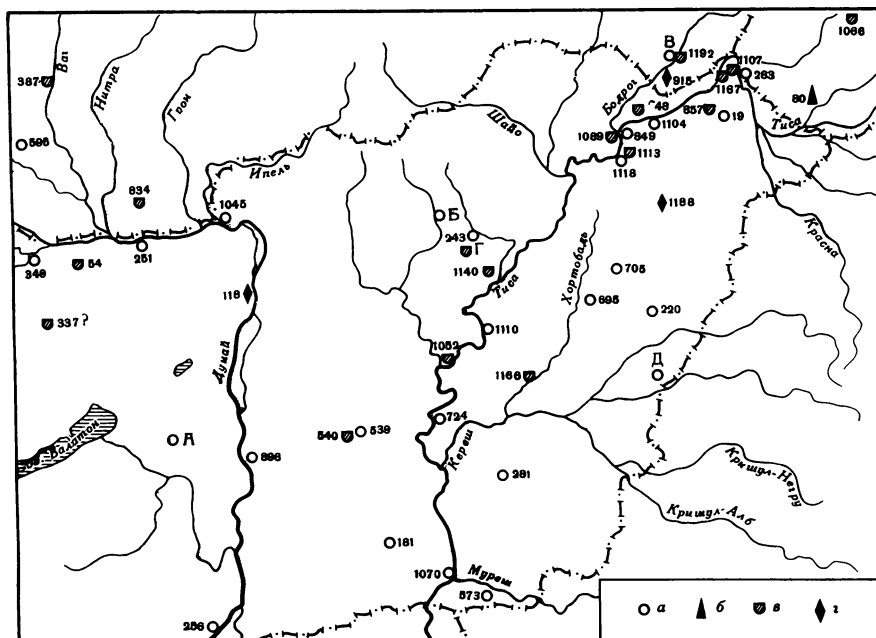

Рис. 1. Карта местонахождений накладок на сумках и круглых серебряных блях. Составлена по данным Я. Сабо и И. Диенеша. Номера соответствуют реестру 1962 г. памятников IX—XII вв.

а — круглые узорчатые	1113 — Тисаэслар;	539 — Кечкемет;
б — металлический ковычек	1140 — Тисанана;	573 — Кишзомбор;
в — металлические	1167 — Тужер;	595 — Кошуты (Немешкошут);
г — из листового металла;	1168 — Туркеве;	Д — Мадяркоморог;
з — литые ромбовидные;	1192 — Веч (Бодрогвеч);	695 — Надудвар;
54 — Вана;	118 — Будапешт;	724 — Надьрев;
Г — Бешенётелек;	915 — Стрела над Бодроком (Бодрогсердахель);	705 — Надьхедеш;
337 — Гиц (?);	1168 — Уйфехерто;	849 — Ракамаз;
387 — Глоговец (Гальгоц);	Б — Альдебре;	1045 — Соб;
548 — Кенезлэ;	19 — Анарч;	1070 — Тапе;
540 — Кечкемет;	220 — Деречке;	1104 — Тисаберцел;
834 — Прибета (Пербете);	243 — Дорманд;	1110 — Тисабе;
587 — Реткёзберенч;	251 — Дунаальмаш;	1118 — Тисаэслар;
1066 — Свалява (Сольва);	256 — Дунааскёч;	181 — Чольошпалом;
1052 — Сольнок;	349 — Дьёр;	А — Шарбогард;
1089 — Тардал;	В — Земплин (Земплен);	898 — Шольт;
1107 — Тисабездед;		281 — Эпереш;
		283 — Эперешке

ру они тяготеют к постсасанидскому искусству, с одной стороны, и к салтовскому и кавказскому кругу, с другой²⁹.

Другие металлические украшения: накладки на кожаных сумках для огня³⁰, главным образом с тисненым и резным орнаментом (реже

²⁹ A. Bartha. A IX—X századi magyar társadalom. Budapest, 1968, стр. 145.

³⁰ I. Dienes. Nonfoglaláskori tarsolyainkról. FA, 1964, стр. 79—114.

Рис. 2. Серебряная бляха из Ракамаза

Рис. 3. Серебряная бляха из Анарча

встречаются литые накладки, ромбической формы, которые укрепляли только среднюю часть сумки), круглые бляхи для украшения кос³¹. О местонахождениях этих последних, весьма характерных вещей наглядное представление дает рис. 1. Одинаковый художественный стиль отражается одинаково на узорчатых бляхах (рис. 2; 3), на большинстве накладок на сумках, на украшении кончика шапки (?) из Берегово (рис. 4) и на серебряной чаше из Земплина³² (рис. 5).

Другие металлические вещи, главным образом детали вооружения, встречаются в древневенгерских погребениях очень часто. Железные наконечники копий (Тисабездед, 1107, Тёртел, 1163, Надьхалас, 700 и др.), боевые топоры (Добра, 233, Демечер, 217, Веч, 1192, Ниркарас, 764, Кечкемет, М. 542 и т. д.). Несметное число плоских наконечников стрел разных типов (они обычно были положены в могилу в кожане с тонкими железными оковками), очень много сабель³³. Кончики составных сложных луков укреплялись костяными накладками, благодаря которым мы теперь имеем достаточно четкое представление о величине и форме древневенгерских луков³⁴.

J. Szabó. A honfoglaláskori lemezes korongok viselete. Az Egri Múzeum Évkönyve, 1963, стр. 95—117.

V. Budinský-Kříčka. Staromadžarský náleznický hrob z Zemplína. AR, т. 17, 1965.

³³ По расчетам Я. Сабо (Музей г. Эгера), число находок сабель превышает уже 120 шт. О древневенгерской сабле см. еще специальный труд И. Ковача: «Hogyan használta a honfoglaló magyar a szablyát?».

³⁴ I. Dienes. Nemzetségi jege (tamga) a békési honfoglaláskori íjcsonton. FA, 1962, стр. 95—109.

Важными деталями конского снаряжения являются стремяна и удила. К сожалению, до сих пор не имеется работы, в которой была бы приведена их типология. Недавно изданная статья И. Диенеша не замешает подобную, хотя там содержится немало ценных замечаний³⁵. Древневенгерские стремяна довольно однотипные, грушевидные по своей форме, часто украшены серебряной инкрустацией. Разнообразны удила, среди которых имеются простые, с двумя и четырьмя кольцами и удила с железными или костяными пса-
 лями.

По наблюдениям И. Диенеша, древние венгры пользовались и деревянными стремянами³⁶.

Деревянные седла не сохранились, имеются только их железные или костяные оковки³⁷.

Реконструкцию седла произвел Д. Ласло³⁸.

Женские украшения четко представлены и сгруппированы в богато иллюстрированной монографии Б. Сёке, и поэтому нет надобности подробно останавливаться на них. Отметим только характерные двусоставные ромбические или круглые, листовидные украшения воротника и головного убора и богато украшенные бронзовыми гвоздями-накладками женские сапоги³⁹.

³⁵ I. Dienes. A honfoglaló magyarok lószerszamanak néhány tanulsága. AE, 1966, стр. 208—232. Тут относительно стремян, например, приводятся данные всего пяти могильников.

³⁶ I. Dienes. A honfoglaló magyarok faken-gyele. FA, 1958.

Напр., из Шольтсентимпре: HMNE, стр. 361, рис. 43.

³⁸ Gy. László. A koroncói lelet és a honfoglaló magyarok nyerge.

³⁹ О них находится в печати сводный труд Д. Чалланы. См. еще HMNE, стр. 153. рис. 15, реконструкцию одежды богатой женщины из мог. Сегед-Боярхалом.

Рис. 4. Серебряное навершие шапки из Берегово

Рис. 5. Серебряная чаша из Земплина

Для древневенгерских погребений IX—X вв. особенно характерно, что в них бусы находятся в очень небольшом количестве.

Венгры привезли с собой в Средневосточную Европу пуговицы. Авары еще не носили рубашек или верхнюю одежду, застегивавшуюся на пуговицах. Среди типов пуговиц встречаются бронзовые каплевидные с ушком и большие из кости (напр., в мог. Сарваш, 935, погр. 1).

Важной, очень древней деталью погребального обряда является закрывание глаз и рта покойников серебряными пластинками, наглазниками, своеобразным саваном. О них написана специальная статья И. Дие-неша⁴⁰.

Древние венгры уже на территории Этелькёза и Левёдии были знакомы с земледелием, а на новой родине возникла тесная взаимосвязь между оседлыми, земледельческими народами и венграми. Уже в X в. появились серпы в погребениях (напр., в могильниках Тисабездед, в 4-ом мужском и 12-ом женском погребениях; Червеник⁴¹, в 4-ом женском погребении и др.).

Территория венгров-полукочевников и оседлых земледельцев, подвластных им, четко очерчена полосой ненаселенных земель.

Могильники венгров IX—X вв. все до одного находились внутри двойной оборонительной линии, так называемой депю, которая окружала их территорию с запада, юго-запада и с востока. Данная линия и являлась этой незаселенной полосой, которая по некоторым пунктам была укреплена городищами⁴². Накопившийся богатый археологический материал, хотя не систематизирован еще полностью, все-таки дает основания для некоторых выводов. Отмечаются некоторые особенности и различия в археологическом материале, что кроме этнических причин объясняется и хронологическими этапами завоевания страны венграми. Известно, что Задунавье попало под власть венгров примерно через восемь лет после их наступления. Территорию Трансильвании они завоевали, проходя по долинам рек Муреш и Сумеш. Об этом свидетельствует наличие могильников в г. Клуже (153), с. Гымбаше (327) и Лопадя Унгуреаска (620), подтверждающее справедливое рассуждение М. Ропки о том, что венгры начали завоевание Трансильвании в эпоху воевод, т. е. в X в.⁴³, что соответствует и сведениям анонимного летописца. Возможно, что это не началось раньше чем в конце второго десятилетия пребывания венгров на новой родине, ведь, например, столь характерных богатых одиноких женских захоронений на территории Трансильвании (древневенгр. Эрделв) мы не находим⁴⁴.

⁴⁰ АЕ, 1963, стр. 108—112.

⁴¹ А. Тоčík. Указ. соч., стр. 18.

⁴² В. Szőke. A honfoglaló és kora Árpád-kori magyarság régészeti emlékei. RT, т. I. Budapest, 1962, стр. 85. Единственный могильник (в с. Скалица, Словакия, 896) относится, по мнению В. Сёке, к населению сторожевого пункта за оборонительной линией, возле торгового пути.

⁴³ М. Roska. Árpádkori temető Vajdahunyadon. «Dolgozatok az Erdélyi Nemzeti Múzeum Erem és Régiségről». Kolozsvár, т. IV, 1913, стр. 189—190.

⁴⁴ В. Szőke. Указ. соч., стр. 12—15.

О поселениях венгров X в. мы знаем еще меньше, чем о могильниках. Венгры, по-видимому, еще довольно долго старались вести свой прежний полукочевой образ жизни на территории Большой и Малой низменностей. Кризисом старого быта объясняются большие западные и юго-западные походы, докатившиеся вплоть до Пиренеев и через Альпы в Италию и до Константинополя. Однако после поражения под Аугсбургом в 955 г. они в основном прекратились.

Шестидесятые годы принесли с собой сдвиг в области исследования поселений древних венгров. Особенно интересны в этом плане раскопки Д. Ласло на территории области Чонград (недалеко от самого г. Чонграда), близ Фельдё, где ему удалось зафиксировать следы уже несколько кольцеобразных рвов (размеры менее 10 метров у каждого). К сожалению, прежние виноградарские работы почти полностью уничтожили⁴⁵ верхние слои этого своеобразного поселения, хотя имеется надежда найти еще следы не совсем поврежденных жилищ, которые, по предположению Д. Ласло, должны были быть куртообразными.

Вблизи с. Гергелиугорня (обл. Саболь-Сатмар, р-н Вашарошнамень) в 1965 г. были начаты раскопки под руководством автора на территории поселения IX—X вв. На берегу речки Макоча, возле шоссе, отмечено свыше 50 пятен с остатками жилищ. Раскопками до сих пор выявлено уже 20 землянок разных типов. По всей вероятности, данное поселение аборигенного населения существовало непрерывно и после прихода венгров и было покинуто самими жителями, так как здесь не обнаружено никаких следов пожара, а находки в землянках весьма малочисленны⁴⁶. Среди землянок отмечено три основных типа: продолговатые, круглые и квадратные, с округленными углами по плану. Два последних являются несколько более поздними, судя по керамическим фрагментам, керамика из продолговатых домов больше напоминает позднеаварскую керамику. Начиная от второй половины X в. типы и постройки поселений нам более известны. Из этого периода (время правления воеводы Гезы и его сына, первого короля Степана I) выявлен уже целый ряд пунктов, где успешно вскрыто много землянок (напр., близ Вишеграда), благодаря главным образом раскопкам под руководством сотрудников Венгерского национального музея И. Мери, Н. Паради и Ю. Коваловски⁴⁷.

---

⁴⁵ Результаты многолетних археологических работ еще не опубликованы, раскопки усиленно продолжаются с целью выяснения системы селища. Предварительные отчеты см. на страницах журнала АЕ, 99, 1967, стр. 228.

⁴⁶ Предварительные данные о раскопках см. в журнале: «Slavica» (г. Дебрецен), т. V и в журнале АЕ, 99, 1967; АЕ, 100, 1968.

⁴⁷ I. Méri. Árpád-kori népi építkezésünk feltárt emlékei Orosháza határában. RF, 12. Budapest, 1964.

На территории Карпато-Дунайского бассейна число местонахождений древневенгерских могильников невелико (всего около 260 пунктов). Это отчасти объясняется тем, что могильники IX — первой половины и даже конца X в. не содержат в себе много погребений, а также еще тем, что очень многие из них еще не найдены, ведь на современной поверхности земли захоронения ничем не отмечены. Только в некоторых и притом сомнительных случаях исследователи указывают на наличие курганов. В могильнике близ с. Стреда над Бодрогом (915), возможно из-за каменистой почвы, остались невысокие всхолмления над погребениями ⁴⁸.

В могильнике близ с. Хенцида наличие кургана предполагается из-за значительного расстояния между центральным и остальными погребениями. На могильнике близ Кунсентмартона (605) достоверно также не доказано наличие курганов, они только более или менее зафиксированы на могильнике близ с. Чевадул Маре (Пустабукова) в Румынии (144) ⁴⁹, под вопросом находится наличие кургана в могильнике в с. Ниркарас (764).

Численность венгров, завоевателей новой родины, в самом конце IX в. была не особенно высокая. Потери на болгарской войне и одновременно внезапное нападение печенегов на их селения дают этому достаточное объяснение. Венгерские историки по-разному определяют число венгров, прибывших на средний Дунай в 896 г., — от 100 до 500 тысяч ⁵⁰. Несомненно, что венгерский народ мог занять господствующее положение только благодаря специфичному этническому и политическому положению на территории Карпато-Дунайского бассейна: Моравия была ослаблена своими внутренними противоречиями; авары после войн с франками и болгарами были совершенно разрознены, а власть болгар главным образом распространялась до линии рек Муреш и Криш. Славянизация населения всей бывшей аварской области, по-видимому, была еще неполной. На этническую пестроту указывает наличие, например, племени гепидов в Потисье даже в X в. ⁵¹

То, что аварское, отчасти уже славянизированное население дожило до прихода венгров, за последнее время все больше и больше признается. На контакт между ними указывают древневенгерские погребения по краям позднеаварских могильников (напр., близ с. Дьёра, 351 или Виснека, 1213), наличие аварских вещей в древневенгерских погребениях (напр., близ с. Карош, 532) ⁵² и т. д., не говоря уже о прямых письменных свидетельствах, касающихся первой трети IX в. Имеются

⁴⁸ *I. Erdélyi. A bodrogszerdahelyi...*

⁴⁹ RT, I, 1962, стр. 16.

⁵⁰ *Gy. Györffy. Magyarország népessége a honfoglalástól a XIV sz közepéig. См. в сб. под ред. J. Kovácsics. Magyarország történeti demográfiája. Budapest, 1963.*

⁵¹ *Константин Багрянородный. De administrando Imperio. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, гл. 25, стр. 104—105.*

⁵² *D. Csallány. A X. századi avar továbbélés problémája. Szabolcs — Szatmári Szemle, 1956, стр. 39—43.*

научные гипотезы о том, что венгерская народность секеев (секедь), ныне проживающая в Трансильвании (Румыния), является потомками самих авар, которые в качестве защитников границ были переселены туда после прихода венгров. Из топонимического материала пока трудно выделить аварские названия, кроме отдельных (напр., венгерское название г. Вены, Бечь, по-видимому, также имеет аварское происхождение). Только на территории Южного Задунавья, в Гётейском крае, мы встречаем старое название (в 1485 г.) одного урочища авар (Avarföldre) ⁵³.

По всей вероятности, среди многочисленных и больших позднеаварских могильников, датированных пока VIII — началом IX в., должны находиться и те, которые являются археологическими памятниками не авар, а венгров. В этом отношении подлежит пересмотру хронологическое положение всех позднейших слоев многих аварских могильников, и даже некоторых в целом. И. Ковриг уже была сделана попытка связать некоторые могильники с приходом новых этнических групп в IX в. ⁵⁴

В малочисленных древневенгерских могильниках IX—X вв. мы находим богато украшенные, в основном серебряные, предметы ювелирного искусства, восходящие своими корнями к искусству прежней родины венгров (Этелкёз) и непосредственно окружавших ее областей. Эти предметы: узорчатые накладки на кожаных сумках для огня и кремешков, круглые бляхи женского костюма (см. рис. 1), литые серебряные накладки поясов и конского убранства и т. д. Малочисленность этих могильников у многих исследователей вызвала сомнение относительно их принадлежности к венграм вообще. И. Дienes связывает, например, накладки на сумках с кабарам, три племени которых присоединились к венграм еще в Этелкёзе ⁵⁵ и впоследствии несли военную службу вокруг образовавшихся крепостей, ядер раннефеодального государства, около Варды (Кипварда), Земплена (Земплин), Нитры (Нитра), Сольнока и Боршовы (Боржава, городище Вары, на территории Закарпатской обл. УССР) ⁵⁶. Другие археологи, например Б. Сёке и К. Бакаи, не сомневаются в принадлежности находок указанного стиля к венграм, но к этой группе памятников присоединяют еще и целый ряд больших могильников, более бедных по своим находкам, считая их памятниками низших слоев венгров. В связи с этим возникают определенные трудности датировки, точнее нижней временной границы этих могильников. Нам кажется, что их надо рассматривать как результат слияния венгров-пришельцев с Востока и аборигенного населения. Процесс слияния и образование качественно нового народа происходил быстрым темпом, во время которого венгерский язык завоевал себе господствующее положение, обогатившись множеством славянских (и возможно, аварских) заимствований; тюркский же язык кабар исчез бесследно. Для окончательного решения этого сложного вопроса надлежит еще провести разбор всех

⁵³ J. Szentmihályi. A göcseji nép eredethagyománya. Budapest, 1958 (резюме на немецк. яз.), стр. 9.

⁵⁴ I. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán. AN, т. VI. Budapest, 1963, стр. 188.

⁵⁵ Константин Багрянородный. ИГАИМК, вып. 91, 1934.

⁵⁶ I. Dienes. Honfoglalás kori tarsolyainkról, стр. 81.

могильников X в. с точки зрения хронологии. Имеется надежда, что венгерские археологи, особенно группа под руководством И. Диенеша, в скором времени сумеют показать относительную и отчасти даже абсолютную хронологию большинства могильников X в. Прекрасным примером увеличения числа погребений в могильниках служит недавно раскопанный могильник близ с. Надудвар (обл. Хайду-Бихар), где начали хоронить умерших с 70-х годов X в.⁵⁷ Несколько раньше начали хоронить в огромном могильнике близ с. Халимба (обл. Веспрем)⁵⁸, но там мы имеем дело с явно смешанным могильником, где, особенно вначале, венгерские элементы были единичными и, наоборот, преобладают археологические особенности южных славян. (Антропологический материал этого могильника еще не обработан.)

Задачей нашей статьи являлось дать сводку об археологической культуре венгров конца IX — первой половины X в. на территории Карпато-Дунайского бассейна специалистам, не владеющим венгерским языком, с помощью ряда работ ведущих венгерских археологов: Б. Сёке, Д. Ласло, И. Диенеша и др. Изложение их результатов служит цели ознакомления прежде всего советских археологов с вопросами древневенгерской археологии до выхода современной сводной работы, подобной старым монографиям Й. Хампеля⁵⁹, которая ныне уже готовится под руководством И. Диенеша. Как видно из вышеизложенного, новые результаты археологических исследований помещены на страницах разных книг и журналов, и нам хотелось облегчить изучение и сравнение археологических материалов путем их краткой характеристики.

⁵⁷ K. Mesterházy. Adatok..., стр. 131—168 (резюме на англ. яз.).

⁵⁸ Gy. Török. Die Bewohner von Halimba im 10 und 11 Jahrhundert. AN, XXXIX, Budapest, 1962.

⁵⁹ J. Hampel. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905; он же. Újabb tanulmányok a honfoglalási kor emlékeiről. Budapest, 1907.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА И ЕГО ВЕНГЕРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Е. А. ХАЛИКОВА (Казань)

последние годы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье выявлены памятники, уточняющие и расширяющие наши представления об этническом составе Волжской Булгарии в период формирования государства. Среди них выделяется обширный Танкеевский могильник IX — начала XI в., оставленный, судя по его расположению в центральной части Волжской Булгарии (в 20 км к югу от г. Булгара), одной из групп населения, входившего в состав складывавшегося болгарского объединения.

Танкеевский могильник стал известен еще в начале XX в., когда один из крестьян д. Танкеевка Спасского уезда Казанской губернии (ныне Куйбышевский район Татарской АССР) при земляных работах на огороде случайно наткнулся на погребение воина с конем и обнаружил в нем, кроме костей коня и человеческого скелета, саблю, боевой топорик, пять железных наконечников стрел, удила, стремя, 47 серебряных накладок с поясного ремня, пряжку и наконечник концевого ремешка¹.

Танкеевская находка не осталась незамеченной археологами². Однако, несмотря на определенный интерес, проявленный к ней исследователями, долгое время не предпринимались попытки вновь отыскать и дополнительно обследовать памятник. Только в 1961 г. на могильнике начались систематические раскопки, которые продолжаются и поныне совместной экспедицией, организованной Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР и Государственным музеем Татарии при участии студентов Казанского государственного университета и педагогического института. В процессе раскопок установлено, что могильник, находящийся на южной окраине деревни, на левом возвышенном берегу небольшой речки Старая Рытвина, правого притока р. Утки, впадающей в р. Волгу, занимает площадь около 25 тысяч м² и содержит по предварительным подсчетам более 5 тысяч погребений.

¹ ОАК за 1904 г. СПб., 1907, стр. 135—136.

² А. Zakharow, W. Arendt. *Studia Levedica*. АН, XVI, 1934, стр. 74; N. Fettich. *Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn*. АН, XXI, 1937, стр. 175; А. П. Смирнов. Волжские булгары. «Труды ГИМ», вып. XIX. М., 1951, стр. 30; С. А. Плетнева. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 156—157.

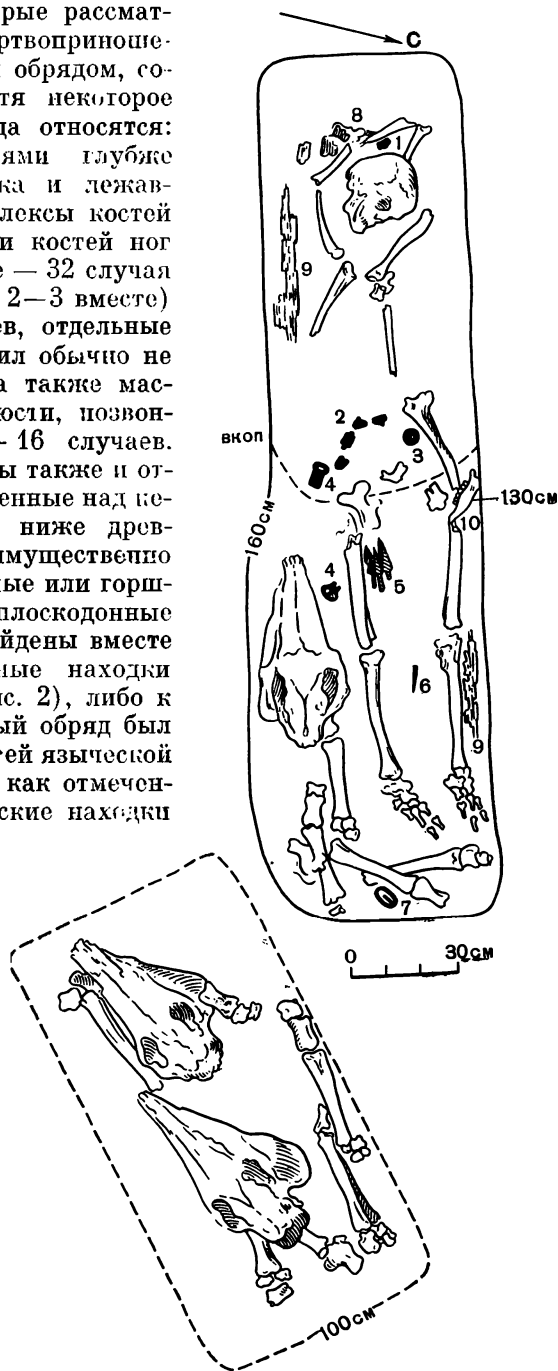

Рис. 1. Череп и кости ног коней между погребениями Танкеевского могильника

Раскопками шести археологических сезонов (1961, 1962, 1964—1966, 1968 гг.) исследовано немногим более 4 кв. м площади памятника и изучена 881 могила, из которых 56, расположенных на южной, восточной и северной окраинах могильника, совершены по мусульманскому обряду. Остальные — языческие и датируются найденными монетами и вещами серединой IX — началом XI в. Около 60% вскрытых погребений потревожены кладоискательскими раскопками. Тем не менее полученный материал довольно полно освещает вещевой комплекс и домусульманский погребальный обряд населения, которому принадлежал могильник, и дает возможность выяснить некоторые этно-культурные параллели. Настоящая статья посвящена рассмотрению прежде всего тех аналогий, которые наблюдаются в погребальном обряде Танкеевского могильника и венгерских памятников так называемой «эпохи завоевания родины».

Могильные ямы Танкеевского некрополя, дневной уровень которых находится на глубине 30—40 см от современной поверхности, не имеют в настоящее время никаких внешних признаков. Однако первоначально над ними, по всей вероятности, были отметки, сохранившиеся еще в период кладоискательских раскопок: грабительские вкопы довольно точно совпадают с контурами могил, да и сами могилы, расположенные сравнительно густо (в среднем на каждую приходится 4,5 м²), редко перекрывают одна другую. В верхних слоях могильника между погребениями и над ними встречаются многочисленные кости домашних животных — лошадей, коров, овец, а также глиняные сосуды, целые и фрагментированные. Часть этих находок происходит из разрушенных кла-

доискателями могил, но некоторые рассматриваются нами как остатки жертвоприношений, связанных с поминальным обрядом, совершавшимся, вероятно, спустя некоторое время после захоронения. Сюда относятся: найденные между погребениями глубже дневной поверхности могильника и лежащие *in situ* своеобразные комплексы костей лошади, состоящие из черепа и костей ног от запястья и заплюсны и ниже — 32 случая (рис. 1); целые черепа (иногда 2—3 вместе) коров и лошадей — 13 случаев, отдельные челюсти животных, на дне могил обычно не встречающиеся, — 75 случаев, а также массовые скопления костей — челюсти, позвонки, кости ног и таза вместе — 16 случаев. С поминальным обрядом связаны также и отдельные целые сосуды, обнаруженные над не потревоженными погребениями ниже древнего дневного уровня. Это преимущественно лепные круглодонные чашевидные или горшковидные сосуды и лепные плоскодонные горшки. В трех случаях они найдены вместе с костями животных. Описанные находки приурочены либо к одному (рис. 2), либо к группе погребений. Поминальный обряд был характерен, по-видимому, для всей языческой части могильника в целом, так как отмеченные выше костные и керамические находки

Рис. 2. Погребение 667 и расположенный рядом с ним поминальный комплекс костей лошади

1 — зуб медведя (амулет); 2 — накладки поясного ремня; 3 — пряслице; 4 — медные пряжки; 5 — наконечники стрел; 6 — шило; 7 — железная подпружинная пряжка; 8 — кости барана; 9 — остатки гробовища; 10 — челюсть барана

располагались довольно равномерно на всей вскрытой площади, исключая периферию некрополя с мусульманскими погребениями.

Строгого порядка в расположении могил на вскрытой части памятника нет. В ряде случаев можно проследить неровные прерывающиеся ряды ям, вытянутые параллельно берегу реки по линии север—юг с некоторыми отклонениями, или группы погребений, отделенные друг от друга небольшим свободным пространством. Могильные ямы ориентированы длинными сторонами преимущественно в широтном направлении. Ориентировка ям, приближающаяся к направлению север—юг, единична. Глубина могил колеблется от 35 до 220 см. Как правило, неглубоко находятся детские погребения. Основная же масса взрослых (более 70%) располагается на глубине 80—140 см в слое плотного материкового суглинка. Наиболее глубокие могилы (160—220 см) содержат мужские, реже женские захоронения, как правило, с богатым погребальным инвентарем. Для большинства взрослых захоронений характерны также длинные ямы — в среднем 220—260 см, иногда до 300 см. В изголовье и ногах погребенных обычно оставлялось значительное свободное пространство для сопровождающих вещей и погребальной пищи.

Что касается устройства могил, то здесь абсолютно преобладают простые ямы прямоугольной формы со слегка закругленными углами и отвесными стенками. Есть ямы и сложной конструкции, но их немного: 30 могил с двусторонними или односторонними уступами-запечиками, возвышающимися на 15—35 см от дна и имеющими ширину в 5—15 см, и 12 могил с небольшими подбоями в 7—15 см у дна вдоль коротких или длинных стенок. Среди сложных могил особенно интересны две (погр. 77 и 522) с продольными запечиками и широкими нишами-подбоями, вырытыми в ногах у погребенных на уровне запечиков. В одном случае в подбое находились череп и кости ног лошади, в другом такой же комплекс костей коровы.

Все захоронения на могильнике совершены по обряду трупоположения. Обычно это одиночные погребения и очень редко парные. Погребенные лежат вытянуто на спине и ориентированы головой на запад, часто с отклонениями к югу, реже к северу. В 67 могилах, расположенных главным образом в ранней части могильника у реки, отмечена противоположная, восточная ориентировка. Однако эти могилы не составляют какой-либо территориально изолированной группы и перемежаются погребениями с обычной ориентировкой.

Во многих погребениях зафиксированы фрагменты деревянных перекрытий и гробовищ. В отдельных случаях дно могил было выстлано лубом или берестой. Судя по сохранившимся остаткам меха и ткани, умершие погребались в одежде и сопровождалась украшениями, орудиями труда, оружием, предметами конской упряжи и посудой. Набор и характер расположения вещевого инвентаря достаточно однообразен. В богатых мужских погребениях (рис. 3, А) встречаются серебряные височные подвески, обычно в виде колечек с несомкнутыми концами, перстни со вставками, пояса с пряжками, серебряными или медными накладками и наконечниками. Украшения расположены так, как их носили при жизни. Ни в одном случае в Танкеевском могильнике не встрече-

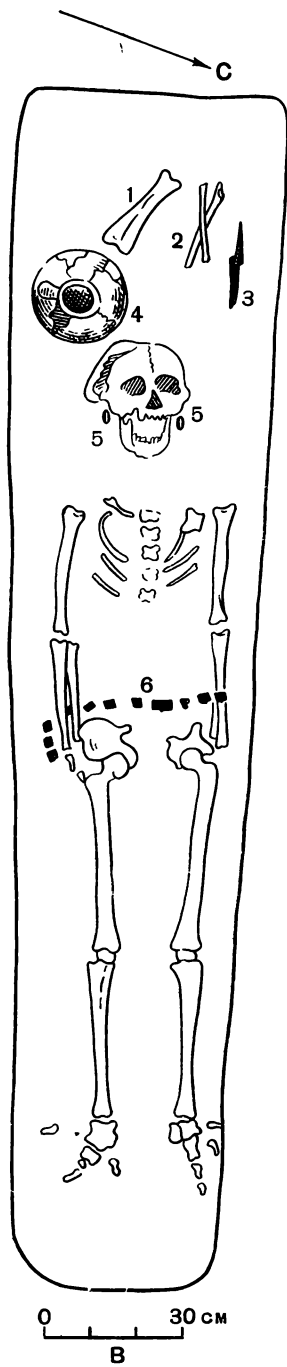
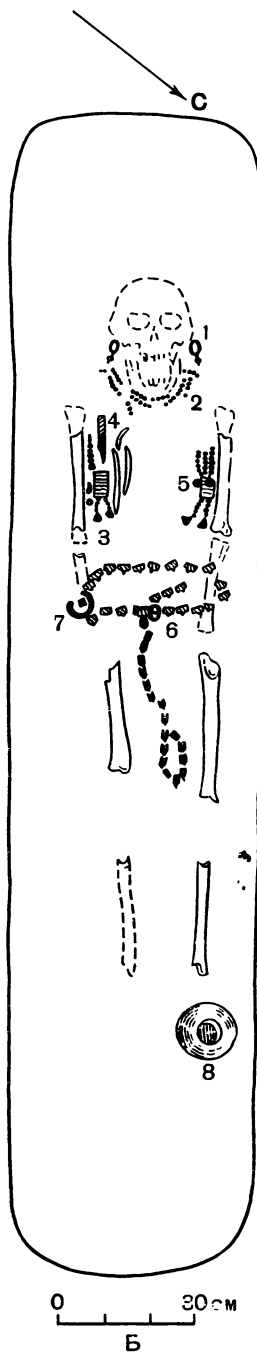
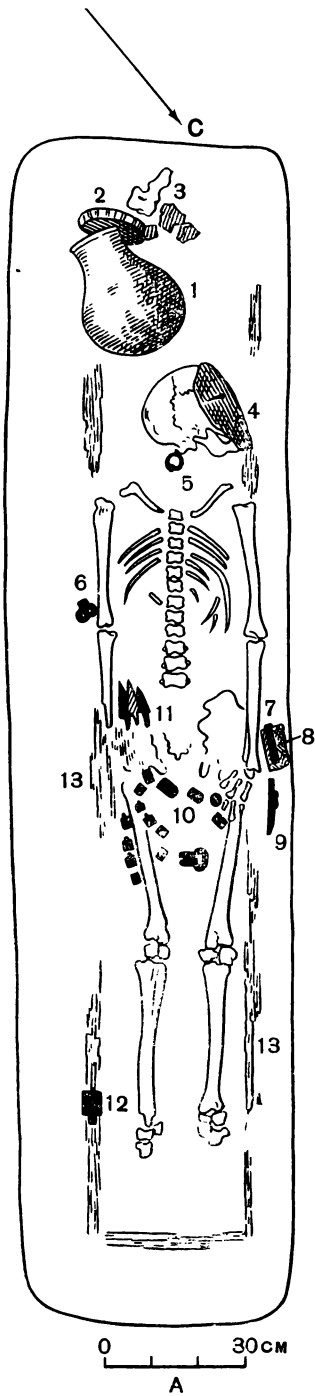
ны характерные для многих синхронных восточнофинских могильников (мордовских, марийских, коми) ритуальные комплексы вещей — когда дополнительные украшения, одежда, пояса клали в могилу в изголовье или ногах погребенных.

У пояса сбоку, чаще слева, находился обычно железный нож и в специальном мешочке, от которого иногда сохраняются остатки ткани, предметы огнива: кремешки, трубица с трутом и кресало (железное эсоловидное или с бронзовою рукояткой). Иногда здесь же у пояса располагались кожаные кошельки-сумочки, края которых были обложены медными обоймицами с заклепками³. С другой стороны, у бедра, лежали наконечники стрел (от одного до восьми штук), направленные острием вверх, т. е. к голове погребенного. Изредка стрелы клались сбоку на груди или за головой. В отдельных случаях найдены крючки от колчанов и костяные обкладки луков. В ряде могил обнаружены железные шилья и глиняные или свинцовые напоясла, лежавшие в изголовье или у локтя, а также топоры с низким или высоким обухом, обычно вогнутые в дно могилы у правой берцовой кости (рис. 3, А). Среди единичных находок следует отметить копыя (погр. 6 и 11), сабли в деревянных ножнах (погр. 301 и 825), оселки и проч. Интересно погребение 510, где за черепом костяка, ориентированного на восток, расчищен набор инструментов — тесло, пробойник, скобель, конусообразная пещня или вток, костяная втулка. Из предметов конского снаряжения частой находкой являются удила и подпружные пряжки, находившиеся, как правило, у ног погребенных. Реже встречаются костяные псалии и железные крепления седел. Стремян, за исключением случайно найденного в 1904 г., нет.

В мужских могилах, бедных погребальным инвентарем, из перечисленных вещей наиболее распространены поясные пряжки, ножи и наконечники стрел (как правило, один или два).

Женские захоронения, не потревоженные кладоискательскими раскопками, характеризуются относительным обилием украшений (рис. 3, Б). Здесь обычны височные подвески, чаще салтовского типа — литые и с напускными бусами, перстни, браслеты на руках, ожерелья из бус на шею. Прослежены случаи, когда бусы и бисер лежали двумя группами по обеим сторонам груди. Не исключено, что они были вплетены в косы. Иногда такими же двумя группами располагались на груди разнообразные медные пронизки и подвески, в том числе изредка шумящие. Здесь же встречены цельнолитые и полые грушевидной формы медные пуговицы, подвески-«костыльки», костяные пуговицы. В отдельных захоронениях обнаружены богатые поясные наборы с концевыми ремешками и множеством накладок. Среди редких находок — остатки налобных венчиков с мелкими ромбическими медными или серебряными накладками и любопытные плоские флакончики-тюбики из тонкого листового серебра с тисненым орнаментом. В одном из непотревоженных погребений этот «флакончик», заткнутый деревянной пробкой, лежал справа на груди рядом с медным пинцетом. Орудий труда в женских погребениях немного —

³ См. статью Е. П. Казакова в настоящем сборнике, стр. 162, рис. 1, 7—9.

ножи, лежавшие обычно не у пояса, а сбоку на груди, справа или слева, изредка шилья и напярсла, в одном случае льячка (погр. 182) и серп (погр. 406).

В могилах детей и подростков вещи погребального инвентаря немногочисленны. У девочек-подростков — височные колечки, бусы, иногда браслет на руке; у мальчиков — нож, наконечники стрел у пояса, в ряде случаев — бараньи астрагалы, положенные рядом с погребенными (от одного до 36 штук). В некоторых захоронениях подростков — поясные наборы с пряжками и накладками. В могилах маленьких детей частой находкой являются амулеты из просверленных зубов животных, бусиновидные и спиральные пронизки и различные, объемные и плоские, мелкие подвески, располагавшиеся у черепа (на шее). В одном детском погребении найдена железная гривна. Многие детские захоронения совсем не имели погребального инвентаря, иногда их сопровождал один лишь сосуд. Глиняная посуда найдена в 331 погребении: в 126 — гончарные кувшины и редко кринки, в 19 — лепные кувшины, в 22 — лепные плоскодонные горшки, в 152 — лепные круглодонные чашевидные и горшковидные сосуды, в 12 — по два сосуда разных категорий вместе.

Детские погребения обычно сопровождалась лепными чашами и горшками. Однако эти виды посуды встречены и в могилах взрослых, особенно в ранней части могильника. Сосуды ставили, как правило, за головой и относительно редко у ног (пятая часть прослеженных случаев). В пяти лепных чашах найдены костяные ложки-лопаточки. Кроме керамических сосудов, во многих погребениях сохранились остатки деревянных чашек с перстневидными ручками и тонкими серебряными или медными обкладками по краю. В одном из погребений (№ 96) стоял железный котелок.

В 140 могилах, чаще за головой погребенных, расчищены отдельные кости лошадей, коров, овец: лопатки, ребра, позвонки, иногда кости ног,

Рис. 3. Мужское погребение 709 (А).

1 — лепной кувшин;	5 — височное колечко;	9 — нож;
2 — фрагменты деревянной чаши;	6 — медная пряжка;	10 — накладки и пряжка поясного ремня;
3 — кости животного;	7 — трубица для трута;	11 — наконечники стрел;
4 — серебряная маска;	8 — остатки матерчатого мешочка с кремешками;	12 — топор;
		13 — остатки гробовища.

Женское погребение 267 (Б).

1 — височные подвески;	4 — нож;	6 — накладки и пряжка поясного ремня;
2 — бусы;	5 — спиральные пронизки, шумящая подвеска, зуб медведя и костяная подвеска на левой стороне груди;	7 — браслет;
3 — спиральные пронизки, шумящая подвеска, бусы и мелкие подвески на правой стороне груди;		8 — гончарный кувшин.

Погребение 472 (В).

1, 2 — лопатка и ребра коровы;	3 — нож;	5 — височные кольца;
	4 — гончарный кувшин;	6 — накладки с пояса

Рис. 4. Черепа и кости ног коней в разрушенном кладовщиками погребении 675

таза. Эти остатки мясной погребальной пищи сопровождают обычно захоронения взрослых (рис. 3, В). В 46 могилах, как правило, богатых погребальным инвентарем, обнаружены характерные захоронения костей лошади — череп и рядом с ним или под ним кости передних и задних ног, начиная от запястья и заплюсны и ниже (рис. 4). В отличие от подобных комплексов, встреченных в верхних слоях могильника и связанных с поминальным обрядом, возраст лошадей не превышал здесь 10 лет (в среднем 2,5—7 лет)⁴. Видимо, при погребении знатных всадников забивали их верховых коней и в могилу клали голову и ноги коня, по всей вероятности, вместе со шкурой. Последнее предположение подтверждается тем, что в ряде комплексов найдены коленные чашечки, хотя большие трубчатые кости всегда отсутствовали. Описанные комплексы помещены, как правило, непосредственно на дне могилы в ногах у погребенных и в единичных случаях сбоку, рядом с погребенными. В нескольких могилах с заплечиками комплексы встречены в засыпи ям над ногами покойников (погр. 273) или в специальных подбоях (погр. 77

⁴ А. Г. Петренко. Раннебулгарские лошади. «Тезисы докладов научной конференции молодых ученых казанского Института языка, литературы и истории им. Галимджана Ибрагимова». Казань, 1967, стр. 80.

и 522)⁵. Чаще всего черепа лошадей ориентированы резцовой частью в ту же сторону, что и голова погребенных. Однако зафиксированы отдельные случаи, когда они были положены поперек могил. Вместе с костями коней встречаются удила и подпругные пряжки.

Любопытной чертой погребального обряда Танкеевского могильника, важной для выяснения этно-культурных параллелей, является наличие в ряде захоронений своеобразных лицевых покрытий (рис. 5). В 19 могилах на лицевой части черепов погребенных обнаружены целые или в обломках маски из тонкого листового серебра с прорезями для глаз и рта и рельефной выпуклостью для носа (рис. 6). По краям их прослежены мелкие отверстия для пришивания, а под масками сохранились фрагменты шелковой ткани, на которую они, очевидно, были нашиты.

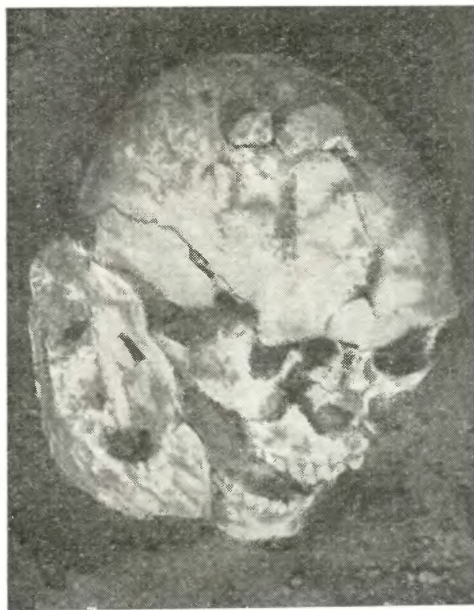
Есть основания полагать, что среди потревоженных кладоискателями погребений некоторые также имели подобные лицевые покрытия, в одном случае обломки листового серебра были найдены в засыпи грабительского вкопа, в трех сохранились остатки шелковых подкладок, какие обычно встречаются под масками, еще в трех — лицевая часть черепов погребенных была сплошь покрыта зеленоватым налетом окиси, которую могло дать низкопробное серебро. Кроме того, в двух погребениях на верхней челюсти костяков найдены: в одном случае остатки шелковой ткани с наложенными на нее тонкими серебряными пластинками (погр. 146), а в другом — небольшая золотая пластина (погр. 359). Все погребения с остатками лицевых покрытий принадлежат взрослым мужчинам, реже женщинам, и сопровождаются многочисленным погребальным инвентарем. По характеру инвентаря и остальным деталям погребального обряда эти захоронения не отличаются от большинства остальных. Последнее обстоятельство, а также то соображение, что лицевые покрытия на погребенных связаны с определенными религиозными представлениями всего или части населения, оставившего могильник⁶, заставляют думать, что какие-то лицевые покрытия имелись в свое время и в других захоронениях, но они, очевидно, были сделаны из материала, который не сохранился, может быть из кожи или ткани, где были отмечены глаза, нос, рот.

Тщательное изучение материалов могильника и проведенный статистический анализ показали, что описанные выше элементы погребального обряда, а также различные категории керамики и типы вещей погребального инвентаря, представленные на памятнике, встречаются в отдельных погребениях в самых разнообразных сочетаниях. Выделить какие-либо группы могил, которые характеризовались бы устойчивым комплексом признаков и четко отличались от остальных, не представляется возможным. Это свидетельствует о том, что основная масса танкеевского населения, имевшего, судя по сложному, неоднородному составу керамики и вещевого инвентаря⁷, разные истоки, характеризовалась тем

⁵ В последнем случае, как уже указывалось, был положен соответствующий комплекс костей коровы.

⁶ Е. П. Казаков. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника. Уч. зап. ПГУ, № 191, Пермь, 1968, стр. 239.

⁷ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 72—79; Е. А. Халикова, А. Х. Халиков, Е. П. Казаков. Танкеевский могильник и его место среди археологических памятников Прикамья. «Уральское археологическое со-
общение (Тезисы докладов и сообщений)». Сыктывкар, 1967, стр. 75—77.

Рис. 5. Серебряная маска на черепе в погребении 351

не менее, довольно единообразным погребальным обрядом, которому присущи следующие ведущие черты: грунтовый характер захоронения, простые по конструкции, относительно длинные (220—260 см) и глубокие (80—140 см) могильные ямы, гробовища, преимущественная западная ориентировка погребенных, применение своеобразных лицевых покрытий и сопровождение умерших украшениями, отдельными орудиями труда, иногда предметами вооружения и конской упряжи, глиняными или деревянными сосудами; наличие в могилах костей домашних животных — остатков погребальной пищи; захоронение в ряде случаев вместе с умершими головы и ног коня и, наконец, поминальный обряд, от которого в верхних слоях могильника между погребениями и над ними сохранились те же характерные комплексы

из черепа и костей ног коня, а также черепа и отдельные челюсти домашних животных. Из перечисленных признаков наиболее специфическими и относительно мало распространенными следует считать лицевые покрытия-маски, захоронения головы и ног коня непосредственно в могильной яме и поминальный обряд, связанный в основном с использованием жертвенных животных. Эти детали, свойственные лишь сравнительно узкому кругу памятников, могут иметь, наравне с керамикой, особое значение для этногенетических сопоставлений.

В литературе уже указывалось, что лепная круглодонная керамика Танкеевского могильника имеет ближайшие аналогии на территории распространения поломской, ломоватовской и неволинской культур Прикамья, а также в некоторых синхронных и предшествующих по времени Танкеевские памятниках Башкирии (Кушнаренковский, Стерлитамакский, Кушелевский и другие могильники)⁸. Что касается гончарной посуды, то основная ее масса связана происхождением с салтовским кругом памятников. Это особенно хорошо ощущается в керамическом материале ранней части могильника. Последний близок к керамике Больше-Тарханского могильника, в котором есть аналогии и лепным плоскодонным горшкам, а также некоторым круглодонным сосудам Танкеевского некрополя. В перечисленных памятниках находят параллели и все основные черты описанного выше погребального обряда. Не останавливаясь здесь на

⁸ Е. А. Халикова, А. Х. Халиков, Е. П. Казаков. Указ. соч.

подробном рассмотрении этого вопроса и в связи с ним на выяснении истоков танкеевского населения⁹, обратимся к тем аналогиям танкеевскому погребальному обряду и, в частности, наиболее специфичным его элементам, которые наблюдаются далеко от Волги и Камы, на территории Паннонии, в венгерских могильниках IX—X вв.

В свое время еще В. Аренд¹⁰ и позднее Н. Феттих¹¹ обратили внимание на сходство танкеевского погребения, вскрытого в 1904 г., с погребениями венгерских могильников эпохи завоевания родины. Обширные дополнительные материалы, полученные нами в последние годы в Танкеевке и венгерскими исследователями в Паннонии, дают возможность вновь и с большими основаниями вернуться к этому вопросу.

Одной из характернейших черт погребального обряда венгров периода завоевания родины являются захоронения всадников с конем, причем в могилах никогда не встречается целый скелет коня, а только череп, иногда с несколькими позвонками, и нижние кости конечностей с копытами¹². Во многих венгерских могильниках IX—X вв. до половины и более погребений сопровождаются этими характерными комплексами конских костей, и не только мужские, но и женские могилы. В могильнике Кенезлэ I, раскопанном А. Йожа, кости коня находились в 7 из 25 вскрытых могил, в Кенезлэ II, исследованном Н. Феттихом, — в 15 из 25¹³, в Еперешке — в 4 могилах из 8 изученных Л. Кишшем¹⁴. В Башхаломском могильнике, раскопанном в 1945 г. тем же Л. Кишшем, директором Ниредьхазского музея, голова и ноги коня сопровождали 11 из 22 погребений¹⁵, в могильнике Бездед — 12 из 18¹⁶. Кроме того, они зафик-

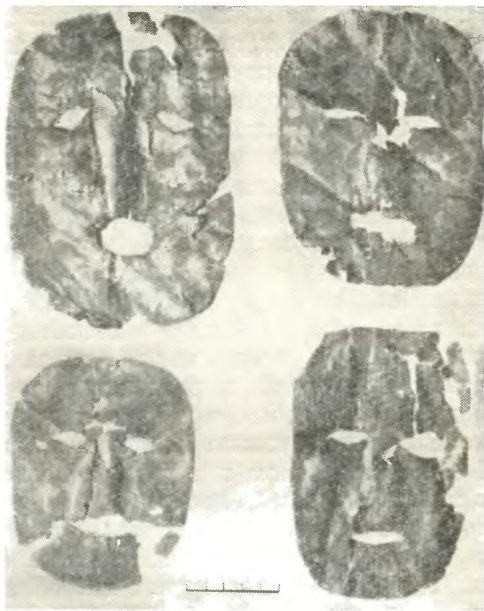

Рис. 6. Серебряные маски Танкеевского могильника

⁹ Этому вопросу автором посвящена специальная статья. См. Е. А. Халикова. Погребальный обряд Танкеевского могильника (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX—X вв.). «Археология и этнография Татарии», вып. I. Казань, 1971.

¹⁰ A. Zakharow, W. Arendt. Указ. соч., стр. 74.

¹¹ N. Fettich. Указ. соч., стр. 175.

¹² Gy. László. HMNE, стр. 453.

¹³ N. Fettich. Adatok a honfoglaláskori archaeológiájához. AE, 45, 1931, стр. 78—102.

¹⁴ L. Kiss. Eperjeskei honfoglaláskori temető. AE, 39, 1920—1922, стр. 42—55.

¹⁵ I. Dienes. Un cimetière de hongrois conquérants à Bashalom (fouilles exécutées par L. Kiss). AAN, VII, 1956, стр. 245 и сл.

¹⁶ Gy. László. HMNE, стр. 128—131.

сированы в могильниках Гадорош¹⁷, Сегедбоярхалом¹⁸, Кецель¹⁹, Хенцида²⁰, Секешфехервар (у радиостанции)²¹, Кипшкунхалаш²², в венгерском могильнике в Сентеш-Сентгласло²³ и других. Отдельные погребения с костями коня известны в Гестеред²⁴, у с. Каранчаля²⁵, в Егер-Репаште-тё²⁶, Ноградкёвешд²⁷, Тисашюль²⁸ и т. д.

Обычно кости коня лежат так же, как в Танкеевском могильнике, на дне могилы, на одном уровне со скелетом человека и расположены за ступнями слева, реже справа, от ног погребенного²⁹. В большинстве случаев череп коня ориентирован резцами к голове погребенного, т. е. вдоль могилы, а кости ног сложены в куче под черепом или рядом с ним. Встречается и несколько иное расположение указанных комплексов, но значительно реже. В частности, изредка кости коня находятся над покойником, в засыпи могильных ям на 10—30 см выше дна³⁰, иногда они лежат не в куче, а разложены по всей длине могилы параллельно с погребенным, обычно слева от него, череп, затем передние и задние ноги последовательно (отдельные захоронения в могильниках Кенезлё I и II, Башхалом и других). Венгерские исследователи полагают, что в таких случаях имело место захоронение чучела, для изготовления которого использовались голова, ноги и шкура коня³¹. Этот обряд также отмечен в Танкеевском могильнике (погр. 623 и, возможно, 742). Подобно Танкеевке, в венгерских погребениях встречаются рядом с останками коня и металлические части упряжи — удила, подпружные пряжки, стремена, крепления седел. Иногда в могилы клалось только убранство коня, кости его отсутствуют.

Описанный элемент погребального обряда, в большинстве случаев до деталей напоминающий танкеевский, широко распространяется в Венгрии

---

¹⁷ Там же, стр. 149.

¹⁸ Там же, стр. 150—151.

¹⁹ Там же, стр. 156—157.

²⁰ Там же, стр. 158—159, 467, рис. 57.

²¹ A. Marosi. Die Ausgrabungen bei der Radiostation in Székesfehérvár (Stuhlweissenburg). AE, 40, 1923—1926, стр. 347.

²² I. Dienes. Kiskunhalas. AE, 92, 1965, стр. 240.

²³ Г. Фехер. Примечания в археологической оценке могильника в Керпусте (резюме). ААН, VI, 1955, стр. 320.

²⁴ L. Kiss. Neuere Funde im Jósa-Museum von Nyiregyháza aus der Zeit der Völkerwanderung. AE, 42, 1928, стр. 352; он же. A geszterédi honfoglaláskori sírlelet. AH, XXIV, 1938, стр. 11.

²⁵ И. Диенеш. Пояс эпохи завоевания родины из Каранчапуйтё и его мордовская аналогия. AE, 91, 1964, стр. 40.

²⁶ J. Szabó. Honfoglaláskori sírok Eger-Répastétón. Az Egri múzeum Evkönyve, II. Eger, 1964, стр. 108.

²⁷ P. Patay. Adatok a nógrádi dombvidék X—XI. századi településtörténetéhez. AE, 84, 1957, стр. 58.

²⁸ L. Selmeczi. Tiszasüly — Sandgrube der LPG «Rákóczi». AE, 95, 1968, стр. 136.

²⁹ Gy. László. HMNE, VII, tábla.

³⁰ Там же, стр. 454.

³¹ И. Диенеш. Венгерский могильник времени завоевания родины из Башхалом (резюме). ААН, VII, 1956, стр. 276.

лишь с конца IX и в X в. исчезает с принятием христианства в XI в. Правда, на юге Венгрии, у Сегеда, известно несколько раннеаварских захоронений VI—VII вв. с черепом и костями ног коня³², однако этот обряд для авар не характерен. В аварских захоронениях, как известно, встречаются целые скелеты лошадей. Широкое распространение обычая погребать вместе со всадником лишь голову и ноги коня, очевидно вместе со шкурой, связано с «эпохой завоевания родины», с появлением в Карпатском бассейне в конце IX в. новой волны пришлого с востока населения.

Не менее любопытна еще одна деталь погребального обряда венгров, отмеченная Д. Ласло. Рассматривая случаи захоронения головы и ног коня над покойниками, т. е. выше дна могильных ям, он обратил внимание на погребение в могильнике около г. Клужа (Коложвара), где кости коня находились значительно выше человеческого скелета, и пришел к выводу, что конь был захоронен здесь не одновременно с покойником, а несколько позднее. В связи с этим Д. Ласло пишет о том, что процесс захоронения не завершился погребением самого покойника. Он затягивался во времени и представлял собой цикл последовательных обрядов³³. Ссылаясь на П. С. Палласа, В. В. Радлова, Д. Н. Анучина, он приводит некоторые этнографические параллели. В частности, описывает обряд, бытовавший у некоторых народов Сибири и Алтая, когда голова и ноги коня вместе со шкурой вывешивались на шесте возле могилы и лишь по прошествии некоторого времени зарывались в землю³⁴. То, что пишет Д. Ласло в отношении венгерских могильников, в частности о захоронении в Клуже, может быть сопоставлено с поминальным обрядом, прослеженным в Танкеевке. В 32 случаях, как указывалось выше, череп и кости ног коня были найдены в верхних слоях могильника между могилами и над ними.

В свете указанных параллелей особое значение приобретает еще одна, не менее важная общая черта в погребальном обряде Танкеевского и синхронных венгерских могильников. В 1958 г. в могиле № 10 могильника II в Тисаэслар-Башхаломе, относящегося к эпохе завоевания венграми родины, И. Диенеш обнаружил на погребенном остатки своеобразного лицевого покрытия. Череп скелета был покрыт полуистлевшим кожаным лоскутом. На месте глаз и рта на лоскут были наложены тонкие серебряные пластины четырехугольной формы³⁵. Аналогичные серебряные пластины находили в венгерских могильниках и ранее, но им не придавали должного значения. находка в Тисаэслар-Башхаломе дала возможность усмотреть применение лицевых покрытий и в ряде других могильников IX—X вв. И. Диенеш указывает в этой связи могильники Хайдубёсёрмень-Видпуста, Пилинь (погр. 1), Ноградкёвешд (погр. 3),

³² Gy. László. Указ. соч., стр. 460.

³³ Там же, стр. 486.

³⁴ Там же, стр. 465, 485.

³⁵ I. Dienes. Honfoglalóink halottas szokásainak egyik ugorkori eleméről. АЕ, 90, 1963, стр. 109.

Кенезлэ (погр. 50)³⁶, Бездед, Мичкепуста, Орошхаза, Мадьярхоморог, Заласентгрот и др.³⁷

Назначение танкеевских и венгерских погребальных масок одно: закрыть лицо умершего и в то же время отметить его глаза и рот³⁸. В Танкеевке это достигается прорезями на серебряных личинах, в венгерских могильниках наложением серебряных пластин на лицевое покрытие. Напомним, что в двух могилах Танкеевского кладбища на зубах погребенных были найдены пластины — в одном случае (погр. 146) серебряная, в другом (погр. 359) из тонкого листового золота. Не исключено, что они также отмечали рот на несохранившихся лицевых покрытиях.

Таким образом, выделенные нами наиболее специфические черты танкеевского погребального обряда находят параллели в синхронных венгерских могильниках. Тем более интересно совпадение и ряда других деталей обряда, дополняющих сходство и приобретающих вес в совокупности с указанными параллелями. И там и здесь могильники грунтовые без сохранившихся внешних признаков. Причем Д. Ласло находит основания полагать, что в древности венгерские могилы все же имели внешние отметки³⁹. Мы отмечали выше то же самое в отношении танкеевских погребений. В венгерских могильниках зафиксированы гробовища, а иногда подстилка из бересты на две ям⁴⁰. Встречаются в погребениях кости домашних животных — остатки погребальной пищи. Сходно и положение погребенных. Костяки лежат вытянуто на спине головой к западу. Преимущественная западная ориентировка погребенных характерна для всех рассмотренных выше венгерских памятников. Любопытно, что несмотря на иную окружающую среду и иные влияния, в Танкеевском и венгерских могильниках указанного времени довольно близок и набор вещевое инвентаря, особенно в мужских захоронениях, хотя полного совпадения в этом отношении естественно нет: височные кольца, в том числе кольцевидные и салтовского типа с напускными бусами, перстни, браслеты, поясные наборы, кожаные сумочки у пояса, ножи, кресала, наконечники стрел, положенные в небольшом количестве и выполняющие скорее всего символическую функцию, сабли (здесь они значительно чаще, чем в Танкеевке), предметы конского снаряжения. В типологии вещей также наблюдается известная близость, причем в комплексе инвентаря там и здесь есть типы вещей, в других памятниках встречающиеся крайне редко (см. статью Е. П. Казакова в настоящем сборнике).

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о большом сходстве в погребальном обряде и материальной культуре венгров IX—X вв. и населения Волжской Булгарии, оставившего памятники типа Танкеевского могильника. Погребальный обряд, отражающий религиозные представления людей и связанный с традиционными, устойчивыми обычаями, является, как известно, одним из важнейших этнических признаков. Если

³⁶ В данном случае на черепе погребенного на месте носа и рта сохранились следы окиси.

³⁷ *I. Dienes*. Указ. соч., стр. 108, 111.

³⁸ *Е. П. Казаков*. Указ. соч., стр. 238—239.

³⁹ *Gy. László*. Указ. соч., стр. 489.

⁴⁰ Там же, стр. 476.

распространение однотипных вещей в ряде случаев можно объяснить культурно-экономическими контактами и взаимовлияниями различных племен, то языческий погребальный обряд остается в этом отношении устойчивым показателем, определяющим этнос. В IX—X вв., когда в Восточной Европе начинается ремесленное производство и появляется, в частности, гончарная керамика, а многие вещи — украшения, орудия труда, предметы вооружения — получают широкое распространение, погребальный обряд приобретает особое значение для выявления этнических связей. Учитывая это, мы должны будем признать, что в составе населения Волжской Булгарии и складывавшегося одновременно с ней Венгерского государства в конце IX—X в. был общий этнический компонент. Об этом в какой-то степени свидетельствуют и данные письменных источников.

В древнейшей из сохранившихся венгерских хроник, написанной на рубеже XII—XIII вв. анонимным автором («Книга магистра П., нотарию короля Белы о делах хунгаров») ⁴¹, упоминается имя вождя Алмуша, под предводительством которого венгерские племена, появившиеся в конце IX в. на Дунае, совершили свой поход из далекой восточной прародины на запад в Паннонию. Имя этого человека, от которого, как пишет Аноним, «брали свое происхождение короли и вожди Хунгарии» ⁴², не случайно, видимо, совпадает с именем царя Волжской Булгарии начала X в., принимавшего в 922 г. посольство Ибн Фадлана. Не исключено, что во главе складывавшихся государственных объединений на Средней Волге и в Паннонии стояли представители одной или близко родственных по языку этнических групп. В XIII в. у западных венгров еще сохранялись предания об оставшихся где-то на востоке единоплеменниках ⁴³.

Трудно в настоящее время окончательно решить вопрос об этнической принадлежности зафиксированного археологическими материалами IX—X вв. родственного компонента в составе населения Волжской Булгарии и Венгрии. Известно, что в составе венгерского союза племен на Дунае в X в. была значительная масса тюркоязычного населения. Из семи племен, входивших в этот союз и упоминаемых Константином Багрянородным, по крайней мере пять носят тюркские названия и только два угро-мадьярские ⁴⁴. С другой стороны, нельзя не учитывать сведения венгерского монаха-доминиканца Юлиана, который незадолго до монгольского нашествия, в 1235—1236 гг. отправился на восток в поисках оставшихся там венгров. Он нашел их в районе Волжской Булгарии, близ большой реки Этиль. «Они язычники, но не почитают и идолов, а живут как звери. Земли не возделывают; едят мясо конское, волчье и тому подобное, пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданиям древних они знают, что те

⁴¹ И. Эрдели. Извлечения из хроники венгерского Анонима. ВАН, 7, Свердловск — Ижевск, 1967, стр. 173—179.

⁴² Там же, стр. 174.

⁴³ С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Исторический архив, III. М. — Л., 1940, стр. 77.

⁴⁴ Э. Мольнар. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955, стр. 134.

венгры [ушедшие на запад.— *Е. Х.*] произошли от них, но не знали, где они»⁴⁵. «Язык у них,— сообщает Юлиан,— совершенно венгерский (*ungaricum*): и они его понимали и он их»⁴⁶. В целом из контекста Юлиана следует, что язык этих восточных венгров, будучи сходным с языком западных венгров XIII в., отличался от языка волжских булгар.

Таким образом, судя по письменным источникам, родственный компонент в составе населения Волжской Булгарии и Венгрии мог быть и тюркским, и угро-мадьярским.

К сожалению, венгерские археологические памятники периода завоевания родины, известные уже в достаточно большом числе, до сих пор этнически не расчленены. Большинство исследователей связывает описанные могильники IX—X вв. с угро-мадьярским этносом, но есть сторонники и иной точки зрения. Б. Сёке, например, полагает, что венгерские могилы X в., открытые в Малой Средне-Дунайской низменности, содержащие, помимо богатого инвентаря, лошадиные кости, представляют собой слой тюркского происхождения, который присоединился к венгерским племенам угорского происхождения и приобрел среди них ведущую роль⁴⁷.

Еще более категоричен в этом вопросе Д. Чаллань, считающий, что завоевание родины в конце IX в. вообще не привело на Дунай каких-либо новых угорских племен, а лишь тюркские и иранские народы. Что касается угров-мадьяр, то они появились здесь ранее, еще в аварскую эпоху⁴⁸.

В таком случае тот компонент, о котором идет речь и который хорошо фиксируется в описанных могильниках IX—X вв., должен рассматриваться как тюркоязычный. Не исключено, однако, поскольку угорские памятники IX—X вв. в Венгрии не выделены, а сбрасывать со счета угорский компонент не представляется возможным, что названные могильники, близкие Танкеевскому, принадлежали смешанному тюрко-угорскому населению. В таком случае следует предположить, что смешение тюркского и угорского компонентов началось и протекало, видимо, задолго до IX в., ибо к середине IX в., к моменту возникновения Танкеевского могильника, население, оставившее его, имело уже довольно единообразный погребальный обряд.

---

⁴⁵ С. А. Аннинский. Указ. соч., стр. 81.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Б. Сёке. К истории Малой Средне-Дунайской низменности в IX—X столетиях (резюме). АЕ, 81, 1954, стр. 137.

⁴⁸ D. Csallány. Die awarische Stammesordnung. A Nyíregyházi Jóna András Múzeum Évkönyve, VIII—IX. Budapest, 1967, стр. 55—56.

О НЕКОТОРЫХ ВЕНГЕРСКИХ АНАЛОГИЯХ В ВЕЩЕВОМ МАТЕРИАЛЕ ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Е. П. КАЗАКОВ (Казань)

исторической литературе давно существует мнение, основанное на сведениях письменных источников и лингвистических данных, о тесных связях и контактировании в древности волжских болгар и мадьяр¹. Однако до последнего времени это мнение нельзя было проверить на археологическом материале, так как раннеболгарский период, относящийся ко времени, когда, по мнению большинства исследователей, основная масса мадьяр уходит из Восточной Европы на запад, почти не был известен за отсутствием изученных памятников. В настоящее время имеется ряд памятников, принадлежащих этно-культурным группам раннеболгарского объединения, и некоторые из них (Танкеевский, Больше-Тарханский, Кайбельский могильники) подвергнуты значительным раскопкам. Наиболее крупные исследования проведены на Танкеевском могильнике IX—X вв., где к настоящему времени изучено свыше 800 погребений.

Сравнение материала Танкеевского могильника с материалом венгерских памятников языческого периода позволяет проследить контактирование мадьяр и волжских болгар в древности, а также в какой-то степени выявить характер этих контактов.

В вещевом комплексе могильника имеется масса предметов (височные подвески с напускными бусами, кольцевидные височные подвески, накладки поясного набора, мелкие подвески, предметы конского снаряжения, предметы вооружения и прочее), аналогичных вещам из венгерских памятников периода завоевания родины. Преобладающая часть этих предметов имеет широкое распространение. Очевидно, тесная связь Танкеевки и вышеуказанных венгерских памятников с салтово-маяцким культурным кругом, с которым генетически связаны многие из данных вещей, и обусловила указанное сходство. Но, несмотря на салтовский в целом облик материальной культуры населения, входившего в мадьярское объединение, по-видимому, он имел и свою специфику. Нашей

Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах и русских Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 102—109 и др.; В. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II. М., 1967, стр. 48; Н. Н. Понне. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам. «Известия Российской АН», 1929, стр. 262; И. Эрдели. Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX—X вв. Автореферат. Л., 1959, стр. 9, а также другие работы.

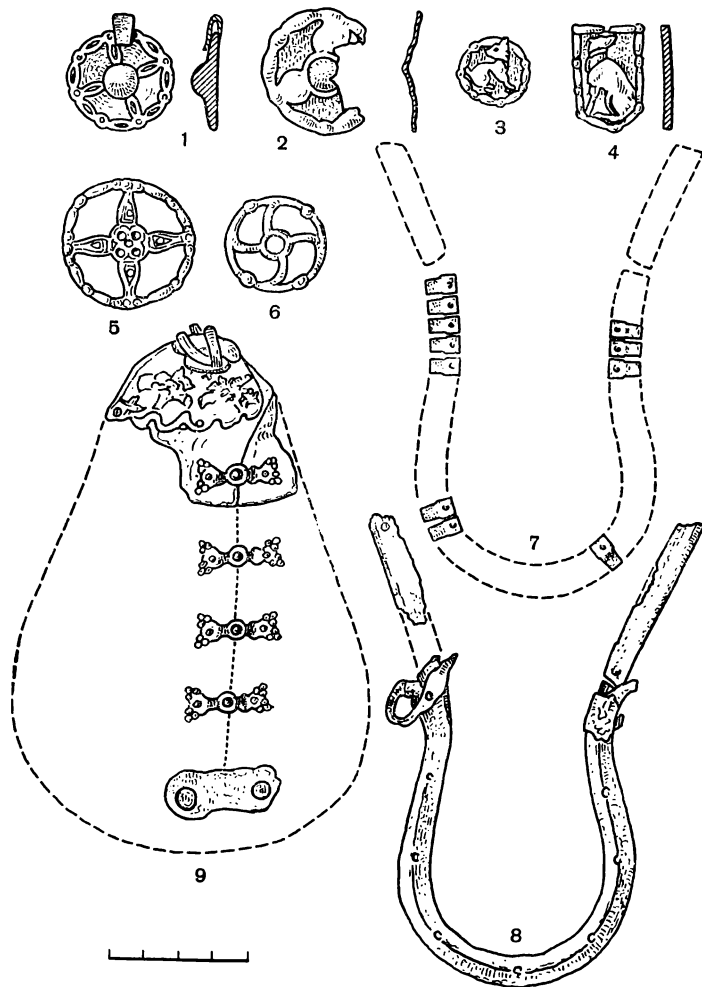

Рис. 1. Вещи из погребений. Цветной металл

1 — погр. 476; 2 — уч. Г / 10 раскопа XIV; 3 — погр. 378; 4 — погр. 863;
5 — погр. 72; 6 — погр. 584; 7 — погр. 135; 8 — погр. 146; 9 — погр. 149

задачей является выявление таких типов вещей Танкеевского могильника, которые наиболее характерны для венгерских памятников периода завоевания родины и не встречаются или встречаются очень редко в других областях.

Среди них следует прежде всего отметить накладки. Так, многочисленные аналогии в венгерских памятниках X в. имеет бронзовая довольно крупная круглая литая выпукло-вогнутая накладка диаметром в 3 см (рис. 1, 1). В центре лицевой части ее имеется полушарный вы-

ступ, а по краю бордюр с симметрично расположенными утолщениями, как бы имитирующими круглые или вытянутые звенья цепочки. Центральный выступ соединяется с бордюром четырьмя, также симметрично расположенными, изображениями стилизованных лепестков (?). Накладка имеет припаянное ушко для подвешивания.

Такие или близкие предметы² датируются по венгерским материалам X в. В Танкеевском могильнике накладка найдена в детском погребении, расположенном на ранней части могильника, датируемой IX или даже второй половиной IX в. Вещевой материал этого погребения (бронзовые височные колечко, шаровидный бубенчик, шумящая подвеска с трубчатым щитком, рифленая трубица) не противоречит датировке его IX в.

Вторая накладка этого типа из Танкеевского могильника штампованная, несколько выпуклая в лицевую сторону. Центральная часть ее отделена от остальной двумя небольшими круговыми выемками, от которых к краю, имеющему бордюр из симметрично расположенных полусферных и вытянутых выпуклин, проведены три рельефных сердцевидных лепестка (рис. 1, 2).

Сходство указанной накладки с вышеуказанными венгерскими также не подлежит сомнению. Найдена она была в верхнем слое одного из участков раскопа XIV. Окружающие погребения на этой части раскопа датируются рубежом IX—X вв.

Наличие массы таких накладок в венгерских памятниках периода завоевания родины и отсутствие в других районах позволяет считать их типично венгерскими предметами. Нам известно только пять случаев находок их на территории СССР. Три накладки найдены в Волжской Булгарии (причем две — в Танкеевском могильнике), одна в Большом Боршевском городище и одна в Киеве в районе Десятинной церкви³.

Из других танкеевских накладок ближайшее сходство с венгерскими имеет бронзовая с позолотой круглая накладка диаметром 2 см. По краю ее проведен бордюр из симметрично расположенных вздутий, а в центре расположено рельефное изображение хищника, сидящего на задних лапах с повернутой назад головой (рис. 1, 3).

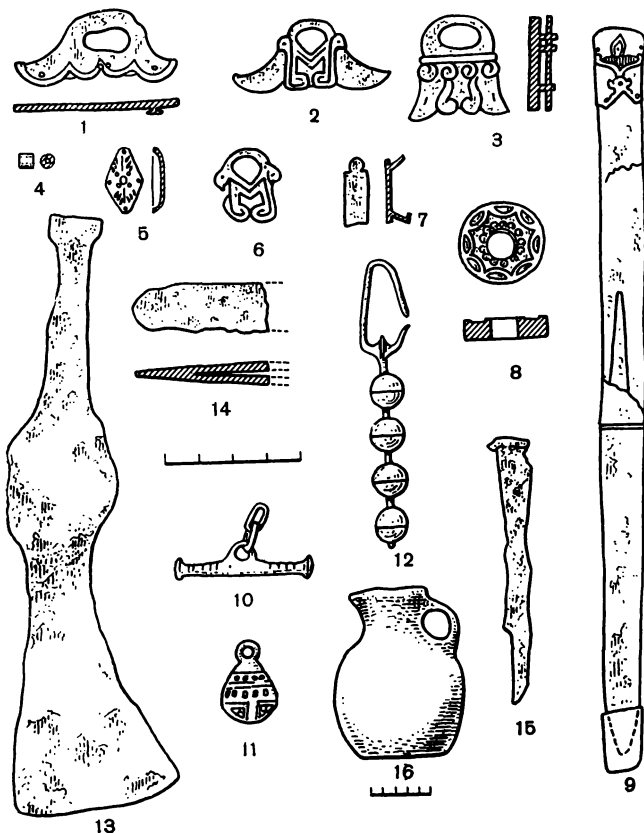
Такая накладка близка некоторым венгерским наконечникам ремня⁴. Хотя последние имеют подпрямоугольную форму, но композиция фигуры хищника, наличие бордюра из симметрично расположенных выпуклин, по краю делают их чрезвычайно близкими танкеевской находке.

Из Танкеевского могильника происходит подпрямоугольный бронзовый с позолотой наконечник ремня с рельефным изображением сидящего на задних лапах хищника с повернутой назад головой в центре и с бордюром из симметрично расположенных утолщений по краю (рис. 1, 4), также очень близкий вышеуказанным подпрямоугольным наконечникам ремня из Паннонии.

² N. Fettich. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Budapest, 1937, Taf. LXXXIV, 1—11; Taf. XCIII, 1—5, 8, 9 и другие.

³ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 9, 1848, стр. 55, рис. 22.

⁴ N. Fettich. Указ. соч., Taf. XCIII, 10, 11.

Рис. 2. Вещи из погребений

1 — погр. 5; 2 — погр. 274; 3 — погр. 292; 4—16 — погр. 30; 1—3, 5—12 — цветной металл; 4 — стекло; 13—15 — железо; 16 — керамика

Круглая танкеевская накладка с изображением животного найдена в погребении, расположенном на поздней части, датируемой X в. Подпрямоугольный наконечник ремня с изображением животного обнаружен в погребении, расположенном на территории, переходной от ранней к поздней части могильника. Вещи из этого погребения (диадемовидная накладка с орнаментом из сильно стилизованного трилистника, височная подвеска с папусными бусами, имеющая небольшие вздутия по обеим сторонам кольца, поясная пряжка, височное овальное колючко, плоскостная бомбовидная подвеска с ушком, многочисленные и рубленые бусы, спиралевидные и бусиновидные бронзовые пролиски) позволяют датировать погребение концом IX или началом X в.

Первые две круглые танкеевские накладки (рис. 1, 2), по-видимому, служили украшениями конской сбруи. Они крупнее обычно употребляемых в поясном наборе и в Паннонии отмечены в качестве украшений уздеч-

ки⁵. Однако в Танкеевске одна из них (рис. 1, 1) найдена в погребении ребенка, имела приклепанное ушко и, по всей вероятности, употреблялась только в качестве подвески. Накладка и наконечник ремня с изображением животного служили украшениями поясного набора.

Все отмеченные танкеевские предметы сходны между собой в том, что имеют специфический бордюр по краю в виде симметрично расположенных вытянутых или полушарных вздутий, благодаря чему мы легко находим близкие или аналогичные предметы. Такая специфическая деталь украшения характерна и для других вещей Танкеевского могильника, в частности для некоторых колесовидных подвесок (рис. 1, 5, 6).

Металлические предметы поясных наборов с таким бордюром по краю (накладки, пряжки, наконечники ремней) нередко встречаются в памятниках, тесно связанных с салтовским культурным миром⁶. Известны они и в Крюково-Кужновском могильнике VIII—XI вв.⁷ Поясные накладки с таким бордюром по краю отмечены в курганном погребении конца VIII — первой половины IX в. у озера Синеглазово в Башкирии⁸. Подобный бордюр, но несколько иного облика, известен на поясных накладках из находок у д. Редикор на верхней Каме⁹.

Таким образом, находки предметов с данной особенностью украшения идут полосой от Прикамья и Башкирии через Среднее Поволжье к Подонью. По комплексам вещей они датируются в большинстве IX или IX—X вв. В X в. они в большой массе отмечаются в Паннонии.

Из других вещей Танкеевского могильника, имеющих большое сходство с вещами X в. из Паннонии, следует отметить поясные сумочки (рис. 1, 7—9), в которых обычно находились предметы огня. По характеру обкладок по краю сумочки из Танкеевки можно разделить на несколько видов. Одни из них имеют небольшие обоймочки по краю (рис. 1, 7). Аналогичная сумочка найдена в Лебяжском погребении, открытом в 1967 г. Татарской археологической экспедицией в низовьях реки Камы. По набору вещей (проушной круглообушный топор с подтреугольными щековидами и вырезом на внутренней стороне лезвия, костяные стрелы, костяные обкладки лука, пряжка) это погребение датируется X — началом XI в.¹⁰ Такие же сумочки найдены в Веселовском могильнике на реке Ветлуге¹¹, где также датируются X — началом XI в. Подобные танкеевские сумочки зафиксированы в погребениях на поздней языческой части памятника, датируемой X в.

Одна из сумочек Танкеевского могильника с полутрубчатыми обоймами по краю (рис. 1, 8) имеет аналогии в погребении 55 Крюково-

⁵ N. Fettich. Указ. соч., Taf. LXXXVII, 1.

⁶ Альбом рисунков, помещенных в ОАК за 1882—1898 годы. СПб., 1906, стр. 16, 83.

⁷ П. П. Иванов. Крюково-Кужновский могильник. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, стр. 212, табл. XXVIII, 2.

⁸ В. С. Стожолов. Курган на озере Синеглазово. АЭБ, т. I. Уфа, 1962, стр. 166, рис. 4, 2—3.

⁹ N. Fettich. Указ. соч., Taf. XIV, 6, 7.

¹⁰ Вещи погребения находятся в кабинете археологии КИЯЛИ АН СССР.

¹¹ А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960, стр. 36, рис. 28, 1.

Кузновского могильника¹², датированного по вещам (шумящие подвески с прямоугольным и трубчатым щитками, спиралевидный браслет, поясные пряжки, стрела гнездовского типа, боевой топор с круговыми выемками по молоткообразному обуху и прочее) X в. В Танкеевке сумочка найдена в погребении, которое по вещам (кресало с бронзовой коньковой рукоятью, рожковая подвеска, «лапчатый» перстень и прочее) можно отнести к X в.

Значительный интерес представляет поясная сумочка из танкеевского погребения 149 (рис. 1, 9). Верхняя часть ее украшена серебряной пластинкой с петлей для подвешивания к поясу. Сумочка застегивалась с помощью четырех петель, имеющих аналогии на Северном Кавказе в могильниках Дергавс и Лисгор¹³. Накладки, похожие на эти застёжки по внешнему виду, найдены в Венгрии в памятниках X в.¹⁴ Гравированный растительный орнамент на пластине указанной сумочки идентичен орнаменту на металлических пластинах венгерских поясных сумочек X в.¹⁵

Данное танкеевское погребение по вещам (боевой топор, арочной и сердцевидной форм накладки поясного набора, «лапчатый» перстень, наконечники стрел гнездовского типа), а также по расположению на поздней части могильника датируется X в.

Сумочки из перечисленных памятников Восточной Европы и Паннонии, по-видимому, генетически связаны между собой. Сходство их проявляется в форме, одинаковом функциональном назначении, а также в идентичности орнамента на металлических пластинах.

Такой же орнамент отмечен на серебряном навершии рукояти одного из кинжалов Танкеевского могильника (рис. 2, 9). Погребение с этим кинжалом по вещевому инвентарю (рис. 2, 4—16), а также по расположению его на поздней части могильника датируется X в. По сюжету и технике исполнения такой орнамент имеет полную аналогию в орнаменте на многих предметах оружия и орудий труда в памятниках X в. Так, такой же орнамент отмечен на навершии рукояти кинжала из погребения 204 Крюково-Кузновского могильника¹⁶, на навершии сабли из могильника Колосовка 1¹⁷, на навершии рукояти сабли из Гестерд (Венгрия)¹⁸, на рукояти меча из погребения дружинника X в. в Киеве¹⁹. Но наиболее часто применялся он на металлических пластинах вышеуказанных венгерских поясных сумочек X в.

Такой орнамент присущ также некоторым фигурным бляхам, представляющим собой стилизованное изображение двух соединенных друг

¹² П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 196, табл. XII, 2.

¹³ «Материалы по археологии Кавказа», вып. VIII. М., 1900, табл. LIV, 16—21; LXXXII, 16—19, 21—25.

¹⁴ N. Fettich. Указ. соч., Taf. CII, 9.

¹⁵ Там же, Taf. XLX, LIX, 2 и другие.

¹⁶ П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 211, табл. XXVII, 1.

¹⁷ П. А. Дитлер. Могильники в районе п. Колосовка на р. Фарс. «Сборник материалов по археологии Адыгеи». Майкоп, 1961, стр. 185, табл. XIX, 2.

¹⁸ N. Fettich. Указ. соч., Taf. XLVII.

¹⁹ Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, XIII, 1950, стр. 86, рис. 9.

с другим птиц с распростертыми крыльями. По внешнему виду эти бляхи живо напоминают серебряное павершие указанной танкеевской сумочки. Такие бляхи неоднократно встречены в Венгрии в памятниках периода завоевания родины²⁰, в отмеченном могильнике Колосовка 1²¹. Далеко на востоке такие бляхи встречены в минусинских древностях²². Близкие накладки бляхи имеются и в Танкеевском могильнике (рис. 2, 1—3, 6).

Определенное сходство с венгерскими вещами X в. имеют и другие категории предметов Танкеевки. Так, безусловная близость наблюдается в комплексах вещей мужских погребений Танкеевки и погребений воинов-всадников Паннонии X в. Боевые топоры, удила с восьмеркообразными окопчаниями звеньев и с костяными S-образными псалмами, стрелы (гнездовского типа, с ромбическим расширяющимся в верхней части пером, рогатковидные срезы, некоторые трехлопастные и прочие), грушевидное стремя из дореволуционных находок в Танкеевке аналогичны подобным находкам из Венгрии.

Примечательно сходство лицевых покрытий Танкеевского могильника с лицевыми покрытиями из венгерских погребений периода завоевания родины²³. Танкеевские лицевые покрытия представляют собой плоскостные серебряные личины с прорезью для глаз и рта, которые нашивались на шелковую подкладку, положенную на лицевую часть умерших²⁴. В венгерских лицевых покрытиях на кожу животного, закрывающую лицевую часть умерших, с целью отметить глаза и рот покойника клались серебряные пластины. Очевидно, функциональное назначение танкеевских и венгерских лицевых покрытий, заключавшееся в стремлении изолировать покойника от живых и в то же время показать глаза и рот его, было одинаковым. Это свидетельствует об общности каких-то глубоких верований танкеевского населения и населения Паннонии X в.

Указанное, иногда доходящее до мельчайших деталей, сходство вышеразобранных вещей Танкеевского могильника, дающего наиболее значительный материал из всех исследованных раннеболгарских памятников, с вещами из венгерских могильников X в. может явиться еще одним подтверждением существующего мнения о контактировании или близком соседстве где-то в VIII—IX вв. племен, входивших в мадьярский союз, и населения, входившего в союз племен волжских болгар.

Локализация аналогии разобранных вещей Танкеевского могильника в основном совпадает с регионом (прикамско-приуральский район, Среднее Поволжье, юго-восток Европы, Паннония) наиболее вероятного передвижения мадьярского союза племен.

²⁰ N. Fettich. Указ. соч., Taf. XLIV, 6, 7; LIX, 1; CXXX, 8.

²¹ П. А. Дитлер. Указ. соч., стр. 187, табл. XXI, 1.

²² N. Fettich. Указ. соч., Taf. XXV, 8.

²³ И. Диенеш. Об одном элементе обряда угорской эпохи у венгров — завоевателей родины. АЕ, I. Budapest, 1963, стр. 112.

²⁴ Подробнее о танкеевских лицевых покрытиях смотри в статье Е. А. Халиковой в этом же сборнике.

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ

ИШТВАН ФОДОР (Будапешт)

огребательному обряду венгров эпохи завоевания родины (X в.) посвящена довольно обширная литература. Блестящий анализ могильников богатых слоев населения принадлежит перу проф. Дюла Ласло¹, а рядовыми могильниками занимался Бела Соке². Результаты работ последних лет отражены в содержательной статье Иштвана Диенеша³.

Ниже мы попытаемся подвести итоги изучению лишь одной интересной особенности погребального обряда древних венгров X в. — изучению вопроса о погребальных масках. Существование таких масок впервые обосновал И. Диенеш⁴. На основании 10-го погребения из венгерского могильника X в. в д. Тисаеслар-Башхалом II, в комитате Сабольч, где на лице покойного были найдены остатки лицевого покрытия из кожи, а на месте глаз и рта тонкие серебряные пластины четырехугольной формы⁵, он установил, что у древних венгров существовал обычай покрытия лица умершего кожей или тканью, а на ней на месте глаз и рта были пришиты серебряные пластины или пуговицы⁶.

Остатки таких лицевых покрытий были найдены в погребениях древних венгров еще в конце XIX в. В погребении богатого воина у с. Пилинь Енё Няри обнаружил в глазных впадинах покойного по одной серебряной бляхе шестигранной формы⁷. В связи с этой находкой Геза Надь уже в 1893 г. предположил возможность существования у древних венгров глазного покрытия. «Этот обычай, — пишет он, — связан с тем

¹ Gy. László. A honfoglaló magyar nép élete. Budapest, 1944.

² B. Szőke. A bjelobrdói kultúráról. AE, I, 1959; он же. A honfoglaló és kora Arpád-kori magyarság régészeti emlékei. «Régészeti Tanulmányok», I. Budapest, 1962.

³ I. Dienes. Über neuere Ergebnisse und Aufgaben unserer Erforschung der Landnahmezeit. «A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve 1964—65», 2 Szeged, 1966.

⁴ I. Dienes. Honfoglalóink halottas szokásainak egyik ugorkori eleméről. AE, I, 1963, стр. 108—112; он же. Выступление на конгрессе финно-угроведов в Будапеште в 1960 г. «Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum». Budapest, 1963, стр. 413—415.

⁵ I. Dienes. Honfoglalóink halotti szokásainak egyik ugorkori eleméről, рис. 1, стр. 109; он же. Congressus Internationalis..., стр. 413.

⁶ Там же.

⁷ Br. Nyáry J. A pilini Leshegyen talált csontvázakról. «Archaeologiai Közlemények», IX, 1873, стр. 18.

суеверием, что вредно, если глаза покойного остаются открытыми, так как он еще в том же году увлечет за собой того, на кого он посмотрел»⁸.

За последующее время также были отмечены находки остатков тонких серебряных пластин от лицевого покрытия, однако исследователи не придавали этому особого значения. Они чаще всего предполагали, что эти пластинки были принадлежностями головного убора. Самым типичным примером этого является могильник у с. Бездед (Северо-Восточная Венгрия), где в четырех богатых мужских погребениях (погр. 2, 4, 8 и 9) были найдены остатки серебряных лицевых пластин. Автор раскопок, Андраш Йожа, предполагал, что они были пришиты к головному убору⁹. Вслед за ним Д. Ласло не придавал этим пластинам никакого значения¹⁰. Подобные пластины были найдены также в могильнике у д. Мичкепуста¹¹. Остатки серебряной пластины были найдены на лице покойника в погребении богатого мужчины № 5 в д. Кенезло¹².

Очень интересной является находка у д. Хайдубёсёрмень-Вид, открытая в 1926 г. Здесь было найдено погребение богатого воина X в. с саблей и захоронением коня. На лице покойного в области глаз была найдена золотая пластинка четырехугольной формы, а у рта — другая золотая пластинка в форме щита и бронзовая сердцевидная ажурная бляха¹³. Здесь мы, по всей видимости, вправе считать, что вторая золотая пластина лежала на месте другого глаза покойного и только после захоронения была отодвинута в сторону рта (рис. 1). Размеры пластин: щитообразной — 2,1×1,85 см; четырехугольной — 1,8×1,9 см; высота бляхи — 1,8 см¹⁴. Это пока единственная в Венгрии точно зафиксированная находка золотых лицевых пластин.

Серебряные пластины были найдены и в погребении богатого воина № 3 в д. Ноградковежд¹⁵.

Кроме того, остатки таких тонких серебряных пластин отмечены еще во многих погребениях, а во многих случаях, наверно, их не заметили, не придавая им особого значения. Установление функции этих пластин является заслугой Иштвана Диенеша, внимательно проследившего рассматриваемую деталь погребального обряда в могильниках Башхалом I и II. В первом могильнике он еще только предполагал существование этого обряда¹⁶, а во втором уже взял *in situ* череп из погребения № 10 с серебряными наглазниками и наротником¹⁷. Кроме этих опубликованных

⁸ G. Nagy. A magyarhoni lovas sirok. AE, XII, 1893, стр. 234.

⁹ A. Józsa. A bezdédi honfoglaláskori temető. AE, XVI, 1896, стр. 385—412.

¹⁰ Gy. László. Указ. соч., стр. 128—134.

¹¹ A. Józsa. Nonfoglaláskori emlékek Szabolcsban. AE, XXXIV, 1914, стр. 340.

¹² N. Fettich. Adatok a honfoglaláskor archeológiájához. AE, XIV, 1931, стр. 102.

¹³ Погребение раскопано Яношем Шореги, опубликовано: «Debreceni Múzeum Évkönyve», XXI, 1926, стр. 18, табл. 1.

¹⁴ За предоставленные фотографии и размеры пластин выражаю благодарность Иштвану Диенешу.

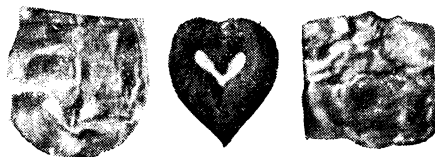
¹⁵ P. Patay. Adatok a nógrádi dombvidék X—XI századi településtörténetéhez. AE, I, 1957, стр. 58.

¹⁶ I. Dienes. Un cimetière de Hongrois conquérants à Bashalom. AАН, 1956, стр. 270.

¹⁷ I. Dienes. Nonfoglalóink halotti szokásainak egyik ugorkori eleméről, рис. 1, стр. 109; *он же*. Congressus Internationalis..., стр. 413.

пластин на месте носа покойного была пришта на кожаную маску бронзовая пуговица¹⁸, а у левой руки лежала тонкая серебряная пластина, точно такая же, как лицевые. Интересно отметить, что в разрушенных погребениях 1, 3 и 7 того же могильника, принадлежавших богатым мужчинам-воинам, были найдены тонкие золотые пластины, которые могли быть наглазниками и наротниками. Особенно правдоподобным является данное предположение в отношении золотых пластин четырехугольной формы, найденных в погребениях 1 и 3 и являющихся прямыми аналогиями наглазникам из вышеуказанного погребения в д. Хайдубёсёрмень-Вид¹⁹.

Впоследствии И. Диенешом были отмечены находки серебряных лицевых пластин в погребении 8 в д. Заласентрот²⁰ и в погребении 1

Золотые пластинки и сердцевидная бронзовая бляха из погребения в д. Хайдубёсёрмень-Вид

в Орошхозе²¹. Им были пересмотрены также старые точки зрения о назначении серебряных пластин из Бездедского могильника²². Остатки серебряных наглазников были найдены в погребении 4 в Шошхартяш-Хоссуте²³.

Первое обобщение данной черты погребального обряда проведено также И. Диенешом²⁴. Он справедливо установил, что у древних венгров существовал ритуал, аналогичный погребальному обряду обских угров: они закрывали лицо покойного кожей или материей и поверх этого, напротив глаз, рта и носа (см. бронзовая пуговица в погребении № 10 в д. Башхалом), пришивали или просто накладывали серебряные пластины, бляхи или пуговицы²⁵. В заключение он устанавливает, что этот обряд, общий у обских угров и венгров, а значит всех народов угорской ветви финно-угорской языковой группы, возник в те времена, когда они еще были в соседстве друг с другом, и после расселения они сохранили этот важный элемент погребального обряда. Употребление же этих масок угорские народы восприняли у южных степных народов²⁶.

¹⁸ I. Dienes. A magyar honfoglalás kora. «A magyar régészet regénye». Budapest, 1968, стр. 189.

¹⁹ Дополнительные данные о могильнике Башхалом II являются любезным сообщением Иштвана Диенеша.

²⁰ I. Dienes. X századi magyar temető Zalaszentgróton. «A Göcseji Múzeum közleményei». Zalaegerszeg, 1960, стр. 113.

²¹ I. Dienes. A honfoglaló magyarok. «Orosháza története». I. Orosháza, 1965, стр. 141.

²² I. Dienes. Honfoglaló magyarok. «A kisvárdai vár története», I. Kisvárdai, 1961, стр. 148.

²³ Материалы могильника не опубликованы. Раскопки автора в 1968 г.

²⁴ I. Dienes. Honfoglalóink halottas szokásainak egyik ugorkori eleméről.

²⁵ Там же, стр. 108.

²⁶ Там же, стр. 110.

Эта, в общем правильная, концепция требует еще дальнейших уточнений. Происхождение этого обряда у венгров еще далеко не является решенным вопросом. Однако мы точно знаем, что подобный обряд в Карпатском бассейне в это время был чужд, и он был принесен сюда венграми, среди которых этот обычай был очень распространенным, так как остатки таких лицевых пластин мы находим повсюду на территории, заселенной венграми. Употребление этих масок мы не можем связывать только с одним каким-то племенем мадьяр X в.²⁷ Но откуда, с какой территории Восточной Европы могли принести с собой венгры этот обычай? Для решения этого вопроса мы должны рассмотреть ареал распространения лицевых пластин в Восточной Европе.

Как известно, золотые наглазники, наротники и также целые маски из золота найдены в Причерноморье в последние века до н. э. и в первые века н. э. Самые известные находки происходят из Неаполя Скифского, Херсонеса, Ольвии, Каменского городища и др.²⁸ Этот ритуал для Причерноморья был новшеством в то время, принесенным откуда-то извне. В отношении его происхождения среди исследователей данного вопроса нет единого мнения. П. Шульц считает, что данный обычай мог возникнуть независимо у разных народов на сходных стадиях исторического развития, и поэтому он не является этническим показателем²⁹. Н. В. Пятышева, не отказываясь и от мнения П. Шульца, в носителях этого нового обычая видит сарматов, скорее всего аланов³⁰. Н. Н. Погребова справедливо возражает против этого, указывая, что этот обряд нигде не обнаружен в сарматских погребениях³¹, и полагает, что «...золотые пластины могли впервые проникнуть в Северное Причерноморье с Востока через Кавказ в эпоху позднего эллинизма»³², исходя из того, что родиной этого обряда являются раннесредиземноморские культуры и Передняя Азия³³.

Вторым большим ареалом масок и лицевых пластин являются Среднее Поволжье и Приуралье. Серебряные и золотые наглазники найдены в Башкирии в аланском могильнике VIII—IX вв. у д. Левашовка, в богатом женском и мужском погребениях³⁴. Целые серебряные маски с прорезями для рта и глаз обнаружены в Танкеевском могильнике

Там же, стр. 108—109.

П. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953; Н. В. Пятышева. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1956; Н. Н. Погребова. Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 142—154; она же. Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 94—97; она же. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. МИА, № 96, 1961.

²⁹ П. Шульц. Указ. соч., стр. 63.

³⁰ Н. В. Пятышева. Указ. соч., стр. 40—41.

³¹ Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее..., стр. 109.

³² Н. Н. Погребова. Золотые лицевые пластины..., стр. 153.

³³ Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее..., стр. 109.

³⁴ П. В. Ищеригов. Аланский могильник близ г. Стерлитамака. КСИИМК, вып. 47, 1952, стр. 82; С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографический очерк. М.—Л., 1955, рис. 27, рис. 19; Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXII, 1955, стр. 159, табл. V, 5.

VIII—X вв., принадлежавшем древним болгарам³⁵. Северо-восточнее, на территории распространения родановской культуры, оставленной предками современных коми-пермяков, мы находим серебряные маски (целые и наглазники) в могильниках, относящихся к раннему этапу данной культуры, к IX—X вв. В Баяновском могильнике в богатых мужских погребениях 14 и 15 найдены такие серебряные наглазники и наротники³⁶. В Плесинском могильнике в погребении 6 мальчика найдена большая целая серебряная маска с отверстием для глаз и рта³⁷, то же и в погребении богатого воина № 26³⁸. В мужском погребении Бродовского могильника найдены золотые наглазник и наротник с прорезами³⁹. Думается, у нас нет основания сомневаться в том, что эти золотые пластинки из Бродовского могильника тоже датируются VIII—IX вв., как и погребения, ведь такие же пластины из серебра, как выше мы видели, встречаются в могильниках раннего этапа родановской культуры⁴⁰.

Существование обряда покрытия лица покойного маской в Зауралье засвидетельствовано у обских угров, которые «... на лицо умершего надевают маску, состоящую из лоскута оленьей шкуры или сукна, на которой против ушей, носа, рта и особенно глаз нашивают медные пуговицы или бляшки»⁴¹. Такой обряд отражает и материал хантыйско-ненецких погребений на острове Халас-Погор XVII—XVIII вв.⁴²

Таким образом, употребление лицевых пластин и масок было распространено в Восточной Европе на следующих территориях: в Причерноморье в эпоху позднего эллинизма (II в. до н. э.—III в. н. э.); в Среднем Поволжье и Приуралье, в Карпатском бассейне после прихода сюда венгерских племен (IX—X вв.).

Значение этих масок объясняется лучше всего с помощью этнографического материала обских угров, где этот обряд сохранился дольше всего. Погребальная маска здесь имеет двойное значение: с одной стороны, она призвана отгородить покойника от живых, чтобы последние его не боялись, а с другой — маска служит оберегом для покойника от злых сил и духов⁴³. Мнения исследователей не расходятся в том, что на-

³⁵ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 73.

³⁶ В. А. Оборин. Памятники родановской культуры у с. Таборы. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 112.

³⁷ В. А. Оборин. Раскопки памятников железного века в Верхнем Прикамье. ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 99.

³⁸ В. А. Оборин. Камская археологическая экспедиция. АЭБ, т. II. Уфа, 1964, стр. 204, рис. 2, 17.

³⁹ ОАК за 1898 г., стр. 47, рис. 82—83.

⁴⁰ Н. Н. Погребова считала, что эти пластинки были импортированы с юга в начале нашей эры. См.: Н. Н. Погребова. Золотые лицевые пластины..., стр. 149.

⁴¹ В. Н. Чернецов. Представление о душе у обских угров. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». М., 1959, стр. 143.

⁴² В. А. Могильников. Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби. АЭБ, т. II. Уфа, 1964, стр. 265.

⁴³ В. Н. Чернецов. Указ. соч.; Н. Высоцкий. Несколько слов о погребальных обычаях вогулов. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете», т. 24, вып. 3. Казань, 1907, стр. 257; Н. Н. Погребова. Золотые лицевые пластины..., стр. 149; Н. В. Пятыева. Же-

глазники, наротники и целые маски играли одинаковую роль⁴⁴. В связи с этим интересно отметить, что там, где мы находим наглазники, как правило, встречаются и целые маски: в Приуралье и Среднем Поволжье (Левашовка — наглазники; Танкеевка — целые маски); в Пермской области (Баяновский могильник — наглазники; Плесинский — целые маски). В Венгрии целые маски не найдены. Аналогичное явление для Причерноморья было отмечено Н. Н. Погребовой⁴⁵.

Во всех вышеуказанных областях распространения лицевых пластин они пришивались на кожаную или матерчатую основу. Остатки ее найдены в Венгрии в погребении № 10 у д. Башхалом⁴⁶, в Поволжье в Танкеевке⁴⁷, в Пермской области в Баяново⁴⁸, а возможность таких подкладок под пластины можем предполагать и для Причерноморья⁴⁹.

Общим явлением для всех этих областей является и то, что такие маски найдены, как правило, в богатых мужских погребениях или в погребениях мальчиков. В Венгрии все зафиксированные находки происходят из богатых мужских погребений, в первую очередь воинов. Особенно показателен в этом отношении Бездедский могильник, где остатки лицевых пластин обнаружены в четырех богатых мужских погребениях и не найдены ни в одном женском погребении⁵⁰. Все остальные погребения, где найдены эти пластины (Пилинь, Кенезло, Вид, Ноград-ковецд, Башхалом, Заласентрот, Орошхаза) принадлежали также богатым воинам. Видимо, то же самое можем сказать и в отношении Среднего Поволжья и Пермской области (Танкеевка⁵¹, Баяново, Плес, Броды), и пока единственным исключением является могильник у д. Левашовка, где наглазники найдены в погребении женщины.

Однако между этими областями существуют и значительные различия. Во-первых, для более раннего времени в Причерноморье характерны наглазники и маски из золота, а для Волго-Камья и Венгрии серебряные, хотя в трех случаях, как мы видели выше, были найдены золотые пластинки (Левашовка, Броды, Вид) и, может быть, в погребениях 1, 3 и 7 в Башхаломе II. Значит, по материалу венгерские пластины стоят ближе к территории Волго-Камья. Кроме того, из-за большой хронологической разницы (5 столетий) мы вряд ли можем связывать появление таких пластин и масок в области Волго-Камья из Причерноморья.

лезная маска из Херсонеса. М., 1964, стр. 27; *I. Dienes. Nonfoglalóink halotti szokásainak egyik ugorkori eleméről*, стр. 110.

⁴⁴ П. Н. Шульц. Указ. соч., стр. 63; Н. Н. Погребова. Золотые лицевые пластины..., стр. 149.

⁴⁵ Н. Н. Погребова. Золотые лицевые пластины..., стр. 150.

⁴⁶ *I. Dienes. Nonfoglalóink halotti szokásainak egyik ugorkori eleméről...*, рис. 1, стр. 109; *он же. Congressus Internationalis...*, стр. 413.

⁴⁷ Погребение № 40. Не опубликовано. Выражаю благодарность А. Х. Халикову за ознакомление меня с неопубликованной коллекцией Танкеевского могильника.

⁴⁸ В. А. Оборин. Памятники родановской культуры..., стр. 112. Погребения 14 и 15.

⁴⁹ Н. Н. Погребова. Золотые лицевые пластины..., стр. 150.

⁵⁰ *Gy. László. Указ. соч.*, стр. 128—134.

⁵¹ В отношении Танкеевского могильника можем утверждать лишь предположительно до полной публикации материала.

На настоящем этапе изучения вопроса нам кажется наиболее вероятным связывать лицевые пластинки, найденные в погребениях древних венгров, с территорией Среднего Поволжья. Венгры, жившие здесь до IX в., после их переселения на Дунай сохранили этот старый обряд захоронения⁵².

Однако мы должны обратить внимание на одну деталь: имеется разница между пластинками в Венгрии и на территории Волго-Камья. Венгерские лицевые пластины четырехугольные, гладкие, без вырезов, тогда как поволжские и прикамские все с вырезом. Кроме того, в Венгрии нет очкообразных наглазников, а на месте глаз лежат четырехугольные пластины, а также не найдены целые маски. На территории Волго-Камья, как мне известно, не найдены бляшки и пуговицы, пришитые на кожаную или матерчатую маску на месте глаз, рта и носа, как это отмечено в венгерских погребениях Пилинь, Вид (см. рис. 1) и Башхалом. В этом отношении ближайшие аналоги мы находим в этнографии обских угров. Наверное, в некоторых венгерских погребениях мы вправе предполагать обычной класть бляху на тело покойного напротив того места, где находится сердце, бытовавший у обских угров⁵³: в погребении 10 Башхалома II у локтя левой руки была найдена серебряная бляха из такой же пластины, как лицевые. Найдены остатки серебряной бляхи и на груди покойника в погребении 3 в д. Поградко-вежд⁵⁴. Однако этот вопрос еще нельзя считать решенным. Общим для этих двух областей являются: употребление подкладки из кожи или ткани⁵⁵, пластины в большинстве случаев изготовлены из серебра⁵⁶ и то, что они встречаются, как правило, в богатых мужских погребениях.

Несмотря на отмеченные различия, мы можем уверенно предполагать, что идеи, положенные в основу употребления масок, были одинаковы у венгров, обских угров и народов Волго-Камья, кроме того, как мы видели, и многие детали обряда были одинаковы. Это говорит о том, что данное идеологическое представление в VIII—X вв., отраженное в погребальном обряде употреблением погребальной маски, господствовало у народов Волго-Камья, а после переселения венгров и в Карпатском бассейне. Этническая принадлежность этих народов была различная. Сюда входили финно-угры (родановская культура, венгры), аланы (Левашовка) и, может быть, тюрки или болгары (Танкеевка)⁵⁷. Все же основное ядро этого кру-

⁵² Распространение лицевых пластин у древних венгров в IX—X вв. подтверждает также теорию Д. Немета, установившего на основе племенных названий (у башкир мы находим названия шести венгерских племен), что венгры в первом тысячелетии н. э. жили на территории Башкирии (*Németh Gy. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren. ALN, 16, 1966, стр. 1—21.*

⁵³ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 144.

⁵⁴ Р. Patay. Указ. соч., стр. 58.

⁵⁵ Обряд закрытия лица покойного материей сохранился не только у обских угров, но и у потомков родановцев, у коми-пермяков (В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958, стр. 327).

⁵⁶ Может быть, это связано с существованием у этих народов культа серебра (А. Bartha. A IX—X századi magyar társadalom. Budapest, 1968, стр. 176—177).

⁵⁷ Маски до публикации раскопок были найдены в погребениях первой группы, этническую принадлежность которой авторы определяют как тюркоязычную, но не болгарскую (В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 72—85).

га составляли народы финно-угорского происхождения. Следует иметь в виду большое сходство этого обряда с обрядом обских угров и то, что венгерские маски стоят особенно близко к маскам обских угров.

В итоге следует сказать, что этот обычай связывает древних венгров с народами Среднего Поволжья, Верхнего Прикамья и Зауралья. И поскольку этими народами были в первую очередь финно-угры (эти маски отмечены в богатых венгерских погребениях), то это противоречит мнению тех исследователей, которые считают, что вся богатая, руководящая верхушка венгров X в. была тюркского происхождения. На вопрос, когда у них возник этот обычай, трудно ответить. Во всяком случае археологический материал дает основание считать, что этот обычай бытовал как на территории Волго-Камья, так и у венгров в VIII—X вв. Несмотря на вышеуказанное большое сходство этого обряда у венгров и у обских угров, данные археологии не позволяют нам предполагать, что он возник еще во время угорской общности⁵⁸, то есть до середины I тысячелетия до н. э.⁵⁹

Многие вопросы, связанные с данным обрядом древних венгров, ждут своего дальнейшего решения. Основным условием для этого является тщательное наблюдение каждой детали при раскопках погребений X в.⁶⁰

---

⁵⁸ I. Dienes. Honfoglalóink halotti szokásainak egyik ugorkori eleméről, стр. 110.

⁵⁹ P. Hajdu. Bevezetés az uráli nyelvtudományba. Budapest, 1966, стр. 14.

⁶⁰ Уже после окончания рукописи я ознакомился с содержательной статьей Е. П. Казакова (Е. П. Казаков. О значении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника. Об одном элементе погребального обряда. «Ученые записки ПГУ», № 191. Пермь, 1968, стр. 230—239), в которой автор приводит новые, точные данные о масках Танкеевского могильника и также о некоторых, неизвестных мне местонахождениях таких лицевых покрытий в Прикамье. Здесь приведены также на стр. 232 и 233 рисунки всех известных форм лицевых покрытий. Выражаю благодарность автору за высланную мне статью.

сновные принципы обрядов погребений у народа сохраняются на протяжении столетий, несмотря на изменения религий¹. Поэтому нужно обращать внимание на исследование обрядов погребения и мифологию.

Венгры до завоевания родины три раза попадали под влияние тюрков. В уральский период (до расселения финно-угорских и самоедских народов) все группы финно-угорских народов поддерживали связь с одним из древних тюркских племен². Самое значительное влияние на венгров оказали болгары. Подавляющее большинство заимствований венгерского языка до завоевания родины болгаро-тюркского происхождения свидетельствует о знании земледелия и разведении крупного рогатого скота и показывает дифференциацию явлений общественной жизни³. Значение этого запаса слов так велико, что на этой основе некоторые ученые предполагали, что венгры, завоевавшие родину, по существу являются тюрками, овладевшими финно-угорским языком⁴. Хотя несостоятельность этой теории доказана⁵, нельзя отрицать значительное влияние болгаро-тюрков на образ жизни венгров. Третья тюркская волна пришла перед самым завоеванием родины, когда так называемые кабарские народные группы, восставшие против хазарского господства, присоединились к венграм (см.: *Константин Багрянородный*. Об управлении государством, § 39).

Венгры IX—XI вв. современные им источники представляют как народ тюркского облика⁶. Как известно, для всех кочевых народов характерно убеждение, что при погребении нужно послать на тот свет и коня умершего. Какое отношение имеет к исторической картине вопрос о погребении

¹ Gy. László. Ösvallásunk nyomai egy számosháti kocsistörténetben. Kolozsvár, 1945, стр. 1—2 (в дальнейшем: *Ласло*, 1945).

P. Hajdu. Der gegenwärtige Stand der finnougri-schen Urheimatforschung. UAJb, 40 (в печати).

³ Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912.

Напр., I. Zichy. Magyar őstörténet. Budapest, 1939.

L. Ligeti. Az uráli magyar őshaza. In: A magyarság őstörténete szerk. Budapest, 1943, стр. 32—33; Gy. László. Östörténetünk legkorábbi szakanszai. Budapest, 1961 (далее: *Ласло*, 1961).

⁶ Византийцы, арабы, например Масуди. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica. Berlin, 1958, I, 261.

бении с конем венгров, завоевавших родину? ⁷ Форма погребения с конем венгров, завоевавших родину, долго служила основой спора: целиком ли клали венгры коня рядом с умершим или только отдельные его части? Д. Ласло в своих итоговых работах разрешил эту проблему ⁸. В венгерских могилах находятся исключительно только частичные погребения коня (череп и 4 фаланги с копытами). Потом Д. Ласло пишет: «...классификацию погребения с конем времен завоевания родины можно построить в зависимости от того, что коня положили около хозяина в виде чучела и со сбруей или же шкуру с черепом и ногами без набивки» ⁹.

Кроме этих двух главных групп погребения с конем, сюда явно относятся и могилы с конскими сбруями, в которые, может быть, только в качестве символов попали седло и повод ¹⁰. Их хозяин, бесспорно, был всадником, жизнь которого была связана с конем, но родственники из-за экономических ¹¹ или других причин не пожертвовали им при погребении.

Помимо вышеуказанного мы наблюдали еще два вида, хотя они имеют не такое большое значение. Таким образом, в погребении с конем времен завоевания родины мы различаем пять групп.

I группа (погребения со сбруей — по данным, собранным нами, сюда относится 101 могила).

В этих могилах не нашлись кости коня, но снаряжения лошадей, найденные около умерших, свидетельствуют о кочевом образе жизни. Стремена (т. е. седло) находили поблизости от человеческих ног почти во всех погребениях с конем. Только в нескольких могилах нашли их у головы человека (рис. 1, 3) — этих умерших похоронили по обычаям степных пастухов, которые по ночам кладут голову на седло. Сбруя с бляхами, — которые могли принадлежать только богатым, — и удила в этих могилах находятся тоже поблизости от седла. Посмотрим описание такой могилы.

Погребение «В» Коронцо-Бабота (обл. Дьёр-Шопрон). Сбруя лежала на 30-сантиметровой «скамеечке» у ног женского скелета (рис. 1, 1). Среди деревянных остатков седла нашли стремяна, удила с псалиями и подпряжку. (По расположению бляхи на сбруе Д. Ласло реконструировал структуру сбруи у венгров времен завоевания родины). По левую сторону от человеческого черепа лежали серьги. По правую сторону грудной клетки нашли 4 бронзовых бубенчика и ожерелье из 102 бусин. На левом предплечье нашли серебряный браслет, около тазовой

⁷ Cs. Bálint. A honfoglaláskori lovastemetkezések. Budapest, 1968, Рукопись.

⁸ Gy. László. Der Fund von Koroncó und die ungarische Sattel. AN, XVII, 1943 (в дальнейшем: Ласло, 1943); он же. A magyar táltos alakjáról. Ethn, 1959, стр. 446—449 (в дальнейшем: Ласло, 1959).

⁹ Ласло, 1943, стр. 147—149.

¹⁰ Д. Ласло предполагает на основе восточных параллелей, что в таком случае клали в могилу только фигуру коня, вырезанную из коры березы, см.: Ласло, 1959, стр. 448.

¹¹ K. Bakay. Archaeologische Studien zur Frage der ungarischen Staatsgründung. AAN, 19, 1967, стр. 149—150.

кости железный нож, а на ступнях наблюдали расположение бронзовых чеканок нарядной обуви ¹².

II группа («погребения со шкурой коня, положенной к ногам», — 136 могил). В могилах этой группы лошадиные кости находятся поблизости от человеческой ступни (рис. 1, 2). Передняя часть лошадиного черепа всегда обращена в сторону головы умершего, а фаланги находятся всегда под головой коня, тесно друг к другу.

Лошадиные кости в могилах времен завоевания родины в большинстве случаев расположены по левую сторону от человеческого скелета. Немногочисленные погребения с конем с правой стороны могилы — подобные аварским могилам ¹³ — связаны предположительно с тем, что умерший был левшой (т. е. с какой стороны всадник садился на коня).

Наблюдали также, что лошадиные кости очень часто находятся в более высоких слоях земли, чем человеческие. Это объясняется, по всей вероятности, тем, что содранную шкуру коня (в которой оставили череп и фаланги) положили на ноги умершего, и так массу земли, находящуюся между человеческими и лошадиными костями, когда-то заменяла масса лошадиной кожи ¹⁴. Для демонстрации этого обряда посмотрим следующее погребение.

Хайдубёсёрмень-Вид (обл. Хайду-Бихар). У крайней стороны левой ступни мужского скелета лежали лошадиные кости. Череп коня лежал на тесно сложенных фалангах. На правой стороне человеческого черепа нашли серьги; у глазных впадин и на зубах золотые пластины. На левом плече был железный нож, а на левых ручных костях лежала сабля, направленная острием к ступням. 3 наконечника стрелы были у тазовой кости, острием к черепу; там же один в обратном направлении. Другой наконечник стрелы лежал на правом колене, острием наружу. Шестой наконечник стрелы нашли под правыми ребрами, он острием коснулся позвонка (следовательно, стрелы — иногда сломанные — лежали около умершего не в колчане). Сбруя нашлась поблизости от лошадиных костей: стремяна по обе стороны лошадиного черепа (т. е. седло при погребении клали на лошадиную голову), а удила были у затылка коня. Подпругу нашли у внутренней части левой фаланги. На лошадином черепе нашли еще и две бляхи; они, вероятно, вместо нарядной сбруи служили более простым украшением ¹⁵.

В расположении лошадиных костей в рамках уже рассказанной основной формы, конечно, находим почти у всех могил разные варианты. В расположении фаланги лошадей часто следовали геометрическому порядку, примером этого служит рисунок могилы 2 ¹⁶, найденной у хутора Надь г. Орошхазы.

¹² Ласло, 1943, стр. 109—113.

¹³ А. Киши. Исследования ритуала погребений с конем аварского времени. «Janus Pannonius Muzeum Evkönyve», 1962, стр. 161 (резюме).

¹⁴ К выяснению вопроса очень важные данные дал химический анализ почвы погребения с конем, раскрытой мною.

¹⁵ Н. Fekete P. Vid középkori falu története régészeti leletei. Hajduböszörmény, 1959, стр. 14—17.

¹⁶ I. Dienes. Nonfoglaló magyarok. In: Orosháza története, szerk. Nagy Gy. Orosháza, 1965, стр. 142.

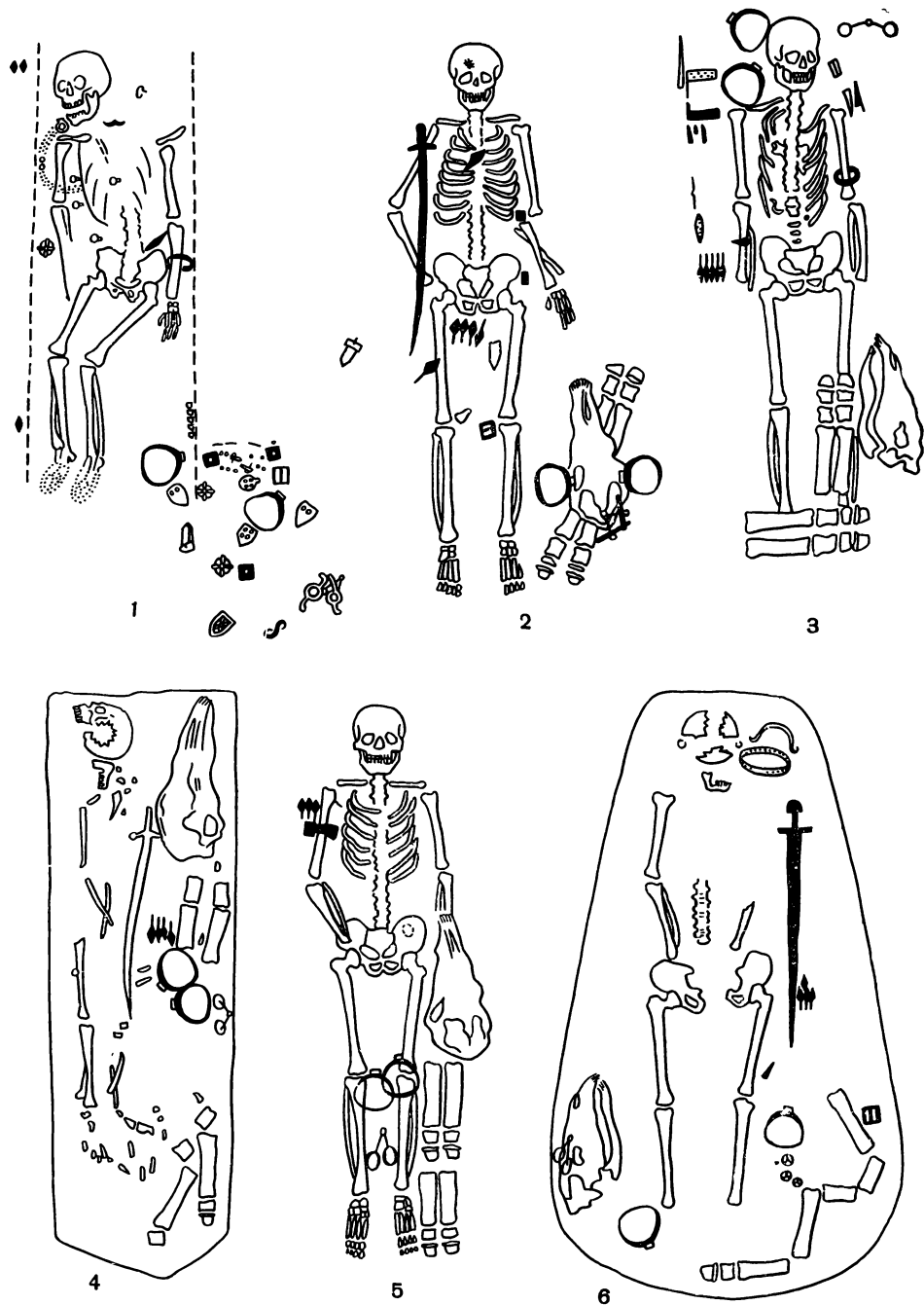

Рис. 1. Виды погребений

III группа («погребения с набивными лошадиными шкурами» — 32 могилы).

У этой группы лошадиные кости находятся не в одной куче, а вдоль могилы в анатомическом порядке, всегда так, что череп лошади находится около человеческой головы (рис. 1, 4). При исследовании обрядов погребения, распространенных у восточных кочевых народов, было определено, что они в могилы клали шкуру лошади, набитую соломой, в нее клали еще и отдельные части главных органов (сердца, печени и т. д.). Набитой таким образом шкурой предполагалось создать вид живого животного, дальнейшую «жизнь» которого «обеспечивали» защитные органы. Цели имитации жизни служило и расположение сбруи: стремяна археологи находят всегда между фаланг поблизости от спины лошади, — следовательно, при погребении седло клали на спину набитой лошадиной шкуры. Удила также в большинстве случаев находятся в зубах лошади — т. е. набитую шкуру коня снаряжали сбруей. Таким образом, по их представлениям, не было преград, чтобы убитая на тризну лошадь служила своему хозяину и на том свете¹⁷. Все это означает и то, что форма обряда III по своему назначению коренным образом отличается от II группы. Рассмотрим одно такое погребение — в г. Коложваре, на улице Запоя, дом 10 (Cluj, Румыния).

Лошадиные кости лежали по левую сторону человеческого скелета, выше дна могилы (могила была нарушена грызунами). Череп коня находился на уровне человеческого черепа, а фаланги в анатомическом порядке лежали в другом конце могилы.

Стремяна находились между фалангами, а удила у головы коня. По левую сторону от человеческого скелета нашли колчан, в нем 7 наконечников, на костях левой руки лежала сабля, направленная наконечником в сторону ступни¹⁸.

IV группа («погребения со сложенной шкурой лошади» — 19 могил). В могилах этой группы череп лошади находится около тазовых костей или бедра, а 4 фаланги тянутся к концу могилы параллельно с человеческими ногами (рис. 1, 5). Две задние фаланги лошади в большинстве случаев совпадают с положением человеческих ступней. Этот способ погребения явно отличается от погребения собранных в одну кучу лошадиных костей (II группа), и, конечно, нельзя считать его подобным варианту погребения «с набивной лошадиной шкурой» (III группа). В действительности масса лошадиной шкуры расположена таким образом в могиле, что издали могла напоминать лошадь, лежащую на поджатых ногах. Такое погребение открыли, например, в Тисаберцеле.

Погребение 10. Погребение в Тисаберцеле-Рацтеметё. Череп коня лежал около тазовой кости на левой стороне скелета, а фаланги лошади лежали вдоль могилы в восточном направлении. Седло положили на колена умершего, так как стремяна нашли между костями колен; мундштучные удила между двумя щиколотками; подпруга была над костями

¹⁷ Ласло, 1943, стр. 148; Ласло, 1945

¹⁸ Ласло, 1945, стр. 7.

правого колена, на бедре. Топор нашли на нижней части правого плеча, около него 3 наконечника стрел. На тазе был железный нож, а под ним предмет неизвестного назначения¹⁹.

У группа («погребения с разостланной шкурой лошади»). Сюда можно отнести всего 8 могил; ценность наших наблюдений снижается тем, что мы могли опираться только на 4 рисунка могилы. Поэтому самостоятельность группы еще не выяснена. В обсуждаемых случаях череп коня лежит около ступни человека, а фаланги тянутся перед ступнями; нашли их в беспорядке, разбросанными в конце могилы. Кажется, в этих случаях шкуру коня клали на ноги умершего таким образом, что голова коня попадала около щиколотки (рис. 1, б).

Погребение 61 в Комаромсентпетер-Кишпет (Dolný Peter, Чехословакия). Череп коня лежал на внешней стороне левой щиколотки, а передние и задние фаланги лошади друг за другом следовали до левой стороны могилы. С высоты кости левого плеча до кости правого бедра лежал обоюдоострый меч западного типа, а около него 4 наконечника стрел, положенные, наверно, в железный колчан. Около головы умершего положили ведро с железными бляхами, а на обеих сторонах черепа нашли бронзовые серьги. На черепе коня были удила, а между лошадиными и человеческими фалангами были стремяна и там же нашлись разделяющие кольца ремни. К левому колену умершего положили два железных ножа²⁰.

После рассмотрения разных типов венгерских обрядов погребения с конем по их общему и частному изучению можно получить очень важные сведения об общественных и этнических вопросах истории венгров, завоевавших родину.

Рассматривая обряды погребения (формы могилы, ориентировка и т. д.) или инвентарь могил, можно убедиться в том, что погребения с конем нельзя связывать лишь с определенным этносом²¹. Они характерны для определенных общественных слоев данного народа. Следовательно, с изучением их общественного положения можно представить себе социальную структуру всего общества. У чьих могил венгры приносили в жертву коней?

До сих пор вскрыто около 2500 могил IX—X вв. и из них примерно 400 были с конем. Обряд погребения с конем имеется — в небольшом количестве — и в могилах женщин и детей; их жизнь, вероятно, не была связана непосредственно с конем. Следовательно, погребение с конем в обществе венгров, завоевавших родину, означало определенное общественное положение.

Для приблизительного определения этого положения мы передали вычисление данных о 1479 могилах времени завоевания родины электрон-

¹⁹ Благодарю Д. Чаллань, что он передал в мое распоряжение свои материалы.

²⁰ M. Dušek, Kostrové pohrebisko z X storočia v Dolnom Petri II. «Studijné zvesti AU SAV», 14, 1964, стр. 207—208.

Поэтому ошибочны, например, методы оценки кладбища в Саркел. См.: С. А. Плетнева. Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи. МИА, № 109, 1963, стр. 237. Разбор могильника мы сделаем в последующих работах.

по-вычислительной машине типа Минск-22²². Можно полагать, что венгерское общество IX—X вв. действительно разделялось на две части: господствующую и простонародную. В венгерском языке это отмечали словами «bő — ség» и «in — ség», в тюркском «bej» и «äwin»²³. Господствующий слой, по моим вычислениям, составлял примерно одну пятую часть всего населения. Погребения с конем были достойны выдающиеся мужчины и члены их семей. Третью часть могил с конем можно причислить к правящему слою, где в знатных семьях этот обряд соблюдался и в отношении женщин и детей. Остальные две трети можно причислить к воинам венгерского общества.

После общих положений об общественных отношениях перейдем к краткому рассмотрению этнических вопросов.

При оценке пяти групп выяснилось, что они разделяются на две большие части: I—II и III—V группы. Первые два обряда равномерно распространились во всех областях страны и наблюдаются на всех могильниках времен завоевания родины. Формы обрядов I—II групп и с точки зрения хронологии показывают самое большое распространение с IX в. до начала XI в., пока не были запрещены христианской церковью. На так называемых рядовых кладбищах, на которых хоронили основную массу пришельцев-венгров, говоривших на угорском языке, можно наблюдать эти два обряда.

Иное дело III—V группы. С точки зрения географического распространения они кажутся менее значительными: их можно найти в большом количестве только в северо-восточной части Венгрии; на других территориях Карпатского района они встречаются редко. Хронологически можно определить, что народ, который хоронил по такому обряду с конем, к середине или к концу X в. потерял этническую самостоятельность и эти обряды погребения в большей части забылись. Те могилы, где можно наблюдать эти обряды, венгерские исследователи определяют как остатки правящего слоя тюркского происхождения (и отчасти кабарского)²⁴. На основе вышеуказанного мы сделали вывод, что погребения с конем I—II групп характерны для масс пришельцев-венгров, а III—V групп относятся к тюркскому народу, примкнувшему к венграм, но отличному по происхождению.

Вслед за Д. Ласло мы должны подчеркнуть, что по существу речь идет о вариантах двух форм (II и III группы). При рассмотрении погребений со сбруями (I группа) мы определили, что хотя эту форму обряда в малом количестве можно встретить на кладбищах раннего времени завоевания родины, широкое распространение ее произошло во второй половине и в конце X в. В ранний период образования венгерского государства произошел массовый упадок свободных бедных слоев, быстрое ухудшение их общественного положения. И наши кибернетические вычисления, относящиеся к структуре общества X в., в хронологическом

²² Результаты будут опубликованы в будущем.

²³ Gy. Györffy. A törzstől az orszáig, nemzetségtől a vármegyéig. Századok, 1958 (песне на французском языке).

²⁴ I. Dienes. Nonfoglaló magyarok. In: A kisvárdai vár története szerk. Éri. I. Kisvárdai, 1961, стр. 133—138.

отношении свидетельствуют о следующем: погребения со сбруями по сравнению с другими погребениями с конем означают более низкий общественный ранг. (Из таких мужчин образовался в обществе XI в. слой «miles» — служащих королю). При образовании форм IV и V групп мы предполагали, что они создались на основе смешивания двух основных форм (II и III групп) во время скрещивания народов. Нации с малочисленным населением, попадая в мир чужого вероисповедания, быстро могут потерять свою национальную самостоятельность. Потомки не во всем поняли отцов (суть погребения с набитой лошадиной шкурой), и они повторили лишь моменты расположения, без первоначального значения и цели. Они и так видели его сходным со старой формой, но в отдельных деталях погребения их памятью руководили формы обряда, наблюдаемые у соседних народов. Нашу гипотезу об образовании форм обрядов IV—V групп подтверждает небольшое количество могил, совпадение их во времени с III группой и что на кладбищах они находятся всегда вместе с другими формами обряда.

Наше предположение о двух основных формах погребения с конем у венгров, завоевавших родину, доказывают археологические находки раннего средневековья на прежних кочевьях. Среди погребений с конем Южной России VI—XI вв. параллели находим только ко II—III группам.

В первой трети нашего века в венгерской литературе высказывалось мнение, что венгры уже в угорском периоде (т. е. до расселения предков венгров и мансов и хантов) познакомились с разведением лошадей и только позже, под влиянием какого-нибудь тюркского народа начали экономическое и боевое применение коня²⁵. Исследования теперь доказывают уже самостоятельное разведение коня в угорский период²⁶. Венгерский язык имеет всего 8—10 слов тюркского происхождения, относящихся к кругу, разведения лошадей: «nyargal» — скачет, «bék-lűb», — кандалы, «csökönyös» — упрямый, «hurok» — петля, «bélyeg» — тавро, «kantár» — повод, «csöbdör» — жеребец, «árkanu» и, может быть, «ló» — лошадь, «nyereg» — седло²⁷. Общеизвестно, что у тюркских народов деятельность, связанная с конем, имеет неслыханно богатый запас слов, а это значит, что они не могли оказать значительное влияние на конный образ жизни древних венгров. Болгаро-тюрки, оказавшие самое значительное влияние на венгерский язык, ознакомили наших предков в первую очередь со словами, относящимися к разведению крупного рогатого скота. Следовательно, в конной терминологии венгерского языка значительного тюркского влияния нет, и венгры угорского периода начинали применение коня путем автохтонного развития; поэтому, вероятно, культ коня у венгров и вместе с ним и погребения с конем тоже развились самостоятельно.

²⁵ G. Mészöly. Mióta lovas nép a magyar? Népünk és Nyelvünk, I, 1929, стр. 205—209; Zs. Bátky. (рецензия). Néprajzi Értesítő, XXI, 1929, стр. 119—121.

²⁶ P. Hajdu. A magyarság kialakulásának előzményei. Budapest, 1953, стр. 50.

²⁷ B. Munkácsi. A magyar lovasélet ősisége. Ethn, 1931, стр. 12—19 (резюме на немецком языке).

Выше уже было сказано, что, по нашему предположению, формы обряда II группы, составляющие приблизительно половину погребений с конем времени завоевания родины, типично венгерского происхождения.

Могилы с обрядами погребения «с набитой шкурой коня» в советской специальной литературе считаются печенежскими или тюркскими²⁸. Так как между венгерскими племенами и тюрками в IX в. не было непосредственных связей, при определении обряда погребения в Венгрии мы должны сделать вывод об его печенежском происхождении. Хотя вызывает удивление предположение о присутствии печенегов в венгерском союзе племен, так как после 889 г. они стали страшными врагами венгров, это положение подтверждают данные источников. На основе одной главы кэмбриджского Анонима²⁹ мне удалось выявить, что во время кабарского восстания печенежские племена могли присоединиться к венграм. Эти племена перешли Волгу приблизительно в 840 г. и вместе с венграми принимали участие в кабарском восстании 863—867 гг.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПЕРЕЧЕНЬ ПОГРЕБЕНИЙ С КОНЯМИ У ВЕНГРОВ в IX—X вв.

1, Г-2	Апорка, погр. 1. АЕ, 1946—1948, 386—387.
2—4, Д-5	Батайница, погр. 8, 51, 95 (Югославия). D. Dimitriević — устное сообщение.
5, З—1	Бодрогсердакей — Балваньдомб, погр. 3 (Чехословакия). Jóna Andráš Muzeum Eükönyve, 1961—1962, 20—24.
6, Г-2	Еудапешт — Обуда, Чучхедь, погр. 2. Bud. Rég., XIII, 1943, 245—252.
7, Д-3	Чаньтелек — Дилитор, погр. 12. FA, III, IV, 1941, 246.
8, Д-3	Чонград — Венделхалом, погр. 17. FA, I—II, 1939, 189—195.
9—10, Д-3	Деск «А», погр. 2, 5. Сегедский музей, инв. № 53—43—98, 53, 114, 1—3.
11—12, Д-3	Деск «Д», погр. 16, 65. Сегедский музей, инв. № 53, 21, 8—10.
14, Д-2	Эгер — Сепассонсвельд, погр. 4. АЕ, 1899, 353.
15, В-2	Дёмёре — Фридрих — виноградник, погр. 4. АЕ, 1954, 128.
16—23, Д-3	Ходмезёвашархей — Копанч, погр. 3, 6, 8, 13, 19, 31, 43, 49. Dolg., 1943, 183—192.
24, Д-3	Ходмезёвашархей — Сакалхат, погр. 3. Dolg., 1936, 205—221.
25, Г-3	Яношхалма — Кишрата, погр. 1. Венгерский национальный музей, инв. № ТМ 19/1936.
26—29, З-1	Карош — Эперешсэг, погр. 1, 2, 11, 12. Венгерский национальный музей, архив, 5. К. И.
30—32, З-1	Кенезлё — Фазекашзуг, погр. 7, 34, 39. АЕ, 1914, 310—334, 6931, 80—102.

²⁸ С. А. Плетнева. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

²⁹ Л. П. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

- 33, Д-3 Кишзомбор «Б», погр. 217. Сегедский музей, инв. № 53, 5, 455—456.
 34, Д-3 Кишзомбор «Ц», погр. 6. Сегедский музей, 53, 6, 4—5.
 35, Д-3 Кишзомбор «Е», погр. 47. Сегедский музей, 53, 7, 30—40.
 36, Б-2 Коронцо — Бабота Б, погр. АН, XVII, 1943, 3—21.
 37, 38, Д-3 Кунсентмартон — Кёкенъзуг, Якшор, погр. 26, 40. Музей города Сентеш.
 39, З-2 Мадьярхормог — Конядомб. И. Диенеш — устное сообщение.
 40, Д-3 Надьчанад — Буковапуста IV, погр. 17 (Румыния). АЕ, 1907, 274—275.
 41—43, Г-2 Надьтарча, погр. 1, 6, 7. Л. Ковач — письменное сообщение.
 44, 45, Г-2 Рад — Кишхедь, погр. 11. XIII. АЕ, 1957, 60—63.
 46, Д-3 Рёске — Надьсекшош, погр. 2. О. Трогмайер — устное сообщение.
 47—52, З-1 Шарошпатак — Бакшахомок, погр. 1, 2, 3, 4, 5. Венгерский национальный музей, инв. № ТМ, 59, 1, А, 8, А.
 53, З-3 Шикло, погр. 2, 7, 9, 10, 11, 12 (Румыния). Materiale și cercetării arheologice, VII, 1962, 705—711.
 54, 55, Г-1 Шонхартян — Мурархедь, погр. 3, 4. Венгерский национальный музей, инв. № ТМ 12/1936, 1—13.
 56, З-1 Сабольч — Вонгатоарт. Dolg., 1933—1934, 216.
 57—59, Д-3 Сегед — Маккошердэ, погр. 53, 64, 98. Сегедский музей, инв. № 53, 31, 138—141.
 60, Д-3 Сегвар — Оромдюлэ, погр. 1. Dolg., 1943, 180—181.
 61—66, В-2 Секешфехервар — Демкохедь, погр. 33, 34. Радиотелец. погр. «А», ул. Шаркерестури, погр. 2, ул. Тацц, погр. 1. «Alba Regia», 1966.
 67, Д-3 Сентеш — ст. Дерекедьхази, погр. 4. FA, I—II, 1939, 219.
 68, 69, Д-3 Сентеш — ул. Копшут, погр. 1. Музей города Сентеш.
 70—73, Д-3 Сентеш — Сентласло, погр. 7, 58, 72, 100. FA, III—IV, 1941, 233—244.
 74—80, Д-3 Сентеш — Борбашфёлд. Я. Сабо — письменное сообщение.
 81, 82, В-2 Сентпетер — Кишрет, погр. 60, 107 (Чехословакия). Studijné zvesti AU SAV, 1964, 194—218.
 83—89, Б-1 Серед — холмы Мачади, погр. 3/52, 2/53, 8/53, 2/55, 7/55, 12/55 (Чехословакия). «Catalogus» (Nitra), III, 1968.
 90, В-2 Соб — Кишердэ, погр. 21. Сообщение К. Бакаи.
 91, З-1 Тисаберцел — Дюфалапош, погр. 1. Dolg., 1937, 244—245.
 92—95, З-1 Тисаберцел — Уйшор, погр. 2, 3, 12, 36. Dolg., 1937, 240—246.
 96, 97, З-1 Тисаслар — Башхалом I, погр. «Ф» и 11. ААН, 1957, 245—273 и сообщение И. Диенеша.
 98, Д-3 Тисасигет — участок А. Молнара. Dolg., 1932, 256—264.
 99—106, З-2 Уйфехерто — Мицкепуста, погр. 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12. Muzeumi es Könyvtári Ért., 1914, 201—206.
 107, 108, В-2 Варпалота — площадь Калвария, погр. 1, 2. Сообщение М. Дакс.
 109, В-2 Веленце — Станция защиты растений, погр. 1. «Alba Regia», 1965, 226.
 110, Б-1 Верешвар, погр. 9 (Чехословакия). Arch. Rozhl., 1955, 485—494.
 111, Г-2; Виснек — Кечкехедь, погр. 35, 40. Венгерский национальный музей, инв. № ТМ 21/1935, 131—138, 21/1939, 153—160.
 112, В-2 Заласентгрот, погр. 2. «Göcseji Múzeum Évkönyve», 1965, 109—129.
 113, Б-3 Агчернё — Надьретидомб (Чехословакия). Arch. Rozhl., 1952, 485—487.
 114, И-1 Банкеси, погр. 27 (Чехословакия). «Catalogus» (Nitra), III, 1968.
 116, 117, Д-4 Батайница, погр. 13, 36 (Югославия). Устное сообщение D. Dimitrievića.
 118, В-2 Баторкеси — Папайто, погр. 5. Studijné zvesti AU SAV, 1964, 242—243.
 119, З-3 Бекеш — Павадзуг, погр. 45. «Móra, Ferenc Múzeum Évkönyve», 1960—1962, 9—30.
 120, И-1 Бергсас — Кишхедь, погр. 1 (СССР). АЕ, 1900, 398—402.
 121—127, Бихар — Шомйохедь, погр. 2, 3, 4, 5, 6, 78. АЕ, 1903, 405—412.
 З-2 — И-2

- 128, 3-1 Бодрогсердакей — Балваньдомб, погр. 2 (Чехословакия). «Jósa András Múzeum Evkönyve», 1961—1962, 20—24.
- 129, В-2 Чаквар — Рокахедь. «Вестник города Секешфехервара», 1936, 43.
- 130, 131, Д-3 Чаньтелек — Широходь, погр. 12, 16. Иssl. 1941, 170.
- 132, Д-3 Чонград — Венделхалом, погр. 26. FA, I—II, 1939, 189—195.
- 133, 3-2 Дебрецен — Байнокхалом. Письменное сообщение И. Шёреги.
- 134, Д-3 Деск «Д», погр. 26. Сегедский музей, инв. № 53, 21, 8—10.
- 135, Д-2 Девавана — Черепегетё. Венгерский национальный музей, архив, 24, 1.
- 136, Д-2 Дорманд — Ханипуста, письменное сообщение Я. Сабо.
- 137, В-3 Дунауварош. Устное сообщение И. Бона.
- 138, Д-2 Эгер — Репаштетё. «Egri Múzeum Evkönyve», 1964, 105—141.
- 139, Д-2 Эгер — Сепассоньёльд, виноградник Турчани. АЕ, 1899, 353.
- 140—142, И-1 Эперешке, погр. 2, 3, 5. Иssl. 1920—1922, 43—55.
- 143—146, Д-3 Гадорош, погр. 1, 2, 3, 4. АН, XXI, 102—103.
- 147, 3-3 Дьюлаваршанд, погр. 33 (Румыния). «Materiale si cercetarii...», 1956, 130.
- 148, 3-2 Хайдубёсёрмень — Вид. H. Fekete P. Vid középkori falu története, régészeti leletei. Hajduböszörmény, 1959, 14—17.
- 149, 3-2 Хайдудорог — Теметёхедь, погр. 1. Сообщение И. Шёреги.
- 150—152, 3-2 Хенцида — Сердекхалом, погр. 5, 10, 25. АН, XXI, 95—101.
- 153, Д-3 Ходмезёвашаркей — Надьситет, погр. «О». Архив, 207, X, III.
- 154, 155, Д-3 Ходмозёвашаркей — Сакалхат, погр. 19, 50. Gy. Györffy. A törzstől az orszáig, nemzetségtől a vármegyéig. Századok, 1958.
- 156, Г-3 Хомокмедь — Халом, погр. 3. Устное сообщение А. Ч. Шош.
- 157, ГД-3 Хоргош — участок И. Рёк. АЕ, 1894, 204.
- 158, Д-2 Яссентандраш — Яраштания, погр. 1. Яскулшаг, 1955, 40.
- 159, 3-1 Карош — Эперешёг, погр. 9. Венгерский национальный музей, архив, 5, К. И.
- 160, В-1 Серед — холмы Мачади, погр. 1/52 (Чехословакия). «Catalogus» (Nitra), III, 1968.
- 161—166, И-1 Тисабездед, погр. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 15.
- 167 Тисаеслар — Башхалом II. Устное сообщение И. Диенеша.
- 168, Д-2 Тисаенё — поселок Эпереш, погр. 3, 7. «Jászkúnság», 1967, 166—172.
- 169, Д-2 Тисанана. Устное сообщение И. Диенеша.
- 170, Г-2 Юлле — ул. Илона, погр. 14. Венгерский национальный музей, архив, 1, V, I.
- 171, Б-1 Верешвар, погр. 7 (Чехословакия). Arch. Rozhl., 1955, 489—494.
- 172, Д-2 Задьварекаш — Аваш, АЕ, 1957, 90.
- 173, Г-4 Зомбор — ул. Бездани (Югославия). «Bács — Bodrogi Történeti Társulat Evkönyve», 1903, 103.
- 174, Г-3 Кецел — тропинка Вадеи, погр. 2. АЕ, XXI, 105.
- 175, Г-3 Кечкемет — холм Цедилахазы IV, погр. 5. АЕ, 1896, 48—49.
- 176, Г-3 Кечкемет — ул. Будаи. Устное сообщение Л. Пап.
- 177—186, 3-1 Кенезлё, погр. 10, 11, 16, 28, 30, 35, 42, 44, 46, 47, 48, 49. АЕ, 1914, 310—334, 6931, 80—102.
- 187, Г-2 Кока. АЕ, 1906, 191—192.
- 188, Б-2 Коронцо — Уйтелеп. АЕ, 1954, 126—128.
- 189—191, 3-3 Кунагота, погр. 2, 3, 4. Иssl. 1926, 127—134.
- 192, Д-3 Кунсентмартон — Кёттёнь. Венгерский национальный музей, архив, 59, К. 11.
- 193, Д-3 Кюбекхаза — Уйшор, погр. 10. RF, XIII, 60.
- 194—197, 3-2 Мадыархоморог — Конядомб. И. Диенеш, устное сообщение.
- 198, Д-3 Марошлеле — кладбище, погр. 4, раскопки автора.
- 199, Д-4 Матейски — брод (Югославия). «Rad Vojvodanskih Muzeja», 1953, 114—116.
- 200, Д-2 Мезётур — Доханьош, АЕ, 1909, 263—269.
- 201, 202, Д-3 Надьчанад, холмы III, IV. АЕ, 1904, 419.
- 203, В-3 Надьдорог — Берегпуста. АЕ, 1902, 369.
- 204, Г-2 Надькёрёш — Фекетедюлё, погр. 2. АЕ, 1960, 177—181.

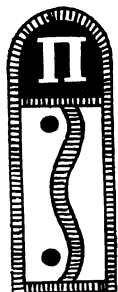
- 205, В-3 Надьлок — Эрдемайор. «Вестник города Секешфехервара», 1936, 44.
 206, 207, В-2 Насвад — Партокдюле, погр. 2, 3. FA, 1941, 214—230.
 208, В-2 Немешоча, погр. 7. Д. Паулер, М. Силади. Исторические источники истории венгерского завоевания. Будапешт, 1900, 672 (на венг. яз.).
 209 Пропущен.
 210, I-2 Ноградкёвешд, погр. 3. АЕ, 1957, 58.
 211—214, Д-3 Орошхаза — хутор Пустай, кооператив им. Дожа, погр. 2.
 215, Д-3 Орошхаза — Геллертедьхаза, погр. 57. Reg. Füz., 1957, 8.
 216, Д-3 Ечёд — Модьорощалом, погр. 1. АЕ, 1899, 44.
 217, В-2 Еттевень, ул. Ленина. «Аррабона», 1962, 9—14.
 218, Г-2 Рад — Кишхедь, погр. 1. АЕ, 1957, 60—63.
 219, 3-3 Шикло, погр. 1 (Румыния). «Materiale și cercetării arheologice», VIII, 1962, 705—711.
 220, Г-3 Шольтвадкерт — Шеймеш. Венгерский национальный музей, архив, 48. III. II.
 221, 3-3 Сабадкидьош — песчаный карьер Тангаздашаг, раскопки автора.
 222, Д-3 Сегед — Альшотаня, Фекетессел, погр. 2. Сегедский музей, инв. № 9/1902.
 223, 224, Д-3 Сегед — Боярхалом, погр. 1, 2. АЕ, 1891, 97—114.
 225, 226, Г-3 Сегед — Етхалом, погр. 9, 14. «Ежегодник музея Ф. Мора», 1968, 46—62.
 227, М-3 Сексйдерж (Румыния). «Székelység», 1933, 100—106.
 228, Д-3 Секкуташ — хутор Юхас, погр. 1. Венгерский национальный музей, архив, 242, С. IV.
 229, Д-3 Селевень — Меньассоньпарт. АЕ, 1893, 354.
 230—232, Д-3 Сентеш — Борбашфёлд. Я. Сабо, письменное сообщение.
 233, 234, Д-3 Сентеш — Сентгласло, погр. 6, 13, 60. FA, III—IV, 1941, 233—244.
 235, 3-2 Баконсег — хутор Надани. «Временник музея им. Дери», 1937, 24—26.
 236, Г-2 Будапешт — Пештлёринц. Архив, 1966, II, 11.
 237—239, В-2 Чорна — Шюйхедь, погр. 1, 2, 3. АЕ, 1895, 253—256.
 240, Д-3 Деск «Д», погр. 76. Сегедский музей, инв. № 53, 14, 135—145.
 241, Г-2 Домасек — хутор Ногради. АЕ, 1903, 268—272.
 242, Г-2 Гёделлё — Ерегхедь. АЕ, 1911, 181—182.
 244—247, 3-1 Кенезлё, погр. 26, 29, 31, 45.
 248, К-3 Коложвар — ул. Запойа, погр. 11 (Румыния).
 249, Г-2 Ладаньбене — Бенепуста. АН, XXI, 67—72.
 250, Г-1 Пилинь — Лешхедь, погр. 1. АК. АЕ, 1893, 16—24.
 251, Г-1 Пилинь — Ширманьхедь, погр. 61, АЕ, 1902, 235—236.
 252, В-3 Сабадбятян — тропинка Херешкерти. «Вестник города Секешфехервара», 1936, 44—46.
 253, Г-3 Сатьмаз — Есесек. Сегедский музей, 5/1935.
 254, В-2 Секешфехервар — Демкохедь, погр. 6. «Alba Regia», 1966.
 255, 256 В-1 Серед — холмы Мачади, погр. 5/54, 4/55 (Чехословакия). «Catalogus» (Nitra), III, 1968.
 257, И-1 Сойва (СССР). АЕ, 1870, 201—206.
 258, Д-2 Тарцал, погр. 4. АЕ, 1895, 75—76.
 259—265, 3-1 Тисаеслар — Башхалом. И, Б, Ц, Д, И, х, ф, х, погр. 23. ААН, 1957, 245—273.
 266, 267, 3-1 Тисаеслар — Уйтелеп, погр. 2, 4. Венгерский национальный музей, архив, 6/1948, 1—21.
 268, Д-2 Тисайенё — посёлок Эперйёши, погр. 3. «Jászkutság», 1967, 166—172.
 269, В-2 Вереб.
 270—272, 3-1 Ракамаз — берег Турочи. Устное сообщение И. Диенеша и Д. Чаллания.
 273, И-1 Реткёзберенч — Паромдомб, погр. 1. Устное сообщение Д. Чаллания.
 274, В-2 Бана — Ердёгаштахедь, устное сообщение А. Барта.
 275, В-1 Банкеси, погр. 28 (Чехословакия). «Catalogus» (Nitra), III, 1968.
 276, Д-2 Деваваня — земля Ф. Тимара. Венгерский национальный музей, архив, 24. И. Д.

- 277, 278, 3-1 Кенезлѣ, погр. 14, 50. АЕ, 1914, 310—334, 1931, 80—132.
 280, Д-3 Кишдобра — Лигахалом, погр. 8. АЕ, 1900, 54—56.
 281 Пропущен.
 282, К-2 Коложвар — ул. Запойя, погр. 6 (Румыния). «Вестник», 1942, 85—118.
 283, Д-3 Миндсент — Косорундюдѣ, погр. 2. FA, 1941, 186—189.
 284, Д-3 Офѣлдеак — ул. Мучеников, раскопки автора.
 285, Д-3 Орошхаза — хутор Пустай, погр. 1.
 286, И-1 Роткѣзберенч — Паромдомб, погр. 2. Устное сообщение Д. Чалланы.
 287, А-2 Саконь, устное сообщение И. Диенеша.
 288, Д-3 Сентеш — ст. Дерекедьхази, погр. 2. FA, 1941, 186—189.
 289, 290, Д-3 Сентеш — Надьхедь, погр. «А», «Б», АЕ, 1905, 40.
 292, 293 Серед — холмы, погр. 15/53 (Чехословакия). «Catalogus» (Nitra), III, 1968.
 294, Д-1 Сярмашеньѣ — аэропорт, погр. 1. «Вестник муз. О. Херман», 1956, 1—8.
 295, 3-2 Тисабержел — Рацтеметѣ, погр. 10. Dolg., 1943, 183—192.
 296, И-1 Тисабездед, погр. 6.
 297, 3-2 Тисаеслар — Башхалом, погр. 1 «Д». ААН, 1957, 245—273.
 298—300, 3-2 Тисаеслар — Башхалом II. Устное сообщение И. Диепеша.
 301, 3-1 Земплен — Селмаломдомб (Чехословакия). Arch. Rozhl., 1965, 309—338.
 302, 303, 3-1 Кенезлѣ, погр. 12, 18. АЕ, 1914, 310—334, 1931, 80—102.
 304, 305, 3-1 Кишдобра — Лигахалом, погр. 5, 7. АЕ, 1900, 54—56.
 306, 307, 3-1 Шарошпатак — Бакшахомок II, погр. 8, 10. Сообщение Н. Калица.
 308, В-2 Сентпетер — Кишрет, погр. 61 (Чехослования).
 309, К-3 Коложвар — ул. Запойя, погр. 1 (Румыния). «Вестник», 1942, 85—118.

СЛАВЯНО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В IX В. И ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО ДОНА

А. Н. МОСКАЛЕНКО (Воронеж)

Проблема славяно-венгерских отношений в IX в. интересовала исследователей, занимавшихся как историей венгров, так и историей славян.

Одной из первых капитальных работ в России по истории венгров, где рассматривался и интересующий нас период, была монография К. Я. Грота, которая вышла в свет во второй половине XIX в.¹ Вскоре после опубликования книги К. Я. Грота на страницах журнала «Известия Русского географического общества» разгорелась дискуссия между Н. Я. Данилевским и К. Я. Гротом по вопросу о пути венгров с Урала в Леведию².

В начале XX в. очень большую работу по изучению венгерских древностей, с учетом и материалов нашей страны, провел венгерский ученый Й. Хампель. Им было издано два исследования с большим числом иллюстраций³. Сводка материала, сделанная Й. Хампелем, не потеряла своего значения и в наши дни.

В 30-е годы выходит ряд исследований по истории венгров, где рассматривается и вопрос об их пребывании в Восточной Европе. Мы имеем в виду статью Г. Ильинского о Леведии⁴, работу А. Захарова и В. Арндта об археологических данных по истории венгров IX в.⁵, которая подверглась справедливой критике в нашей печати⁶, статью В. А. Пархоменко о пути из Хазарии в Венгрию⁷.

Важным событием в изучении интересующего нас вопроса венгерскими историками является выход в свет монографии Э. Мольнара и ста-

¹ К. Я. Грот. Моравия и мадьяры с половины IX до X века. СПб., 1881.

² «О пути мадьяр с Урала в Лебедию». Заметки Н. Я. Данилевского и К. Я. Грота. «Известия Русского географического общества», 1883, т. 19, вып. 3.

³ J. Hampel. Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn, Bd. I—III. Braunschweig, 1905; он же. Ujabb tanulmányok a honfoglalásikor emlékeiről. Budapest, 1907.

⁴ Г. Ильинский. Лебедия Константина Багрянородного. «Byzantinoslavica», 1930, т. II. Praha.

⁵ A. Zakharov, W. Arendt. Studia Levedica archeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. «Archaeologia Hungarica», Bd. 16 (1934).

⁶ М. Артамонов, ред.: A. Zakharov und W. Arendt. Studia Levedica. Archeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX Jh. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 243 сл.; Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА. XXIII, 1955.

⁷ В. А. Пархоменко. Путь из хазар в угры. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 5. Тбилиси, 1937.

тии И. Перени. Э. Мольнар рассматривает проблему этногенеза венгров и развитие у них социально-экономических отношений на раннем этапе истории⁸. В статье И. Перени на основании имеющихся в распоряжении автора источников анализируются венгеро-славянские отношения преимущественно IX в.⁹ Серьезный вклад в разработку проблемы пребывания венгров в Леведии внесла кандидатская диссертация венгерского исследователя И. Эрдели¹⁰. И. Эрдели поставил перед собой задачу отыскать корни материальной культуры древних венгров IX—X вв., переселившихся на территорию Среднедунайской низменности из восточноевропейских степей. Он исследовал не только старые материалы, но привлек также данные раскопок последних лет.

Советские исследователи в наши дни также проявляют интерес к проблеме славяно-венгерских отношений. Этой теме посвящены специальные статьи, ее касаются попутно в отдельных монографических исследованиях по истории СССР. Особо следует отметить статью В. П. Шушарина о русско-венгерских отношениях IX в., которая основана на серьезном анализе письменных источников¹¹. Интересующие нас вопросы затрагиваются и в работе М. А. Павлушковой¹². Проблемы пребывания венгров в IX в. на территории СССР и их взаимоотношения со славянами рассматриваются В. В. Мавродиным в исследовании об образовании Древнерусского государства¹³, М. И. Артамоновым в монографии по истории хазар¹⁴, Н. Я. Мерпертом и С. А. Плетневой в соответствующих главах многотомной истории СССР¹⁵.

Таким образом, проблема славяно-венгерских отношений в IX в. находится в поле зрения исследователей почти в течение ста лет¹⁶. Историками выяснялись различные аспекты этих отношений. К сожалению из-за скудости источников многие вопросы славяно-венгерских отношений и по сей день остаются дискуссионными.

Древней родиной венгров было Южное Приуралье, которое в средние века носило название Великой Венгрии. Именно из этого района,

---

⁸ Э. Мольнар. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. «Studia Historica. Academiae scientiarum Hungaricae», 13. Budapest, 1955.

⁹ И. Перени. Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами. «Studia Slavica», t. II. Budapest, 1956.

¹⁰ И. Эрдели. Венгры в Леведии. Материальная культура венгров IX—X вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1959. Текст диссертации хранится в Ленинской библиотеке. Ниже ссылки будут делаться по тексту диссертации. См. также: И. Эрдели. Большая Венгрия. «Acta Archaeologica. Academiae scientiarum Hungariae», 13. Budapest, 1961.

¹¹ В. П. Шушарин. Русско-венгерские отношения в IX в. Сб. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961.

¹² М. П. Павлушкова. Русско-венгерские отношения до начала XIII в. «История СССР», 1959, № 6.

¹³ В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 191—192.

¹⁴ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 337 и сл.

¹⁵ «Очерки истории СССР». Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР в III—IX вв. М., 1958, стр. 647 и сл.; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. I. М., 1966, стр. 438 и сл.

¹⁶ Мы перечислили лишь те работы, которые для нашей темы имеют наибольшее значение.

по мнению большинства исследователей, примерно в VI—VII вв.¹⁷ началось движение венгерских отрядов на запад. Каков был их путь, где была их страна Леведия¹⁸, о которой сообщает Константин Багрянородный, в каких взаимоотношениях находились венгры со славянами,— таков основной круг вопросов, который мы рассмотрим ниже.

На вопрос о том, где проходил путь венгров на запад, источники определенного ответа не дают. Тем не менее исследователи все же пытаются как-то восстановить маршрут их движения.

По существу вырисовываются две точки зрения. Одна сводится к тому, что венгры двигались через Волгу на Оку и далее в Леведию. Сторонники другой точки зрения полагают, что венгры переправились через Волгу где-то в среднем ее течении, а через Дон в районе Медведицы и Хопра, иначе говоря, их путь проходил по степям.

Наиболее обстоятельно первая точка зрения отражена в работе К. Я. Грота, который полагал, что венгры двигались через Волгу и Каму, на Оку, а затем к верховьям Дона. По пути венгры делали остановки. Одной из таких остановок, возможно, была река Угра¹⁹. Почти такой же путь венгров намечает и Э. Моор. По его мнению, первоначально венгры шли в сторону Казани и далее вдоль Волги до впадения в нее Оки. Здесь они переправлялись через Волгу и далее двигались вдоль течения Оки²⁰.

Иную точку зрения высказали Н. Я. Данилевский и Й. Перени. Н. Я. Данилевский, в противоположность К. Я. Гроту, с которым он polemизировал, считал, что венгры из своей прародины переселились в Башкирию, а оттуда, теснимые печенегами, с разрешения хазар, переправились через Волгу в районе г. Саратова и через Дон в районе рек Медведицы и Хопра. Уже отсюда кочевники-мадьяры переселились в Леведию²¹. Й. Перени высказывает предположение, что в VI—VII вв. венгры жили к северу от Волгограда. Позже, когда в конце VII в. дунайские болгары ушли с побережья Черного моря, причерноморские степи оказались по существу незаселенными и тогда отдельные племена венгров переправились через Дон и начали двигаться на запад²².

Не менее спорным вопросом является и вопрос о том, где находилась Леведия. Для его решения авторы, кроме сочинения Константина Багрянородного, используют также сведения арабских и персидских авторов, венгерские источники, данные топонимики и археологические мате-

---

¹⁷ Мы не рассматриваем здесь мнение тех исследователей, которые говорят о «кавказской прародине венгров». Их мнение не подтверждается источниками. Подробнее см.: В. П. Шушарин. Указ. соч., стр. 133.

¹⁸ Существует мнение, что правильное было бы называть страну венгров не Леведия, а Лебедия. Поскольку среди специалистов по истории венгров на этот счет до сих пор нет единого мнения, то мы пользуемся той транскрипцией этого слова, которая дается в публикации на русском языке сочинения Константина Багрянородного «Об управлении государством». ИГАИМК, вып. 91. М.—Л., 1934.

¹⁹ К. Я. Грот. Указ. соч., стр. 186.

²⁰ E. Moór. Studien zur Früh und Urgeschichte des ungarischen Volkes. «Acta Ethnographica», t. II. fasc. 1—4. Budapest, 1951.

²¹ Н. Я. Данилевский и К. Я. Грот. Указ. соч., стр. 235 и сл.

²² Й. Перени. Указ. соч., стр. 2 и сл.

риалы. Большинство исследователей склоняется к мысли о том, что Леведия находилась в причерноморских степях между Доном и Днестром²³. При этом, авторы, как правило, затрудняются определенно назвать венгерские памятники на данной территории и лишь А. Захаров и В. Арндт утверждали, что венгерскими памятниками являются памятники салтовской культуры²⁴. Это мнение, как отмечалось выше, было подвергнуто критике.

Однако имеются и другие суждения о территории Леведии, так, например, Э. Мольнар полагает, что Леведия находилась не в степной, а в лесостепной полосе между Киевом и Воронежем. Одним из возможных памятников венгров на территории Леведии он считает погребение IX в. в Воронежской области у с. Воробьево²⁵. В лесостепной зоне между Дунаем и Доном помещает кочевья венгров И. Эрдели. При этом вслед за К. Цегледи он полагает, что Леведия была лишь частью страны венгров Этелькёз (Ателькузы) и располагалась между Днестром и Доном²⁶.

М. И. Артамонов очень решительно выступает против попыток искать Леведию как в области салтовской культуры между Донцом и Доном, так и в какой-либо другой части лесостепи. По его мнению, «мадьяры прорвались прямо в степи Причерноморья и вскоре под давлением хазар отошли на крайнюю западную оконечность хазарских владений в междуречье Днестра и Дуная, в Ателькузу»²⁷, при этом Леведия отождествляется М. И. Артамоновым с Ателькузой²⁸.

П. Д. Степанов в противоположность мнению большинства авторов, которые полагают, что Леведия — это страна или часть страны венгров, образовавшаяся после того, как они переправились через Волгу, считает, что Леведию надо искать не к западу от Волги, а в Приуралье. С Приуральской Леведией он связывает памятники бахмутинской культуры²⁹.

Отношения между венграми и славянами складывались по-разному. То они были дружественными, то враждебными. Рядом исследователей (И. Перени, Э. Мольнар и др.) отмечается, что венгры попали под власть хазарского каганата и для хазар собирали со славян ту дань, о которой сообщается в «Повести временных лет»³⁰.

По некоторым частным вопросам славяно-венгерских отношений ведется дискуссия. Так, например, В. Шушарин, как нам кажется, не без оснований критикует мнение Э. Мольнара, который пишет о феодальной эксплуатации венграми восточных славян в IX в. Он считает также спорным утверждение И. Перени об уплате частью восточнославянских

²³ Н. Я. Данилевский и К. Я. Грот. Указ. соч., стр. 241; В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 192; И. Перени. Указ. соч., стр. 88; М. А. Павлушкова. Указ. соч., стр. 151; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. I, стр. 445—446.

²⁴ А. Zakharov, W. Arendt. Указ. соч.

²⁵ Э. Мольнар. Указ. соч., стр. 116—118.

²⁶ И. Эрдели. Венгры в Леведии. Автореф. канд. дисс., стр. 7; И. Эрдели. Венгры в Леведии. Рукоп. текст диссертации, стр. 89.

²⁷ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 342.

²⁸ Там же, стр. 341.

²⁹ П. Д. Степанов. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. АЭБ, т. II, 1964, стр. 146.

³⁰ Э. Мольнар. Указ. соч., стр. 127; И. Перени. Указ. соч., стр. 15.

племен дани венграм³¹. М. П. Павлушкова высказывает сомнения по поводу того, что под хазарами «Повести временных лет» в IX в. следует подразумевать венгров³². Однако в целом советские и современные венгерские исследователи при оценке славяно-венгерских отношений, как отмечалось выше, во мнениях не расходятся.

Мы не можем вступать в полемику о том, где именно располагалась Леведия, так как каких-то новых данных об этой стране до сих пор не появилось. Для нас имеет значение тот несомненный факт, что венгры в своем движении на запад проходили или непосредственно через интересующую нас территорию, или где-то несколько южнее ее. На пути они делали более или менее длительные остановки. Об одной из них упоминает Константин Багрянородный, говоря, что венгры жили вблизи Хазарии три года³³. Как полагают исследователи, это было с 836 по 838 г.³⁴

Подтверждением тому, что венгры в течение какого-то времени находились вблизи от интересующего нас района, может явиться ряд моментов. Наиболее показательными могли бы быть данные археологии.

Исследования венгерских археологов позволили выделить круг собственно венгерских древностей, что облегчает выявление их и на территории нашей страны. К таким наиболее типичным особенностям венгерской культуры, кроме погребального обряда, относится определенный тип сосудов (с внутренними ушками), некоторые типы металлических украшений, некоторые типы бус³⁵ и т. д.

Венгерские погребальные памятники IX в. не имеют наружных признаков, поэтому выявление их затруднено. К настоящему времени на территории Восточной Европы известно два погребения венгерских воинов. Оба они обнаружены случайно. Первое погребение было открыто в конце XIX в. в с. Воробьево, тогда Богучарского уезда Воронежской губернии, во время расчистки карьера для строительства железнодорожных сооружений. Умерший был погребен вместе с лошадью. При нем были найдены перстень, серебряные бляшки от поясного набора, меч, два железных наконечника копья, железные наконечники стрел, удила, часть стремени, железное кольцо³⁶. Поскольку погребение было открыто случайно, при земляных работах, то естественно, что все детали погребального обряда уловить не удалось. Второе венгерское погребение обнаружено на берегу р. Днепр около дер. Волошенское. Оно было частично размыто водами Днепра³⁷.

Поселения венгров или их временные стоянки на данной территории пока неизвестны. В этой связи обращают на себя внимание открытые

³¹ В. П. Шушарин. Указ. соч., стр. 132.

³² М. П. Павлушкова. Указ. соч., стр. 150.

³³ Константин Багрянородный. Указ. соч., стр. 5.

³⁴ В. П. Шушарин. Указ. соч., стр. 134.

³⁵ И. Эрдели. Венгры в Лебедии. Рукопись, стр. 149 и сл.; J. Hampel. Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn, b. I—III; N. Fettich. A honfoglaló magyarság fémművessége. «Archaeologia Hungarica», XXI. Budapest, 1937.

³⁶ Архив ЛОИА, ф. 1, 1895, д. 63, л. 3 и сл.; «Московские ведомости» от 16 апреля 1895 г., № 103; «Отчет ИАК за 1895 г.» СПб., 1897, стр. 54—55; А. Спицын. Сводка сведений о древностях Воронежской губернии. Архив ЛОИА, ф. 5, д. 148, л. 8.

³⁷ И. Эрдели. Венгры в Лебедии. Рукопись, стр. 151.

С. А. Плетневой в Приазовье и в низовьях Дона временные и более длительные поселения кочевников VII—IX вв., которые она связывает с древними болгарами³⁸. Материалы, собранные С. А. Плетневой, невелики. Это в основном керамика. Среди прочих образцов керамики она выделяет котлы с внутренними ушками³⁹. Именно этот тип керамики оказался менее долговечен. Он исчез, как только кочевники изменили образ жизни на оседлый⁴⁰. Как отмечалось выше, сосуды с внутренними ушками являлись характерной чертой и венгерской материальной культуры. Не исключена возможность, что среди открытых С. А. Плетневой поселений были и временные поселения древних венгров. На территории Венгрии посуда такого типа продолжала бытовать значительно дольше. Образцы венгерской посуды с внутренними ушками выделяет И. Эрдели и на Карнауховском поселении, а также в Саркеле⁴¹.

На интересующей нас территории встречаются и отдельные находки венгерских вещей. Во время раскопок Большого Боршевского городища была встречена бронзовая бляха со следами позолоты и с пальметками⁴². По форме и элементам орнамента (пальметочный узор) венгерские бляхи напоминают две круглые бронзовые позолоченные бляхи с Архангельского городища⁴³.

Другим видом источников, который может подтвердить пребывание венгров на интересующей нас территории, являются данные топонимики. Лингвисты находят возможность усматривать в ряде топонимов данного района слова, ведущие свое происхождение из венгерского языка. Среди них оз. Сеяжье в Лосевском районе Воронежской области. Это слово ведет свое происхождение от венгерского слова *szép* — красивый, *szépen* — красиво; с. Негачёвка, венгерское *nyugat* — запад, *nyugati* — западный; река Ведуга, венгерское *véd* — защищать, оборонять; *védök* — защита, защитники; пос. Маклок, венгерское *makk* — желудь, *log* — висеть; река Чигла, озеро Чигла, венгерское *csiga* — улитка, *lenn* — внизу или *Lenni* — находиться, пмется и т. д.⁴⁴ Обращает на себя внимание, что большая часть подобных топонимов находится в степной зоне нынешней Воронежской области. Именно здесь было найдено и одно из венгерских погребений. Таким образом, есть все основания полагать, что основной путь венгров лежал где-то к югу от среднего Дона. Наличие венгерских вещей и топонимов на среднем и верхнем Дону (Маклок) свидетельствует о непосредственных контактах венгров с донскими славянами.

³⁸ С. А. Плетнева. Номадски поселища през VII—IX в. в Приазовието и басейна на река Дон. «Археология», кн. 4. София, 1964, стр. 1 и сл.

³⁹ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 8.

⁴⁰ С. А. Плетнева, И. П. Русанова. Рец.: Живка Н. Вѣжарова. Славянски и славяно-български селища в българските земи от края на VI до XI век. СА, 1966, № 3, стр. 277.

И. Эрдели. Венгры в Лебедии. Кандидатская диссертация, стр. 149.

П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 108, 1948, стр. 50, табл. XI, рис. 11; стр. 55, рис. 22.

⁴³ А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 93, рис. 32.

⁴⁴ М. В. Федоров. О некоторых южнорусских топонимах и антропонимах. «Материалы по русско-славянскому языкознанию». III. Воронеж, 1967, стр. 69—70.

Выше мы уже отмечали, что отношения венгров со славянами были то враждебными, то мирными. Средневековые авторы сообщают, что венгры нападали на славянские поселения. О том, что представляли собою набеги венгерских отрядов, можно судить по тому, что автор «Повести временных лет» сравнивает их с набегами половцев. Венгры «ходяще аки се половци»⁴⁵, — пишет он. Это сравнение летописца нельзя считать случайным. Набеги половцев повергали в ужас славянское население. С такой же жестокостью опустошали поселения и города, вероятно, и кочевники-венгры. О нападении венгров на славян сообщается в сочинении ал-Марвази. Он отмечает, что венгры нападали на славян зимой⁴⁶. О том, что венгры «постоянно совершают нападения и грабят их», то есть славян, пишет Гардизи⁴⁷. О взаимоотношениях венгров и славян довольно обстоятельно рассказывается и в труде Ибн Русте. Он пишет о том, что мадьяры господствуют над всеми соседними славянами, налагают на них тяжелые оброки и обращаются с ними, как с военнопленными. Тот же автор повествует далее, что «отводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли, где и продают их в качестве рабов»⁴⁸. Не противоречат этим данным и сведения венгерского хрониста Апонима, в основе труда которого в числе других источников лежало и народное предание о событиях тех лет⁴⁹.

Мы далеки от мысли о том, чтобы все сообщения древних авторов считать безусловно достоверными. Так, например, в сочинении Гардизи успехи венгров явно преувеличены. Нельзя понимать буквально его слова: венгры «побеждают славян и всегда одерживают верх над славянами...»⁵⁰. По всей видимости, речь идет о том, что иногда набеги венгров на славянские поселения заканчивались для них успешно. Таким же преувеличением является и уже упомянутое нами сообщение Ибн Русте о том, что мадьяры господствуют над всеми соседними славянами, налагают на них оброки и обращаются с ними, как с военнопленными.

В отечественной и зарубежной историографии не рассматривается специально вопрос о взаимоотношениях самой восточной группы славянства — древнерусского населения на среднем и верхнем Дону с венграми. А между тем какие-то контакты, судя по рассмотренным выше данным, несомненно были. Очень возможно, например, что некоторые из приемов рыболовства, заимствованные, как полагают, венграми у славян⁵¹, заимствовались как раз у древнерусского населения интересующего района. Это тем более вероятно, что в хозяйстве у этого населения рыбо-

---

«Повесть временных лет», ч. I. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 21.

⁴⁶ Цит. по: А. П. Новосельцев. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. Сб. «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 391.

⁴⁷ Там же, стр. 390.

⁴⁸ «Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста». В первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869 (далее: Д. Хвольсон, Ибн Даста), стр. 25 и сл.

⁴⁹ В. П. Шушарин. Указ. соч., стр. 170, 171.

⁵⁰ Цит. по: А. П. Новосельцев. Указ. соч., стр. 389.

⁵¹ И. Эрдели. Венгры в Лебедни. Рукопись, стр. 136—137.

ловство играло, пожалуй, большую роль, чем в других районах славянского мира.

О дружественных взаимоотношениях венгров и древнерусского населения, жившего на среднем и верхнем Дону, материалов практически нет, если не считать отдельных венгерских вещей. Однако эти вещи могли попасть на поселения не только в результате каких-то торговых операций, но и как военный трофей.

Набеги венгерских отрядов, вероятно, совершались и на изучаемые нами поселения. К такому выводу нас привело исследование оборонительных укреплений и, в частности, укреплений на городище Титчиха — одном из самых южных древнерусских поселений среднего Дона. Как выяснилось в процессе раскопок, в сооружении укреплений на мысовой части городища было два строительных периода, которые относятся к концу I тысячелетия н. э.⁵² Первая линия укреплений была воздвигнута спустя определенное время после того, как поселение начало функционировать (находки в насыпи фрагментов керамики боршевского и салтовско-маяцкого типов, раздробленных костей животных), и состояла из рва и земляного вала. Второй строительный период ознаменовался значительным усложнением укреплений.

Обычно принято считать, что славянские поселения лесостепной полосы особенно страдали от набегов печенегов. Отнюдь не преуменьшая печенежской опасности, которая в конечном итоге привела к запустению многих городищ на Днепровском левобережье⁵³, нам кажется, что нельзя совсем не учитывать и венгерской опасности. Для защиты от венгров в IX в. возводились укрепления в Хазарии⁵⁴. Поскольку венгры совершали опустошительные набеги и на славянские поселения, то естественно, что и славяне старались обезопасить себя от этих врагов, и в этой связи небезынтересными оказываются эти два строительных периода в сооружении укреплений на Титчихинском городище. Не исключена возможность, что первые укрепления, воздвигнутые в IX в., и появились именно в связи с венгерской опасностью, а позже, по мере усиления набегов печенегов, здесь были возведены укрепления значительно более мощные.

В то же время следует отметить, что славянские поселения по среднему и верхнему Дону и его притокам страдали от набегов венгров не так уж сильно. Об этом свидетельствует тот факт, что ни одно поселение в IX в. не было оставлено. Жизнь на них продолжалась и в последующем столетии.

---

⁵² А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, стр. 130 и сл.

⁵³ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, стр. 190.

⁵⁴ И. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 343.

ВРЕМЯ И ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ В СРЕДНЕЕ ПОДУНАВЬЕ

В. В. КРОПОТКИН (Москва)

енгерские племена, кочевавшие в VIII—IX вв. в степях Восточной Европы, установили торговые контакты с оседлыми племенами Подонья, Приазовья и Поднепровья и имели возможность познакомиться с серебряной монетой, находившейся в обращении. Как известно, в начальный период распространения дирхема в Восточной Европе в конце VIII — первой трети IX в. н. э. клады куфических монет встречаются в Дагестане, Прикубанье, Среднем Поволжье, Подонье, на левобережье Днепра, в Верхнем Поволжье и Поднепровье, в бассейне Волхова и в Прибалтике. В более западных районах восточноевропейской равнины, в Среднем и Нижнем Поднепровье, в бассейнах Южного Буга, Днестра и Прута клады дирхемов и сасанидских драхм до сих пор не обнаружены, а встречаются редкие находки единичных куфических и византийских монет VIII — первой половины IX в. н. э.¹

Изучение ареала кладов куфических монет конца VIII—IX в. н. э. со всей очевидностью свидетельствует о том, что более западные славянские племена, обитавшие на обширных пространствах от Днепра до Карпат и Западного Буга (поляне, древляне, волыняне, уличи, тиверцы, дuleбы и белые хорваты), еще не имели тесных торговых контактов с населением Хазарского каганата и Волжской Болгарии, но постепенное продвижение салтово-маяцких племен на запад в Поднепровье и Подунавье подтверждается археологическими материалами VIII—IX вв. (Вознесенка, Новогригорьевка, Канцерка, Пастерское, Нови-Пазар и др.)².

К самому концу IX в. относится единственный клад куфических монет, найденный в 1902 г. близ с. Новая Лазаревка Николаевской обл., в бассейне р. Ингула. В составе клада находилось 76 монет (целых и обрезков), в том числе одна сасанидская драхма Хосрова II (590—628), 3 омайядских и 72 аббасидских дирхема, чеканенных с 759 по 893 г. н. э.³

¹ А. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910, стр. 35, № 199; В. В. Кротокин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, стр. 118 и сл. (см. карту на стр. 132).

² С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 7, 102.

³ ИАК, прибавление к вып. 5. СПб., 1903, стр. 58—59; R. Vasmer. Ein neuer Münzfund des elften Jahrhundert in estnischen Privatbesitz. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Dorpat, 1928, стр. 193—194; В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 101, табл. II.

Наиболее ранние клады куфических монет в Среднем Поднепровье и на правобережье Днепра относятся к началу или середине X в. н. э.⁴ Это важное обстоятельство было совершенно правильно отмечено М. К. Каргером, который полемизировал с В. Б. Антоновичем и другими сторонниками ранних торговых связей Киева с Арабским халифатом⁵. М. Ю. Брайчевский попытался оспорить заключение М. К. Каргера на том основании, что «в этих кладах неизменно выступают монеты VIII—IX вв., которые количественно нередко преобладают над монетами X в.», но, к сожалению, этот аргумент не подкрепляется фактическими материалами и должен быть отвергнут как несостоятельный⁶.

Установление торговых связей Поднепровья, Прикарпатья и Побужья с племенами Хазарского каганата и Волжской Болгарией также относится к X в. н. э.

Клады и отдельные находки куфических монет в Винницкой обл., в Ивано-Франковской обл., Закарпатской обл. и в Молдавской ССР свидетельствуют о значительном расширении ареала куфических монет с конца IX — начала X в. н. э.⁷

Крупный клад сасанидских и куфических монет в 1928 г. обнаружили у с. Копиевка Ильинецкого района Винницкой обл. Вместе с монетами в глиняном горшке были найдены серебряные украшения, в том числе 27 серег волинского типа, 5 браслетов, 1 гривна, 2 перстня, 1 лунница и несколько бусин. Многие монеты имеют отверстия для привешивания (108 экз. из 500 монет и обрезков). Вес клада равен 1443,45 г. Младшая монета — саманидский дирхем 344 г. х. (955/6 г.)⁸.

На славянском городище у с. Красное Немировского района Винницкой обл. при раскопках П. И. Хавлюка было найдено 3 саманидских дирхема Насра ибн Ахмада, чеканенных в Андеробе (304 г. х. = 916/17 г.), Самарканде (318 г. х. = 930 г.) и аш-Шаше (323 г. х. = 934/5 г.), и подражание саманидскому дирхему. Все монеты имеют по 2 отверстия, пробитые с краю⁹. В с. Цеканівка Ямпольского района Винницкой обл. при рытье ямы для виноградника найдено три дирхема, которые не были определены¹⁰.

Все клады куфических монет из Киева датируются X в. Два из них зарыты в начале X в., так как позднейшая монета в их составе относится к 293 г. х. (905/6 г.), один клад содержал дирхем 324 г. х. (935/6 г.). Клад из с. Денисы Киевской обл. состоял из куфических и западноевропейских монет, позднейшая куфическая монета — дирхем 1008/9 г., т. е. дата зарытия клада относится ко времени после 1010 г. (*А. Марков*. Указ. соч., стр. 12 и сл., № 67, 68; *R. Vasmer*. Указ. соч., стр. 193, 194; *Г. Ф. Корзухина*. Русские клады IX—X вв. М.—Л., 1954, стр. 83, № 13; стр. 85, № 18; *В. Л. Янин*. Указ. соч., стр. 118 и сл., табл. I—II).

М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 122 и сл.

⁶ *М. Ю. Брайчевский*. Когда и как возник Киев. Киев, 1964, стр. 146.

⁷ *А. Марков*. Указ. соч., стр. 35, № 196—200.

⁸ *Н. Линка-Гелленер*. Копіівський скарб. «Археологія», т. II, Київ, 1948, стр. 182 и сл.; *R. Vasmer*. Указ. соч., стр. 193—194, табл. VIII; *Г. Ф. Корзухина*. Указ. соч., стр. 84, № 16. Саманидские дирхемы в кладе составляют 83,2%.

⁹ *П. І. Хавлюк*. Древньоруські городища на Південному Бугі. Сб. «Слов'яно-руські старожитності». Київ, 1969, стр. 164—165.

¹⁰ *Я. Пастернак*. Нові археологічні набутки музею НТШ у Львові за час від 1929—1932 р. «Записки НТШ», т. 152. Львов, 1933, стр. 130, № 229.

Несколько кладов и единичных находок куфических монет известно в Прикарпатье и на Волыни. Значительный клад дирхемов в горшке обнаружен в мае 1929 г. в с. Грабовец Богородчанского района Ивано-Франковской обл. Сохранившаяся часть клада состояла из 29 аббасидских и саманидских дирхемов, чеканенных в Мадинат ас-Саламе, Самарканде и ап-Шаше между 184 г. х. (800 г.) и 293 г. х. (905/6 г.), и 1 византийского милиарисия Константина VII и Романа I (919—944). Среднеазиатские монеты представлены 21 экз. Время зарытия клада относится, очевидно, к первой половине X в. н. э.¹¹

Крупный клад куфических монет и серебряных вещей в горшке найден в апреле 1947 г. при рытье колодца на усадьбе В. М. Малания в с. Крылос Галичского района Ивано-Франковской обл. Монеты разошлись по рукам, и точное их число не установлено. Часть клада (437 экз.) поступила в Ивано-Франковский краеведческий музей, другая часть — в Институт археологии АН УССР (668 экз.), несколько монет находится в музее в с. Крылос (5 экз.). В составе клада найдены серебряные шейные гривны весом 145 г. каждая (4 экз.) и обломки серебряных украшений. Горшок гончарной работы украшен линейным орнаментом. По определению А. А. Быкова, в составе клада обнаружено несколько аббасидских монет и саманидские дирхемы Исмаила ибн Ахмада (892—907), Ахмада ибн Ис-

Рис. 1. Серебряная шейная гривна и обломки украшений из клада в с. Крылос Ивано-Франковской области

Рис. 2. Гончарный горшок из клада в с. Крылос Ивано-Франковской области

¹¹ Монеты поступили в Национальный музей во Львове (инв. № 27614, 27835) и музей НТШ (инв. № 19477, 19860). Определение проф. О. Прицака. По неподтвержденным данным в кладах найдена серебряная гривна киевского типа (Я. Пастернак. *Коротка археологія західноукраїнських земель*. Львов, 1932, стр. 66; он же. *Нові археологічні набутки...*, стр. 128, № 205; «*Zródła hebrajskie do dziejów słowian i niektórych innych ludów środkowej i wschodniej Europy*». Wrocław — Warszawa, 1956, стр. 81, прим. 1; В. В. *Кропоткин*. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, Е4—4. М., 1962, стр. 36, № 255 (в описании клада некоторые неточности).

майла (907—914) и Насра ибн Ахмада (914—943), причем преобладают монеты последнего эмира, а также около сотни подражаний саманидским дирхемам. По мнению А. А. Быкова, зарытие клада относится к середине X в.¹²

В окрестностях с. Крылос в разное время было сделано несколько случайных находок куфических монет. Один дирхем был представлен на археолого-этнографической выставке во Львове в 1885 г.¹³ Три куфические монеты найдены на полях у с. Крылос в 1936—1938 гг., среди них один саманидский дирхем Насра ибн Ахмада, чеканенный в Самарканде в 308 г. х. (920/21 г.)¹⁴. Одна куфическая монета обнаружена близ г. Тлумач Ивано-Франковской обл.¹⁵. В 1967 г. в обрыве берега р. Днестра близ с. Нижниев Тлумачского района той же области найден гончарный горшок с куфическими монетами в количестве около 100 экз. (?). Дирхемы разошлись по рукам, в Ивано-Франковский музей поступило 36 дирхемов. С. А. Янина определила одну монету из клада — саманидский дирхем Ахмада ибн Исмаила, чеканенный в Нисабуре в 295 г. х. (907/8 г.)¹⁶.

Случайные находки куфических монет известны также во Львовской обл. Три арабские монеты найдены случайно под Высоким замком во Львове¹⁷, одна монета — в с. Звенигород Перемышлянского района¹⁸, один дирхем поступил в Стрыйский краеведческий музей¹⁹. В Историческом музее во Львове хранятся четыре саманидских дирхема Насра ибн Ахмада, два из них чеканены в аш-Шаше, два других обрваны в кружок²⁰.

На территории Поднестровья при археологических раскопках Г. Б. Федорова на городищах у сел Алчедари и Екимауцы Резинского района Молдавской ССР найдены единичные серебряные и медные куфические монеты. На Алчедарском городище в 1962 г. найден саманидский фельс Насра ибн Ахмада плохой сохранности с двумя отверстиями по краю монеты,

¹² В. К. Гончаров. Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. АН УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 30; О. Ратич. Підсумки досліджень древньоруських археологічних пам'яток на території Галицької і Волинської земель. «Матеріали і дослідження по археології УРСР». — «Наукові записки Інституту суспільних наук», т. II. Київ, 1954, стр. 15; он же. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957, стр. 56, табл. II, 3; XI, 24, 30.

«Katalog wystawy archeologicznej i etnograficznej we Lwowie». Lwów, 1885, nr. 2501. Źródła hebrajskie, стр. 77, прим. 1.

¹⁴ Я. Пастернак. Старий Галич. Краків — Львів, 1944, стр. 197; О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки..., стр. 56; «Źródła hebrajskie...», стр. 77. Rocznik PAU, 1935/36. Kraków, 1937, s. 52; «Źródła hebrajskie...», стр. 80.

¹⁶ Газ. «Молодь України» от 15.IX 1967 г. Киев.

¹⁷ «Źródła hebrajskie...», стр. 74 (сообщение проф. М. Гайсига).

¹⁸ Там же (прим. 2/8. Музей НТШ, № 24825).

¹⁹ Сообщение И. К. Свешникова.

²⁰ Монеты, к сожалению, утратили паспорта, их вес равен 2,13; 2,92; 2,92; 3,11 г. Определение Г. А. Федорова-Давыдова. Следует упомянуть также большой клад саманидских дирхемов в количестве около 700 экз., обнаруженный в 1849 г. в г. Перемышле на р. Сан — правом притоке р. Вислы (Малая Польша). А. Марков. Указ. соч., стр. 109, № 7. Как известно, Перемышль был местом пересечения торговых путей, шедших из Киева в Краков и из Венгрии на север, в Прибалтику. «Źródła hebrajskie...», s. 42—43.

год и место чеканки срезаны. В 1963 г. там же найдено болгарское подражание саманидскому дирхему Абдаллаха ибн Микаила с двумя отверстиями без имени халифа, года и места чеканки. По всей вероятности, дирхем чеканен в Суваре или Булгаре около 336 г. х. (947/8 г.)²¹.

На Екимауцком городище в различных местах обнаружено 19 куфических монет, среди них 8 саманидских дирхемов и 11 подражаний саманидским монетам, в том числе дирхемы Исмаила ибн Ахмада 291 г. х. (903/4 г.), 203 г. х. (905/6 г.), Ахмада ибн Исмаила 296 г. х. (908/9 г.), Насра ибн Ахмада 314 г. х. (926/7 г.), 322 г. х. (933/4 г.) и обломок его же дирхема. Среди монет варварской чеканки найдены подражания саманидским дирхемам Исмаила ибн Ахмада и Насра ибн Ахмада, а также грубые подражания саманидским дирхемам. Большинство монет (15 экз.) имеют по два отверстия по краю²².

В Закарпатской обл. зарегистрирован только один клад куфических монет, найденный близ г. Хуст не позже 1907 г. В составе клада обнаружено 400 саманидских дирхемов, чеканенных в Андерабе, Балхе, Ма'адене, Самарканде и аш-Шаше, младшая монета — дирхем 291 г. х. (903/4 г.)²³.

На поселении у с. Буча Береговского района Закарпатской обл. при раскопках С. И. Пеняка в 1965 г. найден один пробитый саманидский дирхем конца IX—X в. н. э.²⁴

На территории средневековой Венгрии удалось зарегистрировать 11 местонахождений куфических монет. В с. Булькес найден аббасидский дирхем халифа ал-Хади, чеканенный в Мадинат ас-Саламе в 785—787 гг.²⁵ В с. Эгер найден дирхем Исмаила ибн Ахмада²⁶. В с. Карош обнаружены аббасидский дирхем ал-Муста'ина (862—866 гг.), Исмаила ибн Ахмада, чеканенный в аш-Шаше, и один неопределенный дирхем²⁷. В с. Кенезлё в 1913 г. в погребениях найдены западноевропейские и куфические монеты, среди них: Исмаила ибн Ахмада, чеканенная в аш-Шаше в 903/4 г., Насра ибн Ахмада, чеканенная в Андерабе в 916 г., Ахмада ибн Исмаила, чеканенная в Самарканде в 910 г., и подражания дирхему²⁸. В г. Кечкемет найден пробитый дирхем Исмаила ибн Ахмада²⁹, в с. Сегед — дирхем Исмаила ибн Ахмада, чеканенный в Балхе в 907 г.³⁰,

²¹ Определение С. А. Яниной; Г. Б. Федоров. Работа Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. КСИА, вып. 113, 1968, стр. 86.

²² Архив ИА АН СССР, Р — 1, № 640, л. 109. Определение С. А. Яниной.

²³ Клад поступил в Национальный музей г. Будапешта (J. Hampel. Neuere Abhandlungen über die Denkmäler aus der Zeit der Landnahme. Budapest, 1907, S. 228—229; L. Huszár. Das Münzmaterial in den Funden der Völkerwanderungszeit im mittleren Donaubecken. AАН, vol. 5. Budapest, 1955, стр. 80; «Zródla nebrajskie...», стр. 81.

²⁴ Материал не издан, сообщение С. И. Пеняка.

²⁵ A. Bartha. A IX—X. századi magyar társadelom. Budapest, 1968.

²⁶ АЕ, 1911, стр. 76; ААН, V, стр. 74; RT, 1962, стр. 33, № 269.

²⁷ АЕ, 1900, стр. 47—50; ААН, V, стр. 81; RT, 1962, стр. 46, № 532.

²⁸ АЕ, 1914, стр. 303—304; АЕ, 1931, стр. 78—119, V, стр. 82—84; RT, II, 1962, стр. 47, № 548.

²⁹ ААН, V, стр. 81; RT, II, 1962, стр. 47, № 543 (вероятно, из погребения).

³⁰ АЕ, 1891, стр. 97—114; ААН, V, стр. 85; RT, II, 1962, стр. 69, № 956.

в г. Сольнок — дирхем Исмаила ибн Ахмада³¹, в с. Самод — два дирхема из погребений: Исмаила ибн Ахмада и Ахмада ибн Исмаила³². В с. Шарошпатак найдено 16 саманидских дирхемов: Исмаила ибн Ахмада — 4 экз., Ахмада ибн Исмаила — 5 экз., Насра ибн Ахмада — 7 экз. Старшая монета чеканена в 901 г., младшая в 918/19 г.³³ В с. Пап найдена половина саманидского дирхема Насра ибн Ахмада³⁴. В г. Тата найдены два саманидских дирхема: Исмаила ибн Ахмада и Ахмада ибн Исмаила, чеканенных в Самарканде в 907 г.³⁵ На территории Словакии известно 7 местонахождений куфических монет, среди которых преобладают саманидские дирхемы Исмаила ибн Ахмада, Ахмада ибн Исмаила и Насра ибн Ахмада³⁶. В погребении у с. Добра в Словакии найден один аббасидский дирхем ал-Му'тадида (892—902) и 8 саманидских дирхемов³⁷.

Большинство находок на территории Словакии и Венгрии связано с древними могильниками, многие монеты имеют отверстия для привешивания. Изучение находок куфических монет на среднем Дунае показывает, что наиболее ранние дирхемы относятся к VIII—IX вв., но массовое проникновение восточных монет в Подунавье падает на конец IX и первую половину X в.

Поскольку саманидские дирхемы и их подражания господствуют вкладах Восточной Европы, относящихся к первой половине и середине X в., то можно предположить, что их проникновение на запад, в частности в Венгрию и Словакию, связано с широкой торговлей, которую вела Русь со среднеевропейскими городами, с Краковом и Прагой³⁸. От основной торговой магистрали, соединяющей Киев с торговыми центрами Средней и Западной Европы, отходили торговые пути через карпатские перевалы в Словакию и Венгрию. Об этом свидетельствуют находки куфических монет на среднем Дунае и находки венгерских монет на территории Древней Руси³⁹.

³¹ ААН, V, стр. 99; RT, II, 1962, стр. 76, № 1052.

³² ААН, стр. 104; RT, II, 1962, стр. 76, № 1054.

³³ A. Bartha. Указ. соч., стр. 154.

³⁴ АЕ, 1958, стр. 90; RT, II, 1962, стр. 61, № 801.

³⁵ A. Bartha. Указ. соч., стр. 154.

³⁶ ААН, V, стр. 67; «Nalezy minci na Slovensku», t. II. Bratislava, 1968, стр. 43 и сл., № 2, 4, 5, 8, 9.

³⁷ J. Hlinka, L. Kraskovská, J. Novik. Nalezy minci na Slovensku, II. Bratislava, 1968, стр. 43. № 2.

³⁸ В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, 1888, июль, стр. 121 и сл.; А. И. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Внешняя торговля Древней Руси. «История СССР», 1967, № 3, стр. 81 и сл.

³⁹ В. М. Потин. Венгерские монеты кладов XI в. «Сообщения Государственного Эрмитажа», вып. XX. Л., 1961, стр. 59 и сл.; он же. Древняя Русь и европейские государства X—XIII вв. Л., 1968, стр. 218 и сл.

По уточненным данным, клад куфических монет из с. Нижние Ивано-Франковской обл. содержал 1 аббасидский дирхем, 21 саманидский, 3 подражания саманидским монетам Насра ибн Ахмада. Младшая монета — саманидский дирхем Насра ибн Ахмада, чеканенный в аш-Шаше в 313 г. х. (925/6 г.).

ВОПРОСЫ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ У ВЕНГРОВ ДО ЧЕКАНКИ СОБСТВЕННОЙ МОНЕТЫ

ИШТВАН ГЕДАИ (Будапешт)

а рубеже IX—X вв. древние венгры заняли Среднедунайский бассейн. Известно, что непосредственно до этого они находились на территории Южной России, где они вели полукочевой образ жизни. Кроме земледелия, они интенсивно включились в торговлю данной обширной территории, но нет в нашем распоряжении никаких археологических доказательств относительно этих занятий. О торговле (так же как и о земледелии) у древних венгров говорят письменные источники: Ибн Руста и Гардизи. Они указывают и на то, что венгры вели торговлю с византийцами в городе Кркх, и сообщают, что известен среди них калым, который отчасти оплачивается деньгами. Исходя из этих данных, с уверенностью можем говорить о том, что венгры в IX в. уже знали деньги в качестве меры цен.

С территории новой родины венгров мы располагаем более определенным материалом относительно денежного оборота. Обратимся теперь к нумизматическому материалу X в., собранному на территории Среднедунайского бассейна¹. Этот материал делится на три группы: арабские дирхемы, византийские золотые монеты, западноевропейские динарии.

Вполне ясно, каким образом попадали к венграм западные монеты, так как известно, что венгры в X в. неоднократно принимали военные походы на запад с целью добычи. Письменные источники, начиная с 200 г., свидетельствуют о том, что венгры очень крупные суммы получали в качестве дани².

Целый ряд письменных источников говорит о том, какие суммы были им переданы³. Почти нет такого года, когда западные анналы не упоминали бы о походах венгров, главной целью которых являлись добыча и дань. Венгерские ювелирные мастерские в большом количестве требовали сырья, золота и серебра⁴. Из этого ясно, что западные монеты

¹ L. Huszár. Das Münzmaterial in den Funden der Völkerwanderungszeit in mittleren Donaubecken. AАН, t. 5, 1955, стр. 61—109. Новые местонахождения приведены в работе Ч. Балинта: «Honfoglaláskori sirok Szeged-Óthalmon». A Szegedi Móra F. Muzeum. Evkönyve, 1968, стр. 70—71.

² I. Dienes. Megjegyzések Fettich Nándor válczáára. АЕ, 96, 1969, стр. 116—122.

³ A. Gombos. Catalogus Fontium Historiae Hungaricae. Budapest, 1937—1943, N 408, 51 и 1235.

⁴ I. Dienes. Umetnicka pobrada metala u Madara u doba naseljavanja njihove danesnje teritorije. «Madarsko zlatarstvo». Beograd, 1968, стр. 8.

попадали к венграм не путем торговли. Наоборот, восточные куфические монеты уже никакого отношения не имеют к грабёжам⁵. Ибрагим ибн Якуб упоминает венгерских купцов в Праге⁶, а «Повесть временных лет» — в Переяславле, значит они бывали одинаково на севере и на юге. Через Прагу подключались венгры в ход оживленной торговли по восточно-западному пути, обходящему с севера Карпатский бассейн. О существовании и значении этого пути свидетельствуют находки куфических монет на территории Северной Европы⁷ и даже на западе⁸. Западноевропейские монеты появились на территории Восточной Европы⁹. Можно предполагать, что венгерские территории имели непосредственную связь с областями, лежащими восточнее линии Карпатских гор, через Верецкий перевал. Не исключено, что свидетелем данной торговой связи является знаменитый хустский клад, который состоит из 400 куфических монет¹⁰.

На основе вышеизложенных фактов ясно, что куфические монеты попадали в руки венгров путем торговли.

Гораздо сложнее вопрос о появлении византийских монет у венгров. Они могли появиться разными путями: в качестве дани, путем торговли и даже по линии церковных связей.

Из трех групп монет, находившихся у древних венгров X в., бесспорно, что первая является результатом торговли. Теперь надо ответить на вопрос, что с ними стало после того, как они попали к венграм, какую роль смогли они играть у них? На первый, поверхностный взгляд кажется, что они больше не выполняли свою прежнюю функцию. Западные монеты известны пока нам только из могильных находок, где найдены они в таком положении и в просверленном виде, что свидетельствует о том, что их использовали в качестве украшений¹¹. Все куфические монеты, за исключением монет хустского клада, происходят также из погребений. В конце концов все монетные находки, кажется, не подтверждают наличие денежного оборота у венгров в X в.

Рассмотрим теперь, как обстоит вопрос о самостоятельной чеканке монет у древних венгров. Чеканка монет началась с распадом племенного

A. Bartha. A IX—X. századi magyar társadalom. Budapest, 1968, стр. 155—156.

⁶ A. Pleidell. A magyar város történet első fejezete. Századok, 1934, стр. 308.

⁷ На территории Польши: R. Kiersnowski. Wczesnosredniowieczne skarby srebrne z Pomorza; J. Słaski, J. Tabaczynski. Wczesnosredniowieczne skarby srebrne Wielkopolski; A. Gupieniec, R. Kiersnowski. Wczesnosredniowieczne skarby srebrne, z Polski Środkowej, Mazowsa i Podlasia. На севере Европы: R. Vasmer. Ein Fund kufischer Münzen.

⁸ G. Probst. Arabisches und ungarisches Silber für Regensburg. «Ostdeutsche Wissenschaftliche Jahrbuch des Ostdeutschen Kulturrates», т. XI, 1964, стр. 209—263.

⁹ В. М. Порин. Французские монеты в древнерусских кладах. «Сообщения Государственного Эрмитажа», вып. 23, 1962, стр. 55—58; он же. Французские и итальянские монеты из кладов X—XI вв. на территории СССР. СА, 1963, № 1, стр. 61—74; он же. Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. «Международные связи России до XII в.». М., 1961, стр. 84—115; он же. Некоторые вопросы торговли Древней Руси по нумизматическим данным. «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 4, стр. 67—79.

¹⁰ L. Huszár. Указ. соч., стр. 80.

¹¹ Известно только одно исключение из Шошхартянского могильника (неопубликованные раскопки 1968 г. И. Фодора), где монета находилась, вероятно, в ислевшем уже кошельке.

союза и возникновением королевства, в правление первого короля Иштвана I (1000—1038 гг.). Имеется предположение о том, что уже его отец, воевода Геза, начал чеканить монеты¹².

С точки зрения денежного оборота важно только то, что первая венгерская монета распространялась очень широко, по всей стране, и находим ее во всех могильниках. Они, за некоторыми исключениями, встречаются уже не в качестве просверленных украшений, а были положены в рот покойников в качестве монеты для оплаты за переправу в страну мертвых.

Эти находки доказывают, что в руках простых людей при жизни также вращались эти монеты. Правда, нам еще не известны клады правления преемников Иштвана I, Петера (1038—1044) и Шамуеля Абы (1044—1046), и исследователи еще не находили для разъяснения этого достаточных аргументов, ведь смутные времена, наступившие после смерти Иштвана I, могли бы способствовать зарытию денежных кладов. Но они появляются только со второй половины XI в. Несмотря на то, что мы еще не располагаем денежными кладами эпохи правления Иштвана I, исходя только из могильных находок, все-таки твердо можно высказаться за наличие общего денежного оборота.

Сравним теперь X в. с началом XI в. по данным нумизматики. Разве можно утверждать, что Иштван I начал чеканить монеты для страны, где не существовало прежде денежное хозяйство? Каким образом распространились тогда его монеты моментально по всей стране?

Иштван I не только потому начал выпускать монеты, что он как суверенный правитель имел на это право, а именно потому, что в стране для этого имелись все экономические предпосылки. Широкое распространение первой венгерской монеты говорит о том, что этому должен был предшествовать такой период, когда монетами пользовались в качестве денег. Рост денежного оборота внутри страны предшествовал качественно новому явлению — самостоятельной чеканке венгерских монет. Иштван I правильно оценил экономическое положение своей страны, выпуская монеты, и это решение было не только пустым жестом доказательства своей королевской власти. Наше логическое рассуждение относительно этого вопроса потребовалось в связи с изменением погребального обряда у венгров именно в данное время.

В X в. еще не существовал обычай класть в рот умерших монету для оплаты за переправу «в страну мертвых», зато все клали в погребение, что имело отношение к убранству при жизни. В XI в., когда началась самостоятельная чеканка венгерской монеты, начал распространяться обычай помещения в рот именно денег, а не какой-нибудь монеты вообще.

На основе всего изложенного мы уверены в том, что уже в X в. существовал у венгров некоторый денежный оборот, ведь без этого была бы не обоснована экономическая потребность в выпуске самостоятельной венгерской монеты.

---

¹² Gy. László. Die Anfänge der ungarischen Münzprägung. «Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis». Sectio Historica, т. IV. Budapest, 1962.

Научное исследование процесса образования государства ведется уже полтора столетия в нашей стране, более быстрым или медленным темпом, с большими или меньшими успехами. X—XI века имели определяющее значение не только для нас, венгров, но и почти для всех народов Средней и Восточной Европы. Именно поэтому для каждого исследователя является почетным делом анализ любого из моментов образования государства, даже если это и делается с различных позиций. Мы в своей статье занимаемся образованием одного из комитатов Венгрии эпохи династии Арпадов, Боржавы; мы стараемся осветить претворение в жизнь принципов организации венгерского государства в X—XI вв. на примере одного пограничного комитата с помощью исторических, лингвистических и в первую очередь археологических данных.

Комитат (*marchia*) Боржава, существовавший в X—XIII вв., находился в северо-восточной части Карпатского бассейна (рис. 1). Северо-восточная часть комитата — это была и граница страны — проходила по горам Хавашок (Бескиды)¹, а на северо-западе по водоразделу Латорци до речки Стара. Между Чопом и Вапшарошнаменем он распространился на западный берег Тиссы, и в него входил сегодняшний Верхний Сабольч. «Над Ороси границей была река Боржава до Илошви и Вилке, где граница перешла на левый берег реки, и над этим до крепости Баранка», — писал Дьердь Дёрффи о географических границах комитата Боржавы². Территория комитата, объединяющего в себе Верхний Сабольч и бывший комитат Берег, как известно, совпадала с территорией деканата (*archidiaconatus*) Боржавы, а территория последнего, кроме данных письменных источников, определяется и деревнями, фигурирующими в папском налоговом списке, составленном между 1332—1337 гг.³

¹ Anonymus (ок. 1200): *silva Houes Howes* (SRH, I, 45, 48, 50, 51), Kezai (1283): *Ruhenorum Alpes* (SRH, I, 165), то есть «Орос Хавашок», русское название которых: «угорские горы»; Русская летопись (1116): горы Угорския (*A. Hodinka. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Budapest, 1916, стр. 40, 52, 58*); (1292): горы Угорьския. Там же, стр. 366. Ср. *Gy. Györffy. Az Arpád-kori Magyarország történeti földrajza. Budapest, 1963, стр. 519 (Bereg m.)*.

Gy. Györffy. Указ. соч., стр. 523.

³ «*Monumenta Vaticana historiam regni Hungariae illustrantia*». Budapest, 1881, стр. 247; Список деревень кишвардского дистрикта деканата еще более точно

Первым центром комитата Боржавы — как на это уже указал Дерффи — был Кишварда, находящийся в Верхнем Сабольче, который уже по своему названию указывает на ишпанский центр, крепость (вар — крепость, замок; ишпан — начальник комитата, назначенный королем)⁴. Позже, во время господства короля Иштвана I, центр комитата был перенесен в городище, находящееся у слияния рек Боржавы и Тиссы, в это время центры пограничных комитатов были расположены по дорогам, идущим из страны⁵.

Уже раньше заметили, что вокруг Кишварды мы находим такую группу названий селений, как Őrmező (сейчас — Mezőladány), Őrpátróha⁶ (сейчас Pátróha), Lövépetri, Lövé (сейчас — Nyírlövö), Levelek — именная форма с суффиксом -l от глагола lo: leü-, с добавленным уменьшительным суффиксом -k⁷, а в излучине Тиссы: Váraslövö, Csoboklövö⁸ (опустошенные деревни), в названии которых указывалась обязанность их жителей: защита границы⁹ (Őr — сторож; Lövé — стрелок). По мнению наших лингвистов, группа названий местностей, происходящих от названий народов, Székely — секлер; Besenyőd — печенег, а также географические названия Капи — Врата; Vaskapu — Железные врата; őrhegy — Сторожевая гора; Leshegy — Наблюдательная гора; Gyepű — Засака также указывают на пограничную оборонительную линию¹⁰. Выше указанные названия группируются вокруг Кишварды, значит, они должны происходить из тех времен, когда значение этих названий еще коренилось в действительности, когда центр комитата был не в Боржаве, а в Кишварде, а внутреннюю оборонительную линию образовывала Тисса.

Из наших археологов Иштван Диенеш указал на то, что вокруг Кишварды располагается целый ряд могильников X в. (Бездед, Эперешке, Тужер, Анарч, Реткэзберенч)¹¹. А на основании распространения дву-

---

определяет западную границу комитата Боржава. См.: K. Kandra. Az egri főegyház Szent János könyve. Liber S. Johannis. Adatok... az Egri Egyházmegye Történetéhez, II. Eger, 1886, стр. 448. По данным этой, на основании работы: F. Maksay. A középkori Szatmár megye. Budapest, 1940, стр. 178—179, 231—232. Мы пропустили на своей карте деревни [Нир-] Пазонь, Мергешд, Надь- и Киш-Варшань и перенесли их в комитаты Сабольч и Сатмар.

⁴ Слово «Варда» происходит от слова «вар» (крепость, замок) с прибавлением суффикса родительного падежа и уменьшительного суффикса -д. J. Melich. M — da, — de képzőről. Emlékkönyv Pais Dezső hetvenedik születésnapjára (szerk. Bárczi Géza és Benkő Lóránd). Budapest, 1956, стр. 155—160.

⁵ Gy. Györffy. Указ. соч., стр. 520.

⁶ D. Pais. Őr — Pátruh. NMY, 39, 1943, стр. 68—69; cp.: I. Kniezsa. További pillantások «A magyar nyelv szláv jövevényszavai» némely részébe. Pais — Emlékkönyv. Budapest, 1956, стр. 335.

⁷ A. Mező. A baktalórántházi járás földrajzi nevei.

⁸ I. Bánffy oklt., стр. 149, cp.: A. Mező. A földrajzi nevek és a településtörténet. «Szabolcs — Szatmári, Szemle», 1966, N 2, стр. 384—385.

⁹ I. Kniezsa. Magyarország népei a XI-ik században. SZIEmk, стр. 384—385.

¹⁰ A. Mező. A nyíri-rétközi gyeű. «A Nyíregyházi Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei», 2, 1968, стр. 246—248.

¹¹ I. Diénés. Über neuere Ergebnisse und Aufgaben unsere archaeologischen Erforschungen der Landnarmzeit. «A Móra Ferenc Múzeum Evkönyve», 2. Szeged, 1964—1965, стр. 100.

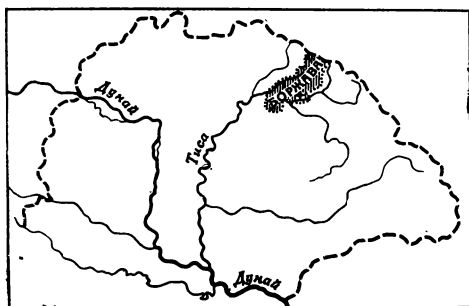

Рис. 1. Расположение Боржавы на территории средневековой Венгрии

лезвийных мечей, характерных для последней трети X в. и рубежа X—XI вв., Корнел Бакаи пишет следующее: «...особенно сильное заселение этой области вызвано тем, что здесь был самый значительный центр кабаров. После рассеивания кабаров немецкие военачальники княжеской армии, Гут и Келед, и венгерские дружинники этой армии получили здесь значительные имения»¹². Антал Барта также поднимает вопрос: «...что было причиной сильного княжеского контроля северо-восточной части страны, далекой от западной границы?» По его мнению, «...тя-

желовооруженная армия, с одной стороны, наверно, обеспечивала контроль кабаров. Однако, с другой стороны, эта армия обеспечивала и контроль дорог, ведущих к северным и к северо-восточным перевалам. Эти последние дороги вели в Киев и через Краков в Скандинавию»¹³. Однако распространение здесь двулезвийных мечей мы можем объяснить и по-другому. Известно, что организация армии, вооруженной двулезвийными мечами, связана с именем князя Гезы (972—997), даже «...те территории, где мы знаем захоронения с этими мечами, попали под контроль княжеской власти при князе Гезе»¹⁴. На территории комитата Боржавы археологическая литература знает двулезвийные мечи из Бестерец — Дялаптаня¹⁵, Домбрада¹⁶, Гегеня¹⁷ и Сабольчверешмарта¹⁸, к их числу можем прибавить некоторые новые находки (Патроха — Баёрхедь, Кишварда — Корхаз)¹⁹. Все двулезвийные мечи происходят из округа Кишварды. Частые находки двулезвийных мечей вокруг Кишварды делают вероятным, что на этой территории укрепление центральной власти и создание системы феодального государства произошло при князе Гезе, и подтверждают то мнение, что к этому времени можем отнести и присвоение бывшего родового центра и городища

K. Bakay. Archaeologische Studien zur Frage der ungarischen Staatsgründung. Angaben zur Organisierung des fürstlichen Heeres. AАН, 19, 1967, стр. 161. Однако автор ошибается в том, что Гут и Келед были вождями княжеской армии. Они, по свидетельству наших хроник, пришли только при короле Петере (1038—1041; 1044—1046).

¹³ *A. Bartha. A IX—X századi magyar társadalom. Budapest, 1968, стр. 160.*

K. Bakay. Указ. соч., стр. 159.

P. Paulsen. Wikingerfunde aus Ungarn. АН, 12, 1933, tabl XII; L. Kiss. A Beszterecgyalaptanyai honfoglaláskori sirlelet. «Dolgozatok», 14, 1938, стр. 201—202.

¹⁶ *I. Dienes. Honfoglaló magyarok. A kisvárdai vár története (szerk. Éri István). Kisvárdá, 1961, стр. 178—179;*

K. Bakay. Указ. соч., стр. 124. N. Fettich. A prágai Szent István kard régészeti megvilágításban. SZI Emk, III, стр. 508.

¹⁸ *I. Dienes. Honfoglaló magyarok..., стр. 186.*

¹⁹ Обе вещи хранятся в кишвардском Вармузее. Неопубликованные. Инв. № 67, 3, 1; 67, 4, 1.

ишпаном. То военное сословие с двулезвийными мечами (*miles*) было призвано поддержать власть жившего здесь ишпана. Они были захоронены в выше указанных погребениях с двулезвийными мечами (рис. 2).

В то же время из области замка Боржавы мы не знаем двулезвийных мечей. Этот факт мы должны рассматривать закономерным, так как ишпанский центр в Боржаве был построен при короле Иштване I, когда военная дружина ишпанов уже хоронилась по христианскому обычаю. Однако память об этом сословии хранят деревни в непосредственном соседстве с Боржавой — *Bakta* (ныне в области Надьмужая); *Sibik* (к югу от Гече); *Gecse* — Геча; *Halábor* — Грабаров; *Muzsaj* — Мужиево; *Vári* (имение, принадлежащее к замку) — Вары, жители которых спустя двести лет фигурируют в наших источниках как крепостные, а из названия *Oroszi* — Оросиево мы можем сделать вывод о размещении здесь русско-варяжских дружинников²⁰ (рис. 3).

Однако вопрос в том, подтверждается ли вышесказанное археологическими исследованиями на территории ишпанских центров? Ишпанский центр в Кишварде мог паходиться лишь в одном месте, на территории средневековых развалин крепости XV—XVII вв., укрепленной земляными валами. Охранительные исследования еще не дали доказательства относительно ишпанского центра X в., и многократно возобновляющиеся раскопки не дали результатов относительно места замка или укрепления, построенного в 1400 году²¹. Несмотря на отрицательный результат, ишпанский центр в Кишварде надо искать на территории сегодняшнего замка, как географически самом подходящем пункте, который позже, в середине XI в., перешел к вардской ветви фамилии Гуткелед в качестве королевского пожалования. Отсутствие археологических доказательств мы объясняем тем, что постройки в XV—XVII вв. покрыли все видимые следы бывших построек, а раскопки велись только на позже застроенной территории²².

Исследование городища близ слияния Тиссы и Боржавы затрудняется и тем, что оно долгое время используется, как деревенское кладбище, так же как и мы это наблюдаем в отношении Сабольского городища. У нас есть данные и о том, что 300—400 лет выкапывают здесь камни и увозят их²³. Мы знакомы только частично с результатами археологических открытий последнего десятилетия. К. Б. Бернякович в 1957 г. лишь упоминает о городище²⁴. По сути дела только после осмотра П. А. Раппопорта и Н. В. Малевской в 1962 г. было опубликовано первое описание городища. «Городище расположено на плоской неизменной местности близ слияния рек Боржавы и Тиссы. Оно состоит из двух частей — собственно городища (так называемого замка) и прилегающей к нему площадки, занятой селищем. Городище имеет форму,

²⁰ *Gy. Györfly*. Указ. соч., стр. 522—523.

²¹ Исследование городища X в. не было включено в программу археологических открытий.

²² См.: *I. Éri*. A kisvárdai vár reneszánsz faragványtöredékei. «A Jésa András Múzeum Évkönyve», I, 1958, стр. 129—142; *он же*. Kisvárdai. Budapest, 1965, стр. 8—38.

²³ *Zs. Sipos*. Borzsova monographiája. Beregszász, 119, стр. 12.

²⁴ К. Б. Бернякович. Древнеславянские памятники Закарпатской области УССР.

близкую к треугольнику, вызванную естественной конфигурацией всхолмления, поднимающегося над окружающими лугами на 2—3 м. На мысу городища имеется небольшой отрезок вала высотой до 4 м. Такой же высоты вал проходит с напольной стороны городища, со стороны селища. Здесь перед валом сохранились следы затлывшего рва. В средней части напольной стороны расположен въезд. Размер площадки городища — 120 × 110 м.

Селище, примыкающее с юго-запада к городищу, не имеет валов и ограничено небольшим склоном; площадка селища расположена на 2—3 м выше окружающей низины. Вокруг городища лежит пониженный участок местности, частично заболоченный и заливаемый при повышении воды в реках. Западный край селища уничтожен при прорытии нового русла реки Боржавы.

На площадке городища находится давно уже заброшенное кладбище. Зачистка обрывов ям показала, что культурный слой имеется лишь на участке, примыкающем к валу. В обрыве ямы близ вала видно, что толщина гумусного слоя здесь превышает 70 см, однако культурные остатки встречаются лишь в верхних 30 см этого слоя. Находки в слое — небольшое количество фрагментов керамики X—XI вв. Такая же керамика найдена на селище»²⁵.

В последнее время С. И. Пеняк таким образом подытожил свои наблюдения на раскопках городища: «На місці городища зберегалися замишки валів і ровів. Як показали розкопки, вал був споруджений обпаленої і щільно утрамбованої глини, яка чергувалася шарами товщиною від 0,21, до 0,55 м. Така конструкція валу забезпечувала йому міцність і довготривалість. Видкритий керамічний матеріал виготовлений на гончаскому крузі. Він орнаментований хвилястими і горизонтальними лініями.

Городище в с. Вари датується IX, початком X ст., тобто часом приходу угорських племен в Тиссо-Дунайську рібнину»²⁶. Наконец, Пеняк делает следующий вывод, «...що у 8—9 ст. ст. на Закарпатті існували древньослов'янські князівства, центрами яких було Ужгородське і Боржавське укріплене городище»²⁷.

Однако такую датировку городища Боржавы мы не можем оставить без критики. Не только в старой (Лехоцки, Шопощ), но и в новой исторической литературе постоянно возобновляется та практика, что для датирования археологических объектов используется *Gesta Hungarorum* Анонима. Испанский центр, стоящий еще около 1200 года, представил для Анонима идею для написания наивной истории: «...castrum Borsoa obsedit et tertio die pugnando apprehendit, muros eius destruxit et milites Salani ducis, quos ibi invenit, catenis ligatos in castrum Hung

²⁵ П. А. Ранняпорт, М. В. Малевская. Обследование городищ Прикарпатья и Закарпатья на территории Советского Союза (итоги работ 1962 г.). «Acta Archaeologica Carpathica», 5, 1963, стр. 63, рис. 2.

²⁶ С. И. Пеняк. Дослідження слов'янських пам'яток Закарпаття за роки Радянської влади. «Тези доповідей до юбілейної наукової конференції, присвяченої 20-річчю УжДУ». Серія історична. Ужгород, 1965, стр. 59.

²⁷ С. И. Пеняк. Указ. соч., стр. 60.

Рис. 2. Боржава в конце X века

- 1 — граница страны;
- 2 — граница древних лесов;
- 3 — границы Боржавы до середины XIII в.;
- 4 — военная дорога;
- 5 — венгерские находки X в. перед внутренней пограничной линией;
- 6 — топонимика с племенным названием;
- 7 — стрелок;
- 8 — сторож;
- 9 — находки двулезвийных мечей;
- 10 — славянская топонимика совместно с венгерской

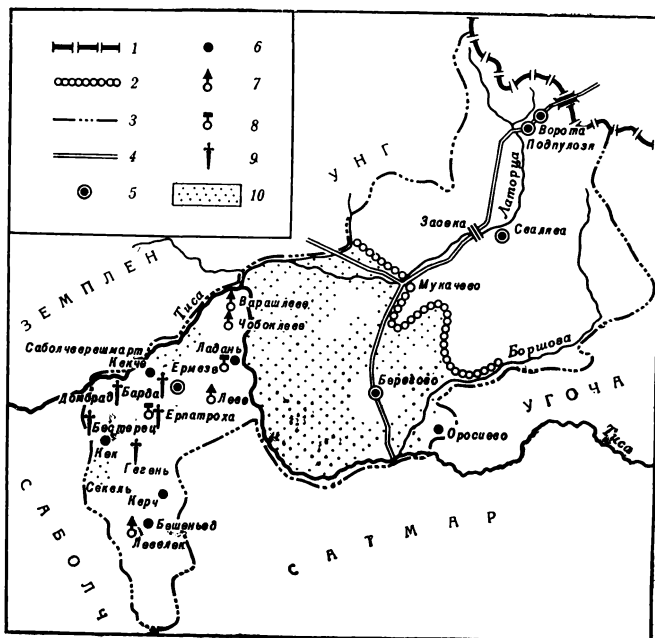
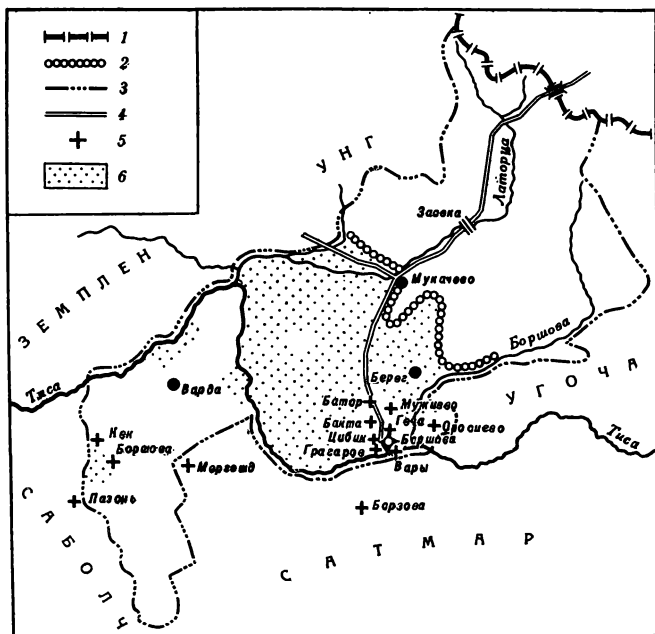

Рис. 3. Боржава в первой половине XI в.

- 1 — граница страны;
- 2 — граница древних лесов;
- 3 — граница Боржавы до середины XIII в.;
- 4 — военная дорога;
- 5 — крепость Боржавы;
- 6 — славянская топонимика совместно с венгерской

ducis prescepit»²⁸, то есть (Арпад) «...осадил крепость Боржава, на третий день взял ее в бою, разрушил ее стены, а солдат полководца Шалана, которых он там нашел, проводил в канадалах в крепость Хунг». Недавно Дьердь Дерффи анализировал картину, данную Анонимом о народах и странах до завоевания венграми родины (896), и установил, «...что Геста Хунгарорум Анонима не может быть использована в качестве источника для характеристики политических и этнических отношений IX в. Анализированные части могут быть использованы для исследования средневековой этимологизации, войн Иштвана I и политических и народных отношений XII века»²⁹.

Не принимая во внимание Анонима, а только хронологические рамки, данные археологическими находками, из профилей сосудов, опубликованных Раппопортом и Малевской, а также из описания Пеняка ясно, что мы имеем дело с поселением XI—XII вв. (рис. 4). На городище этого же времени мы произвели раскопки в 1968 г. в Бестереце. Здесь — судя по письменным источникам — мы перерезали валы родового городища и раскопали сохранившиеся стены монастыря, место погребения данного рода. Относительно этого городища выяснилось, что оно не было доисторическим, как считали раньше в археологической литературе, а что оно построено в XI в. и было заброшено в конце XII в. или же во время нашествия татар (1241—1242). В одной из своих статей мы уже обратили внимание на одновременные с Бестерецким родовые и ишпацские центры, и новейшие раскопки в Венгрии, Словакии, Румынии, а также на территории бывших Волынского и Галицкого княжеств в общем свидетельствуют о таких же результатах³¹ (рис. 5).

Исследования этнических вопросов на территории Карпатского бассейна, а также почти в каждой области средневековой Венгрии ведутся с начала научно-исследовательской работы. Хотя они опирались на те же самые источники, возникли самые противоречивые мнения, особенно в отношении тех веков, о которых мы не имели и не имеем письменных источников. Когда мы попытались сопоставить исторические и лингвистические источники с археологическими данными по вопросу образования системы комитатов, мы не ответили на вопрос, какое население жило в комитате Боржава в X—XI вв.

Наши источники не говорят о том, во владении какого рода находился комитат Боржава, который получил свое название, наверно, от пер-

²⁸ SRH, I. 53.

²⁹ Gy. Györffy. Honfoglalás előtti népek és országok Anonymus Gesta Hungarorumában. «Ethnographia», 86, 1965, стр. 431.

³⁰ P. Németh. Szabolcs és Szatmár megyék Arpád-keri földvárjai és monostorai. «A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve», 2, Szeged, 1966—1967, стр. 127—134; A nyiregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve, 10, 1967, стр. 91—102.

³¹ См.: A. Hăbovsťiak. Frühmittelalterliche Wallanlage und romanische Bauten in Bina. Nitra, 1966; он же. K otázke datovania hradiska v Bini (Zur Frage der Datierung der Wallanlage von Bina). «Slovanska Archeologia», 14, 1966, стр. 439—481, 482—486. О бывшем центре комитата Солюк-Добока, о замке Добока см.: St. Pascu, M. Rusu, P. Lambor, N. Endroiu, St. Matei. Cetatea Dabica. Acta Musei Napocensis; P. Gyulai, V. Wollmann, 5, 1968, стр. 153—202; о городище в Фиртуше см.: K. Horvát, Z. Székely, St. Molnár. Săpăturile de la Porumbeni Mici. «Materiale și cercetări arheologice», 8, 1962, стр. 639, рис. 8.

вого королевского ишпана: так как слово «Боржава» (Боршова) происходит от венгерского личного имени Борш с прибавлением славянского суффикса родительного падежа и его значение — «принадлежащий Боршу»³². Многие факты указывают на то, что в начале эпохи Арпадов к самым крупным помещикам Боржавы принадлежал род Томай печенежского происхождения, их имения располагались в западной и средней частях комитата, центром которых еще в XV—XVI вв. был Тисасентмартон, находящийся у извилины Тиссы³³. Единственный родовой монастырь комитата, Бестерецкий, появляется в источниках только в XIII в., как имение чужого по происхождению рода Хонтпазманы³⁴, однако спорно: принадлежал ли им монастырь с самого начала или нет?³⁵

Мы намного больше знаем о народном составе Верхнего Потисья. Историки и археологи путем тщательного сопоставления письменных источников с данными археологии пришли к тому выводу, что эта территория в эпоху завоевания родины была засе-

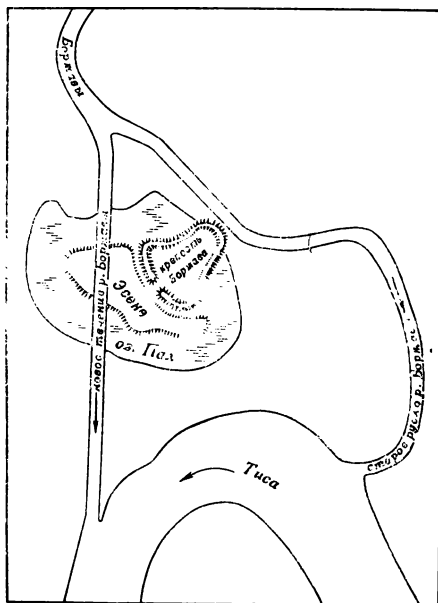

Рис. 4. Городище Боржава (по Ж. Шипошу и Раппопорту — Малевской)

³² Y. Melich. A honfoglaláskori Magyarország. Budapest, 1925—1929, стр. 129, 208. Противоположного мнения придерживается: H. Sziripcsky. Borzsova. MNy, 40, 1944, стр. 348—353. По его мнению, название Боржава происходит из славянского слова «Брезава». Брезава — «редкий», то есть «река с высоким берегом». Его критику см.: Sándor Mikesy. Borzsova. MNy, 43, 1947, стр. 55—56.

³³ I. Bánffy oklt. Koroknay Gyula. Losonci Anna Tiszaszentmartonban. «Irodalomtörténeti Közlemények», 67, 1963, стр. 731—738.

³⁴ «Arpádkori új okmánytár». Codex diplomaticus Arpadianus continuatus, IX, стр. 560; «Hazai Okmánytár», VII, стр. 315.

³⁵ На основании асперсориума с греческой надписью XI в., все еще не опубликованного, и подсвечника, украшенного греческим крестом (Музей им. Андраша Ежа в Ниредьхазе, инв. № 64.81.1), трудно себе представить, что монастырь, наверно с греческим обрядом, был основан родом Хонтпазманы, пришедшим с запада.

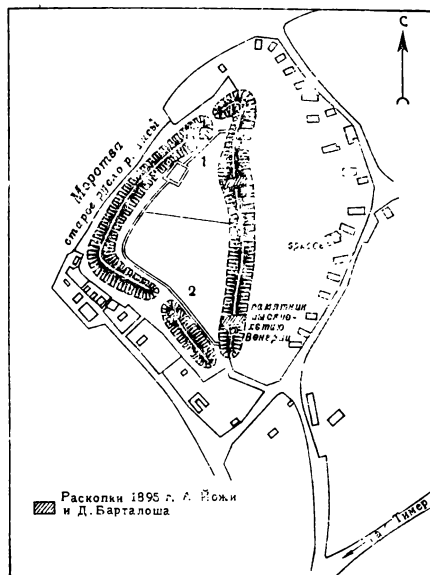

Рис. 5. Сабольчское городище (по А. Йожа)

лена одним массивом кабаров³⁶. Топонимика свидетельствует также о населении разных этнических групп: название деревни Секей происходит от названия секлеров болгаро-тюркского происхождения, Вешенед получил свое название от печенегов, название Ладашь можно связывать с кабарамми (Ерладань, сейчас — Мезёладашь), название деревни Ниркерч связано с венгерским племенем Кер, а Кек и Кекче может означать заселение здесь народа князя, так называемых кек-кендов³⁷.

Письменные источники характеризуют эту область как землю со смешанным населением. В документе об основании саздского аббатства 1067 (1267) г. владение Журк характеризуется как поселение, где живут венгры («...do et predium Saruk cum capella Sancti Martini. Sunt autem ibi Hungarii, quorum maior nomine Michael»³⁸), наверно, для того, чтобы отличить их от населения соседних поселений другого (может быть, печенежского) происхождения. В документе 1323—1326 гг., который был известен из переписи 1365 г., говорится, что сын Шаламона Шенеи, Домонкош, происходит из шарварского рода секлеров, граничащего с Моравией, и он имеет наследственные поместья в поселениях Надь-Лёвё-Темеш и Секей и Шенье, где, по всей вероятности, жили веклеры³⁹.

О славянском населении X в. в западной части Боржавы свидетельствует топонимика. Село Бестерец, наверно, получило свое название от реки с быстрым течением, которую сейчас называют Шебешт (см. славянское Быстрица)⁴⁰. Название села Богдань — хотя словообразование типично венгерское — происходит от славянской формы греческого личного имени Теодор (ср. Богдан, Богдань, славянское Богдан). Этому соответствуют Бо(х)гдан, польское Богдан, русское Богдан, то есть «Теодор», и т. д.⁴¹ Село Бездед также рассматривается как слово славянского происхождения (без + дед, т. е. от славянского личного названия)⁴², а также села Захонь, Литке (Фенешлитке)⁴³; также имеют славянское происхождение некоторые названия рек и озер, как Домбоц (славянское dob = 'arbor, quercus'), Мочоя. Орозд (из личного имени, происходящего из народного названия Орус, Орос, 'Ruthenus, Russus' с уменьшительным суффиксом -д), Пентел (из славянского слова peteli — петух), Ракотяш, Вербене (венгерская форма славянского слова врбина — верба)⁴⁴, — все они находятся на территории деревень с названием славянского происхождения.

³⁶ Gy. Györffy. Tanulmányok a magyar állam eredetéről. Budapest, 1959, стр. 122; I. Dienes. Honfoglaló magyarok..., стр. 133—137.

³⁷ I. Dienes. Honfoglaló magyarok..., стр. 102—103; A. Mező. A földrajzi nevek és településtörténet, стр. 92.

³⁸ «Árpádkori új okmánytár», I, стр. 24—27.

³⁹ E. Jakubovich. Ugocsa-szabolcsi székelyek a XIV. században. MNY, 27, 1931, стр. 205—209.

⁴⁰ J. Melich. A honfoglaláskori Magyarország. Budapest, 1925—1929, стр. 193, 195, 220—221.

⁴¹ A. Mező. Földrajzi nevek Nyírbogdányból. «A Nyiregyházi Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei», I, 1965, стр. 123.

⁴² S. Mikesy. Szabolcsvármegye középkori víznevei. «A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai», № 53. Budapest, 1940, стр. 25.

⁴³ I. Knieszsa. A szláv szókezdő iju-magyar megfelelései. MNY, 36, 1940, стр. 20.

⁴⁴ S. Mikesy. Указ. соч., стр. 25, 26, 29.

На территории к востоку от Тиссы до границы лесов в эпоху Арпадов жило смешанное население. Дьёрффи об этом писал так: «Славянская топонимика этой территории указывает на то, что венгры на равнине и у подножия гор встретили значительное славянское население. Славянское происхождение имеют, например, реки Чаронда (Чарновода), Серне, Керепец, Мерце и Стара, а также названия многих маленьких ручьев, которые соединяют их (Маронца, Осторо, Язнов, Медвиге и т. д.). Памятником ранних славян являются, например, названия сел Голго, Халабор, где наблюдается изменение *g* в *x*. Во время завоевания родины долина Боржавы и лесная горная область не были заселены»⁴⁵.

Небольшое количество исследованной топонимики к западу от Тиссы: Ападь (аба, апа — 'отец, старший брат, медведь' тюркского происхождения)⁴⁶, Bűs (из венгерского личного имени Beűs, Büűs, Bűs, Bűs, происходящего от тюркского bāg, bāy — господин, князь)⁴⁷, Ибронь (из магометанского личного имени Ihrachim, Ibrahim — Ibrahim, Ibraim, Ibrány, Ibrony)⁴⁸, Таш (из тюркского Tás и из венгерского личного имени Tasu, Tosu, Tas)⁴⁹, Тет (из личной формы тюркского tiyit — «князь»)^{49а}, эти названия с одной стороны, происходят от личных имен, значит составляют самый древний слой нашей топонимики, а с другой стороны, они — тюркского происхождения. Группа названий рек и озер также имеет тюркское происхождение^{49б}. Из вышеуказанного очевидно, что этническую картину пограничного комитата Боржава X—XI вв. определили две этнические группы: одна с тюркской культурой, а другая, говорящая на славянском языке, со значительным преобладанием первой. Однако возникает вопрос, отражают ли археологические данные эту картину?

На той территории, где образовался комитат Боржава, археология располагает небольшим количеством находок и наблюдений, относящихся к двум столетиям, предшествующим завоеванию родины. К востоку от Тиссы из Захоня нам известен позднеаварский наконечник ремня XI века^{49в}, а из Демечер-Воржовапуста — лепной глиняный сосуд^{49г}. К востоку от Тиссы в результате археологических открытий стали известны поселения IX—X вв. (Берегщурань, Гергелиугорня, Такош)^{49д}, поселения и могильники (Черлено-Червенево, Игнец-Звянцево, р-н Мукачево)^{49е}. Во всяком

⁴⁵ Gy. Győrffy. Az Arpád kori Magyarország..., стр. 520.

⁴⁶ Z. Gombocz. Arpádkori török személnveink. MNy, 11, 1915, стр. 344.

⁴⁷ A. Mező. A baktalórántházi járás..., стр. 76.

⁴⁸ D. Pais. Ór-Pátruh. MNy, 39, 1943, стр. 68.

⁴⁹ MNy, 10, 1914, стр. 338—339; ср.: D. Pais. Szempontor Arpád-kori szemályneveink vizsgálatához. «Névtudományi vizsgálatok» (szerk. Mikesy Sándor). Budapest. 1960, стр. 93—105.

^{49а} A. Mező. A baktalórántházi járás..., стр. 95.

^{49б} S. Mikesy. Указ. соч.

^{49в} Dezső Csallány. Szabolcs-Szatmár megye avar leletei. A Jós András Múzeum Évkönyve, I, 1958, стр. 46, рис. 9.

^{49г} Jós András Múzeum. Инв. № 67.219.1 не опубликован.

^{49д} AE, 94, 1967, стр. 224, 228; там же, 95, 1968, стр. 132, 135.

^{49е} С. И. Пеняк. Исследование древнеславянских памятников второй половины I тысячелетия на территории Закарпатской области УССР. «Archeologické rozhledy», 20, 1968, стр. 594—604.

случае можем установить, что эта территория в VIII—IX вв. была слабо заселена, однако имеющиеся результаты открытий еще не позволяют точно определить этническую (аварскую или славянскую) принадлежность населения, хотя на основании топонимики эпохи Арпадов можно сделать вывод о том, что в некоторых местах славяне преобладали.

Именно с этой территории происходят выдающиеся находки венгров X в. в Карпатском бассейне, которые надо связывать с кабарам (kábarok) упоминающимися у Константина Багрянородного, племенем, примкнувшим восьмым к семи венгерским племенам. Преобладающее большинство археологических памятников комитата Боржава расположено к западу от Тиссы, вокруг Кишварды, что доказывает, что центром кабаров Боржавы был, наверно, тоже Кишварда, и не является случайным, что во второй половине этого столетия она стала центром княжеского комитата. Хотя внутренней линией укрепленной границы была, наверно, Тисса, венгры заселили территорию от Тиссы до Карпат. В то время как некоторые случайные находки (Алшо — Верецке — Нижние Ворота; Везерсаллаш — Подпулозя), может быть, показывают путь завоевания родины⁵⁰, два важных погребения являются памятниками верхушки переселившихся венгров. Погребение в д. Сойва (Свалява) найдено рядом с военной и торговой дорогой, ведущей в Галич и Киев⁵¹, которая выходила из страны у Верецке, у так называемых Русских ворот. В 1263 г. документы упоминают здесь пограничные укрепления, засады (indagines) между Сентмиклошом (Чинадиево) и Сойвой⁵². Вероятно, что эти ворота пограничной линии существовали уже и в предыдущие столетия, и, таким образом, погребенного в Сойве мы можем считать начальником здешних пограничников (sagittarii, speculatores).

Такое же мнение сложилось у Иштвана Диенеша о богатом погребении из Берегово: «Можно предполагать, что знатный мужчина был первым владельцем поселения Батор южнее от Берегово, ведь название поселения говорит о храбром воине и относится к так называемым авторитетным названиям. В 1933 году недалеко от этого погребения было найдено еще одно погребение богатого мужчины»⁵³.

Здесь мы должны указать и на одну ошибку. Полагают, что Закарпатье в XI—XIII вв. имело отдельного князя (Dux Ruizorum, Duces Russorum, князь русских), и это рассматривают в качестве аргумента в пользу живущего здесь большого массива славянского населения⁵⁴. Однако под выражением dux ruizorum — «князь русских» надо иметь в виду другое. По мнению Дьёрффи, это соответствует выражению dux

⁵⁰ Nándor Fettich. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. AH, b. 21, 1937, XXXII, 4; J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905, 11, 611.

T. Lehoczký. A szolyvai hun-sir. AE, 3, 1870, стр. 201—206; J. Hampel. Alterthümer... 11, стр. 588—595.

⁵² Gy. Györffy. Az Arpád-kori Magyarországon..., стр. 522.

⁵³ I. Dieneš. Die Ungarn der Landnahmezeit. Budapest, 1969 (Corvina — Press, в печати); ср. Z. Gombocz. Указ. соч., МНУ, 11, 1915, стр. 435.

П. А. Ратнопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, № 140, Л., 1967, стр. 176.

exercitus regis — начальник королевской армии, королевских телохранителей, а из этого названия следует, что основной костяк телохранителей составляли руссы⁵⁵. Дьёрффи приходит к следующему выводу: «Вероятно, что телохранителем Гезы и Иштвана была такая же варяжско-русская дружина, как в Киеве или Византии»⁵⁶. И это мнение мы можем подтвердить данными археологии.

После тщательного анализа археологического материала Верхнего Потисья в последнее время мы нашли некоторые чрезвычайно интересные типы вещей. Говоря о шейном украшении дисковидной формы, найденного в 6-ом погребении могильника Х в. в Сабольч-верешмарт-Селерд, Иштван Дienesш уже в 1961 г. отметил, что оно могло попасть к нам из восточных, славянских территорий⁵⁷ (аналогичный предмет был опубликован Г. Б. Федоровым из молдавского городища Экимауци)⁵⁸. В обрыве берега реки Тиссы в Сабольч-верешмарте была также найдена бронзовая пряжка с чернью⁵⁹, аналогию которой мы знаем из Самборцеца (Польша)⁶⁰ и из Воиня, у слияния Днепра и Сулы⁶¹. Вместе с пряжкой в Сабольч-верешмарте был также найден бронзовый топорик, украшенный чернью⁶², и этот, пока еще не опубликованный, предмет является значительным аргументом в пользу восточных связей. Больше известны восточные аналогии венгерских наконечников ножен двулезвийных мечей. Многократно опубликованный, украшенный палметкой и птичьей головой наконечник из Бестерец-Дялаптаня⁶³ имеет анало-

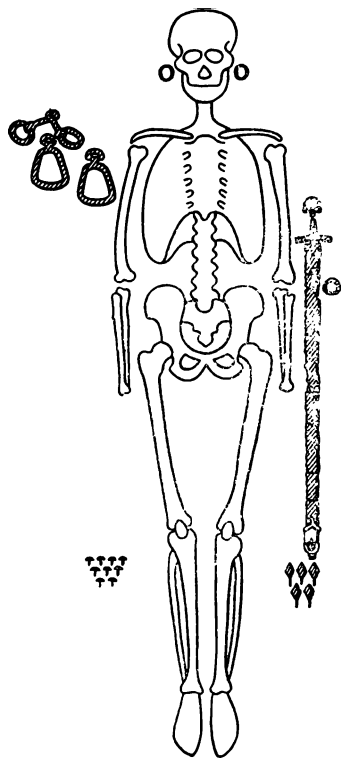

Рис. 6. Погребение в Бестерец — Дялаптаня (по рисунку Лайоша Киш)

⁵⁵ Gy. Györfy. Tanulmányok..., стр. 86.

⁵⁶ Там же, стр. 92.

⁵⁷ I. Dienes. Honfoglaló magyarok..., стр. 174, 187—188.

⁵⁸ Г. Б. Федоров. Городище Экимауци. КСИИМК, вып. 50, 1953, стр. 104 и сл.

⁵⁹ Józsa Andras Múzeum, инв. № 63.392.1, старый инв. № V, 695, не опубликован.

⁶⁰ Jan Bartys. Wczesnohistoryczne cmentarzyskie szkieletowe we wsi Samborzec, pow. Sandomierz. «Przegląd Archeologiczny», 5, 1936, 3—4, рис. 7b.

В. И. Довженко, В. К. Гончаров, Р. О. Юра. Древньпоруцьке місто Воїнь, Київ, 1966, табл. XVI, 3.

⁶² Музей им. Андраша Йожа, инв. № 63, 391.1, старый инв. № III, 1289; см.: Т. J. Arne. La Suede et l'Orient. Uppsala, 1914, стр. 215, фиг. 362—363. В. И. Довженко, В. К. Гончаров, Р. О. Юра. Указ. соч., табл. XVI, 23.

⁶³ P. Paulsen. Wikingerfunde..., tabl. XII; L. Kiss. A Beszterec-gyalaptanyai..., стр. 201—205; P. Paulsen. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, стр. 67.

гии, по П. Паулзену, из области Киева и с территории бывшей Восточной Пруссии (Линкунен) ⁶⁴, а варяжский наконечник из Домбрада, опубликованный И. Диенешом ⁶⁵, наверно, был изготовлен в одной мастерской с наконечником из Даниловки, находящейся южнее Саратова ⁶⁶.

О чем свидетельствуют вышеуказанные факты? Ответить на этот вопрос не так просто, ведь за исключением одного все вышеуказанные предметы являются случайными находками, и здесь мы не имеем наблюдений специалиста-археолога. Мы можем сказать только о погребении в Бестерец-Дялаптаня, что погребенный здесь одинокий мужчина с золотыми серьгами, седлом, с украшенными серебром стремянами и уздечками, с двулезвийным мечом и с пятью наконечниками стрел (рис. 6) был, вероятно, русского происхождения, «может быть, был членом дружины, прибывшей из Киева» ⁶⁷. Ведь заставляет задуматься, что два немецких рыцаря, Гут и Келед, игравшие ведущую роль в королевской дружине при короле Петере (1038—1041, 1044—1046), получили значительные имения также здесь, около Кишварды ⁶⁸. В свете этих фактов мы полагаем, что в части погребений с двулезвийными мечами вокруг Кишварды похоронены знатные воины русско-варяжской дружины, поселенные здесь для поддержания княжеской власти, испанства и получившие здесь имения, происхождение которых подтверждается и данными археологии.

Однако связи с варягами и с Киевской Русью намечаются уже в первой половине X в. Из хронологической классификации арабских диргемов, найденных в Карпатском бассейне, Антал Барта выяснил, «что преобладающее большинство этих диргемов попало к венгерским владельцам не до завоевания родины, а в первой половине X в.» И хотя наши находки диргемов по своему богатству далеко отстают от восточных и северных территорий, Барта правильно отметил: «... из чрезвычайно богатого денежного обращения эмирата Саманидов, ведущих развитую денежную и торговую политику, попало и к венграм — завоевателям родины. Восточные купцы посещали Венгрию в X в.» ⁶⁹ Однако Барта не обратил внимание на одно явление — на распределение находок диргемов. Если мы места находок нанесем на карту, то явно выясняется, что находки диргемов группируются главным образом в Северо-Восточной Венгрии, а также находим их у подножия гор Матра, вокруг Солнока и на Кишальфёльде. Если мы нанесем на эту же карту распространение пластинчатых блях от поясных сумок, характерных для

⁶⁴ P. Paulsen. Schwertortbänder..., стр. 69, 71; M. K. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, рис. 75.

⁶⁵ I. Dienes. Nonfoglalt magyarok..., стр. 178—179.

⁶⁶ P. Paulsen. Schwertortbänder..., стр. 41, рис. 39.

⁶⁷ I. Dienes. Nonfoglalt magyarok..., стр. 180—181; О связях с Киевом ок. 970 г. см.: Vajay Szabolcs. Géza nagyfejedelem és családja. «Székesfehérvár Évszázadai», I, 1957, стр. 79, сноска 61.

⁶⁸ SHR, I, 189; J. Karácsonyi. A magyar nemzetségek a XIV. század közepéig, II. Budapest, 1901, стр. 19, 75—84.

⁶⁹ A. Bartha. Указ. соч., стр. 154—156.

богатых мужских погребений кабаров, то находим почти полное совпадение⁷⁰. То есть участие в восточном торговом обращении было характерно не для всех венгров, а ограничивалось только кабарами,— значит, находки диргемов в Венгрии проливают свет на экономические связи кабаров, примкнувших в качестве восьмого племени к венграм, которым, по Константину, «...досталась та честь при наступлении идти перед войском, а при отступлении за ним».

Но почему мы находим эти диргемы только у кабаров? Кажется, это объясняется не только экономическим фактором. Иштван Гедан в своей статье, находящийся в печати, рассматривая места находок монет Восточной Венгрии, пришел к выводу, что находки монет XI—XIII вв. чаще всего встречаются там, где, по письменным источникам, жили исмаилиты (по-венгерски: бёсёрмени) в Ниршеге⁷¹. Из законов эпохи Арпадов известно, что ишпаны казны чеканчики монет и наблюдатели за торговлей солью еще в начале XIII в. были в большинстве исмаилиты и евреи⁷². По мнению Дьёрффи, венгерское слово «бёсёрмень» происходит от арабского muslim или персидского musliman, турецкого musurman— busurmen — «правовёрный, магометанин», то есть название исмаилит — бесермень означает не этническую, а религиозную принадлежность⁷³. И если в 1150 г. Абу Хамид еще нашел в Венгрии хорезмийцев, то есть кализов и магрибитов, верующих в ислам⁷⁴ (этих последних Дьёрффи отождествляет с аланами, то есть ясами)⁷⁵, то их число за 200 лет раньше могло быть еще больше. По нашему мнению, находки диргемов в Венгрии археологически подтверждают то мнение, что в первой половине X в. большинство кабаров было магометанами.

По свидетельству топонимики, среди народов, населявших комитат Боржава, мы находим и группу, говорившую на славянском языке. Однако их археологические памятники X—XI вв. еще не изучены полностью. Как мы уже раньше указали, те недавно открытые вещи, аналогии которых мы знаем из области Киева, принадлежали не местному населению, а воинам варяжско-русской дружины, служившим венгерскому князю. К западу от Тиссы нам известно единственное место, где было найдено, вероятно, славянское погребение в урнах (Нирташш — Аллами гадашаг), хотя оно является случайной находкой и требуются дальнейшие раскопки⁷⁶. Заставляет задуматься, что один из самых лучших памятников византийского христианства XI в.⁷⁷, сосуд для священ-

⁷⁰ Совместную встречаемость диргемов и пластинчатых блях уже многие отметили: Gy. Györfy. Tanulmányok..., стр. 122; I. Dienes. Nonfoglaló magyarok..., стр. 135—136.

⁷¹ I. Gedai. Numizmatikai adatok a dukátns történetéhez. «A Móra. Ferenc Múzeum Evkönyve», 2. Szeged, 1969.

⁷² «Corpus Juris Hungarici. 1000—1526». Budapest, 1899, стр. 140.

⁷³ Gy. Györfy. Tanulmányok..., стр. 54.

⁷⁴ I. Hrbek. Ein arabischer Bericht über Ungarn. «Acta Orientalia», 5, 1955, стр. 208—209.

⁷⁵ Gy. Györfy. Tanulmányok..., стр. 57—59.

⁷⁶ Музей им. Андраша Йожа, инв. № 64.1181.1, не опубликован. В сосуде, изготовленном из красно-коричневой глины и богато украшенном линейным орнаментом, который лежал на глубине 1,5 м, были найдены кости ребенка.

ной воды с греческой надписью, был найден в Бестереце в поселении, название которого имеет славянское происхождение⁷⁷. Однако мы не можем согласиться с тем предположением, что все погребения венгров с оружием X в. к востоку и северо-востоку от Тиссы являются погребениями славянских воинов, а также славянскими могильниками типа Бело-Брдо⁷⁸. Ожидаемая в недалеком будущем публикация археологического материала, новых археологических открытий на территории к востоку и западу от Тиссы, наверно, будет способствовать сложению более единого мнения среди исследователей.

---

⁷⁷ Венгерский национальный музей, инв. № 15/1903. По автору, опубликовавшему последний раз данную вещь (*N. Fettich. A besztereci római kori aspersorium. «A Jóna András Múzeum Évkönyve»*, 2, 1959, стр. 33—50), она была изготовлена в конце XII в. в Венгрии. Его определению о дате и происхождении этой вещи совершенно противоречат ювелирные работы, аналогичные с бестерецкой. Критику на работу Феттиха я опубликую в недалеком будущем при подробной публикации моих раскопок в Бестереце.

⁷⁸ *С. И. Пеняк. Раннеславянское и древнерусское население Верхнего Потисья VI—XIII вв. Автореферат диссертации. Киев, 1968, стр. 15.* Также является неправдоподобным мнение Элемера Мора о том, что в области Верхнего Потисья в X в. жили словаки (и не славяне!) коневоды. *MNy.*, 61, 1965, стр. 142—152, 466—470. Критику лингвистов см. *D. Pais, MNy.*, 61, 1965, стр. 455—458, а из археологов отметим прекрасную статью Иштвана Диенеша «*Ahonnfoglaló magyarok lószerszámaik néhány tanulsága*», *АЕ*, 93, 1966, стр. 228—229.

В. Ф. ГЕНИНГ (Свердловск)

Южное Приуралье охватывает территорию бассейна р. Белой и нижнего течения р. Камы с ее левыми притоками вплоть до Волги. Археологические памятники I тысячелетия н. э., главным образом III—VII вв., на этой территории начали изучаться в основном с середины 1950-х годов¹.

Появление массы нового материала в археологии Южного Приуралья I тысячелетия н. э. породило ряд дискуссионных проблем, которые сводятся к двум основным вопросам:

1. Правомерность выделения различных комплексов в археологические культуры.
2. Происхождение и этническая принадлежность различных групп населения, оставившего памятники III—VII вв.

В раннем железном веке в Западном Приуралье относительно спокойная эпоха III в. до н. э.—II в. н. э. привела к значительному росту народонаселения, а концентрация отдельных групп его на сравнительно небольших территориях и сложение постоянных племенных союзов впервые породило монолитные этнические общности², в которых этническая интеграция достигла наивысшей степени для первобытности. Это были, очевидно, формирования типа межгрупповых этнических общностей (мегрэо)³.

Территория Приуралья в этот период была занята гляденовской, осинской, чегандинской и кара-абызской культурами (рис. 1), в каждой из

История изучения памятников I тысячелетия в Южном Приуралье обстоятельно изложена в публикациях: А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, № 58. М., 1957; Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. «Труды Казанского филиала АН СССР», серия гуманитарных наук, т. I. Казань, 1954; В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала. ВАУ, вып. 1. Свердловск, 1961; Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, 1968; В. Ф. Генинг. Мазунинская культура в Среднем Прикамье. ВАУ, вып. 7. Свердловск, 1967; П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры. САИ, вып. Д-1-32, 1967. М.; С. М. Васюткин. Периодизация археологических памятников юго-западного Приуралья I — начала II тыс. н. э. Автореферат. М., 1968; Г. М. Матвеева. Население лесной и лесостепной Башкирии в III—VIII вв. н. э. Автореферат. М., 1969.

² В. Ф. Генинг. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху, ч. 1. Чегандинская культура (III в. до н. э.—II в. н. э.). ВАУ, вып. 10. Свердловск — Ижевск. 1970, стр. 126—139, 175—188.

³ В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, стр. 88—89.

которых сложилась самостоятельная этническая общность. Эту группу родственных культур можно объединить в пьяноборскую этно-культурную общность, так как все они возникли на базе ананьинской культуры, принадлежавшей, как полагает большинство исследователей, пермоязычному населению. В районах правобережья р. Белой к югу от устья Уфы в результате ассимиляции в IV—III вв. до н. э. какими-то пришлыми племенами ананьинского населения возникла гафурийско-убаларская культура, этническая принадлежность носителей которой пока недостаточно ясна (сарматы? угры?). Такова в самых общих чертах картина этнического развития Приуралья накануне рассматриваемой нами эпохи.

Южное Приуралье в III—VII вв. в археологическом отношении, безусловно, представляет собой обособленную эпоху в общем развитии. Начало ее фиксируется по прекращению на рубеже II—III вв. функционирования многочисленных могильников чегандинской, кара-абызской и убаларской культур⁴. Несколько хуже выявлена конечная дата периода. Среди исследованных памятников хорошо представлены комплексы VII в. и лишь в единичных — VIII в. (Манякский могильник). Но это объясняется скорее всего тем, что для столь обширной территории широко раскопанных памятников еще немного. Вся эпоха III—VII вв. может быть разделена на два периода — III—V вв. и V—VII вв.

Содержанием раннего этапа III—V вв. является дальнейшее развитие местного населения, когда, однако, произошли значительные перегруппировки и перемещения его на территории Приуралья с выходом небольшой части в Поволжье. В этот период Южное Приуралье занято, по нашему представлению, населением азелинской, мазунинской и бахмутинской культур.

С V в. н. э. в Приуралье хлынул большой поток различных племен неуральского происхождения⁵, что прекрасно фиксируется в археологическом материале.

1. ПЕРИОД III—V ВВ.

Археологические памятники Южного Приуралья III—V в. занимают гораздо более широкую территорию, чем в предшествующее время (рис. 1). Правобережье Нижнего Прикамья, Волго-Вятское междуречье и небольшая часть правобережья Волги входили в область распространения азелинской культуры III—V вв. Новейшие исследования дали чрезвычайно богатые и разнообразные вещевые комплексы азелинского типа, что позволило четко отчленить их от пьяноборских и выделить в самостоятельную археологическую культуру⁶.

⁴ В. Ф. Генинг. История населения Удмуртского Прикамья... А. Х. Пшеничнюк. О периодизации кара-абызских памятников. «Ученые зап. Пермского университета», № 148, Пермь, 1967. *он же*. Охлебининский могильник. АЭБ, т. III, Уфа, 1968.

⁵ Неоднократно высказанное мною мнение о притоке в Приуралье инородного населения в III—V вв. в свете новых исследований я считаю ошибочным.

⁶ Материалы исследований памятников азелинской культуры подробно опубликованы: В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 83—

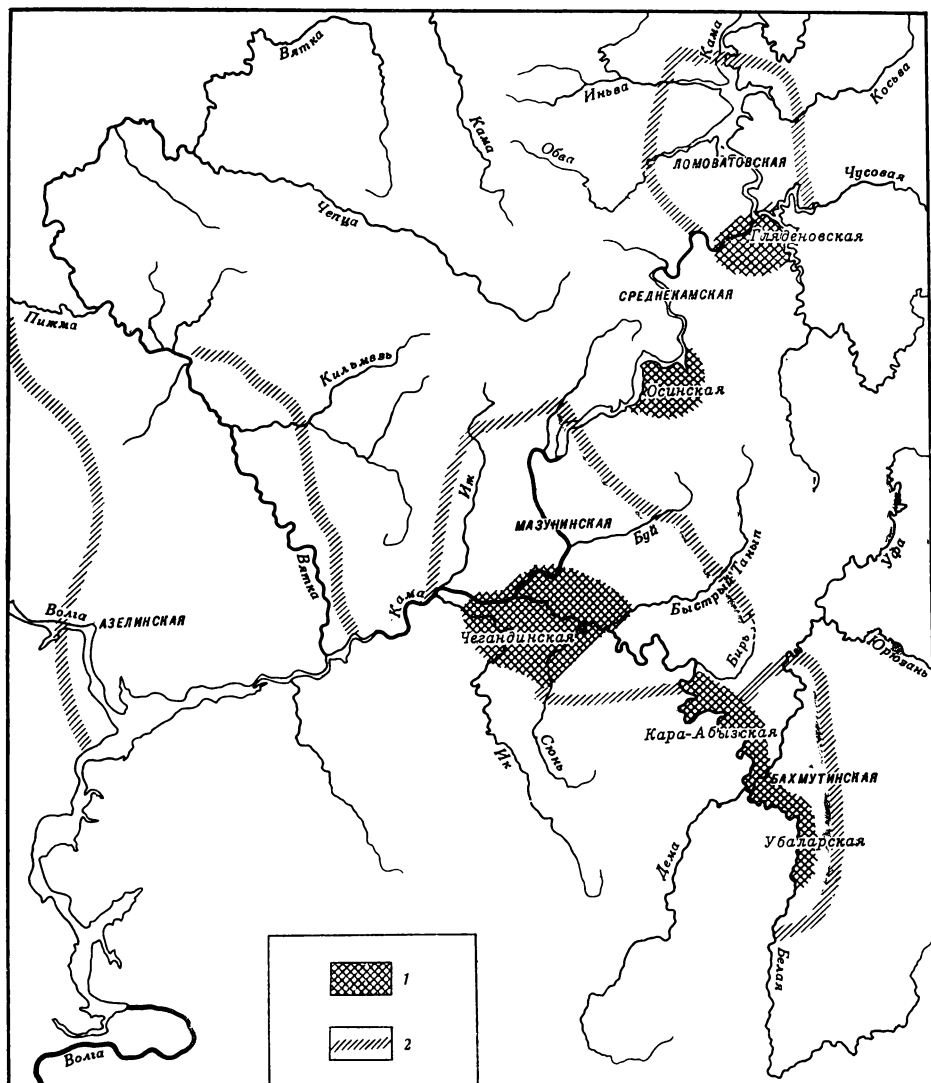

Рис. 1. Карта территорий распространения археологических культур конца I тыс. до н. э.— первой половины I тыс. н. э.

1 — культуры III в. до н. э.— II в. н. э.; 2 — культуры III—V вв. н. э.

Недостаточно исследованы пока взаимоотношения азелинского и именьковского населения, но, учитывая, что в районах правобережья Нижней Камы и Волги обнаружены памятники обеих культур, а сосуществование их в III—V вв. нигде по археологическим материалам четко не установлено, надо предполагать более позднее, не ранее V в., появление здесь именьковских племен и оттеснение ими азелинского населения из указанных районов⁷.

Выше по Каме от устья р. Иж до пристани Сайгатка расположена большая группа памятников III—V вв., выделенных мною в мазунинскую культуру⁸, территория которой распространяется и на нижнее течение р. Белой до устья р. Бирь (рис. 1).

В Центральной Башкирии по правобережью р. Белой в последние годы открыта еще одна группа памятников III—V вв., которую Г. И. Матвеева называет имендьяшевскими. Анализ материалов, проведенный нами, показал, что именно эти памятники и следует относить к бахмутинской культуре (рис. 1).

1. К вопросу о бахмутинской культуре. Северная Башкирия обычно рассматривается как территория распространения единой бахмутинской культуры. Однако вопрос об этой культуре, ее археологической характеристике настолько запутан, что необходимо внимательно проанализировать как памятники, относимые к ней, так и развитие взглядов на ее содержание.

Бахмутинский могильник, расположенный на р. Уфе, впервые был раскопан в 1915 г. В. В. Гольмстен, а затем, в 1921 г. (9 погребений), М. С. Смирновым и М. И. Касьяновым, но результаты этих работ не получили должного отражения в литературе.

Лишь после раскопок в 1928 г. А. В. Шмидта (25 погребений) появилась первая суммарная публикация о могильнике⁹. Одновременно с могильником А. В. Шмидт производил рекогносцировочные раскопки на двух близлежащих поселениях — городище Соколиный Камень и Чандарском селище, которые автор отнес к той же эпохе, что и могильник, — V—VII вв. н. э.

Западноуральское население I тысячелетия н. э., по мнению А. В. Шмидта, принадлежало к угорским племенам, отсюда и бахмутинская культура определялась как угорская. А исходя из распространенного мнения, что Башкирия некогда была местом обитания угров-

92; он же. Азелинская культура III—V вв. ВАУ, вып. 5. Свердловск — Ижевск, стр. 3—144; А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. «Труды Марийской арх. экспедиции», т. II. Йошкар-Ола, 1962, стр. 158—180. См. материалы дискуссии: А. П. Смирнов. В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. (рецензия). СА, № 4, 1964, стр. 240—246; В. Ф. Генинг. По поводу рецензии А. П. Смирнова. СА, № 3, 1966.

⁷ Литература по именьковской культуре: Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ..., стр. 44—56; В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. «Труды Казанского филиала АН СССР», секция гуманитарных наук, т. 2. Казань, 1959, стр. 208—210; П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры.

⁸ Обобщающая публикация: В. Ф. Генинг. Мазунинская культура.

⁹ А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. Приложение к № 8-9 «Хозяйство Башкирии» за 1929 г. Уфа, 1929.

венгров, А. В. Шмидт поставил вопрос: «Нельзя ли действительно видеть предков венгров, в частности, в носителях бахмутинской культуры?»

В сводной работе по памятникам Башкирии А. П. Смирнов уделил значительное место материалам Бахмутинского могильника, Чандарского селища и ряду случайных находок. Но и здесь мы не найдем обоснования хронологии и археологической специфики культуры, в целом А. П. Смирнов рассматривал бахмутинские племена как местные, происходящие от аванынско-пьяноборского населения¹⁰

Во второй половине 50-х годов при исследовании памятников в Удмуртском Прикамье мною были открыты могильники мазунинского типа¹¹, в материале которых височные подвески оказались очень близкими подобным вещам из Бахмутинского могильника. В послепьяноборском слое городища Чеганда II и на некоторых других поселениях была обнаружена керамика с ямочными наколами по тулову, идентичная керамике Чандарского селища. Исходя из того что мазунинские погребения датировались III—VI вв. и в них были найдены височные подвески бахмутинского типа, я предполагал тогда, что бахмутинская культура в целом также может датироваться III—VIII вв., хотя пока ранних погребений ее не было открыто. Наличие в поселениях на Каме керамики чандарского (или, как ее называли, бахмутинского) типа, по моему мнению, свидетельствовало о сильном бахмутинском влиянии в формировании мазунинской культуры. Касаясь вопроса о происхождении чандарского типа керамики, уже тогда я не видел генетических связей ее с предшествующей кара-абызской¹².

В 1956—1962 гг. в Северной Башкирии Н. А. Мажитов раскопал несколько поселений с чандарской керамикой¹³ и могильники Бирский (206 погребений), Каратамакский (19 погребений) и Бахмутинский (14 погребений). Первые сообщения Н. А. Мажитова позволили заключить, что среди исследуемых им памятников действительно оказались более ранние, чем в собственно Бахмутинском могильнике, одновременные мазунинским из Среднего Прикамья. Причем материал оценивался этим автором как единый комплекс бахмутинской культуры, без какой-либо дифференциации¹⁴.

Используя вновь собранные материалы, Н. А. Мажитов в диссертационной работе попытался обосновать выделение бахмутинской культуры и решить вопросы об основных этапах ее развития, происхождения и этнической принадлежности ее носителей¹⁵. Следует все же отметить, что в основу всей работы были положены почти исключительно материалы Бирского могильника. После опубликования этой работы можно проана-

¹⁰ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 54.

¹¹ В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии, стр. 75—83.

¹² В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья..., стр. 200—202.

¹³ Н. А. Мажитов. Поселения бахмутинской культуры. «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959, стр. 143.

¹⁴ Н. А. Мажитов. Ранние памятники бахмутинской культуры. ВАУ, вып. 2, Свердловск, 1962.

¹⁵ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968.

лизировать основные выводы Н. А. Мажитова, которые в общих чертах сводятся к следующему:

1. Бахмутинская культура охватывает всю территорию Среднего Прикамья, включая и Северную Башкирию до устья р. Уфы.

2. Бахмутинская культура датируется II—VII вв. н. э. и проходит два этапа развития: ранний — II—IV вв., и поздний — V—VII вв.

3. Ранний этап бахмутинской культуры включает и памятники мазунинского типа, выделение которых в самостоятельную археологическую культуру (В. Ф. Генинг) неправомерно.

4. Бахмутинская культура выросла целиком на местной пьяноборской основе.

5. Бахмутинские племена по этнической принадлежности — угры, которые обитали в Прикамье уже в ананьинско-пьяноборское время, а в конце VII в. двинулись на запад, в Паннонию. Бахмутинцы — предки мадьяр-венгров¹⁶.

К большинству выводов присоединяется А. П. Смирнов, считающий, что картина развития этнической истории Прикамья, нарисованная В. Ф. Генингом, с большим числом выделенных культур «получила первый серьезный удар в кандидатской диссертации Н. А. Мажитова «Бахмутинская культура», в которой доказана неправомерность выделения одной из таких культур — мазунинской»¹⁷.

О бахмутинской культуре писал также С. М. Васюткин¹⁸, рассматривая памятники III—VII вв.

И наконец, в одной из последних диссертаций по памятникам Башкирии, Г. И. Матвеевой, также не обойден вопрос о бахмутинской культуре. Она присоединяется к нашей точке зрения о мазунинской культуре, но по-прежнему рассматривает бахмутинскую культуру в Северной Башкирии, датируя ее V—VI вв.¹⁹

Для того чтобы разобраться в вопросе о так называемой бахмутинской культуре, необходимо обратиться к анализу основного источника, по которому она была сконструирована, — Бирскому могильнику.

2. **Бирский могильник.** Вся характеристика бахмутинской культуры в настоящее время фактически сделана по материалам Бирского могильника²⁰.

В основе анализа всего материала могильника у Н. А. Мажитова положена корреляционная таблица, включающая около 130 погребений, разделенных на четыре хронологические группы, — две для раннего этапа и две — для позднего. Таблица изобилует таким количеством фактических ошибок²¹, что не внушает никакого доверия и пользоваться ею, а тем более доверять выводам, построенным на ней, нельзя. Вызывает

¹⁶ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 74—83.

¹⁷ А. П. Смирнов. В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. (Рецензия), стр. 241.

¹⁸ С. М. Васюткин. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тыс. н. э. СА, 1968, № 1; он же. Периодизация археологических памятников.

¹⁹ Г. И. Матвеева. Население лесной и лесостепной Башкирии..., стр. 8, 12.

²⁰ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968.

²¹ Так, в группу «Г» по два раза вписаны погребения 165 и 185, причем с различными данными. Корреляция может быть выявлена лишь в комплексах, содержа-

недоумение принцип подбора вещей для таблицы, в нее включены вещи, которые встречены в могильнике всего по одному разу, но нет височных подвесок с бусиной на стерженьке, которые автор считает наиболее типичной вещью бахмутинской культуры. Не потому ли это, что в поздних погребениях таких подвесок уже нет?

Совершенно непонятно, почему автор выделяет четыре хронологические группы, в то время как все материалы рассматривает по двум периодам. Из массовых вещей, включенных в таблицу 1, лишь 5—6 типов укладываются в рамках одной группы, в большинстве же случаев типы рассеяны²², что является результатом недостаточно внимательного анализа погребальных комплексов и стремлением автора убедить колоссальностью самой таблицы.

Небрежности и ошибки, допущенные Н. А. Мажитовым при подготовке материалов к публикации, носят массовый характер²³.

сих минимум два предмета различных типов. Н. А. Мажитов включил в группу «В» 24 погребения (см. нижнюю часть таблицы 1), содержащие все вместе взятые 16 предметов (!), т. е. на каждое погребение не приходится даже по 1 предмету. Масса ошибок допущена при учете вещей в комплексах. Так в погребении 81 по описанию находились браслеты трех типов, а в таблице нет ни одного. То же самое в погребениях 130 и 53, где не отмечены сосуды. В погребениях 96 и 166 не отмечены пряжки, в 183 — накладки. Нередки случаи, когда в корреляционную таблицу внесены предметы, которых нет в описании погребений, например застежки-сюльгамы в погребениях 81, 128, 137, браслеты в 77, 108, 156, подвески в 165, 130, 25 и многие другие. Еще больше вещей в описании относятся к одному типу, а в таблице — к другому: браслеты из погребений 71, 128, 139, 148; пряжки из 93, 166 и др.

²² Обнаруживается и еще несколько загадочных приемов. Таблица содержит четыре группы, но по «элементам, характерным для различных веков», взято лишь три условных знака: для II—IV вв., затем V—IV вв. (по-видимому, имеются в виду IV—V вв.) и VI—VII вв. Вещи, характерные для всех групп (т. е. периодов), обозначены почему-то знаком, о котором автор пишет: «элементы, характерные для погребений II—IV вв.». Подвески-лунницы, четыре раза отмеченные в группе В и один раз в группе В, обозначены знаком IV—V вв., а пряжки с треугольным щитком, три раза встреченные в группе А и Б и 4 раза в группе В, — почему-то знаком II—IV вв. Таких путаных примеров можно привести еще много.

²³ Встречаются такие места: «в погребениях найдены гвоздевидные (табл. 3, 10) или трехлопастные (табл. 31, 9) наконечники стрел с коротким, круглым в сечении пером» (стр. 23). Интересно, как это трехлопастный наконечник может иметь круглое в сечении перо? О находках на Кансиарском и Юмакаевском городищах автор пишет: «...керамический материал, сплошь украшенный мелкими круглыми ямками по всей наружной поверхности (табл. 33, стр. 64)». Но на изображениях фрагментов сосудов, данных на рисунках табл. 33, 3, 4, 6—9 никаких ямок нет. Подобные «небрежности» повторяются неоднократно: для погребений Каратамакского могильника на стр. 19 средняя глубина указана 60—70 см, а на стр. 60 — уже 30—60 см.; в тексте: «найденный в обломках большой глиняный сосуд из погребения 35 с мелкими круглыми ямками по тулову (табл. 13, 6, стр. 39), а в описании погребения 35: «...два обломка керамики» (стр. 90), причем, судя по рисунку, с ямками не по тулову, а по шейке сосуда; говоря о керамике из карабазских поселений (стр. 62), автор дает ссылку на сосуды из городища Чеганда I пьяноборской культуры (табл. 38, 1—4). При описании керамики из Бирского городища на протяжении двух страниц все ссылки даны на рисунки сосудов из Кансиарского городища и Бахмутинского могильника (стр. 45, 46). Все это, казалось бы, мелочи, но они используются для подкрепления определенных выводов. Так, например, упомянутый выше сосуд из погребения 35 — доказательство связи ранних погребений с поздними (стр. 38).

Бирский могильник, несмотря на неоднократные утверждения Н. А. Мажитова об «однообразии обрядовых приемов захоронения», содержит весьма различные по обряду типы погребений. Но именно типологический анализ у Н. А. Мажитова полностью отсутствует, что и привело его к целому ряду ошибочных выводов.

Обратимся непосредственно к анализу материалов могильника.

Хронологические стадии. Массовые находки вещей в погребениях, особенно украшений, позволяют лучше всего подойти к выделению хронологических комплексов путем составления корреляционной таблицы. В нашу таблицу включены данные об основных типах украшений, керамике и погребальном обряде 72 погребальных комплексов. Коррелятивность отдельных типов вещей с учетом данных погребального обряда позволила выделить на могильнике три последовательно хронологические группы погребений, обозначенные нами соответственно как стадии А, Б, В. Ранняя стадия содержит 15 погребений, находившихся в северной части раскопа на наиболее возвышенной площадке могильника, составляющей, по-видимому, центральную часть его (участки 120—140/VIII—X, рис. 2). Стадия Б включает 41 погребение, которые были расположены преимущественно в средней части раскопа, к югу от ранних погребений, и стадия В содержит 16 погребений с периферии могильника. Так как могильник функционировал непрерывно, резкой смены отдельных типов вещей здесь быть не может, поэтому среди украшений выделяются отдельные группы, соответствующие различным стадиям могильника: А, АБ, Б, БВ, В, АВВ. В такой последовательности вещи и размещены в корреляционной таблице I. Для выяснения взаимной коррелятивности каждого типа составлена контрольная таблица II, в которой отмечено количество погребений (из числа тех 72, которые использованы в корреляционной таблице) с находками каждого типа (количество обведено жирным квадратом) и встречаемость каждого типа со всеми другими типами вещей.

Ранняя стадия А на основании сходства ряда вещей с мазунинскими и азелинскими комплексами датируется III—V вв.²⁴

Типологические группы. На Бирском могильнике по погребальному обряду можно выделить пять типологических групп захоронений.

Одним из широко распространенных обычаев на могильнике было помещение в могилу так называемых жертвенных комплексов. Это обычно кучка вещей, которые были сложены, вероятно, в берестяные коробки, сохранившиеся в небольших фрагментах в некоторых могилах. В состав жертвенных комплексов входят преимущественно украшения: височные подвески, серьги, много бус от ожерелий, браслеты, гривны, подвески, реже — сосуды, фибулы и другие застегки и единично-мелкие орудия труда. Уже по корреляционной таблице I видно, что жертвенные комплексы наиболее характерны для ранней стадии могильника, где они встречаются в 73,3% погребений, в то время как на стадии Б эта цифра снижается до 31,7%, а на стадии В до 18,7%, что свидетельствует о вырождении этого обычая.

²⁴ В. Ф. Генинг. Азелинская культура...; он же. Мазунинская культура..., стр. 35—37.

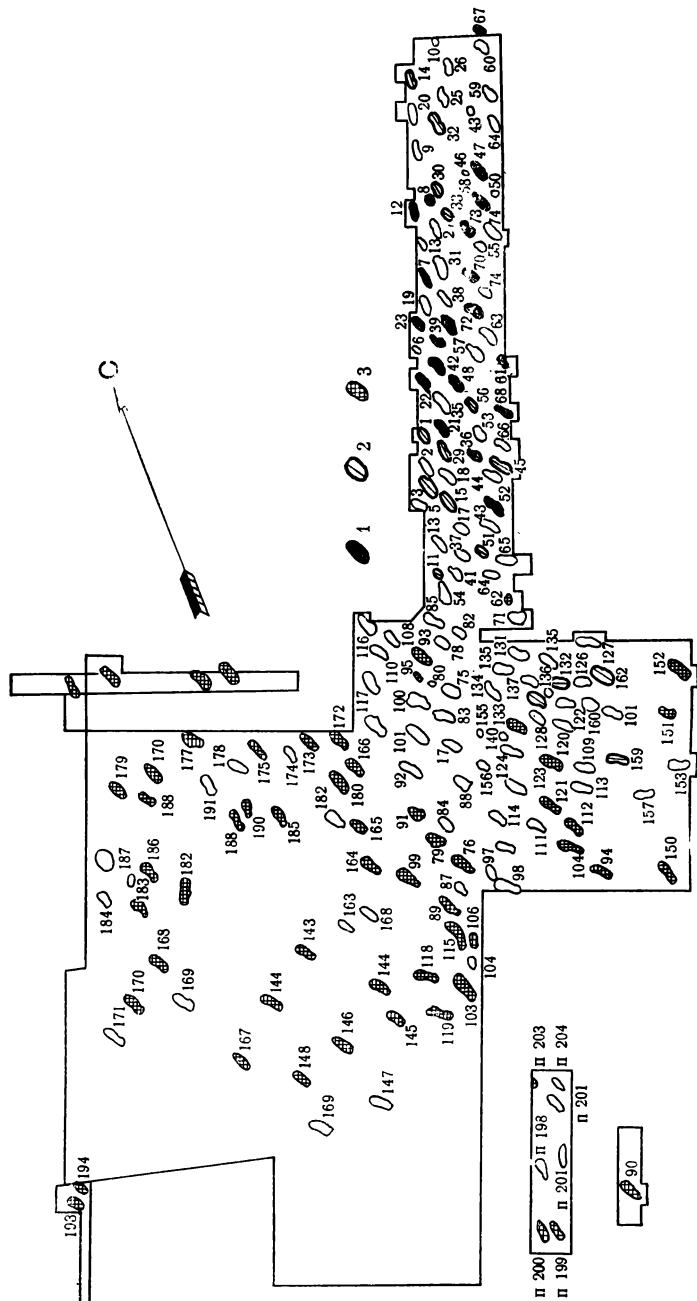

Рис. 2. Бирский могильник. Размещение на площади раскопа могил различных типологических групп и хронологических стадий
1 — погребения I типологической группы стадии А; 2 — погребения II типологической группы I подгруппы; 3 — погребения V типологической группы

Бирский могильник. Погребения I и IV типологических групп

Типологич. группы	Типологич. подгруппы	Хронологич. стадии	№№ погребений	Пол	Височн. подвес.		Серьги		Бусы		Браслеты		Гривны		Подвески		Местонах. жертв. комплексов			
					У головы	В жертв. комплексе	У головы	В жертв. комплексе	В ожерелье	В жертв. комплексе	На руках	В жертв. комплексе	У шеи	В жертв. комплексе	На костюме	В жертв. комплексе	В изголовье	В середине	У ног	
I	1	А	7	м	—	2	—	1	—	52	—	—	—	—	—	—	Л	—	—	
			12	—	—	2	—	1	—	41	—	—	—	—	—	—	П	—	—	
			21	—	—	—	—	—	—	12	—	×	—	—	—	—	—	—	—	
		А	47	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	×	—	×	—	
			58	м	—	2	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	П	—	—
			61	м	—	4	—	1	—	293	—	1	—	—	—	—	—	Л	—	—
		А	73	ж	—	2	—	1	—	44	—	—	—	—	—	—	—	П	—	—
			67	—	—	2	—	1	—	×	—	—	—	—	—	—	—	Л	—	—
			52	ж	—	2	—	—	—	863	—	1	—	—	—	—	—	П	—	—
		Б	70	ж	—	1	—	—	—	41	—	—	—	—	×	—	—	Л	—	—
			72	—	—	—	—	—	—	×	—	2	—	—	—	—	—	×	—	×
			25	м	—	2	—	—	—	120	—	—	—	—	×	—	—	Л	—	—
		Б	71	—	—	4	—	7	—	100	—	?	—	×	—	—	×	—	—	—
			59	м	—	—	—	—	—	70	—	—	—	×	—	—	×	—	—	—
			81	—	—	2	—	—	—	300	—	3	—	—	×	—	×	—	—	—
		Б	139	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	Л	—
			154	м	—	—	—	1	—	×	—	1	—	—	—	—	—	Л	—	—
			204	—	—	—	—	1	—	×	—	—	—	—	—	—	—	Л	—	—
	2	В	77	м	—	—	—	—	—	71	—	2	—	—	—	—	—	Л	—	—
			—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
			—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	×	—	—	—	—
		В	141	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Л	—	—
			—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
			—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	×	—	—	—	—	—
		В	130	м	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	×	—	—	Л	—	—
			—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
			—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	Л	—	—
		А	156	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	Л	—	—
			—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
			—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		А	22	—	4	—	—	1	×	×	—	1	—	×	—	—	—	—	Л	—
			8	—	2	—	—	—	300	20	—	1	—	—	—	—	—	—	С	—
			23	—	—	—	1	—	—	420	—	1	—	—	—	×	—	—	П	—
		А	39	—	—	—	—	—	—	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
			42	—	—	—	—	—	—	325	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
			68	—	—	—	—	—	11	400	1	—	—	—	—	—	—	?	—	П
А	40	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Б	48	—	1	—	1	—	—	70	—	—	—	—	—	—	—	П	—	—		
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Б	5	ж	2	—	—	—	—	20	—	—	—	×	×	—	—	—	Л	—		
	108	ж	—	—	2	3	×	×	2	2	×	—	—	—	×	—	—	—		
	125	ж	—	2	2	1	×	—	4	—	×	—	×	—	—	Л	—	—		
Б	126	ж	?	—	—	—	—	?	—	1	×	—	—	—	×	—	—	—		

Кости животных						Пояс	Обувные пряжки	Прочие вещи		Размеры могильных ям		
Вид		Местополож.								Длина	Ширина	Глубина
Овца	Лопадь	Прочие	В изголовье	В средней части	У ног			В жертвенном комплексе	При погребении			
—	—	—	—	—	—	П	—	—	—	225	73	65
—	—	—	—	—	—	П	—	бронзов. пластина	—	215	78	80
—	—	—	—	—	—	С	—	—	—	200	75	40
—	—	—	—	—	—	П	—	нож, топор, стрелы	нож, топор, стрелы	223	65	70
—	—	—	—	—	—	П	—	бляшка, раковина, наконечник ремня	нож	220	70	70
—	—	—	—	—	—	П	—	перстни	нож	235	65	87
—	—	—	—	—	—	П	—	—	нож	180	70	97
—	—	—	—	—	—	С	×	—	нож, копье	200	60	88
—	—	—	—	—	—	С	×	—	топор, копье, нож	250	80	70
—	—	—	—	—	—	П	×	—	нож, колечки	220	70	65
—	—	—	—	—	—	С	×	—	стрелы	220	70	50
—	—	—	—	—	—	С	×	цепочка, фибулы	нож, стрелы	235	70	110
—	—	—	—	—	—	С	×	—	—	210	70	100
—	—	×	—	×	—	Л	×	колокольчик	стрелы	230	85	65
—	—	—	—	—	—	С	×	зеркало, подвеска	—	225	78	140
—	—	—	—	—	—	Л	×	—	топор, стрелы, нож, удила	196	65	105
—	×	—	—	?	—	С	—	стрела	—	239	76	115
—	×	—	—	×	—	С	×	фибула	нож	250	70	100
—	×	—	—	×	—	С	×	—	меч, стрелы, нож, топор	225	60	125
—	—	—	—	×	—	Л	×	—	нож, удила, стрелы, топор	220	80	135
—	—	—	—	×	—	Л	×	—	меч, топор, тесло, нож, стрелы	240	72	115
—	×	—	—	×	—	Л	×	—	стрелы, скобель, нож и пр.	198	60	147
—	—	—	—	—	—	С	×	—	нож	210	70	85
—	—	—	—	—	—	?	—	поясной набор	нож	215	70	74
—	—	—	—	—	—	С	—	нож	нож	220	60	68
—	—	—	—	—	—	П	—	кольцо с бусами	—	160	60	75
—	—	—	—	—	—	Л	—	шило, пряжка	нож	230	80	45
—	—	—	—	—	—	Л	—	медная пластина	—	170	55	40
—	—	—	—	—	—	П	×	застежка, наконечн. ремня	фибула, нож	218	90	90
—	—	—	—	—	—	С	—	—	нож	182	70	70
—	—	—	—	—	—	П	—	—	—	200	68	76
—	×	—	—	×	—	С	×	застежка	нож	217	63	120
—	—	×	—	—	×	С	×	—	зеркало, застежка, нож	190	62	100
×	—	—	—	×	—	С	×	зеркало	нож	203	70	?

IV

Типологич. группы	Типологич. подгруппы	Хронологич. стадии	№№ погребений	Пол	Височн. подвес.		Серьги		Бусы		Браслеты		Гривны		Подвески		Местонах. жертв. комплексов		
					У головы	В жертв. комплексе	У головы	В жертв. комплексе	В ожерелье	В жертв. комплексе	На руках	В жертв. комплексе	У шеи	В жертв. комплексе	На костюме	В жертв. комплексе	В изголовье	В середине	У ног
IV	Б	Б	128	ж	4	—	2	2	×	×	—	4	×	—	×	—	Л	—	—
	Б	Б	137	м	1	—	—	—	×	×	—	—	×	—	×	—	Л	—	—
	Б	Б	27	ж	2	—	—	2	18	140	1	2	×	—	×	—	—	—	—
	А	А	4	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	?	—	—
	Б	Б	35	м	—	4	—	2	—	276	—	3	—	—	×	—	Л	—	—
	Б	Б	18	ж	2	—	—	—	—	×	—	2	—	—	—	—	П	—	—
	Б	Б	31	ж	—	2	—	—	—	50	—	—	—	—	—	×	Л	—	—
	Б	Б	2	мж	—	1	—	1	—	175	—	1	—	×	—	—	Л	—	—
	Б	Б	92	м	2	—	—	—	—	×	—	2	—	—	—	—	ЛП	—	—
	Б	Б	53	ж	2	—	—	—	—	152	?	—	—	—	—	—	Л	—	—

Примечание: цифра означает количество экземпляров в данном комплексе, Х — наличие того или иного явления; П — расположение остатков с правой стороны костяка, С — то же в середине; Л — то же с левой стороны

Первая типологическая группа включает погребения в простых могилах с жертвенными комплексами, но без глиняных сосудов. Очень часто при костяке находится железный нож и поясной ремень, уложенный сбоку погребенного (табл. III). Внутри данной группы по содержанию жертвенных комплексов и их расположению в могиле выделяются две подгруппы. В первой подгруппе почти все украшения находятся в жертвенных комплексах, которые всегда лежат в изголовье. Пояса имеют лишь пряжки и наконечники. На стадии А они чаще уложены с правой стороны умершего. Эта подгруппа содержит в большинстве мужские захоронения.

Вторая подгруппа включает погребения, в которых жертвенные комплексы на стадии А помещены чаще всего в средней части могилы, а украшения находятся как в жертвенном комплексе, так и на костяке, как они были в свое время в наряде: браслеты — на руках, гривны — на шее и т. д. На стадии А пояса укладывались как справа, так и слева от умершего. Эта подгруппа содержит в большинстве женские захоронения.

Более или менее четко весь этот обряд захоронения фиксируется лишь на стадии А, когда и состав жертвенных комплексов наиболее полный и обильный. На стадии Б часто встречаются различные отклонения от прежних традиций, а на стадии В это в значительной мере уже

Кости животных						Пояс	Обувные пряжки	Прочие вещи	Размеры могильных ям			
Вид		Местополож.							В жертвенном комплексе	При погребении	Длина	Ширина
Овец	Лошадь	Прочие	В изголовье	В средней части	У ног							
×	—	—	—	×	—	×	×	цепочка, туесок	фибула, топор	210	60	100
—	×	—	—	—	—	×	×	—	нож	202	67	120
—	—	×	—	×	—	×	×	накладка	нож	205	55	90
—	—	—	—	—	—	—	—	сосуд	—	120	40	50
—	—	—	—	—	—	С	—	сосуд, накладка	стрелы	215	80	89
—	—	—	—	—	—	—	—	сосуд, подвеска, то- чило, нож, фибула	стрелы, топор	240	100	110
—	—	—	—	—	—	П	—	сосуд, бляшка	нож	192	80	50
—	—	—	—	—	—	—	—	сосуд, бляшки	бляшка, нож	240	88	95
—	×	×	—	×	—	С	×	бляшка	сосуд, удила, топор	220	65	65
—	—	—	×	—	—	Л	—	накладная лука	сосуд	280	75	142
—	—	—	—	—	—	С	—	сосуд	подвеска	240	85	60

Таблица IV
Средние размеры могильных ям погребений I группы

Подгруппа	Стадии	Длина	Ширина	Глубина
1	А	217	70	71
	Б	226	73	105
	В	221	68	130
2	А	201	69	68
	Б	204	64	101

только пережитки прежнего обычая, когда в могилу отдельно положен браслет или серьга (см. подробно табл. III). Изменяются и размеры могильных ям (табл. IV).

II типологическая группа объединяет погребения в простых могильных ямах без жертвенных комплексов и сосудов.

Первая подгруппа (22 погр.) характеризуется неглубокими могильными ямами (до 1 м), очень небольшим количеством вещей, обычно пряжкой от ремня, ножом, несколькими бусами и наконечниками стрел, единичными украшениями²⁵. Судя по вещам и расположению этих погребений

²⁵ Погребения № 1, 3, 11, 14, 15, 28, 29, 30, 32, 33, 36, 45, 50, 51, 56, 129, 132, 159, 162, 171, 198, 203.

ний на площадке могильника между могилами стадии А I типологической группы, они одновременны им. За пределами этой площади такие могилы единичны.

Вторая подгруппа также немногочисленна²⁶ и отличается от первой наличием в могилах костей животных: бобра, овцы, лошади. При захороненных также имеются украшения, орудия труда и оружие. Глубина взрослых захоронений более 1 м (110—135 см). Все могилы этой подгруппы относятся к стадиям Б и В и расположены довольно компактной полосой в средней части раскопа. Погребения этой подгруппы являются дальнейшим развитием первой подгруппы, когда увеличивается глубина могильных ям и рядом с умершим в могилу кладется кусок мяса. Аналогичная картина прослеживалась в обеих подгруппах I типологической группы для погребений стадий Б и В.

III типологическую группу составляют погребения в простых ямах без вещей, или оgrabленные (43 захоронения). Их также можно подразделить на мелкие (глубина до 1 м) и глубокие (более 1 м). Основываясь на наблюдениях в изменении обряда захоронения I—II групп, где прослеживается тенденция к увеличению глубины могил, а также на расположении могил этой группы среди других типов, можно с известной условностью, конечно, подразделить погребения без вещей на две хронологические группы — более ранние, относящиеся к стадии А²⁷, поздние — стадии Б и В²⁸.

IV типологическая группа погребений отличается от первой наличием глиняных сосудов²⁹ (табл. III). Большинство погребений этой группы относятся к стадии Б, изменения в погребальном обряде во времени аналогичны первой группе.

V типологическая группа включает погребения в могилах сложной конструкции, сопровождаемые глиняными сосудами и крупными костями животных (преимущественно лошади). При погребенных находился различный инвентарь (украшения, орудия, оружие), но почти все могилы разграблены и восстановить положение этих остатков почти невозможно. Сосуды из погребений V группы резко отличаются как по форме, так и орнаментации от сосудов из могил IV группы. Все погребения V группы относятся к стадиям Б и В (табл. V).

VI группа включает детские захоронения, для которых характерны небольшая глубина могил и незначительное количество вещей.

VII группа — это погребения, по которым в публикации отсутствуют данные, позволяющие отнести их к какой-либо конкретной типологической группе.

Бирский могильник — памятник, отражающий сложные процессы, проходившие в III—VI вв. во всей Башкирии. Хронологическое разделе-

²⁶ Погребения № 26, 49, 75, 93, 100, 110, 117, 122, 124, 131, 136, 138, 160.

²⁷ Погребения № 6, 24, 37, 41, 44, 57, 64, 65, 66, 69, 82, 85, 87, 97, 113, 114, 120, 135, 157, 161, 181, 205, 206.

²⁸ Погребения № 16, 20, 54, 83, 84, 88, 89, 101, 109, 116, 127, 134, 147, 149, 153, 163, 169, 178, 184, 201.

²⁹ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура табл. 9, 13—14.

Бирский могильник. Статистика погребений по стадиям и типологическим группам

Типологические группы	Подгруппы	Хронологические стадии		Всего
		A	Б, В	
Мазунинские I	1—мужские	11	11	37
	2—женские	8	7	
II	1—ранние	22		45
	2—поздние		13	
III	1—мелкие	23		43
	2—глубокие		20	
Бахмутинская IV	—	2	6	8
V	1. Чандарские	—	17	59
	2. Чандарско-кансиарские	—	4	
	3. Чандарско-бирские	—	15	
	4. Бирские	—	14	
	5. Куштерьякские	—	8	
	6. Неопределенные	—	1	
Дегские VI	—	11		11
Не описаны VII	—	13		13
Всего погребений:		66	116	206

ние различных типов погребений (табл. V) дает весьма показательную картину. Для раннего этапа III—V вв. (стадия A) характерны только погребения первых четырех типологических групп и полностью отсутствуют погребения со сложной конструкцией могил (V группа), относящиеся ко времени не ранее V в. н. э. Эту группу подробно рассмотрим в следующей главе. Здесь же остановимся подробно на погребениях стадии A.

3. Мазунинская или бахмутинская культура. Для стадии A—III—V вв. на Бирском могильнике характерны в массе только первые три группы могил. Это захоронения в простых могильных ямах, глубина которых всегда менее 1 м. Умершие уложены вытянуто на спине головой обычно к СЗ. Сопровождающий инвентарь небогат. Для I группы характерны жертвенные комплексы, причем в мужских погребениях они содержат женские украшения (височные подвески, бусы, подвески и др.) и находятся в изголовье, в то время как в женских могилах они лежат, как правило, в средней части могилы (см. табл. III). Из украшений в моги-

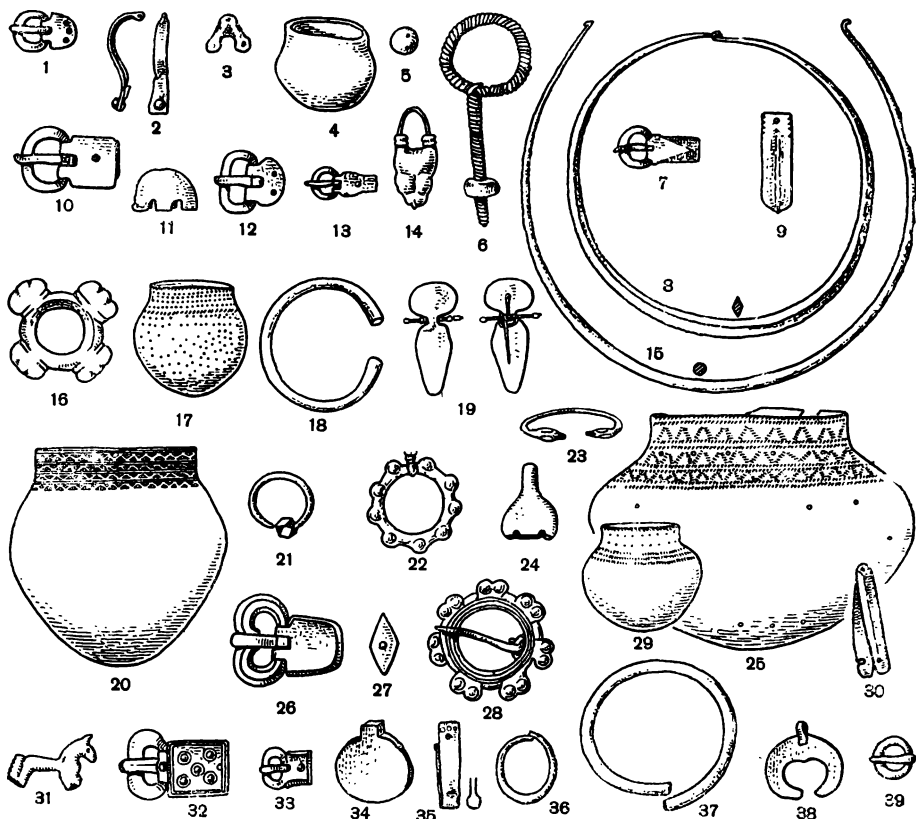

Рис. 3. Бирский могильник. Основные типы вещей (к табл. I, II)

лах стадии А наиболее типичны височные подвески в виде кольца с напускной бусой на стержне, подвески из раковины (рис. 3, 6, 34). Из 24 погребений, где найдены височные подвески, 18 относятся к стадии А. Жертвенные комплексы и оба типа подвесок имеют наиболее высокий коэффициент коррелятивности (табл. II), что подтверждает их одновременность и принадлежность к традициям одной группы населения. На стадии А появляются также скульптурные подвески в виде фигурки медведя (без трубочек для подвешивания). Отметим также находку в погребении 40 фибулы с пластинчатым корпусом в форме бантика (рис. 4, 11), а в погребении 25 (правда, уже начала стадии Б) — фибулы с железным пластинчатым корпусом, покрытым медными заклепками со сферическими головками³⁰. Характерной особенностью погребений этого периода можно считать также помещение в могилу пояса и пожа. Обувные пряжки встречаются еще крайне редко. В мужских могилах

³⁰ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, табл. 9, 13—14.

находят проушные топоры, втульчатые копья с коротким ромбовидным пером и различные наконечники стрел. Глиняная посуда в могилах этих групп полностью отсутствует.

Какова культурная принадлежность погребений этих типов? Н. А. Мажитов ранние погребения Бирского могильника относил к ранней стадии бахмутинской культуры, ничем собственно даже не аргументируя это. К этой же ранней стадии отнесены Каратамакский могильник³¹, идентичный по обряду и вещам ранней группы Бирского, и большинство погребений Бахмутинского могильника.

Что, собственно, до исследования Бирского могильника большинство археологов понимало под бахмутинской культурой? Типично бахмутинской считалась круглодонная посуда с ямочными наколами по всему тулову, но такая посуда в массе была представлена не на Бахмутинском могильнике (см. ниже), а на Чандарском селище, поэтому А. В. Шмидт, очевидно, нередко писал о культуре чандарского типа. Этот тип посуды во избежание путаницы мы и будем называть чандарской. Среди остального вещевого комплекса типично бахмутинскими считались височные подвески в виде кольца со стержнем и напускной бусиной, так как в других районах эти подвески не были известны. Своеобразны были также подвески в виде коньков и медведей, редко встречавшиеся за пределами Башкирии. Судя по единственному раскопанному могильнику у д. Бахмутино, захоронения совершались в глубоких могильных ямах (в среднем 135 см), умершие чаще ориентированы головой на восток, в могилах различные орудия труда, оружие и украшения. В 4-х могилах из 25 были обнаружены жертвенные комплексы. Сосуды ставились в изголовье, в ноги и на грудь. В засыпе могил и между ними часто встречались угли, отдельные вещи, в том числе сосуды или их обломки³².

Новые раскопки, произведенные Н. А. Мажитовым (14 погребений), уточнили некоторые детали погребального обряда, но не изменили ни датировки памятника, ни представления о нем в целом.

Были ли какие-нибудь убедительные доводы для отнесения ранних погребений Бирского могильника к бахмутинской культуре в том представлении, как она известна? На мой взгляд, никаких. Действительно, сосуды чандарского типа появляются лишь в погребениях стадии Б, только на стадии В встречаются коньковые подвески. Так называемые бахмутинские височные подвески в массе распространены на стадии А и реже встречаются в могилах последующих стадий, когда появляются чандарские сосуды, но ни разу ни в одном погребении они не встречены вместе. Отметим также, что эти височные подвески не встречались вообще в могилах V группы, где были и другие типы сосудов³³.

³¹ Там же, стр. 19—21.

³² А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 18—19.

³³ В погребении 92 в жертвенном комплексе находилась височная подвеска и рядом сосуд, на котором лежала кость лошади. Это единственный случай сочетания обрядов, характерных для разных групп. К сожалению, не ясно, какой здесь находился сосуд. Автор указывает сосуд (табл. 24, 6), на который, однако, есть ссылки при описании погребений 144 и 200. В полевом отчете указан вообще другой сосуд.

Отсутствует также положительная корреляция между жертвенными комплексами и чандарскими сосудами (см. табл. II), хотя сосуществование этих черт вполне очевидно. Но именно с появлением чандарских и других сосудов V группы могил начинают постепенно исчезать и височные подвески, и обычай помещать в могилы жертвенные комплексы, которые становятся очень бедными (см. табл. III). Подобное явление можно объяснить, очевидно, только тем, что это традиции различных по своему происхождению групп населения. Таким образом, чандарская керамика не связана ни с ранними погребениями Бирского могильника, ни с более поздними того типа, которые продолжают традиции ранних. Не обнаруживается сходства и в погребальном обряде ранней группы Бирского могильника (мелкие ямы, ориентировка — СЗ) и погребений Бахмутинского могильника (глубокие ямы, угли и сосуды в засыпке могил, ориентировка — В). Таким образом, объединение в единую культуру Бахмутинского и Бирского могильников неправомерно.

Таблица VI

Сравнение погребального обряда мазунинских погребений Бирского и Мазунинского могильников

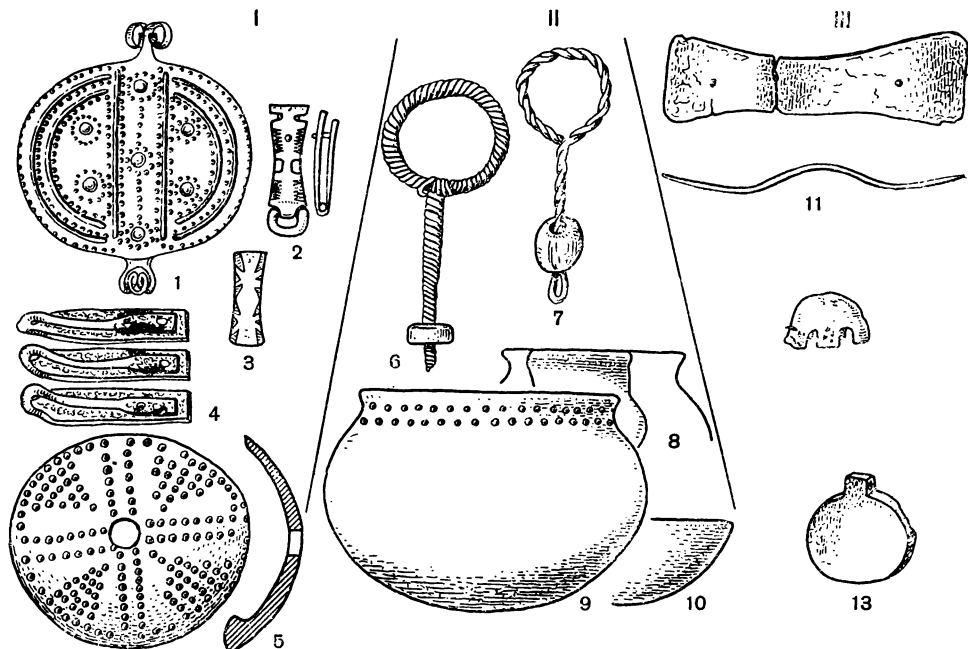
Характеристики погребального обряда	Мазунинский могильник (6) погребений	Бирский могильник (64 погребения)
1. Могилы с жертвенными комплексами	22	29
2. С височными подвесками мазунинского типа	18	18
3. С поясными принадлежностями	30	40
4. С ножом у бедер	22	27
5. Размеры могильных ям:		
Длина: до 200 см	21	25
201—220 см	17	23
св. 221 см	15	10
6. Глубина могил (средняя в см)	66 см	64 см

Основная масса ранних захоронений Бирского могильника по погребальному обряду обнаруживает полное сходство с захоронениями мазунинской культуры, которые до сих пор были хорошо известны из раскопок в Удмуртском Прикамье. Это видно как из приводимой здесь таблицы VI, а также из сравнения распределения вещей в жертвенных комплексах³⁴.

Сходны и многие типы вещей, встречаемые в этих могильниках: височные подвески в виде кольца и стержня с напускной бусой, некоторые бронзовые пряжки, поясные накладки и наконечники ремней, браслеты, сферические бляшки, застежки-сюльгамы, гривны и др.

Все это позволяет с полным основанием относить ранние погребения Бирского могильника к мазунинской культуре, причем в настоящее время это уже не единичный памятник в северо-западных районах Башкирии.

Сравните табл. III и табл. В из публикации: В. Ф. Генинг. Мазунинская культура...

4. Специфический комплекс вещей мазунинской культуры III—V вв. н. э.

1, 5 — Ижевский могильник; 2—4, 7 — Мазунинский могильник; 6, 11—13 — Бирский могильник; 8, 10 — городище Чеганда I; 9 — Сайгатский могильник; варианты: I — удмуртский; II — общемазунинские; III — башкирский

Кроме уже упоминавшегося Каратамакского могильника к этому же типу памятников относятся Ангасякский и Старо-Кабановский могильники, раскопанные С. М. Васюткиным³⁵, а также Мало-Качакский и Югомышский могильники из разведочных обследований Н. А. Мажитова в 1967 г. Все они по погребальному обряду сходны с мазунинскими.

Таким образом, на раннем этапе III—V вв. мазунинская культура занимает обширные территории не только по правобережью р. Камы в пределах Удмуртии, но и всю Северо-Западную Башкирию в нижнем течении р. Белой, по крайней мере от устья р. Бирь, если не выше (рис. 1) К сожалению, поселения мазунинской культуры в Башкирии совершенно не изучены, но они здесь встречаются, как и в Удмуртии, в значительном количестве. Это иногда довольно крупные городища, укрепленные несколькими рвами и валами, и с очень незначительным культурным слоем.

Керамика мазунинской культуры очень однообразна — это сосуды чашевидной формы с округлым дном и изредка пояском круглых ямок по шейке. В глине примеси песка и редко — мелкоистолченной раковины.

³⁵ С. М. Васюткин. Периодизация археологических памятников..., стр. 10.

Поверхность шероховата, красного или серого цвета ³⁶ (рис. 4, 8—10). Специфическими, характерными только для мазунинской культуры кроме описанных черт погребального обряда и керамики, можно считать еще височные подвески в виде кольца со стержнем и бусиной (рис. 4, 6, 7). По некоторым другим вещам выделяется два локальных варианта этой культуры (рис. 5). Вещевой комплекс удмуртского варианта достаточно подробно описан в литературе. Специфичными для этого варианта можно считать: бабочковидные фибулы и поясные наборы с мелкими медными накладками, бляхами из раковин и застежками в виде крючков-петель (рис. 4, 1—5) и некоторые другие вещи, которых, однако, пока еще мало ³⁷.

Для башкирского варианта характерны крупные фибулы с пластинами в виде бантика, подвески из раковин в виде кружка с петлей, подвески в виде полый фигурки медведя (рис. 4, 11—13). Кроме того, в башкирских могильниках очень часто встречаются железные топоры с круглым проухом и втульчатые копыя с коротким ромбовидным пером.

Вопрос о происхождении мазунинского населения подробно был рассмотрен нами в первой обобщающей публикации. Мазунинское население III—V вв. занимало обширные районы низовьев Белой и удмуртского Прикамья, которые ранее были заселены племенами чегандинской (пьяноборской) культуры, отступившими на запад (азелинская культура) ³⁸.

Одним из факторов, который привел в движение мазунинские племена, я считал приход в III в. на территорию Башкирии многих новых групп населения, в частности бахмутинской культуры, исходя из того, что начало этой культуры датировалось III в. Это утверждение было ошибочно, ибо массовый приход новых групп населения, как показал анализ Бирского могильника, относится ко времени не ранее V в. Но, может быть, мазунинские племена также пришли в Прикамье из каких-либо других областей? Думаю, что нет. Это прикамское население, о чем свидетельствует целый ряд традиций в погребальном обряде (мелкие могильные ямы, отсутствие в могилах сосудов), керамика (чашевидные сосуды с пояском ямок по шейке) и антропологический тип населения, чрезвычайно близкий пьяноборскому, хотя и обнаруживающий некоторый сдвиг в сторону монголоидности ³⁹.

В эпоху раннего железного века несколько к югу по р. Белой между городами Уфой и Бирском была расположена территория кара-абызской культуры ⁴⁰. Вероятно, около III в. н. э. в результате быстрого роста народонаселения и определенных внутренних процессов социально-экономического развития кара-абызские племена быстро расширяют свою

³⁶ В. Ф. Генинг. Мазунинская культура, стр. 32, табл. III—1—5.

³⁷ Там же, стр. 55—56.

³⁸ См. подробно: В. Ф. Генинг. Мазунинская культура, стр. 46—56; он же. Азелинская культура III—V вв. ВАУ, вып. 5, 1963.

³⁹ М. С. Акимов. Антропологические материалы мазунинской культуры Прикамья (III—VI вв. н. э.). «Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции», т. 2. М., 1961, стр. 308.

⁴⁰ А. Х. Пшеничник. Население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры (кара-абызская культура). Автореферат. М., 1968; он же. Биктемировский могильник. АЭБ, т. II, Уфа, 1964.

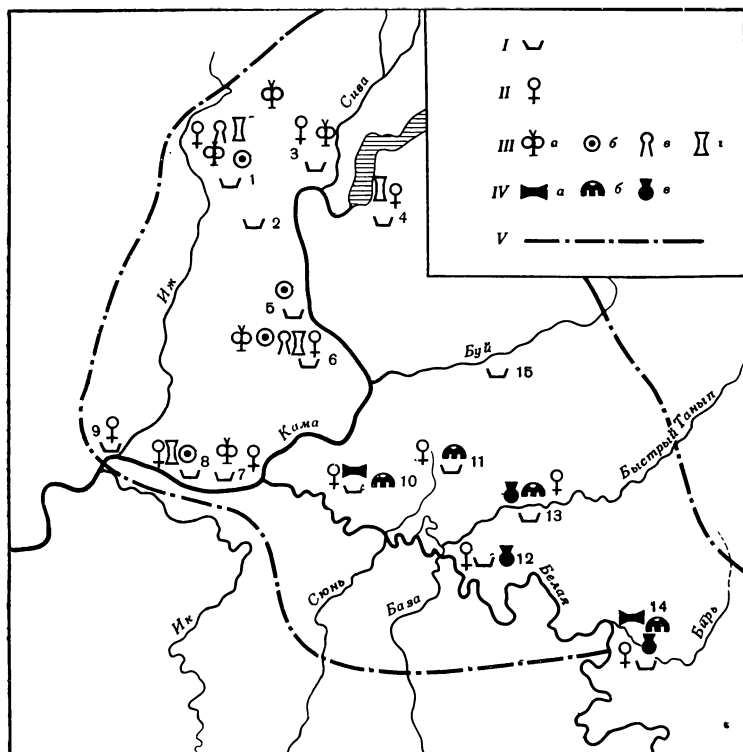

Рис. 5. Мазунинская культура III—V вв. н. э.

I — могильники мазунинской культуры;	12 — Ангасянский;	е — поясные крючки-застежки;
1 — Ижевский;	13 — Каратамакский;	г — поясные накладки;
2 — Чепанихинский;	14 — Бирский;	IV — вещи, характерные для башкирского варианта мазунинской культуры;
3 — Нивский;	15 — Югамышский;	а — бантиковидные фибулы;
4 — Сайгатский;	II — находки височных подвесок мазунинского типа;	б — подвески-медведи;
5 — Сарапульский;	III — вещи, характерные для удмуртского варианта мазунинской культуры;	в — подвески из раковин;
6 — Мазунинский;	а — бабачковидные фибулы;	V — граница распространения памятников мазунинской культуры
7 — Быргиндинский;	б — поясные бляхи из раковин;	
8 — Ныргында I;		
9 — Тураевский;		
10 — Старо-Кабановский;		
11 — Мало-Качакский;		

территорию расселения, вытесняя из прикамских районов большинство чегандинского населения (рис. 1). Экспансия кара-абызских племен и смещение их с близким по культуре чегандинским населением и послужили базой для формирования населения новой мазунинской культуры. Двухкомпонентность мазунинского населения отражает, вероятно, первые две типологические группы погребений Бирского могильника. I группа, подробная характеристика которой уже дана выше, восходит в ос-

новном к кара-абызскому кругу племен. II группа могил довольно бедных, но некоторые черты обряда весьма показательны и связаны, очевидно, с чегандинскими традициями. Так, в этих погребениях почти никогда на ранней стадии не встречаются топоры и копья, да и в поздних они единичны (всего 3 случая), но часты находки наконечников стрел (всего 8 случаев). В чегандинских могилах стрелы нередки, но нет ни наконечников копий, ни топоров. Последнее характерно для кара-абызских погребений⁴¹ и I группы Бирского могильника. Интересно также отметить не только отсутствие жертвенных комплексов в могилах II группы, но и находок височных подвесок мазунинского типа как в ранних, так и поздних захоронениях, за исключением погр. 56. Для сравнения укажем, что в III группе (грабленные) подвески найдены в 5 могилах, а в I группе — в 22-х и в IV — в 6-ти. Проследить, однако, этот процесс на археологическом материале в полном объеме пока затруднительно, ибо кара-абызские погребения рубежа нашей эры изучены очень плохо⁴². Если предположение о происхождении мазунинских племен верно, то они относятся к местному пермскому населению, которое генетически связано с ананьинским в его бельском и среднекамском вариантах.

Кроме того, в составе мазунинского населения можно выделить еще одну небольшую группу — бахмутинскую, но в новом содержании этого термина.

4. Бахмутинская или имендьяшевская культура? Большинство погребений Бахмутинского могильника относится ко времени не ранее V в., следовательно, выходит за пределы рассматриваемого нами здесь периода. Однако необходимо все же еще раз к ним вернуться именно сейчас, ибо по своему происхождению это население местное, западноуральское.

В предыдущем разделе подробно уже был описан погребальный обряд Бахмутинского могильника. Остановимся еще на одной детали — находках сосудов в могилах.

Среди 25 погребений сосуды находились только в 5, причем ставились они «в изголовье, в ноги и на грудь». Последнее замечание А. В. Шмидта чрезвычайно важно, ибо это сосуды, которые были поставлены над умершим, скорее всего даже на гроб. Не совсем ясно, к какому типу относятся эти сосуды. В отношении двух А. В. Шмидт пишет, что они были без орнамента, другой, изображенный на фотографии, украшен одним рядом ямок по шейке⁴³, украшены ли остальные два — неизвестно.

---

⁴¹ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени. СА, 1959, № 1, рис. 6, 7.

⁴² Я не считаю памятники, расположенные южнее г. Уфы, кара-абызскими, как это делает А. Х. Пшеничнюк. А здесь, на Охлебининском могильнике, относимом мною к убаларской культуре, есть немало поздних погребений. Ново-Уфимский могильник кара-абызской культуры представлен в основном материалами случайных сборов.

Некоторые сходные черты в погребальном обряде раннекара-абызского могильника у д. Биктимирова с мазунинскими все же намечаются: западная или северная ориентировки, отсутствие сосудов, укладка рядом с умершим поясного павора, в котором спереди обычно крупные бляхи.

⁴³ А. В. Шмидт. Археологические изыскания..., табл. 1—16.

Некоторые дополнительные сведения дали новые раскопки на Бахмутинском могильнике (14 погребений), произведенные Н. А. Мажитовым. Погребенные находились в глубоких могильных ямах (от 110 до 158 см) и были ориентированы головой на восток. Среди 14 могил жертвенные комплексы обнаружены в 3-х (№ 2, 5, 14), в этих же могилах в засыпке ям на 20—50 см выше дна находились целые или разбитые сосуды⁴⁴. В таких же условиях находились сосуды еще в трех могилах (№ 1, 4, 10)⁴⁵, причем только в могиле 10 из двух сосудов один — чандарского типа. На площадке могильника найдено не менее 5 целых сосудов: один кувшинообразный, три аналогичных найденным в могилах и один чандарского типа⁴⁶. Погребения, раскопанные Н. А. Мажитовым, судя по вещам, относятся к ранней стадии V—VI вв., по классификации А. В. Шмидта, а некоторые, возможно, даже и к более раннему времени.

Таким образом, в Бахмутинском могильнике большинство сосудов имеет чашевидную форму с одним рядом ямок по шейке, а часть и с короткими насечками по нижней части плечиков.

На Чандарском селище сосуды все были круглодонными в виде чашек с невысокой и широкой шейкой или с достаточно четко выраженной шейкой. В глине имела примесь мелких камешков. У большинства сосудов вся поверхность была покрыта ямочными наколами, но единично встречались «пояски из насечек елочкой, гребенчатые зигзаги, пояски из штампованных уголков»⁴⁷. Именно последний тип сосудов составляет большинство на Бахмутинском могильнике.

Итак, беря за основу для характеристики собственно Бахмутинский могильник, специфически бахмутинскими культурными чертами в погребальном обряде можно считать: глубокие могильные ямы, ориентировку умерших головой на восток, жертвенные комплексы, помещение сосудов над костяками (очевидно, на гроб), угли в засыпке могил.

Сосуды бахмутинского типа представляли собой круглодонные чашки с орнаментом в виде вертикальных насечек-уголков по плечикам или ямок по шейке. Иногда, по-видимому, встречались также елочки и зигзаги.

Эти черты погребального обряда и керамики довольно хорошо просматриваются в немногочисленной IV группе погребений Бирского могильника, в которых наряду с жертвенными комплексами находятся сосуды (табл. III). В погребении 2 сосуд находился между бедренными костями (очевидно, был помещен над умершим) в погребении 31 — выше левого плеча. Далеко не все черты в этих могилах полностью бахмутинские, сильнее мазунинское воздействие в обряде — несомненно. Но очень хорошо бахмутинские традиции видны в керамике из этих могил (рис. 6, 7—9, 13, 14) — это чашевидные сосудики с орнаментом

⁴⁴ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, табл. 32, нижний ряд, два правых.

⁴⁵ Там же, табл. 32, верхний ряд.

⁴⁶ Там же, табл. 32, средний ряд, справа.

⁴⁷ А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 24.

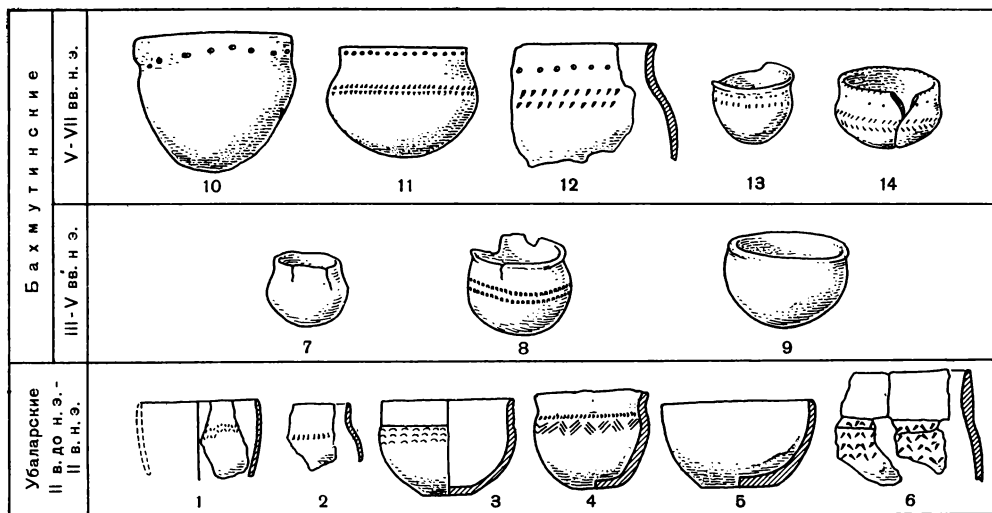

Рис. 6. Глиняные сосуды убаларского и бахмутинского типов

1, 2 — селище Убалар; 3—5 — Охлебининский могильник; 6 — селище Маган; 7—9, 13, 14 — Бирский могильник; 10—12 — Бахмутинский могильник

по плечикам и ямками по шейке или вообще без орнамента⁴⁸. Погребения IV группы Бирского могильника относятся к стадии А и Б, следовательно, они в какой-то части одновременны мазунинским III—V вв.

Это подтверждается и открытием погребений с бахмутинскими сосудами на ряде других раннемазунинских могильниках Башкирии (Ангасяк, погр. 3 и 21; Ст. Кабаново, погр. 15, 16) и позволяет предполагать, что керамика и погребальный обряд бахмутинского населения V—VII вв. восходят к традициям местного западноуральского населения, обитавшего, вероятно, вблизи мазунинского.

В районах к югу от устья р. Уфы погребения III—V вв. пока неизвестны. Но в этих районах было изучено несколько поселений, керамика которых очень близка бахмутинской. Впервые она была открыта в 1963 г. Г. И. Матвеевой на Имендьяшевском городище на р. Зилим⁴⁹. Одна из групп керамики городища хорошо отличается от других. Это сосуды чашевидной формы с плавным переходом от шейки к тулову. Малые сосуды иногда имеют ребристый выступ по средней части тулова. У некоторых экземпляров шейка отделена от плечиков выступающим уступчиком, а венчик имеет наклепное утолщение. До 15% сосудов орнаментировано по плечикам насечками-уголками в один-два ряда, еди-

⁴⁸ П. А. Мажитов. Бахмутинская культура, табл. 9. Среди могил III группы (грабленные, не описано расположение вещей), вероятно, часть могла относиться к IV группе по находкам сосудов (погр. 64, 57) или обломков их (погр. 120, 147, 149, 163).

⁴⁹ Г. И. Матвеева. Указ. соч., стр. 9.

нично — разными зигзагами. Отдельный тип составляют открытые чашечки с тщательно заглаженной внутренней поверхностью.

Сходство имендьяшевской керамики с бахмутинской как по форме, так и орнаментации, особенно такой специфической черте, как ряды насечек-уголков по плечикам, вполне очевидно. К сожалению, эта керамика как на самом Имендьяшевском городище, так и ряде других поселений по р. Белой и ее притокам к югу от г. Уфы пока очень плохо датирована и лишь по находкам аналогичных сосудов в мазунинских могильниках ее можно отнести к III—V вв.

Имендьяшевская керамика восходит к более ранним, так называемым убаларским комплексам Южной Башкирии (рис. 6, 1—6), для которых характерна та же манера орнаментации⁵⁰. Убаларская керамика отлично представлена в погребениях II в. до н. э.—II в. н. э. на Охлебининском могильнике, расположенном к югу от г. Уфы⁵¹, в погребальном обряде которого обнаруживается целый ряд черт, генетически связывающих все перечисленные памятники. Так, в Охлебининском могильнике сосуды ставились в ногах или у головы умершего, причем часто на 15—30 см выше дна могилы, могильные ямы, как правило, глубокие — до 100—120 см, и, наконец, в могилу отдельно в кучку складывали часть украшений (жертвенный комплекс). Таким образом, в южных районах Башкирии можно проследить непрерывную линию в развитии населения, начиная от IV—III вв. до н. э. вплоть до V—VII вв. н. э. На раннем этапе (III в. до н. э.—II в. н. э.) культура этого населения получила название убаларской⁵². Культуру памятников III—V вв. Г. И. Матвеева называет имендьяшевской, этот же термин употребляет и С. М. Васюткин⁵³. Комплексы V—VII вв. по Бахмутинскому могильнику известны как бахмутинские. Имендьяшевско-бахмутинские комплексы в III—V вв. принадлежат обособленной группе населения, а в V—VII вв., как и мазунинские, сосуществуют, смешиваются с различными другими, что вообще характерно для V—VII вв. в Башкирии. Поэтому едва ли есть смысл вводить особый термин — имендьяшевская культура, в археологии Башкирии их и так слишком много. Так как термин «бахмутинская» уже прочно вошел в нашу литературу, полагаю, что вполне правомерно имендьяшевские памятники III—V вв. включить в бахмутинскую культуру⁵⁴, а более поздние — V—VII вв. рассматривать как «бахмутинский археолого-этнический тип», характеристика которого будет дана ниже.

Этническая принадлежность бахмутинского населения пока недостаточно ясна. Убаларская культура сформировалась в Южной Башкирии в результате ассимиляции значительной группой пришлых племен местного

⁵⁰ М. Х. Садыкова. Новые памятники железного века Башкирии. АЭБ, т. I. Уфа, 1962, табл. 1.

⁵¹ А. Х. Пшеничный. Охлебининский могильник. АЭБ, т. III, Уфа, 1968, рис. 18.

⁵² Там же, стр. 90—91. Г. И. Матвеева. Указ. соч., стр. 7.

⁵³ Г. И. Матвеева. Указ. соч., стр. 9; С. М. Васюткин. Указ. соч., стр. 12—13.

⁵⁴ По-видимому, на Бахмутинском могильнике в раскопках В. В. Гольмстен и Н. А. Мажитова есть и погребения III—V вв. Так, там найдены подвески-медведи без трубочек для подшивания, типичные для раннемазунинских могильников Башкирии.

ананьинского населения. Культура пришельцев известна по так называемым гафурийским поселениям IV—III вв. до н. э.⁵⁵ Некоторые авторы полагают, что это были сарматские⁵⁶ племена, другие — древнеугорские⁵⁷. Убедительных доказательств, однако, ни та, ни другая точка зрения не имеют. Я считаю, что гафурийские памятники связаны с приходом в Приуралье каких-то массагетских (?) племен из Приаралья, возможно, угорского происхождения.

5. **Заключение.** В III—V вв. в Южном Приуралье значительно увеличиваются территории, освоенные отдельными племенами местного населения, как за счет расширения границ первоначального расселения, так и освоения совершенно новых земель (азелинская культура). Причины этого процесса следует искать прежде всего в развитии новых форм хозяйства — начале внедрения подсечно-огневой формы земледелия. Действительно, в предшествующую эпоху на рубеже н. э. в условиях очень большой концентрации населения на сравнительно небольших территориях приуральское население активно осваивало низкие надпойменные участки с относительно легкими для возделывания почвами, что было непременным условием развития мотыжной формы земледелия. Но это создавало и определенные пределы в развитии земледелия — надпойменные участки сравнительно невелики. С ростом народонаселения потребности расширения пашни заставили осваивать высокие пространства с менее плодородными почвами и покрытые в большинстве лесами, в связи с чем и развивается подсечно-огневая форма земледелия. Не случайно, очевидно, в могильниках III—V вв. всех культур очень часто встречаются железные топоры — основное орудие, необходимое при подсеке⁵⁸. Раньше этот процесс начал развиваться в южных культурах — кара-абызской и убаларской, где было более многочисленное население, но меньшие надпойменные участки. Все это послужило причиной экспансии населения Центральной Башкирии к северу — убаларские племена осваивают долину нижнего течения р. Уфы, очевидно, до устья р. Юрюзани, и частично вытесняют кара-абызское население из районов Уфимского устья на Белой. В процессе расселения убаларское население включило в свой состав немало и местного кара-абызского населения. Так возникает новое объединение — бахмутинская культура. Кара-абызские племена, передвигаясь к северу по долине Белой и ее притокам, ассимилируют часть чегандинского населения, а выйдя к Каме — вытесняют большинство его на запад. В составе формирующегося этноса мазунинской культуры были также очень небольшие группы убаларско-бахмутинского происхождения. Расширение территории мазунинской культуры шло главным образом за счет освоения ее населением малых притоков Камы (Иж, Сива, Буй) и Белой (Быстрый Таныш, Быза, Сюнь и др.).

⁵⁵ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959; А. Х. Пшеничный. К вопросу о керамике кара-абызских поселений. АЭБ, т. II, Уфа, 1964.

⁵⁶ М. Х. Садыкова. Сарматы на территории Башкирии, Автореферат. М., 1965, стр. 18.

⁵⁷ А. Х. Пшеничный. Население центральной Башкирии..., стр. 17.

⁵⁸ В. Ф. Генинг. Азелинская культура..., стр. 26, табл. XVI; Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, погр. 3, 47, 57, 58, 67.

Чегандинское (азелинское) население, отступившее на запад, осваивает заново древние территории, принадлежавшие их далеким предкам — ананьинским племенам — по нижнему течению Камы, Вятки и прилегающих районов Волги.

Таким образом, в III—V вв. в Южном Приуралье хотя и происходят значительные перегруппировки населения, этнический состав в целом не изменился. Это пермские группы в азелинской и мазунинской культурах и угорские (?) в бахмутинской. Включение каких-либо инородных групп неуральского происхождения по археологическим материалам пока проследить не удается.

II. ПЕРИОД V—VII ВВ.

1. Археолого-этнические типы (АЭТ). Археологические памятники V—VII вв. в Приуралье отличаются исключительным разнообразием, причем разнотипность одних и тех же категорий остатков (керамика, погребальный обряд) явно свидетельствует, что эти памятники принадлежали этнически различным группам. Только в некоторых районах, например Нижнем Прикамье, появляются более или менее однородные или очень близкие памятники (именьковская культура). С открытием различных новых типов, главным образом керамики, многие археологи без достаточно глубокого и всестороннего анализа всего материала стали конструировать и новые археологические культуры. Так появились купаревская, караякуновская и романовская культуры. К сожалению, большинство этих «культур» характеризуется лишь специфической керамикой, которая не увязана с иными материальными остатками. Ни для одной из них не доказана локализация памятников на определенной территории, где бы ни присутствовали одновременно памятники иного типа.

Различия на памятниках касаются главным образом тех сторон археологического материала, которые отражают в первую очередь глубокие и устойчивые этнические традиции — погребальный обряд и керамика (табл. VII), в меньшей степени уже украшения. В хозяйственно-бытовом и социальном отношении отдельные группы населения чрезвычайно близки.

Смешанность, совместное залегание разнотипных остатков на одних и тех же памятниках является неоспоримым фактом для археологии Башкирии и Южной Удмуртии V—VII в. Это, бесспорно, свидетельство большого смешения населения различного этнического происхождения как на отдельных поселениях, так и в целых районах. Подобную картину можно проследить и по этнографическим материалам. В XVIII—XIX вв. на полуостров Таймыр вдоль Хатангского тракта, где жили нганасаны, переселились тунгусоязычные группы долган, донгот, адыя и др., затем русские крестьяне и значительные группы якутов. Поселения их располагались небольшими компактными группами или чересполосно. Часто на одних поселениях жили представители различных

Кушнаренковский могильник. Типологические группы погребений

Типологические группы	№ погребений пол и возраст		Форма могилы					Кости жи- вотных		Ориентировка умерших					Тип сосуда									
			простая	продольн. захлечики	кругов. захлечики	захлечики + ниша у дна	захлечики + ниша вверху	не установлена	череп и ноги коня	крупн. кости у сосуда	мелкие в изголовье	СЗ	ССЗ	С	ССВ	СВ	Ю	романовский I	кувшины	романовский II	турбаслинский	куштеракский	бирский	прочие
I	7	ж	×											×				×						×
	16		×															×						
II	9	п			?									×				×		×				
	11	ж		×	×										×			×						
III	6	п		×	×					×			×					×	×					
	12				×																			
	2	ж				×			×											×				
	21	ж				×			?	×					×					×	×			
IV	27	м				×			×	×										×	×			
	28	м				×			×	×										×	×			
	10								×	×		сожжение					×		×					
V	29										сожжение													
VI	5	ж					×																×	×
	17	м	×							×			×								×	×		×
	23	м	×							×			×								×	×		×
	24												?											
VII	25	ж	×																					
	4	ж		×							×											×		
VIII	3							×				×												
	18							×									×							
IX	8	д		×																				
	19	д		?										×										
	20	д		?										×										
	14	д						×								×								
	15	д						×																
	22	д						×																
	26	д						×																
	1	д						×																
	13	д						×																
	30	д						×									×							

м — мужское, ж — женское, п — подростковое, д — детское]

групп⁵⁹. Естественно, что каждая из этих групп принесла свои традиции в культуру, и если бы мы смогли посмотреть остатки культуры этого населения уже в «археологическом состоянии», то увидели бы картину, аналогичную описанным памятникам Приуралья.

В археологии группу сходных между собой археологических памятников, расположенных на определенной ограниченной территории, принято объединять в одну археологическую культуру. Подобное сходство свидетельствует прежде всего о одновременности этих памятников. Следовательно, археологическая культура включает материальные остатки какой-то группы первобытного населения, проживавшей на определенной территории в течение какого-то периода времени. По моему мнению, этот период включает определенный этап социально-экономического развития этнически единой группы населения. Эта точка зрения уже опубликована, и нет надобности повторять ее вновь⁶⁰. Этническое единство является обязательным условием выделения археологической культуры. Но, очевидно, в истории первобытного населения, особенно в эпоху разложения первобытного общества, могут быть такие ситуации, когда на одной территории сосредотачиваются различные этнические группы⁶¹ с одинаковым или очень близким хозяйственно-бытовым укладом или даже различными формами хозяйства и социально-бытового уклада, и из таких разнородных групп формируется новый этнос. Подтверждение этому мы опять-таки можем найти в этнографии.

Памятники, оставленные этнически смешанными группами первобытного населения, естественно, будут между собой существенно различаться, и объединить их в одну археологическую культуру, как мы это делаем обычно, невозможно. Здесь, очевидно, требуется дифференцированный подход и какие-то иные понятия и термины. Эту проблему необходимо специально исследовать, и мы остановимся лишь на одной конкретной ситуации. Археологические памятники Башкирии V—VII вв. свидетельствуют, что хозяйственный и социально-бытовой уклад различных этнических групп был чрезвычайно близок. Это было оседлое скотоводческо-земледельческое население, находившееся на стадии окончательного распада первобытных отношений. Очень многие стороны быта у них были сходны — жилища-полуземлянки, украшения костюма, верования и т. д. Именно эта близость обеспечивала тесные контакты различных этнических групп и их постоянное, очевидно мирное, сосуществование, что в конечном итоге привело к этнической интеграции, когда из разнородного этнического конгломерата сформировался новый этнос, очевидно башкирская народность.

При изучении областей, где по археологическим материалам фиксируется значительное смешение различных этнических групп, можно применить понятие археолого-этнического типа (АЭТ).

⁵⁹ Б. О. Долгих. Происхождение долган. «Труды Института этнографии», новая серия, т. 84, М., 1963.

⁶⁰ В. Ф. Генинг. Условные проблемы изучения пьяноборской культуры. ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1962, стр. 33 и сл.; В. Ф. Генинг. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху, стр. 175—188.

⁶¹ См. подробно: В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, стр. 98 и сл.

Среди археологических материалов, определяющих этнос, основными и наиболее массовыми принято считать керамику, погребальный обряд и специфический набор женских украшений и некоторые другие материалы.

В археологическом материале достаточно объективно можно выделить различающиеся типы. В керамике определение их производится по форме сосудов, технике изготовления и орнаментации, устойчивая коррелятивность которых дает характеристику типа. Таким же образом анализируется и погребальный обряд, который характеризуют: надмогильные сооружения, формы и размеры могильной ямы, конструкция погребальной камеры (гроб, ящик, колода, камера и пр.), характер сопровождающего вещевого материала (орудие, оружие, принадлежности костюма, украшения), его расположение в могиле, ритуальные остатки — сосуды, кости животных, их местонахождение в могилах и т. д. Коррелятивная зависимость конкретных деталей обряда позволяет и здесь выделить определенный тип погребений.

Наконец, устойчивые сочетания между типом керамики, типом погребений, отдельными типами женских украшений и рядом других специфических особенностей в археологических материалах дают возможность выделить комплекс остатков, характеризующих традиции каждой определенной этнической группы первобытного населения. Это и будет археолого-этнический тип (АЭТ).

В понятии археологической культуры археолого-этнический тип фактически включается в определение самой культуры, так как археологическая культура представляет собой совокупность остатков этнически единой группы первобытного населения. Было бы весьма неплохо и здесь четко охарактеризовать этот тип, ибо он определял бы ясную археологическую специфику этноса каждой культуры.

Когда же мы имеем территории со смешанными материалами, археолого-этнический тип необходим, чтобы из общей массы хронологически одновременных памятников вычленять различные типы, характеризующие определенные этнические группы, и, таким образом, получить четкое представление об этническом составе отдельных групп первобытного населения данной территории.

Археолого-этнический тип может быть более или менее сконцентрирован в одном районе и лишь изредка присутствовать в других, но может быть и полностью рассеян среди других типов по большой территории. В связи с этим большую роль в характеристике расселения каждого конкретного АЭТ приобретает степень археологической исследованности определенных территорий. И было бы весьма рискованно на основании раскопок одного-двух, редко четырех-пяти памятников, причем в весьма небольшом объеме, давать заключение об этническом составе целого района или области.

На первоначальной стадии археологического изучения какой-либо территории выделение археолого-этнических типов позволяет наметить основные этнические компоненты в составе всего населения и рассмотреть их происхождение, отделив эту проблему от вопросов сложения уже в процессе совместного проживания каких-то новых этнических объедине-

ний. Возможно, что некоторые археолого-этнические типы с накоплением нового материала можно будет выделить в самостоятельные археологические культуры. Но и в этом случае понятие археолого-этнического типа лишь облегчит данную работу и избавит от многих ошибок, которые мы нередко допускаем.

Опираясь на понятие археолого-этнического типа, и был предпринят анализ археологических материалов V—VII вв. Башкирии и Южной Удмуртии, результаты которого изложены в настоящей статье.

2. Археолого-этнические типы Северной Башкирии. Районы Бельско-Уфимского междуречья, входящие в Северную Башкирию, были в V—VII вв. заселены довольно плотно, и наряду с потомками местного населения мазунинской и бахмутинской культур здесь появляется немало пришлых групп. В значительной мере определить эти группы позволяют материалы поздних стадий Бирского могильника, где выделяются поздние подгруппы погребений мазунинского и бахмутинского типов (табл. III, V) и совершенно новая типологическая группа V, связанная с пришлым населением (табл. VIII).

Бахмутинский АЭТ выделяется по погребениям и керамике, продолжающим традиции бахмутинской культуры III—V вв. (см. выше, табл. III, V). Это прямоугольные глубокие (более 1 м) могильные ямы, в которых умершие уложены вытянуто на спине головой на В, часто с отклонением как к северу, так и к югу. При погребенных нередко различные украшения. Над умершими, по-видимому, поверх гроба помещались глиняные сосуды, чаще всего в средней части могилы (рис. 7, В, 7). Часть погребений совершалась и без сосудов. В Бахмутинском могильнике в засыпке ям там, где нет сосудов, часто находятся мелкие угольки. Не исключено, что помещение рядом с умершим жертвенных комплексов (набор украшений) так же характерно для бахмутинского обряда, как и для мазунинского.

Бахмутинские сосуды представляют собой круглодонные невысокие чаши с прямой шейкой, суженной горловиной, изготовленные из глины с примесью песка, реже — мелкого галечника. Сосуды орнаментированы обычно по шейке рядом ямочек, а по переходу от плечика к тулову — полуовальными вдавлениями в два-три ряда или короткими подтреугольными насечками, часто образующими узор ёлочки. Характерно также, что подтреугольные вдавления в два ряда расположены всегда острыми концами в разные стороны (рис. 7, В, 1—6).

К бахмутинскому АЭТ относится погр. 14 в Кушнаренновском могильнике (табл. VII). Бахмутинские традиции наблюдаются в ряде погребений Салеховских курганов. Так, в могиле кургана 9 сосуд стоял между колен погребенного, ориентированного головой на ВСВ, а в кургане 23 умерший лежал головой на В в яме, обложенной плитами, над костями ног стоял сосуд, орнаментированный по плечикам двумя линиями с зигзагами⁶². В кургане 13 этого же могильника, раскопанном

⁶² К. В. Сальников. К вопросу о составе населения Южной Башкирии в I тыс. н. э. СА, 1958, № 4; рис. 4, 2.

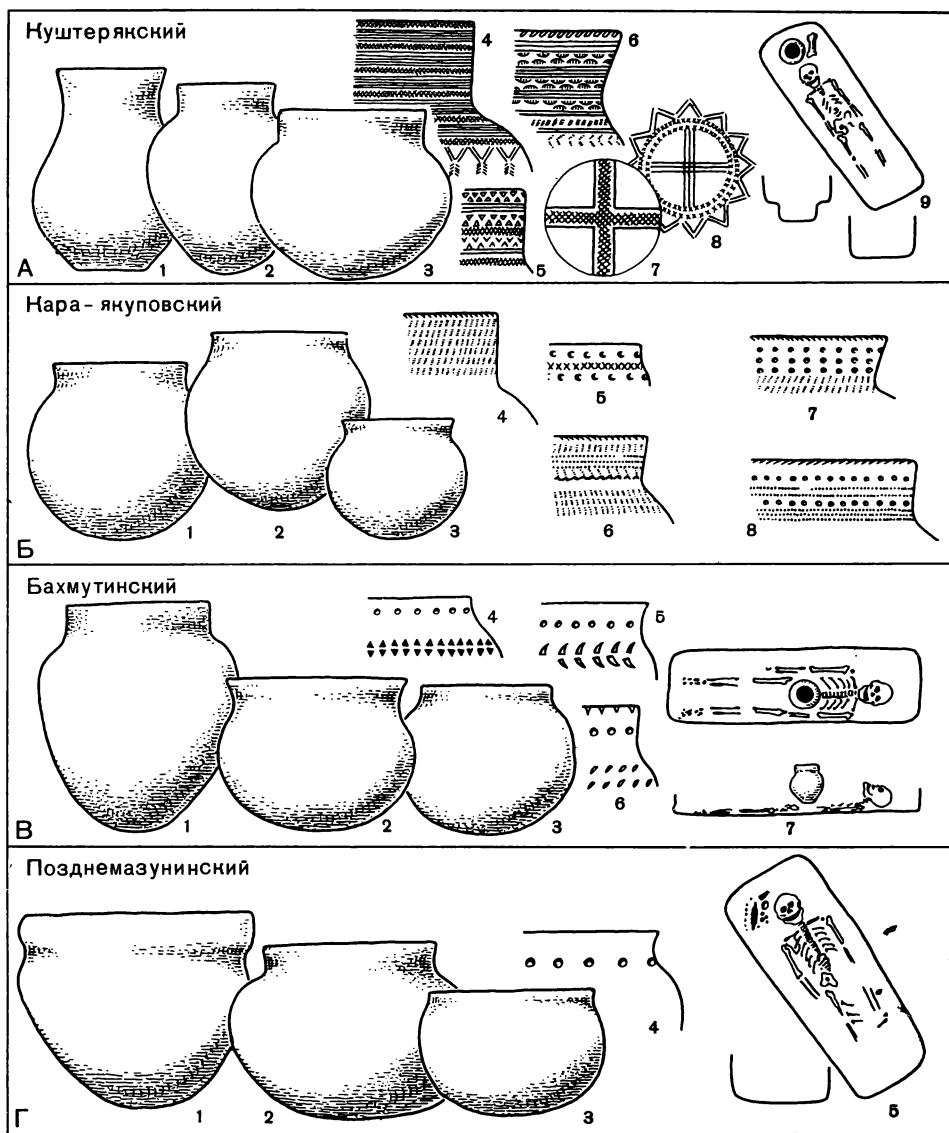
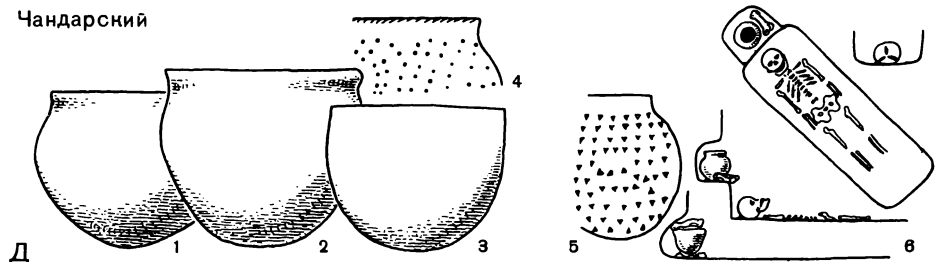

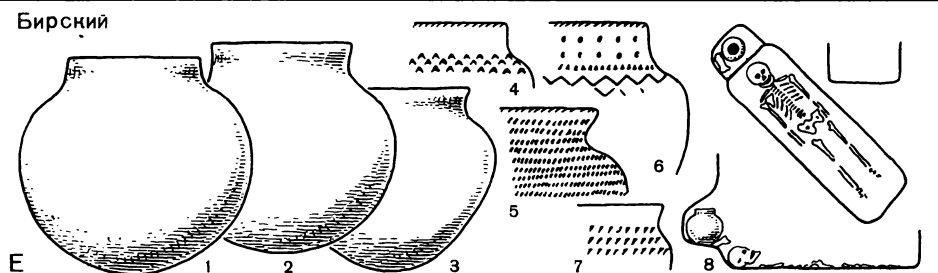
Рис. 7. Археолого-этнические типы Южного Приуралья V—VII вв.

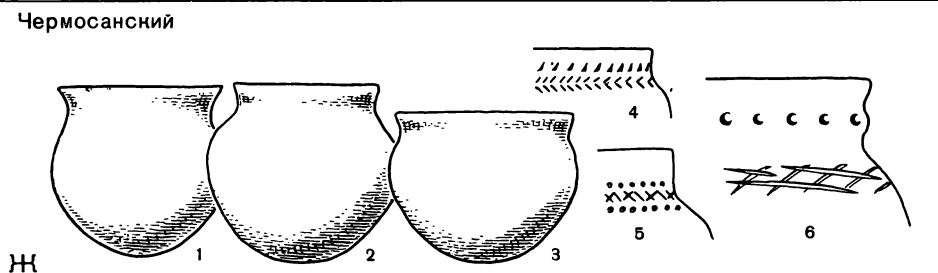
Чандарский

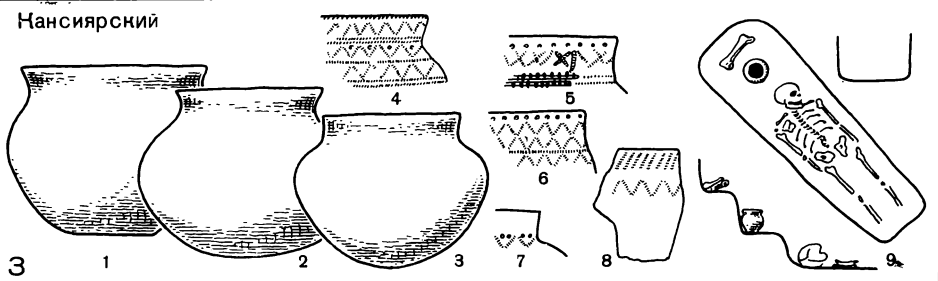
Бирский

Чермосанский

Нансиярский

Турбаслинский

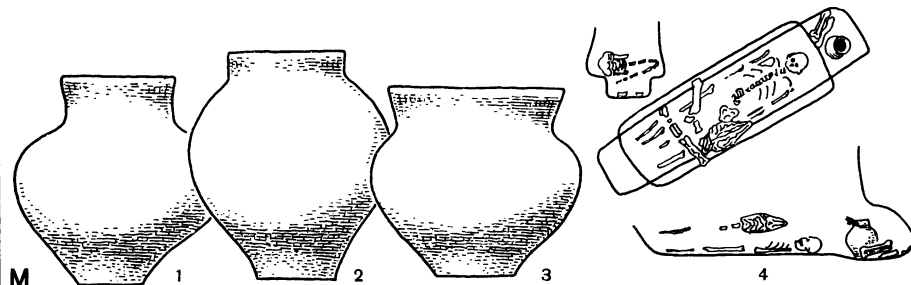
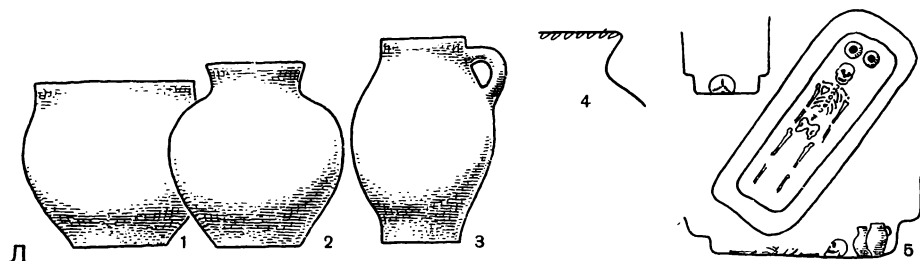
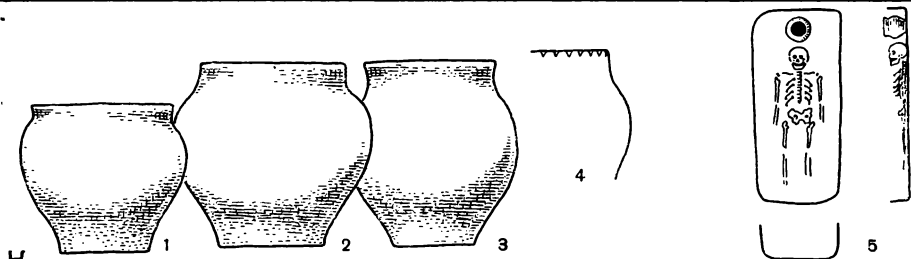
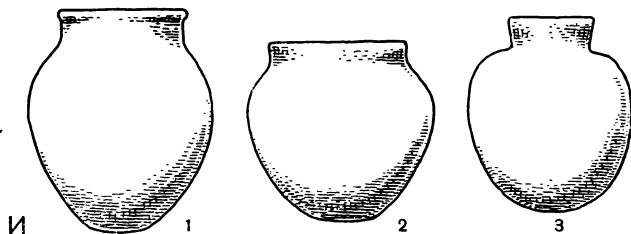
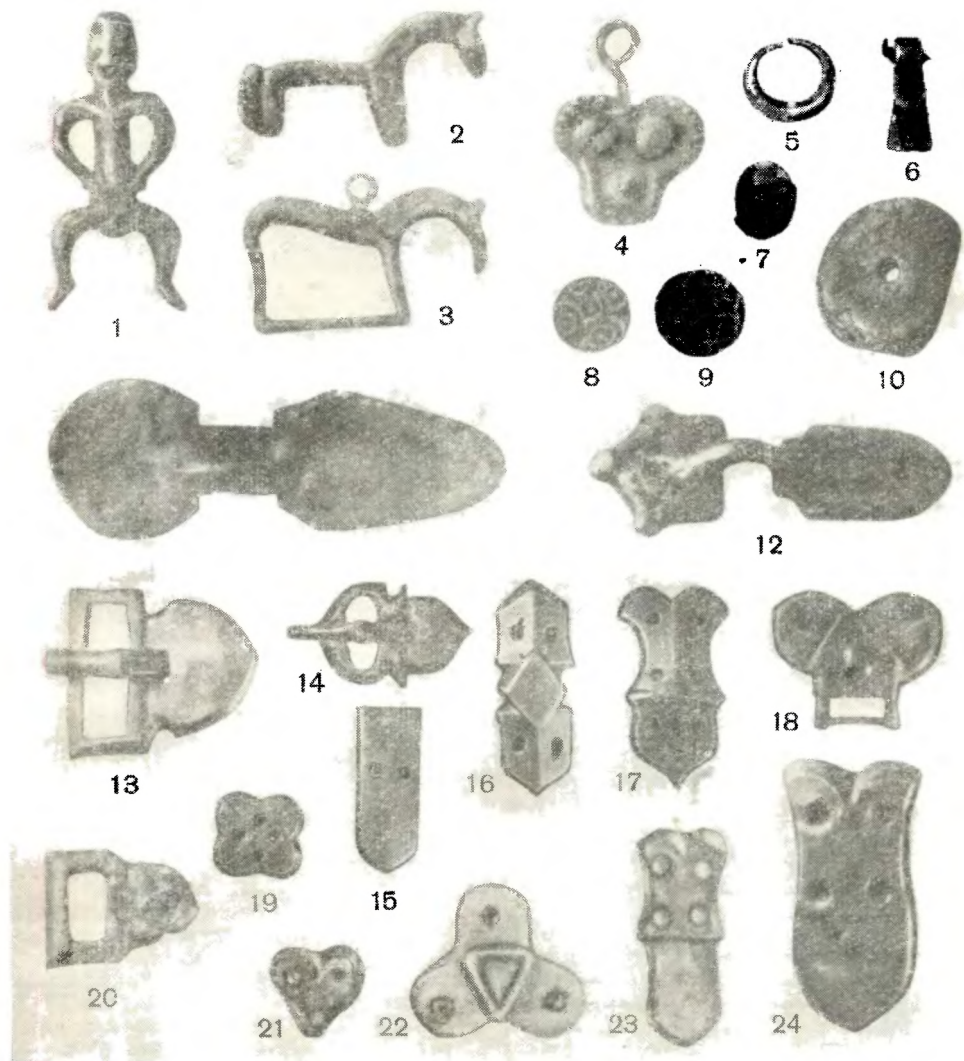
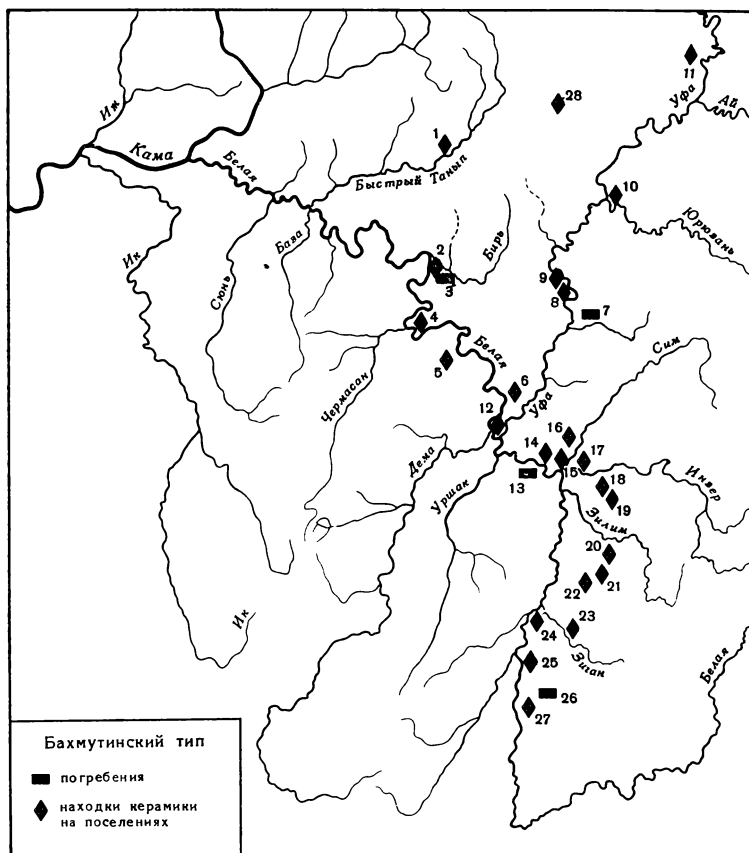

Рис. 7. (Окончание)

Рис. 8. Кушнарeнковский могильник. Вещи из погребений

1—4, 6, 12 — бронза; 5, 11, 13—24 — серебро; 7, 10 — янтарь; 8, 9 — сердолик; 1—3, 5, 6, 12, 13—19 — литые изделия; 4, 11, 20—24 — штампованные изделия

Рис. 9. Карта распространения находок бахмутинского типа

1 — Кансиарское городище;	10 — Устю-Юрго земское селище;	20 — Имендяшевское городище;
2 — Бирское городище;	11 — Усть-Айское селище;	21 — селище Таш-Баш (Кулканово);
3 — Бирский могильник;	12 — городище Уфа II;	22 — селище Журавлиная Поляна;
4 — городище Гремячий Ключ;	13 — Шириевский могильник;	23 — селище Ихтисат;
5 — Кувыковское городище;	14 — городище Колпак (Жилино);	24 — селище Юрак-Тау;
6 — Ново-Турбаслинское селище;	15 — городище Мунчазы;	25 — селище Тура-Тау;
7 — Бахмутинский могильник;	16 — Бердинское городище;	26 — Салеховский могильник;
8 — городище Соколиный Камень;	17 — Кумырлинское селище;	27 — Канышевское погребение;
9 — Чандарское селище;	18 — Устиновское селище;	28 — Саидиянское городище
	19 — Венсовское селище;	

С. М. Васюткиным, умерший был положен головой на СВ, а в ногах стоял сосуд бахмутинского типа.

На поселениях бахмутинский тип керамики выделен очень плохо. Встречается она на поселениях преимущественно правобережья р. Белой (рис. 9).

Хронология бахмутинского типа определяется по погребениям стадии Б Бирского могильника и находкам в нескольких ранних могилах Бахмутинского могильника сосудов чандарского типа. В обоих случаях это V—VI вв.

Позднемазунинский АЭТ V—VII вв. достаточно хорошо выделяется по погребениям стадии Б и В I—III типологических групп Бирского могильника, где сохраняются все основные традиции, характерные для собственно мазунинской культуры III—V вв., хотя и претерпевают некоторые изменения. Умершие хоронились в простых могильных ямах, но под влиянием пришлых этнических групп ямы стали рыть гораздо глубже. Если средняя глубина взрослых могил Бирского могильника в мазунинское время была 64 см (стадия А, табл. VI), то теперь эта цифра возрастает до 109,5 см. В могилах, обычно в средней части их, находятся часто кости животных — овцы, а чаще — лошади, что почти не встречается в мазунинское время. Сохраняется обычай помещать в могилу рядом с умершим жертвенные комплексы, но если в женских погребениях раньше они укладывались в средней части, то теперь, как и в мужских, они находятся в изголовье (рис. 7, Г, 5; табл. III). Жертвенные комплексы стали гораздо беднее, а в мужских погребениях это уже зачастую лишь слабые пережитки, когда положен браслет, серьга или бусы. Поясной набор в женских могилах укладывается теперь сверху поперек бедер, чтобы концы свешивались сбоку. Появляется и новая деталь в обуви — пряжки и наконечники ремней. Более многочисленными становятся орудия труда и оружие в мужских погребениях.

Погребения с бедным инвентарем, без жертвенных комплексов на новом этапе характеризуются лишь более глубокими ямами (более 1 м) и присутствием костей животных: бобра, овцы, лошади.

Мазунинское влияние ощущается и в Кушнарениковском могильнике. Так, в погребениях 4 и 26 в изголовье находились жертвенные комплексы (табл. VII). Но, как уже упоминалось выше, не исключено, что жертвенные комплексы были характерны и для бахмутинского типа.

Различные изменения, которые претерпел мазунинский погребальный обряд в V—VII вв., несомненно, являются результатом воздействия различных инородных этнических групп, с которыми потомки мазунинского населения жили бок о бок на одних поселениях и хоронили умерших на одних могильниках. Так, изредка в погребениях встречаются сосуды позднемазунинского типа, которые сохраняют традиционную прикамскую чашевидную форму, но в глине нередко встречаются примеси шамота и мелких галечек. Сосуды или вообще не орнаментированы, или, как и в предшествующее время, имеют по шейке ряд круглых ямок (табл. 7, Г, 1—4).

Позднемазунинская керамика на поселениях среднего течения р. Белой, как и бахмутинская, выделана очень плохо, хотя она здесь, безусловно, есть. Бирское, Кувыковское, Кансиарское, Сандиякское городища, Кушнарениковское селище, где производились раскопки в широком объеме, содержали керамику этого типа. В районах Прикамской Удмуртии и нижнего течения р. Белой известны многочисленные поселения с мазунинской керамикой.

Бирский, кансиарский и чермосанский типы представлены пока весьма незначительными комплексами. Едва ли это уже сейчас следует рассматривать как факт, указывающий вообще на их малочисленность. Скорее всего это результат еще весьма слабой изученности археологических памятников.

В бирский тип выделяются погребения 4 подгруппы V типологической группы Бирского могильника (см. табл. VIII), для которых характерны могильные ямы с нишами выше дна могилы, где помещались сосуд и кость лошади. Сосуд бирского типа имеет шаровидное тулово с высокой, довольно сильно суженной горловиной, украшенной иногда рядами углубчатых ямок. Чаще всего плечики сосудов покрыты различными узорами в виде рядов вертикально или косо поставленных коротких насечек, резных зигзагов. Резными насечками покрывался и венчик сосуда (табл. 7, Е, 1—7). В глиняном тесте имеются примеси песка, а поверхность покрыта штриховой зачисткой.

В Кушнаренковском могильнике погребение 5 имело могильную яму с нишей выше дна и заплечики. В нише стоял сосуд, почти совершенно идентичный сосудам Бирского могильника⁶³. Второй сосуд бирского типа из погребения 17 Кушнаренковского могильника был орнаментирован только насечками по венчику. Несколько сосудов бирского типа было и в Ново-Турбаслинском могильнике⁶⁴. Сосуды бирского типа найдены на Кушнаренковском городище и селище.

В Бирском могильнике в 15 погребениях (подгруппа 3, группа V, табл. VIII) находились сосуды, по форме и орнаменту близкие бирскому типу, но тулово покрыто ямками чандарского типа⁶⁵. Это сосуды чандарско-бирского типа. Какова связь этих типов? Одновременны они или представляют собой последовательные этапы развития? Чандарские сосуды отличаются от бирских не только ямочными наколами на тулове, но и формой горловины, которая у бирских узкая, высокая и четко профилированная, в то время как у чандарских широкая, лишь слегка изогнутая у перехода к тулову. Из четырех датированных погребений, где обнаружены сосуды бирского типа, три относятся к стадии В и только одно к стадии Б, в то время как большинство чандарских погребений относится к стадии Б и лишь два с сомнительными находками к стадии В (табл. VIII). Переходные чандарско-бирские сосуды также встречены в двух погребениях стадии Б и только в одном в стадии В. Очевидно, лишь новые материалы смогут окончательно решить вопрос о хронологии этих двух типов, хотя уже сейчас бирский кажется несколько более поздним.

Кансиарский тип выделяется по нескольким немногочисленным, но выразительным находкам. При раскопках Кансиарского городища вместе с сосудами бахмутинского и чандарского типа собрана небольшая коллекция сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом⁶⁶, который

⁶³ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, табл. 16, 10; 25, 6.

⁶⁴ Н. А. Мажитов. Курганный могильник у д. Ново-Турбаслы, табл. 1, 3, 5.

⁶⁵ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, табл. 22, 7; 23, 1—3; 24, 3—8.

⁶⁶ Н. А. Мажитов. Указ. соч., табл. 33—7, 11.

Бирский могильник. Погребения V типологической группы

Подгруппы	Стадии	№ погребений	Расположение ниши			Типы сосудов						Кости животных			Размеры могилы				
			на уровне dna	выше dna (см)	не указано	чангарский	чанг.-кансиар.	чанг.-бирек.	бирский	куштеракский	вид		местоположение		длина	ширина	глубина		
											овца	лошадь	прочие	на сосуде				около сосуда	неизвестно
1	Б	62			×	×											100	50	45
		95				×								×			243	60	70
		115	10			×						×		×			237	60	133
		118			×	×						×		×			260	79	145
		121	?			?											230	70	110
	Б	123				?											260	98	120
		133															230	98	135
		150				×					×			×			257	55	70
	Б	151	×			×						×				×	185	66	100
		152		25		×					×			×			260	78	100
		172	×			×						×		×			240	55	120
		175	×			×											170	60	120
		183		×		?											260	80	120
	Б	188			×	×						×			?		240	75	110
		186		10		×						×			×		200	75	125
		190				×						×		×			200	70	110
		197				×											250	70	120
		199																	
2	Б	76		25			×					×							
		79		×			×					×				×	210	71	140
		89	×				×					×		×			250	75	160
3		170		30			×										255	60	120
		94															190	55	45
		106		14			×												155
		119		×			×				×	×		×			245	60	120
		141		10				?									211	68	130
	Б	143		20			×										235	60	100
		144		10			×										270	80	100
		145		25			×					×			×		265	82	135
		166					×										235	56	135
		179			×		×					×		×			185	60	120
		182	×				×					×			×		250	85	120
		194		20			×			×		×		×			210	70	100
		189		30			×										240	75	130
		192			×		×										220	70	120
		193			×		×										200	65	80
		200			×		×										260	100	120

Таблица VIII (окончание)

Подгруппы	Стадии	№ погребений	Расположение ниши				Типы сосудов					Кости животных						Размеры могилы		
			на уровне дна	выше дна (см)	не указано	чандарский	чанд.-кансиар.	чанд.-бирек.	бирекий	куштерекский	вид			местоположение			длина	ширина	глубина	
											овца	лошадь	прочие	на сосуде	около сосуда	неизвестно				
4	В	90										×			×			225	75	75
		103		18								×			×			215	71	153
		112	×															205	85	110
		146		25								×			×			230	91	135
	В	148		10								×			×			230	65	115
		164		15								×			×			235	90	140
		167			×													220	70	125
		168		10														235	57	125
	Б	173		20					×			×			×			225	55	110
		177			×				×									240	60	105
		180			×				×			×			×			240	80	110
		185		25					×			×			×			200	80	130
	В	196							×									200	80	130
		199			×				×									254	85	100
		78							×									140	40	100
91								×							×		132	55	110	
99			5					×									250	65	130	
104			25					×			×				×		250	60	95	
107		×						×			×			×			195	73	100	
Б	165		10					×									230	70	155	
	176	×						×			×			×			200	50	110	
	195							×			×			×			280	70	115	
	191	×									×				×		220	70	110	
6											×									
Всего:		59	9	23	11	17	4	15	14	8	3	28	1	12	14	6				

вообще чрезвычайно редко встречается в комплексах V—VII вв. в Западном приуралье. Аналогичная группа сосудов выделяется и в материалах Кувыковского городища и городища Сандияк⁶⁷.

Это круглодонные чашевидные сосуды с широкой горловиной, близкие по типу к прикамским или со суженной горловиной, похожие на бирские, хотя и более низких пропорций. Орнаментированы обычно шейки и верхняя часть тулова. Узоры состоят из зигзагов (причем гребенча-

⁶⁷ И. С. Поносова. Раскопки Сандиякского городища бахмутинской культуры в 1963—1964 гг. «Ученые зап. Пермского ун-та», № 191. Пермь, 1968, рис. 3—4.

тые оттиски часто слегка изогнуты), поясков вертикально, реже горизонтально поставленной гребенки. Зигзаги часто многорядные, и в изломы нанесены ямки (рис. 7, 3, 1—8).

В Бирском могильнике (2 подгруппа V группы, табл. VIII) обнаружено четыре сосуда с кансиярскими узорами, но выполненными мелкой насечкой, подражающей гребенке, а тулово покрыто ямками чандарского типа⁶⁸. Могильные ямы в трех погребениях имели только ступеньки высотой 30—40 см в изголовье, а в погребении 79 — две ступеньки, причем на одной стоял сосуд, а на другой лежала кость лошади. С другими сосудами могилы со ступеньками не были обнаружены. По-видимому, эта форма могильных ям и характерна для кансиярского типа (рис. 7, 3, 3, 9).

Чермосанский тип сосудов известен главным образом по находкам на Кушнаренковском городище на р. Чермосан. Это круглодонные сосуды с широким устьем и прямыми или слегка выгнутыми шейками. В глине всегда примеси песка, поверхность сосудов шероховатая и пористая. По плечикам сосудов нанесен поясok из резных елочек, сетки или наклонных насечек. Характерная особенность этого стиля — выполнение узоров с некоторой небрежностью, как бы «размашистыми штрихами». Эти узоры нередко обрамлены с обеих сторон рядами глубоких цилиндрических ямок (рис. 7, Ж, 1—6).

Подобные сосуды обнаружены и на других поселениях (рис. 10). Погребальные комплексы чермосанского типа пока не известны.

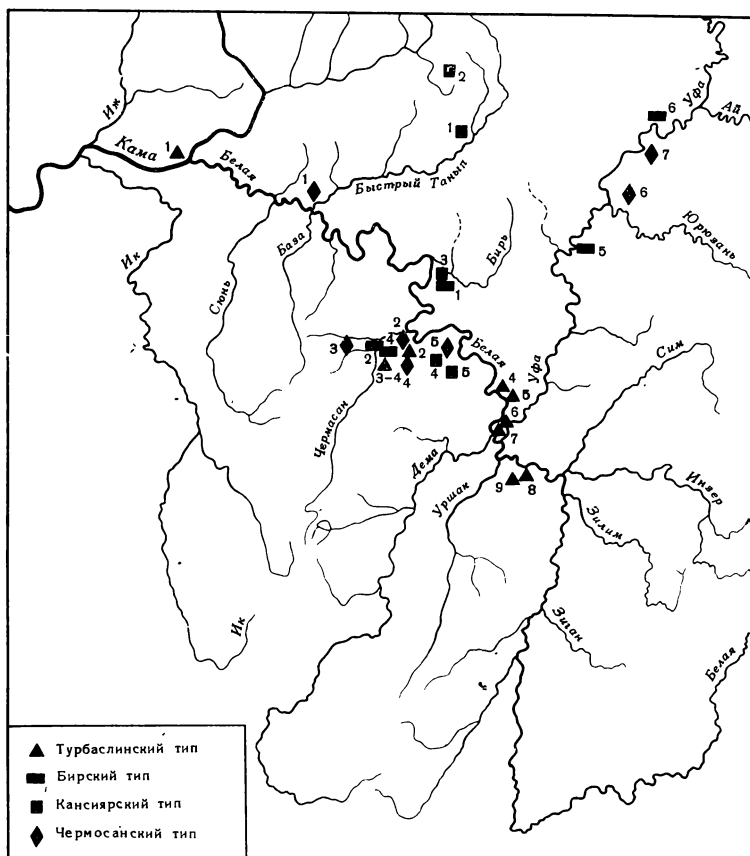
Из-за малочисленных материалов пока затруднительно решение вопросов происхождения и этнической принадлежности населения этих типов.

Резная орнаментация сосудов различными елочками, зигзаговыми и решетчатыми узорами, выполненными с широким размахом, была типична в раннем железном веке для керамики населения лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири⁶⁹, причем для более восточных районов характерны короткие резные насечки. Захоронения этой культуры совершены обычно в могилах с заплечиками, и в могилах часто встречаются сосуды. По всей вероятности, чермосанский и бирский типы происходят от какой-то группы населения, родственного названным выше западносибирским группам.

Чандарский АЭТ. Название это взято по Чандарскому селищу на р. Уфе, раскопанному А. В. Шмидтом. Погребальный обряд чандарского типа пока выявлен только в Бирском могильнике (V группа, 1 подгруппа, табл. VIII). Это грунтовые захоронения в могильных ямах прямоугольной формы, глубиной всегда более 1 м с нишей-подбоем у изголовья, вырытой на высоте 10—35 см выше уровня дна. В нише поставлен глиняный сосуд и положена крупная кость лошади, чаще всего бедрепная или плечевая. Большинство умерших уложено головой на ССЗ (рис. 7, Д, 6). При захоронении в могилы мужчин иногда помещали орудия труда.

⁶⁸ Н. А. Мажитов. Указ. соч., табл. 24, 1, 2; 23, 4.

⁶⁹ В. Ф. Генинг, М. К. Позднякова. Приговское городище на р. Исети. ВАУ, вып. 4, Свердловск, 1964; В. Е. Стоянов, А. Г. Ширяев. Селище Речкино I. ВАУ, вып. 6. Свердловск, 1964; В. Е. Стоянов. Узловское поселение. ВАУ, вып. 8. Свердловск, 1969.

Рис. 10. Карта распространения находок турбаслинского, бирского, кансыярского, чермосанского типов

Турбаслинский тип:

- 1 — городище Чеганда I;
- 2 — Кушнаренковское селище;
- 3 — Кушнаренковский могильник;
- 4 — Ново-Турбаслинский могильник;
- 5 — Ново-Турбаслинское селище;
- 6 — Уфимский могильник;
- 7 — городище Уфа II;
- 8 — Шареевский могильник;

9 — Улукулевское селище:

бирский тип:

- 1 — Бирский могильник;
- 2 — Кушнаренковское городище;
- 3 — Кушнаренковский могильник;
- 4 — Кушнаренковское селище;
- 5 — селище Барандайка;
- 6 — Усть-Айское селище;

кансыярский тип:

- 1 — Кансыярское городище;
- 2 — Сандиякское городище;

3 — Бирский могильник;

- 4 — Кувыковское городище;
- 5 — Кувыковский могильник;

чермосанский тип:

- 1 — Манянский могильник;
- 2 — Кушнаренковское городище;
- 3 — Старо-Калмашское городище;
- 4 — Кушнаренковское селище;
- 5 — Кувыковское городище;
- 6 — Янгатовское селище;
- 7 — Айское селище

Сосуды имели шаровидное тулово, широкую низкую горловину, а иногда и без нее, изготовлены из глины с примесями мелких галечек. Поверхность обработана штриховой зачисткой и вся покрыта горизонтальными рядами ямочных наколов, чаще округлой формы, реже — угольчатой. По венчику сосуда иногда нанесены насечки. Обжиг сосудов хороший, черепок звонкий, коричневатого-красного или серого цвета (рис. 7, Д, 1—5).

Чандарская керамика довольно многочисленна на поселениях, из чего можно заключить, что она оставлена оседлым, скотоводческо-земледельческим населением. Тип чандарского жилища не установлен, на Ново-Турбаслинском селище вскрыты полуземлянки, но здесь кроме чандарской керамики в массе обнаружены и иные типы. Аналогичная картина открыта и на Кансиаровском городище⁷⁰.

Керамика чандарского типа локализуется в основном в Бельско-Уфимском междуречье, с незначительным выходом на правобережье Средней Камы и левобережье р. Белой (рис. 11). Она обнаружена разведками на очень многих поселениях⁷¹, но раскопки проведены в весьма ограниченном объеме на городище Чеганда I и селище Чеганда II⁷², Бирском, Кансиаровском, Юмакаевском⁷³ и Кувыковском городищах (Г. И. Матвеева), городище Уфа II и Ново-Турбаслинском селище⁷⁴.

Относительную хронологию чандарского типа позволяют установить несколько фактов. На Ново-Турбаслинском могильнике под курганными насыпями (№ 4, 9—11, 15, 18—23) с захоронениями, содержащими сосуды турбаслинского, романовского, куштерьякского типов, обнаружены ямы и зольники с чандарской керамикой⁷⁵, которая в могилах ни разу не встречена. Аналогичная картина прослеживается и на Манякском могильнике, где, по сведениям Н. А. Мажитова, погребения с куштерьякской и кара-якуповской керамикой врезаются в культурный слой чандарского селища.

В Уфимском кургане 16 в погребении 2 чандарский сосуд находился вместе с сосудом кувшинообразного типа⁷⁶.

Абсолютную дату чандарского типа определяют погребения стадии Б и частично В Бирского могильника V — начала VI в. н. э. Более позднее бытование его пока не установлено.

⁷⁰ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 64.

⁷¹ А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 25; Н. А. Мажитов. Поселения бахмутинской культуры; В. Ф. Генинг. Мазунинская культура..., рис. 4; Г. Н. Матюшин. Новые археологические памятники в окрестностях гор. Уфы. АЭБ, т. II, 1962; Л. Я. Крижевская. Поселения эпохи железа на северо-востоке Башкирии. АЭБ, т. II, Уфа, 1962, стр. 83.

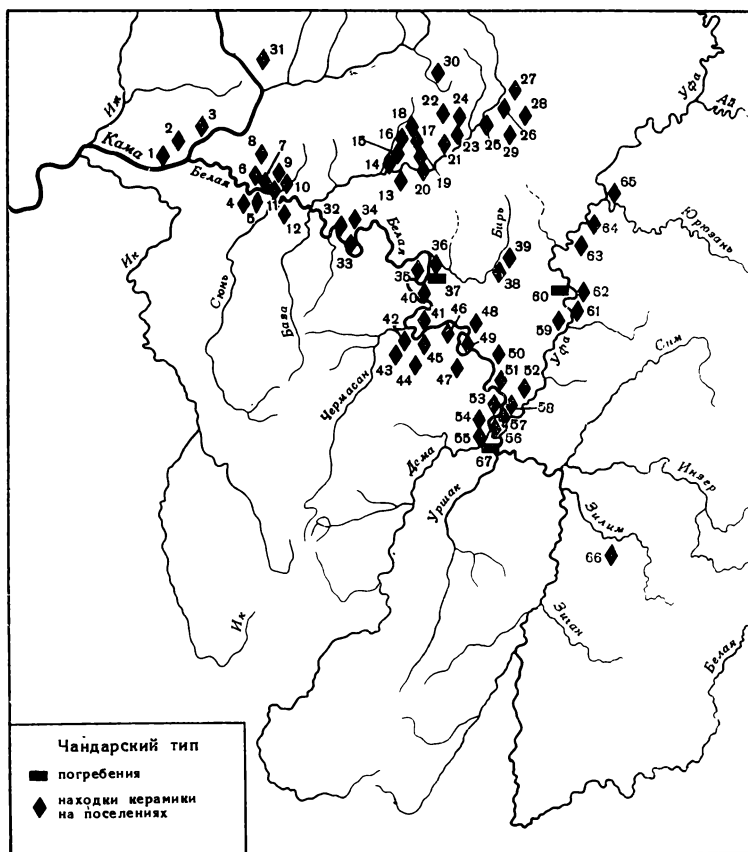
⁷² В. Ф. Генинг. Городище Чеганда I в мазунинское время. ВАУ, вып. 7. Свердловск, 1967.

⁷³ Н. А. Мажитов. Поселения бахмутинской культуры; он же. Бахмутинская культура, стр. 45, 46.

⁷⁴ П. Ф. Ищеригов и Н. А. Мажитов. Городище Уфа II...; Н. А. Мажитов. Поселение Ново-Турбаслинское II...

⁷⁵ Н. А. Мажитов. Курганный могильник у д. Ново-Турбаслы. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959, стр. 118, 124, 134.

⁷⁶ А. Х. Пшеничнюк. Уфимский курганный могильник. АЭБ, т. III, Уфа, 1968, рис. 16—8, 10.

Рис. 11. Карта распространения находок чандарского типа

1 — Верхне-Малиновское городище;	18 — Краснохолмское городище;	34 — городище Ст. Маядык II;
2 — городище Чеганда I;	19 — Тойкинское I селище;	35 — селище Поповка;
3 — селище Чеганда II;	20 — Тойкинское II селище;	36 — Бирское городище;
4 — селище Ирмяш;	21 — Юмакаевское городище;	37 — Бирский могильник;
5 — городище Петер-Тау;	22 — Ардашевское городище;	38 — Камеевское городище;
6 — селище Бакча-Тау;	23 — Тугубаевское городище;	39 — Камеевское селище;
7 — Старо-Янзигитовское селище;	24 — Кансиярское городище;	40 — Костаревское (Камышинское II) городище;
8 — городище Тра-Тау;	25 — Тибилеевское селище;	41 — Горновское (Гремячий Ключ) селище;
9 — селище Кокры-Куль;	26 — Афанасьевское городище;	42 — Кушнаренковское городище;
10 — городище Бурнюш;	27 — Ново-Карское селище;	43 — Кушнаренковское селище;
11 — селище Бурнюш;	28 — Кизгазинское городище;	44 — Ахметовское II селище;
12 — Андреевское городище;	29 — Сандугачское городище;	45 — Ахметовское III селище;
13 — Нодашевское городище;	30 — Сандиякское городище;	46 — Ахлыстанское селище;
14 — Кугарчинское селище;	31 — Сайгатское городище;	47 — Кувынковское городище;
15 — Куяновское III селище;	32 — Ново-Виктовское II селище;	48 — Дуванейское селище;
16 — Куяновское II селище;	33 — Ново-Виктовское I селище;	49 — Яблочкино селище;
17 — Куяновское I селище;		

Керамика чандарского типа, как нам уже неоднократно приходилось отмечать, не имеет местных приуральских корней⁷⁷. Это же подтверждается теперь и погребальным обрядом, который также чужд местным традициям, хорошо известным по мазунинским и бахмутинским могильникам.

Чандарский тип керамики, или как его раньше называли, бахмутинский, чрезвычайно своеобразный и легко отличим от других по наколам на всей поверхности сосудов. Подобная керамика в раннем железном веке бытовала у населения северной части лесостепной зоны Западной Сибири в бассейне Иртыша и Ишима. В дополнение к тем памятникам, о которых нам уже приходилось писать ранее⁷⁸, укажем, что керамика с ямочными наколами обнаружена в раскопках Г. Б. Здановича на ряде поселений у г. Петропавловска на р. Ишиме, в Розановском поселении на р. Иртыше и многих других ишимских и иртышских памятников по материалам разведок. Следует, однако, отметить, что сосуды с ямочными наколами на тулове составляют в раскопанных поселениях всего 30—35% общего количества и что в большинстве керамика этих поселений орнаментирована по шейке резными, реже гребенчатыми елочными-зигзаговыми узорами. Очень часто встречается также ряд ямок по шейке с выпуклыми жемчужинами изнутри, или наоборот. Особенно это характерно для сосудов Лихачевского городища на Ишиме (рис. 12), на Розановском городище на р. Иртыше таких ямок с жемчужинами значительно меньше. На чандарской посуде подобных ямок с жемчужинами нет. Но как и у чандарской, западносибирская посуда часто имеет насечки по венчику. Конечно, трудно и ожидать полную идентичность этих комплексов, так как их разделяет по крайней мере 6—8 столетий, однако генетическая связь здесь несомненна, что подтверждается и многочисленными параллелями в этнонимике населения районов среднего Прииртышья и бассейна Уфы, о которых нам уже приходилось ранее писать подробно⁷⁹.

Если продвижение среднеиртышских племен в V в. н. э. в Западное Приуралье не вызывает сейчас особых возражений, то значительно сложнее решить вопрос об этнической принадлежности этого населения.

Манера покрывать туловище сосудов рядами глубоких ямок уходит в Прииртышье в глубокую древность. Но в ранних комплексах ряды

⁷⁷ В. Ф. Генинг. Мазунинская культура..., стр. 54.

⁷⁸ Там же, стр. 61.

⁷⁹ Там же, стр. 62—67.

50 — Кара-Абызское городище; 55 — селище Милова III;

51 — Ново-Турбаслинское I селище; 56 — городище Уфа II;

52 — Ново-Турбаслинское II селище; 57 — селище Дудкино II;

53 — селище Романовка I; 58 — селище Юнар;

54 — селище Романовка VIII; 59 — Бажинское городище;

55 — Бахмутинский могильник; 60 — Бахмутинский могильник;

56 — Имендяшевское городище; 61 — Чандарское селище;

57 — Уфимский могильник

62 — городище Соколиный Камень;

63 — Барандайское селище;

64 — Айдовское селище;

65 — Усть-Юрюзанское селище;

66 — Имендяшевское городище;

67 — Уфимский могильник

ямки служили обычно разделителями полос орнамента, выполненных иной техникой. На поселении эпохи поздней бронзы у д. Старо-Маслянка на р. Ишиме полосы орнамента содержали резные елочки, короткие наклонные насечки и решетки⁸⁰. Этим поселениям предшествуют памятники еловской культуры, керамика которой орнаментирована в том же стиле, что и старо-маслянская, но более насыщенно и усложненно⁸¹. Хороший комплекс подобной керамики был получен нами при раскопках поселения Прорва у устья р. Тары на Иртыше. По наличию части сосудов с деградированным андроновским орнаментом это поселение может быть синхронизировано с памятниками типа Сузгун на Иртыше, где также в орнаментации преобладают ряды наклонных насечек, разделенные рядами глубоких ямок⁸².

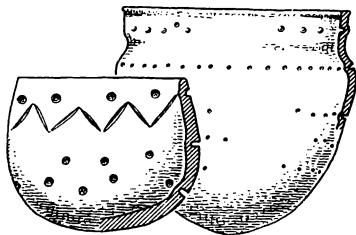

Рис. 12. Керамика
из Лихачевского городища
на р. Ишим

М. Ф. Косарев считает, что в Обь-Иртышье на протяжении длительного времени наблюдается развитие двух линий — еловской и самусьской, которые соответственно принадлежат прасамодийским и праургорским этническим группам⁸³. Однако еловская культура по своему происхождению, по-видимому, неоднородна.

Технику орнаментации сибирской посуды накольчатым и гребенчатым орнаментом большинство исследователей связывают с древнеуральским населением, этнически, по-видимому, еще слабо дифференцированным.

Ряды же ямок, обнаруженные в некоторых неолитических памятниках (Кокуй I, Артын), относятся к традициям какого-то иного этнического массива (палеосибирский?).

3. Куштерьякский и кара-якуповский АЭТ в Башкирии. В середине 50-х годов в с. Кушнареново на р. Белой впервые была найдена посуда с очень тонким изящным орнаментом, которую часто называют керамикой кушнареновского типа. Однако раскопки на кушнареновских памятниках дали более разнообразную керамику, среди которой так называемая кушнареновская занимает весьма скромное место. Отождествление кушнареновского типа керамики с памятниками у с. Кушнареново в целом приводило нередко к путанице, поэтому желесообразнее

⁸⁰ В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов. Старо-Маслянское поселение. ВАУ, вып. 8. Свердловск, 1969, табл. 1, 34—73.

⁸¹ М. Ф. Косарев. Некоторые проблемы древней истории. Обь-Иртышья. СА, 1966, № 2, табл. 1, 34—73.

В. И. Мошинская. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 58, 1957, табл. I, II.

⁸³ М. Ф. Косарев. Указ. соч., стр. 29—30.

пзящую керамику рассматривать как два типа — куштерьякский и кара-луповский.

Куштерьякский АЭТ. На правом берегу р. Ик у с. Куштерьяк Г. И. Матвеева исследовала селище, содержавшее довольно однородный комплекс керамики именно того типа, который назывался кушнаренковским. Здесь же случайно было обнаружено погребение с сосудом такого же типа и массой украшений, типичных для конца VI — начала VII в.

Большинство сосудов куштерьякского типа изготовлено из хорошо отмученной глины с примесями мелкого песка. Наружная поверхность часто заглажена до лощения, а внутренняя гладкая или зачищена мелким гребенчатым штампом. Большинство сосудов имеет очень тонкие стенки, обжиг хороший, доведенный до красно-коричневого цвета.

По форме куштерьякские сосуды можно разделить на три типа, внутри которых наблюдаются значительные вариации. I тип составляют сосуды высоких пропорций, близкие к кувшинам, с сильно суженной горловиной, плавно переходящей в тулово с уплощенным дном (рис. 7, А, 1). Отдельные вариации этого типа различаются по расположению наибольшей выпуклости тулова в его нижней, средней или верхней части. II тип объединяет сосуды с яйцевидным туловом, округлым дном и суженной горловиной средней высоты, также плавно переходящей к тулову. Вариации тулова те же, что и в первом типе (рис. 7, А, 2). III тип включает сосуды с шаровидным туловом и прямой высокой шейкой, резко переходящей к тулову. И здесь намечаются три вариации (рис. 7, А, 3).

Орнаментированы сосуды только по шейке и плечикам, а в единичных случаях и на уплощенных днищах. Орнаментация выполнена с большой тщательностью. Основной стиль в орнаментации — это расположение отдельных его элементов горизонтальными поясками, причем различная техника исполнения соседских поясков, как и подбор узоров в них, создает всегда резкий контраст. В орнаментации применяются оттиски очень мелкого гребенчатого штампа и прочерчивание этим штампом горизонтальных полос и короткие резные линии; на сосудах районов Кушнаренково — Бирск часто встречаются фигурные штампики в виде полукруглых «гусеничек», треугольников и изредка квадратиков, которые неизвестны в массе других памятников. Узоры внутри поясков довольно просты — сетка, поясок наклонных отрезков, зигзаги одинарные или сгруппированные, два ряда треугольников или «гусеничек», поле между которыми образует зигзаг или волну. В качестве разделительного пояaska между ритмично повторяющимися узорами очень часто употребляется прочерчивание мелкой гребенкой горизонтальной полоски. В верхней части сосуда нередко нанесено до 10 или более поясков различных узоров, обрамленных в нижней части открытым зигзагом или еще «деревцом» из насечек. Венчики сосудов часто приострены и украшены мелкой насечкой или гребенкой (рис. 7, А, 5, 6). Уплощенные днища иногда орнаментированы концентрическими окружностями, в которые вписаны крестовидные узоры, обрамленные снаружи зигзагами (рис. 7, А, 7, 8).

В Кушнаренковском могильнике керамика куштерьякского типа пред-

ставлена недостаточно полно. Лишь среди сборов А. П. Шокурова имеется два типично куштерьякских сосуда второй группы. Из наших раскопок весьма условно к этому типу можно отнести сосуд из погр. 4, имеющий куштерьякскую форму, но орнаментированный только насечками по венчику, и плоскодонный горшок из погр. 11, совершенно идентичный с куштерьякскими сосудами по составу глины и обжигу. Оба погребения совершены в могилах с заплечиками, у изголовья умерших, ориентированных на ССЗ, находились сосуды и мелкие кости (табл. VII). Жертвенный комплекс в погр. 4 Кушнаренковского могильника несомненно является отголоском мазунинской традиции. Насколько кушнаренковские могилы VII группы отражают действительно традиции куштерьякского населения, трудно сказать, скорее всего здесь уже проявилось влияние другой этнической группы. Сосуды куштерьякского типа, правда отличающиеся большей грубостью состава глиняного теста, были обнаружены в десяти погребениях Бирского могильника (табл. VIII). В шести могилах, где прослежена конструкция могилы, были ниши-подбой в изголовье на уровне дна или выше его, и лишь в одной (№ 176) автор раскопок отмечает наличие заплечиков. На сосуде или рядом с ним лежала крупная кость лошади. Следует также отметить, что все эти погребения разграблены. Куштерьякские сосуды обнаружены в простой могиле 1 кургана 10 Ново-Турбаслинского могильника⁸⁴, в единичном погребении у г. Ишимбая,⁸⁵ в двух погребениях Шареевского могильника⁸⁶. На р. Чермосан у д. Сантыш-Тамак С. М. Васюткин вскрыл три небольших курганчика, в которых находились погребения с сосудами куштерьякского типа. Умершие были уложены в глубокие могилы головой на СЗ, сосуды стояли в изголовье. Все три могилы оказались разграбленными. Многочисленны погребения с куштерьякской керамикой, обнаружены в Манякском могильнике у устья р. Быстрый Таный⁸⁷, где умершие были уложены головой на С и СЗ и в изголовье находились сосуды и иногда кости животных.

Керамика куштерьякского типа в незначительном количестве встречается на очень многих поселениях Бельско-Икского междуречья (рис. 13).

Датируется куштерьякский тип достаточно хорошо. Наиболее ранними являются погребения Бирского могильника, относящиеся к V в. Однако, как уже отмечалось, керамика этих погребений отличается большей грубостью, поэтому не исключено, что здесь какая-то самостоятельная, отличающаяся от других районов группа памятников.

Все остальные погребальные комплексы близки между собой по инвентарю, который датируется в основном концом VI—VII в., а некоторые погребения Манякского могильника и началом VIII в.

⁸⁴ Н. А. Мажитов. Курганный могильник..., рис. 3.

⁸⁵ В. Д. Викторова. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии. ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1962, рис. 66, 3; 72, 1—6.

⁸⁶ Г. И. Матвеева. Шареевский могильник. Сб. «Из истории Башкирии». Уфа, 1968, рис. 19, 31.

⁸⁷ Н. А. Мажитов. Об этническом составе населения Северной Башкирии в конце I тысячелетия н. э. Сб. «Итоговая научная сессия Института Истории языка и литературы БФ АН СССР за 1967 год». Уфа, 1968, стр. 50—51.

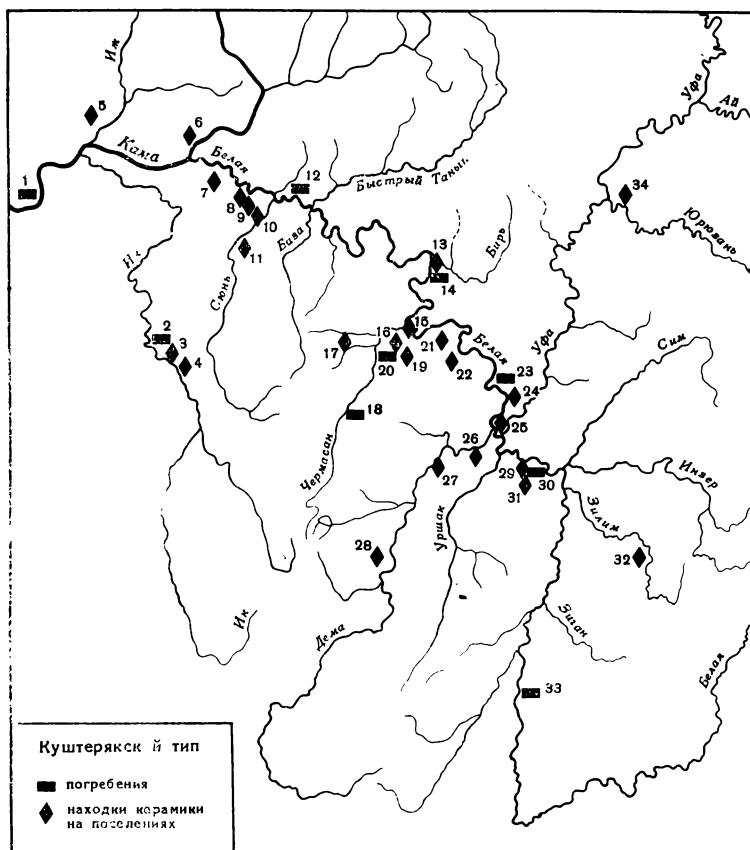

Рис. 13. Карта распространения находок куштеракского типа

1 — Луговское погребение;	14 — Бирский могильник;	24 — Ново-Турбаслинское II селище;
2 — Куштеракское погребение;	15 — Кушнаренковское городище;	25 — городище Уфа II;
3 — Куштеракское селище;	16 — Матвеевское селище;	26 — Таптыновское городище;
4 — Ново-Сарлинское селище;	17 — Старо-Калмашское городище;	27 — Кара-Якуповское городище;
5 — Кузубаевское городище;	18 — Сантыш-Тамакский могильник;	28 — Давлекановское селище;
6 — городище Чеганда I;	19 — Кушнаренковское селище;	29 — Ибрагимовское селище;
7 — селище Такталачук;	20 — Кушнаренковский могильник;	30 — Шареевский могильник;
8 — городище Петер-Тау;	21 — Ахметовское II селище;	31 — Улукудевское селище;
9 — Толнамосовское селище;	22 — Кувыковское городище;	32 — Имендяшевское городище;
10 — Ново-Медведевское II селище;	23 — Ново-Турбаслинский могильник;	33 — Ишимбайское погребение;
11 — Турачинское селище;		34 — Янгатовское селище

Кара-якуповский тип керамики выделен среди комплексов I тысячелетия на территории Башкирии Г. И. Матвеевой⁸⁸. Это тонкостенные сосуды, изготовленные из хорошо отмученной глины с примесями песка, а иногда и мелких камушков и шамота, с гладкой, но не лощеной поверхностью и следами гребенчатой зачистки на внутренней стороне. Сосуды обычно светло-коричневого или серого цвета. По форме различаются в основном две основные группы — с шаровидным и вытянутым туловом. Шейки средней высоты, у шаровидных резко переходящие к тулову, у остальных — плавно. Днища везде округлые (рис. 7, Б; 1—3).

Почти все сосуды орнаментированы по венчику, шейке и плечикам, причем нередко на сосуде украшена только одна из этих частей. Орнамент чрезвычайно насыщен, по общему стилю похож на куштерьякский, отличаясь техникой нанесения узоров, выполненных в преобладающем большинстве очень мелкими гребенчатыми штампиками. Характерная особенность кара-якуповских сосудов — это ряд жемчужин, реже — ямок по шейке. Венчики почти всегда украшены пояском косых оттисков гребеночки.

Орнамент по шейке и плечикам состоит из горизонтальных поясков, преобладают наклонные отпечатки штампа, чаще с правым наклоном, ромбическая сетка и изредка елочка. Пояски узоров по шейке иногда разделены горизонтальными линиями, выполненными оттисками гребенки. Типичны также узкие пояски, заполняющие только часть шейки или плечика (рис. 7, Б, 4—8).

Погребальный обряд кара-якуповского типа с достоверностью пока установить невозможно. Известно лишь одно погребение из Шареевского и несколько могил из Маняковского могильников, где обряд практически не отличается от куштерьякского. Возможно, близость в керамике означает в известной мере и сходство погребального обряда.

Датируется кара-якуповский тип, судя по погребениям и находкам на поселениях, второй половиной VI — VII в. и, вероятно, началом VIII в.

Происхождение куштерьякского и кара-якуповского типов. Керамика рассматриваемых типов хотя и различается по некоторым признакам, но в целом близка, что позволяет предполагать родственность ее носителей. Своеобразие этой керамики настолько очевидно, что не вызывает сомнения в ее неуральском происхождении.

Общий стиль и отдельные детали орнаментации куштерьякской и кара-якуповской керамики обнаруживают близкое сходство с большим кругом памятников I тысячелетия н. э. в Прииртышье и Приобье, большие исследования которых проведены в последние годы. Это памятники типа среднего горизонта городища Большой Лог у г. Омска⁸⁹ и Подчеваш

⁸⁸ Г. И. Матвеева. Памятники I тысячелетия новой эры левобережья р. Белой. АЭБ, т. III, Уфа, 1968, стр. 113—121.

⁸⁹ В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. Городище Большой Лог. КСИИМК, вып. 37, 1951. Значительная часть городища была раскопана нами в 1965 г.

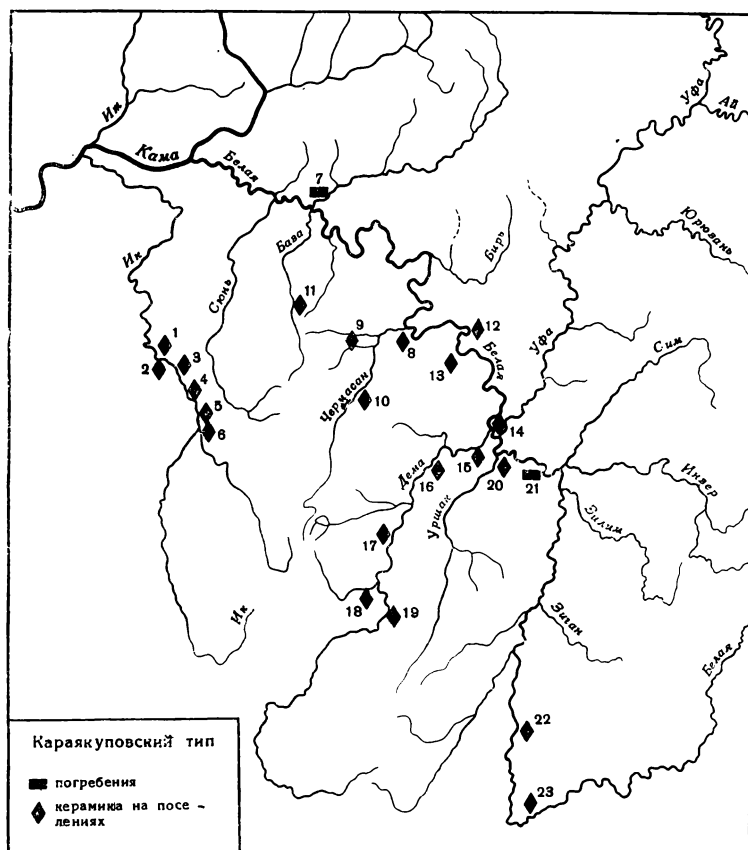

Рис. 14. Карта распространения находок кара-якуповского типа

1 — Куштерьякское селище;	9 — Старо-Калмашское городище;	16 — Кара-Якуповское городище;
2 — Сасыкульское селище;	10 — Чатринское городище;	17 — Давлекановское селище;
3 — Ново-Сарлинское селище;	11 — Сультинское селище;	18 — Ильчегуловское селище;
4 — Зайтовское селище;	12 — Удельно-Дуванейское селище;	19 — Туксанбаевское селище;
5 — Тукман-Карановское селище;	13 — Кувыковское городище;	20 — Ибрагимовское селище;
6 — Каркыбашевское селище;	14 — городище Уфа II;	21 — Шареевский могильник;
7 — Манянский могильник;	15 — Таптыковское городище;	22 — Михайловское селище;
8 — Кушнаренковское городище;		23 — Тюляковское селище

у г. Тобольска⁹⁰, Логиновского городища на р. Ишиме⁹¹, могильников у г. Томска⁹², курганов и поселений в новосибирском Приобье (рас-

⁹⁰ В. И. Мошинская. Городище и курганы Подчеваш (к вопросу о подчевашской культуре). МИА, № 35, 1953, новые раскопки (1970 г.) показали, что городище относится к середине I тысячелетия н. э.

⁹¹ В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов. Логиновское городище (VI—VII вв. н. э.). ВАУ, вып. 8. Свердловск, 1969.

⁹² А. А. Спицын. Материалы по доисторической археологии России. «Записки Рус-

копки Т. Н. Троицкой), верхнеобской культуры⁹³ и многие другие исследованные памятники V—VIII вв., не получившие еще отражения в литературе.

Сходство орнаментации проявляется прежде всего в общем стиле—строго зональном расположении узоров в верхней части сосудов, разделении отдельных элементов его горизонтальными линиями, очень большой насыщенности узоров, тщательности их исполнения, массовом распространении узора в виде поиска наклонных или решетки, частом употреблении мелкогребенчатого и фигурного штампа. Среди последних такие элементы, как треугольники, совершенно идентичны. В форме повсюду господствует округлое дно, горловина же сосудов в различных районах и периодах оформлялась по-разному. Следует, однако, отметить, что западносибирские сосуды как по орнаментации, так и по обработке отличаются от башкирских гораздо большей грубостью.

Указанный сравнительный материал, а также находки наиболее близких по форме и орнаментации сосудов в Бобровском могильнике на Иртыше⁹⁴ позволяют предполагать, что верховья Обь-Иртышского междуречья — Барабинская и Кулундинская степи были теми территориями, откуда вышло население, осевшее в V в. в Южном Приуралье, известное здесь по памятникам куштерьякского и кара-якуповского типов.

Этническая принадлежность куштерьякского и кара-якуповского типов может быть решена лишь при рассмотрении памятников Западной Сибири, которые, как мы установили, обнаруживают с ними большую близость.

В. Н. Чернецову принадлежит гипотеза об угорском этносе носителей культур эпохи железа лесной зоны Западной Сибири⁹⁵. К этому мнению присоединяется и М. П. Грязнов⁹⁶. Посмотрим, однако, на чем построена эта гипотеза. В. Н. Чернецов считает угорской усть-полуйскую культуру Нижнего Приобья, которая в своей основе двухкомпонентна и возникла в результате проникновения в раннем железном веке на север в среду арктического населения степных племен — угров. Но Нижнее Приобье весьма далеко от степей, и В. Н. Чернецов считает, что исходной в формировании усть-полуйской являлась подчевашская культура Среднего Прииртышья, которая сама сложилась в результате ассимиляции степными племенами населения таежной зоны⁹⁷. Такова археологическая сторона этой гипотезы. Но керамика и костяные изделия Подчевашского городища⁹⁸ идентичны вещам из городища Большой Лог у г. Омска (материалы наших раскопок), Лихачевского могильни-

---

ского археологического общества», т. XI, вып. 1, 2, 1899; Л. А. Чиндича. Керамика могильника Релка на Средней Оби. СА, 1960, № 1.

⁹³ М. П. Грязнов. Древняя история племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, № 48, 1956.

Ф. Х. Арсланова. Бобровский могильник. Известия АН Каз ССР, серия общественных наук, вып. 4. Алма-Ата, 1963, табл. III, 1—3.

⁹⁵ В. Н. Чернецов. Усть-Полуйское время в Приобье. МИА, № 35, 1963, стр. 221—241.

⁹⁶ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 113.

⁹⁷ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 237—241.

⁹⁸ В. И. Мошинская. Городище и курганы Подчеваш..., табл. IX—XI.

ка и Логиновского городища на р. Ишим⁹⁹, которые датируются по восточным монетам V—VII вв. н. э. Следовательно, «подчевашская культура» возникает не в V в. до н. э.¹⁰⁰, а по крайней мере на тысячетлетие позднее.

Вывод об ассимиляции кочевниками таежных племен в «подчевашской культуре» получился в результате того, что керамику Подчевашского городища середины I тысячелетия н. э. В. И. Мошинская «объединила» в одну культуру с курганами рубежа н. э., расположенными здесь же¹⁰¹, которые относятся к лесостепной культуре абатского типа.

Таким образом, никакой двухкомпонентной «подчевашской культуры» I тысячелетия до н. э. фактически нет. Но тогда «теряет» свои южные истоки и усть-полуйская культура, ибо посредник — носитель угорского этноса — оказался фикцией. Это положение чрезвычайно важно, ибо усть-полуйская керамика, по мнению В. Н. Чернецова, таежная, а говоря о двухкомпонентности, естественно ожидать и следы составляющих компонентов в керамике. Керамика раннего железного века лесостепных районов нам в настоящее время достаточно хорошо известна — это абатский тип¹⁰², и такой посуды нет среди усть-полуйской. Основная группа керамики Усть-Полуй, орнаментированной гребенкой, фигурным штампом и пояском ямок по шейке, как и формы сосудов¹⁰³, настолько близка подчевашским, что должна относиться ко времени не ранее середины I тысячелетия н. э. Усть-Полуй фактически завершает на далеком севере ту цепь культур, которые возникают в середине I тысячелетия н. э. в лесостепной и таежной зоне по всему течению Оби, Иртыша, Ишима и Тобола (см. выше).

В Томском Приобье А. П. Дульзон исследовал большую группу археологических памятников XVI—XVII вв. у д. Молчаново, принадлежавших южным самодийцам — селькупам. Связь этих памятников с селькупам подтверждается фольклорными и топонимическими данными¹⁰⁴, а также русскими писцовыми книгами XVII в., которые отмечают у д. Молчанова Корткульскую волость селькупов¹⁰⁵.

Погребальный обряд памятников XVI—XVII вв. сходен с обрядом западносибирских захоронений верхнеобского и подчевашского типов середины I тысячелетия н. э. Захоронения производились под небольшими курганными насыпями, более ранние в ямах, поздние — почти на горизонте. Зафиксировано два обряда — труположение и изредка трупосожжение, в том числе обжигание умершего на месте погребения. Сожжение,

⁹⁹ В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов. Логиновское городище..., табл. 53—59.

¹⁰⁰ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 241.

¹⁰¹ В. И. Мошинская. Указ. соч., табл. V—VII.

¹⁰² В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина. Курганы у оз. Фиминцева. ВАУ, вып. 8. Свердловск, 1969; В. Е. Стоянов. Узловское поселение, там же.

¹⁰³ В. И. Мошинская. Археологические памятники севера Западной Сибири. САИ, вып. ДЗ-8, 1965, рис. 11, А, В.

¹⁰⁴ А. П. Дульзон. Остатки могильники XVI—XVII вв. у с. Молчаново на Оби «Ученые зап. Томского пед. ин-та», т. XIII. Томск, 1955, стр. 131—132; он же. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. «Ученые зап. Томского пед. ин-та», т. X. Томск, 1963, стр. 179.

¹⁰⁵ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 99—101.

как указывалось выше, было на Бобровском могильнике VIII—IX вв. на Иртыше, а обжигание трупа было зафиксировано в Лихачевском могильнике на р. Ишим. Кстати, нелишне упомянуть, что и в Приуралье также встречаются трупосожжения.

Погребальная камера в селькупских могилах XVI—XVII вв. представляла собой прямоугольную раму из плах, реже бревен, перекрытую сверху также плахами. Умершего укладывали на берестяную подстилку или помещали в берестяной чехол, а весь «гроб» накрывали сверху берестой. Ориентировка умерших различная, преобладает головой к югу и востоку. Подобные же внутримогильные сооружения были и в верхнеобских могилах и в погребениях Лихачевского могильника. В последнем особенно многочисленны остатки бересты как под костяком, так и сверху, над ним.

В могильнике у д. Молчанова обнаружено много глиняных сосудов, которые поражают своим архаизмом и удивительно похожи на верхнеобские по форме и орнаментации. Все сосуды круглодонные, со слабой профилировкой шейки, поверхность, включая иногда и дно, покрыта горизонтальными поясками из наклонных или прямых оттисков мелкогребенчатого штампа, по шейке расположен поясок ямок. В одном случае на плечиках сосуда изображены фигуры «уточки», в другом — ямки в шахматном порядке ограничены с обеих сторон горизонтальными линиями¹⁰⁶, а на сосудах из поселений встречается и гладкий треугольный штампик¹⁰⁷. Все эти детали орнаментации хорошо представлены в керамике I тысячелетия н. э.

Генетическая связь томских могильников и поселений XVI—XVII вв. с памятниками типа верхнеобских и подчевашских прослеживается достаточно наглядно.

Но если памятники XVI—XVII вв. оставлены самодийцами, то это, очевидно, дает нам полное право считать и сходные с ними более древние культуры типа верхнеобской, подчевашской и усть-полуйской также самодийскими. А коль скоро нам удалось установить родственность куштерьякского и кара-якуповского типов с западносибирскими культурами середины I тысячелетия н. э., то мы и приуральское население можем считать самодийским по своему происхождению.

4. Турбаслинский АЭТ. В 1957—1958 гг. Н. А. Мажитов исследовал большой курганный могильник у д. Ново-Турбаслы к северу от г. Уфы. Еще в 1878 г. Ф. Д. Нефедов раскопал здесь 40 курганов¹⁰⁸, многие из которых Н. А. Мажитов вскрыл повторно¹⁰⁹.

¹⁰⁶ А. И. Дульзон. Поздние археологические памятники..., табл. XXV, XXX. ▴

¹⁰⁷ А. И. Дульзон. Остяцкие могильники, рис. 1, 12; 3, 9.

¹⁰⁸ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893—1894 гг. «Материалы по археологии восточных губерний», т. III. М., 1899.

¹⁰⁹ Н. А. Мажитов. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959, стр. 114—142. Автор в большинстве случаев не проследил формы могильных ям и их размеры. Совершенно нет планов погребений. В публикации около трети погребений не описано, у многих не отмечена ориентировка, размеры ям. Вначале опубликованы данные о 29 курганах (82 по-

В Ново-Турбаслинских курганах были обнаружены в большинстве очень своеобразные сосуды с полуяйцевидным туловом и крутыми плечиками, переходящие в небольшую горловину, обычно с отогнутым наружу венчиком¹¹⁰. Сосуды изготовлены из глины с примесями мелкого песка и шамота, поверхность хорошо заглажена, обжиг доведен до коричневого и даже красноватого цвета. Орнамента на сосудах нет (рис. 7, И, 1, 2). Выделяются по форме сосуды с сильно суженной горловиной и резким переходом к плечикам (рис. 7, И, 3). Эта группа сосудов и получила название турбаслинского типа. В отношении конструкций могильных ям в Новотурбаслинском могильнике осталось много невыясненного. Здесь были могилы с нишами-подбоями в поперечном конце ямы, где стояли сосуды, небольшие ниши в боковых стенках; судя по большой ширине в верхней части, ямы имели заплечики и т. д.

Установить связь турбаслинских сосудов с определенным типом погребального обряда позволили раскопки Шареевского могильника, проведенные в 1966—1967 гг. Г. И. Матвеевой¹¹¹. Редкое расположение могил свидетельствует, очевидно, о том, что здесь были курганные насыпи, уничтоженные вспашкой.

Материалы могильника достаточно четко позволяют выделить четыре типа погребений (табл. IX). Хорошо устанавливается связь турбаслинских сосудов с могилами, имеющими в одной из поперечных стенок (по видимому, в изголовье, что во всех случаях установить невозможно, так как кости не сохранились) глубокую нишу-подбойник, в которую и поставлены сосуды. Глубина этих ниш от уровня дна могилы варьирует от 5 до 50 см, причем столь глубокие ниши — до 50 см (погр. 19) отмечены впервые.

Особый тип III составляют могилы с небольшими боковыми нишами-ступеньками в восточных продольных стенках могил на высоте от 10 до 53 см от дна ямы. Только в одном из этих погребений в северо-западной части могилы находился глиняный сосуд (к сожалению, Г. И. Матвеева не описывает, какого он типа). Довольно устойчива ориентировка могил — СЗ — ЮВ.

II типологическая группа обнаруживает явные переходные черты I и III типа, причем интересно, что именно в могилах этого типа на боковых нишах-ступеньках находятся вещи — остатки конской сбруи и украшения.

IV типологическая группа объединяет погребения в простых могиль-

---

гребения, в которых упоминалось о 55 сосудах (опубликовано — 16). В книге «Бахмутинская культура» Н. А. Мажитов пишет, что вскрыто 78 погребений с 38 сосудами (стр. 66—67), фактически же по полевым отчетам вскрыто 32 кургана и 90 могил, причем только в 20 не обнаружены сосуды. В статье «К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры» (АЭБ, т. II, Уфа, 1964) Н. А. Мажитов неожиданно сообщает о впускных погребениях, что, очевидно, понадобилось для «обоснования» более поздней датировки. Примечательны и замечания автора по этому поводу — поздние материалы «очень незначительны и поэтому при датировке памятника нами ранее не привлекались» (стр. 106).

¹¹⁰ Н. А. Мажитов. Курганный могильник., табл. I, 1; III, 1, 2, 5, 6.

¹¹¹ Г. И. Матвеева. Шареевский могильник. Сб. «Из истории Башкирии». Уфа, 1968, стр. 5—20.

Шареевский могильник. Типологические группы погребений

Типо- логиче- ские группы	№ погребения	Форма мо- гильной ямы			Кости животных	Сосуд в нише	Вещи на боковой ступеньке	Тип сосуда			Ориентировка могилы			Размер мо- гильной ямы (см)			Могила глубже в одном конце
		простая	ниша в поперечн. стенке, у dna	боковая ниша- ступенька				турбаслинский	куштерьянский	прочие	З-В	СЗ-ЮВ	СВ-ЮЗ	Длина	Ширина	Глубина	
I	2		+			+		+				+		112	85	62	
	3		+			+		+			+			—	—	60	
	5		+			+		+			+			210	64	100	+
	6		+			+						+		170	80	68	+
	19		+		+	+		+					+	246	77	?	
II	1		+	+		+		+				+		170	70	90	+
	9		+	+		+				+	+			140	63		
	13		+	+		+	?	?			+			310	73	135	
	16		+	+	+	+	+	+				+		?	?	?	
III	4			+							+			205	68	60	
	8			+								+		135	60	70	+
	10			+					?			+		218	60	48?	
	15			+								+		18	67	143	
IV	7	+							+		+			133	43	71	
	11	+									+			123	56	70	
	12	+						+			+			110	48	60	+
	14	+										+		105	33	104	
	17	+									+			210	50	106	
	18										+			220	70	145	
Всего:		5	9	8	2	9	3	8	3	2	10	8	1				5

ных ямах, ориентированные в большинстве в направлении З — В. Сосуды куштерьянского типа, обнаруженные в двух случаях, находились в средней части могильной ямы.

В двух могилах (I и II группы), где найдены крупные кости лошади, они лежали на сосудах в нишах. Следует также отметить интересную деталь — неодинаковую глубину могилы в разных ее концах, правда весьма незначительную — 5—10 см. Увязать с каким-либо определенным типом эту деталь также не удастся.

В Шареевском могильнике можно проследить устойчивый турбаслин-

ский тип (I группа) и какой-то новый, до сих пор не встречавшийся (III группа), но отсутствие в могилах с боковыми нишами-ступеньками сосудов не позволяет пока проследить их связь с определенным типом керамики. Подобные боковые ниши-ступеньки были, очевидно, в ряде могил Ново-Турбаслинских курганов (3/1, 5/2, 7/2, 9/1, 12, 18/1), но Н. А. Мажитов описал их как следы раскопов Ф. Д. Нефедова. Ниша-ступенька в верхней части могилы была зафиксирована также в одном из погребений Тураевских курганов¹¹². Выделить устойчиво этот новый — назовем его условно шареевский — тип позволяют, по-видимому, только новые раскопки.

Сосуды турбаслинского типа были обнаружены также в Уфимском могильнике в погребении 4 кургана 16, в могильной яме с заплечиками и нишей в изголовье (табл. XI) и в простой яме под курганом 5¹¹³, а также в ряде разрушенных могил в г. Уфе¹¹⁴. В Кушнаренковском могильнике сосуды, близкие турбаслинским, находились в погребениях 17, 23, 25, имевших простые могильные ямы, и рядом с сосудами лежали мелкие кости животных (табл. VII).

Керамика турбаслинского типа собрана Г. И. Матвеевой при раскопках Улукулевского селища и Имендяшевского городища, на Кушнаренковском селище в наших исследованиях, в том числе сосуды с сильно суженной горловиной.

Есть эти сосуды в материалах городища Уфа II¹¹⁵ и Ново-Турбаслинского селища (жилище 3)¹¹⁶. Несколько фрагментов турбаслинских сосудов были обнаружены и далеко на севере в материалах городища Чеганда¹¹⁷, основной же район распространения их, по-видимому, Центральная и Южная Башкирия (рис. 10).

Датировка турбаслинского типа облегчается наличием хороших вещевых комплексов в погребении 17 Кушнаренковского могильника, погребении 22/1 Ново-Турбаслинского могильника и погребениях Шареевского могильника. Все они весьма однотипны и относятся к VI—VII вв.

По материалам Ново-Турбаслинского могильника Н. А. Мажитов сконструировал турбаслинскую культуру, куда отнес все памятники Башкирии, не включенные им в бахмутинскую культуру¹¹⁸. О турбаслинской культуре пишут также С. М. Васюткин¹¹⁹ и Г. И. Матвеева¹²⁰. Но ни один из авторов не дал археологической характеристики этой культуры.

¹¹² В. Ф. Генинг. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье. ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 74.

¹¹³ А. Х. Пшеничный. Уфимский курганный могильник.

¹¹⁴ Р. Б. Азмеров. Уфимские погребения IV—VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии. Сб. «Древности Башкирии». М., 1970, рис. 9.

¹¹⁵ П. Ф. Ищеринов, Н. А. Мажитов. Городище Уфа II, табл. VI, 4.

¹¹⁶ Н. А. Мажитов. Поселение Ново-Турбаслинское II, табл. III, 1, 4, рис. 7.

¹¹⁷ В. Ф. Генинг. Городище Чеганда I в мазунинское время, табл. VIII, 3.

¹¹⁸ Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии..., стр. 104—108; он же. Бахмутинская культура..., стр. 65—73.

¹¹⁹ С. М. Васюткин. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тыс. н.э. СА, 1968, № 1.

¹²⁰ Г. И. Матвеева. Население лесной и лесостепной Башкирии.

Н. А. Мажитов считает турбаслинские племена кочевниками, но этому явно противоречат долговременные поселения, содержащие турбаслинскую керамику.

Этническая принадлежность турбаслинских племен недостаточно исследована. Н. А. Мажитов вначале относил их памятники к числу типично аланских¹²¹. Эту идею развивает позднее С. М. Васюткин¹²², а Н. А. Мажитов стал считать их типично тюркскими¹²³.

Найти какие-либо близкие аналогии к турбаслинскому типу пока еще не удалось. Можно указать, что форма турбаслинских сосудов с полужайцевидным туловом очень близка зауральским и западносибирским сосудам раннего железного века¹²⁴, которые, вероятно, принадлежали предкам обско-угорских племен. Но отсутствие орнаментации у турбаслинских сосудов и различия в конструкциях могильных ям заставляют относиться к этому сходству с большой осторожностью. Может быть, это и были какие-то тюркизированные угры, но откуда они пришли — неясно.

5. Именьковская культура, тураевский и романовский археолого-этнические типы. В западных районах Южного Приуралья довольно часто встречаются памятники с грубыми плоскодонными сосудами, которые и будут рассмотрены в этом разделе.

Нижнее Прикамье с прилегающими районами Поволжья занято в V—VII вв. населением именьковской культуры, которое в отличие от других областей имело, очевидно, этнически довольно однородный состав, что и позволяет выделить его памятники в особую археологическую культуру¹²⁵.

Археологическую специфику этноса этой культуры определяют:

а. Плоскодонные горшковидные сосуды, изготовленные из глины с примесями шамота и реже песка. Наружная поверхность грубо заглажена и очень неровная, а у сосудов с песком иногда со следами лощения. Грубые сосуды отличаются короткой слабовыраженной шейкой и широкими днищами, у сосудов с песком и гладкой поверхностью нередко высокие хорошо профилированные шейки и суженное дно. Орнамент на сосудах очень редок (до 40%) и лишь в виде насечек по венчику.

¹²¹ Н. А. Мажитов. Курганный могильник..., стр. 142.

¹²² С. М. Васюткин. Указ. соч., стр. 69.

¹²³ Н. А. Мажитов. К изучению..., стр. 105; он же. Бахмутинская культура..., стр. 70.

¹²⁴ В. Ф. Генинг. Курганы у г. Шадринска. ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1962, рис. 39; В. Е. Стоянов. Узловское поселение..., табл. 32, 9; 36, 4, 8; В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина. Курганы у озера Фоминцево, табл. 41, 16, 17; 43, 11.

¹²⁵ Именьковская культура была выделена нами еще в 1959 г. см. В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур..., стр. 208—210. Характерные черты этой культуры впервые были обобщены в работе В. Ф. Генинга, В. Е. Стоянова, Т. А. Хлебникова и др. «Археологические памятники у с. Рождествено». Казань, 1962, стр. 88—91. Дальше эта тема в сравнительном плане с памятниками других областей разработана П. Н. Старостиным («О так называемых позднеродецких памятниках Среднего Поволжья». — Труды Марийского НИИ», вып. XIX. Йошкар-Ола, 1964, стр. 191—208. Сводную характеристику культуры см.: П. Н. Старостин. Именьковская культура. САИ, Д1-32. М., 1967).

Петропавловский могильник. Характеристика погребений по группам

Группы	Количество могил				Средние размеры могил в см		
	всего	В том числе			длина	ширина	глубина
		без вещей	с углем в засыпи	с обломками сосудов			
I Трупосожжения в могилах простой формы	9	5	8	3	208,0	84,5	63,2
II Трупоположения в могилах простой формы	16	2	8	1	181,8	65,1	52,5
III Трупоположения в могилах сложной формы	3	—	1	—	200,0	61,7	71,7
Итого:	28	7	17	4	191,5	70,5	58,0

б. Погребальный обряд характеризует пока лишь один Рождественский могильник¹²⁶. Это остатки трупосожжений, высыпанных на дно очень небольшой ямы (всегда менее 1 м), где часто поставлены сосуды (от 1 до 7). Вещи в погребениях встречаются крайне редко.

Два погребения именьковского типа было обнаружено в Кушнаренковском могильнике на р. Белой и, по-видимому, в одной из случайно раскопанных могил в гор. Уфе.

в. Жилища в виде прямоугольных или квадратных полуземлянок площадью от 20 до 50 кв. м двух типов: с центральным столбом, поддерживавшим четырехскатное перекрытие, и без центрального столба.

г. Среди вещей — глиняные фигурки людей и животных.

Основой хозяйства именьковского населения было земледелие, частично с применением ральников для обработки почв, и скотоводство.

Территория именьковской культуры частично перекрывает азелинскую (правобережье Волги и Камы), однако археологические материалы не дают пока достоверных фактов о сосуществовании или взаимонаимении населения в этих местах. Очевидно, в указанных районах в V в. именьковские племена вытеснили азелинские.

Восточные районы Нижнего Прикамья между устьями Вятки и Белой изучены значительно слабее, чем многие другие. Небольшими рас-

¹²⁶ В. Ф. Генинг. Селище и могильник с обрядом трупосожжения добулгарского времени у с. Рождествено в Татарии. МИА, № 80, 1960. В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, Т. А. Хлебникова. и др. Указ. соч.

копками и разведочными обследованиями для второй половины I тысячелетия здесь выявляется три типа керамики: тураевский, позднемазунинский и куштерьякский. Последняя хорошо представлена на Кузубаевском I городище (раскопки В. А. Семенова) и находками в разрушенных погребениях у г. Елабуги. Позднемазунинская — на многих селищах и городищах.

Особый интерес представляют два могильника этого района — Тураевский и Петропавловский. Первый из них наиболее ранний среди памятников V—VII вв.¹²⁷ Курганные насыпи в нем окружены широкими канавками, внутри которых до захоронения насыпалась возвышенная площадка и разводились очистительные костры. Под одной насыпью находятся 1—3 захоронения в очень глубоких ямах (от 205 до 365 см) с отвесными стенками. В нескольких случаях ямы имели у верхнего края заплечики или небольшую боковую нишу. Умершие были захоронены в деревянных гробах (колодах)?, ориентированы головой на ЮЗ. В нескольких случаях могилы в средней части были аккуратно выстланы плитняком в 1—2 слоя. Рядом с курганами вскрыто несколько погребений, отличавшихся бедностью инвентаря и более мелкими могилами. В непо потревоженных могилах сосуды отсутствовали. В разграбленных могилах найдены обломки и лишь в одной почти целый грубый плоскодонный горшок.

Тураевский могильник — не рядовой памятник, здесь захоронены, судя по обилию оружия, исключительно военачальники, что во многом затрудняет его этническую интерпретацию.

Петропавловский могильник — грунтовой и содержал всего 28 захоронений¹²⁸ конца VI — начала VIII в. Многие погребения содержали украшения, орудия труда и оружие.

В нескольких могилах обнаружены остатки гробовищ. Многие могилы были ограблены, но, очевидно, разбросанность вещей, особенно украшений, по всему дну объясняется особым погребальным обычаем, так как это зафиксировано и в нетронутых могилах. На могильнике можно выделить три группы погребений (табл. XI).

Могилы с трупосожжениями (I группа) расположены в большинстве компактной группой в северной части могильника, остальные образуют 4 нечетких ряда в направлении С — Ю, где могилы ориентированы с В на З. Остатки трупосожжений в отличие от именьковских находятся в крупных ямах вытянутой формы, кальцинированные кости почти всегда смешаны с углями и рассыпаны на большой площадке, чаще в западной стороне ямы, а в одном случае в южной. Могилы с трупосожжениями не имеют четкой формы ямы и столь устойчивой ориентировки.

II группа отличается меньшими размерами могильных ям, угли встречаются в засыпке реже и в небольшом количестве. Ориентировка умерших головой на В (5 случаев) и З (1 случай).

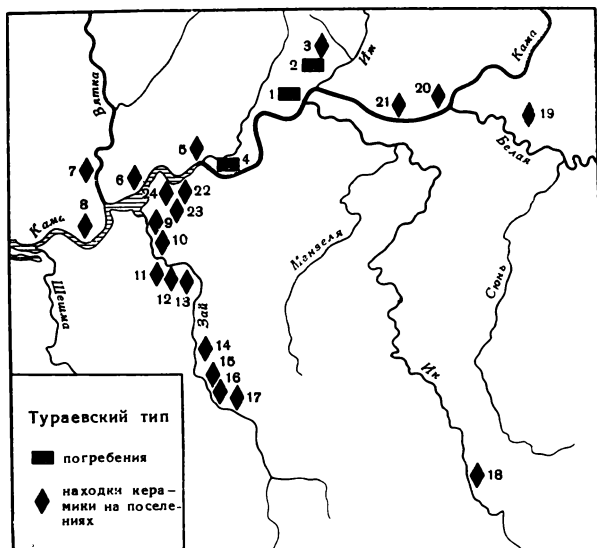

В. Ф. Генинг. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье. ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 78.

¹²⁸ В. А. Семенов. Петропавловский могильник VI—VII вв. в Южной Удмуртии. ВАУ, вып. 7. Свердловск — Ижевск, 1967, стр. 164—171. В 1966—1967 гг. В. А. Семенов полностью исследовал этот памятник.

Рис. 15. Карта распространения находок тураевского типа

- 1 — Тураевский могильник;
- 2 — Петропавловский могильник;
- 3 — Куземаевское I городище;
- 4 — Луговской могильник;
- 5 — Елабужское (Чертово) городище;
- 6 — Котловское городище и селище;
- 7 — Мамыдышское селище;
- 8 — Сикинесьское I городище;
- 9 — Ташлыкское III селище;
- 10 — Тубинское селище;
- 11 — Малопальчиковское селище;
- 12 — Старопальчиковское селище;
- 13 — Старопальчиковское городище;
- 14 — Зай-Чишминское селище;
- 15 — Ямашевское селище;
- 16 — Ново-Мавринское селище;
- 17 — Петровское селище;
- 18 — Карповское городище;

- 19 — городище Тра-Тау;
- 20 — городище Чеганда I;
- 21 — Верхне-Малиновское городище;
- 22 — Светлоключевское городище;
- 23 — Каратаевское I селище;
- 24 — Каратаевское II селище

III группа включает единичные могилы с двухсторонними заплечниками, на которых находились остатки конской сбруи, могилу с односторонней ступенькой в южной стороне (умерший был ориентирован головой на З) и могилу со ступенькой в восточном поперечном конце ямы. Ни в одном погребении не найдено целых сосудов, мелкие же обломки слишком невыразительны. Лишь в одной могиле I группы был череп собаки и в III группе — зуб лошади.

Могилы I группы хотя и отличаются от именьковских (форма могилы, отсутствие сосудов), но по обычаю трупосожжения в известной мере близки. Результат ли это влияния именьковского обряда, сказать пока трудно. II группа, вероятно, продолжает традиции тураевского населения, возможно, с известным мазунинским влиянием. Можно также отметить, что эта группа обнаруживает сходство с захоронениями IV группы Шареевского могильника (см. табл. IX).

Тураевский тип горшковидных сосудов достаточно хорошо представлен на многих поселениях — Куземаевском I городище у устья Ижа, Котловском городище¹²⁹ и селище, городище Чеганда¹³⁰ и др. (рис. 15).

На территории Башкирии горшковидные сосуды, близкие именьковским и тураевским, обнаружены в двух районах (рис. 16). К. В. Саль-

¹²⁹ А. В. Збруева. Котловское городище. КСИИМК, вып. XIX. М., 1953.

¹³⁰ В. Ф. Генинг. Городище Чеганда I., табл. V, 10, 11; VI, 6—17.

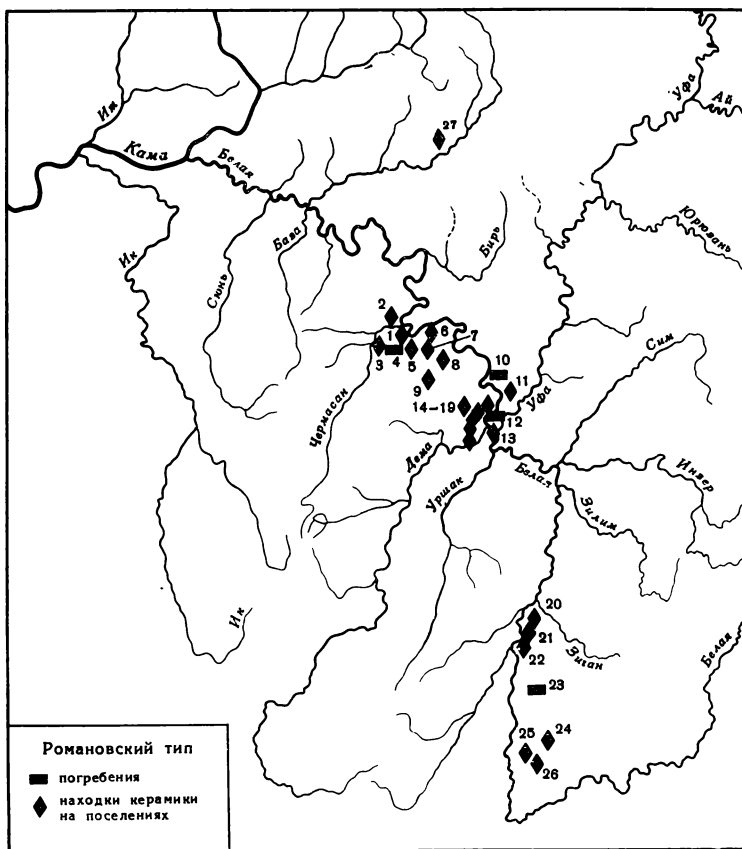

Рис. 16. Карта распространения находок романовского типа

1 — Кушнаренковское городище;	8 — Кувыковское городище;	18 — селище Миловка II;
2 — Старо-Баскаровское селище;	9 — Воецкое селище;	19 — селище Миловка IV;
3 — Матвеевское селище;	10 — Ново-Турбаслинский могильник;	20 — селище Куш-Тау южное;
4 — Кушнаренковский могильник;	11 — Ново-Турбаслинское селище;	21 — селище Урняк II;
5 — Кушнаренковское селище;	12 — Уфимский могильник;	22 — Селеукское селище;
6 — Ахметовское I селище;	13 — городище Уфа II;	23 — Салеховский могильник;
7 — Ахметовское II селище;	14—17 — селища Романовка I, II, IV, VIII;	24 — Пасечное селище;
		25 — Воскресенское селище;
		26 — Воскресенское городище;
		27 — Юмакаевское городище

ников собрал большую коллекцию таких сосудов при раскопках Романовского II селища около г. Уфы и выделил памятники с подобной керамикой в романовскую культуру¹³¹. На Кушнаренковском селище большинство сосудов также было плоскодонным. Этот же тип керамики об-

К. В. Сальников. Итоги и задачи археологического изучения Башкирии. АЭБ, т. II. Уфа, 1964, стр. 13.

наружен при раскопках Ново-Турбаслинского¹³² и Матвеевского селища, городища Уфа II¹³³.

Романовский тип керамики хорошо представлен в Кушнаренковском (табл. VII) и Уфимском (табл. XI) могильниках, в которых можно выделить три различающихся типа посуды и погребений.

Романовский тип I представлен двумя погребениями Кушнаренковского могильника (табл. VII, I группа), тремя погребениями в Уфимских курганах (табл. XI, I группа), погребением 2 из кургана 23 Ново-Турбаслинского могильника и погребением в кургане 34 Салеховского могильника (раскопки С. М. Васюткина).

Все захоронения совершены в простых ямах, умершие ориентированы головой к С (с отклонениями до СЗ и СВ), в изголовья поставлено по 1 сосуду (рис. 7, К, 5). Сосуды романовского I типа отличаются грубостью выделки — в глине обильные примеси шамота, поверхность обработана грубо, по форме это горшки с низкими шейками и слабо выпуклым туловом. Изредка по венчику нанесены насечки (рис. 7, К, 1—4). Этот тип сосудов является преобладающим в материалах поселений.

Романовский II тип включает погребения в могильных ямах с круговыми заплечиками, в которых умершие уложены головой к С (с отклонениями к СВ). В изголовье поставлен сосуд I романовского типа и нередко кувшинообразный сосуд (рис. 7, Л, 5). Вместе с кувшинами находятся обычно мелкие кости животных. Погребения этого типа обнаружены в Кушнаренковском (табл. VII, II группа) и Уфимском (табл. XI, II группа) могильниках. Кувшинообразные сосуды изготовлены из хорошо промышленной глины с примесями песка. У них обычно сильно суженная высокая горловина и выпуклое тулово (рис. 7, Л, 2, 3). Подобные сосуды были найдены еще в погребении на Галановской улице в г. Уфе и вне погребения на Бахмутинском могильнике¹³⁴. На поселениях кувшинообразные сосуды встречаются очень редко¹³⁵.

Романовский III тип хорошо представлен III группой погребений Кушнаренковского могильника (табл. VII) и одной могилой в Уфимских курганах (табл. XI, III группа). Очевидно, сюда можно отнести два погребения из кургана 26 Ново-Турбаслинского могильника. Могильные ямы этих захоронений имеют продольные заплечики и ниши в изголовье. Дно ниши несколько углублено по сравнению с основной частью могилы. В ниши поставлен крупный горшок романовского II типа, на который положены 2—3 бедренные кости лошади. У ног погребенного на уровне заплечиков (над погребальной камерой) было положено, очевидно, чучело коня, от которого сохранились череп, кости ног и хвоста (рис. 7, М, 4). Умершие чаще ориентированы головой на СВ. Сосуды в этих могилах изготовлены из хорошо промышленной глины с примеся-

¹³² Н. А. Мажитов. Поселение Ново-Турбаслинское II..., рис. 5, табл. III.

¹³³ П. Ф. Ищеригов, Н. А. Мажитов. Городище Уфа II, табл. 1.

¹³⁴ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура..., табл. 32.

¹³⁵ П. Ф. Ищеригов, Н. А. Мажитов. Городище Уфа II, табл. IX, 2. В. Ф. Генинг. Городище Чеганда I..., табл. IX, 2—4; Н. А. Мажитов. Поселение Ново-Турбаслинское II, рис. 7.

Уфимские курганы*. Типологические группы погребений

Типологические группы	№ курганов и погребений	Форма могилы			Кости животных	Местонахождение сосуда			Тип сосуда					Ориентировка костяка			
		простая	с продольными захлестками	с нишей и захлестками		в изголовье	в нише	у ног	романовский I	романовский II	кувшин	турбасинский	прочие	СЗ	ССЗ	С	ССВ
I	9	+							+					+			
	11	+							+					+			
	16/3	+							+					+			
II	25		+		+	?			+							+	
	23		+		+	?				+							+
	18/1		+			2			+		+				+		
	16/2		+		+	2					+		+			+	
	29		+		+	+					+				+		
	16/1		+		+	?							+			+	
III	18/2			+	+		+			+							+
IV	16/4			+	+		+	+				+	+			+	
	5				+	?						+				+	

* А.Х. Пишеничнюк. Уфимские курганы. АЭБ, т. III. Уфа, 1968 г.

ми песка, поверхность их заглажена, иногда до блеска. Черепок плотный, темно-серого цвета. Сосуды отличаются высокими пропорциями, хорошо выраженной горловиной, сильно раздутым туловом и небольшим днищем (рис. 7, М, 1—3). На поселениях сосуды этого типа представлены значительным количеством.

Следует отметить, что романовские поселения и могильники содержат два основных типа сосудов, сходные с подобными же типами на именковских памятниках. Различия между ними небольшие.

Круг памятников именковско-романовского типа. Именковская культура была выделена нами еще в 1959 г. В дальнейшем были выявлены памятники тураевского и романовского типов, во многом близкие именковским. Однако этим еще не ограничивается круг сходных памятников. В Среднем Поволжье П. Д. Степанов широко раскопал городище Ош-Пандо в среднем течении р. Суры и пришел к выводу, что материалы его чрезвычайно близки именковским¹³⁶. Автор даже включает их в именковскую культуру, что едва ли правильно, ибо вместе с рядом других памятников они образуют обособленную группу, отли-

¹³⁶ П. Д. Степанов. Ош-Пандо. Саранск, 1967, стр. 76—111.

чающуюся также в материальной культуре. Сходство с именьевско-романовской обнаруживает прежде всего керамика городища Ош-Пандо. Это те же самые два основных типа сосудов — грубых горшковидных со слабой профилировкой и более тщательно изготовленных, с высоким горлом и суженным дном. Анализ вещевого материала позволил П. Д. Степанову разделить его на две основные группы, одна из которых имеет аналогии на востоке в именьевских и других памятниках, а другая близка местным мордовским.

Отметим также, что сходны типы городищ с высоким шишкообразным валом, прямоугольные жилища-полуземлянки, в которых часто отсутствуют остатки очагов, многочисленные хозяйственные ямы круглой формы. В низовьях р. Суры к рассматриваемому кругу памятников близки поселения типа городища Ножа-Вар¹³⁷, имеющие довольно мощную систему укреплений и насыщенный культурный слой, с вещами, позволяющими уверенно датировать основной слой городища серединой I тысячелетия н. э. Замечательна керамика городища. Это сосуды, грубо лепленные из глины с примесями шамота и изредка известняковой крошки. Последнее совершенно нетипично для районов Среднего Поволжья. Как в именьевских и других могильниках, здесь бытуют два основных типа сосудов, плоскодонные горшки со слабой профилировкой шейки и сосуды с прямыми высокими шейками. Н. В. Трубникова правильно заметила, что в отличие от памятников позднегородецкого круга, к которым она все же относит это городище, сосуды часто украшены по венчику насечками. Кроме того, встречаются изредка кружковые отпечатки, ямки, иногда фигурные. Но самые примечательные — это сосуды с налепными валиками по плечикам, покрытые иногда нарезками. Эта деталь, характерная только для керамики нижнесурских городищ, сохраняется, очевидно, вплоть до появления гончарной посуды. Сосуды с валиками и насечками обнаружены на поселении IX—XII вв. у д. Большое Янгильдино¹³⁸, где часть сосудов имела в качестве примесей толченые раковины (известняковая крошка?). В целом, однако, необходимо отметить, что материалы памятников низовьев Суры до сих пор исследованы очень плохо. Находки на присурских памятниках, как ош-пандинского, так и ножа-варского типа вещей, связанных с местным населением, позволяют предполагать, что пришлые племена смешивались с ними, как и в районах Прикамья. И, наконец, еще одна группа памятников в районах Самарской

¹³⁷ Н. В. Трубникова. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сареево в 1958—1959 гг. «Ученые зап. Чувашского НИИ», вып. XXV, Чебоксары, 1964, стр. 117—155.

¹³⁸ А. П. Смирнов, В. Ф. Каховский. Булгарское селище близ деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР. «Ученые зап. Чувашского НИИ», вып. XXV. Чебоксары, 1964, рис. 20, 21, тип. V. Исследователи считают, что наличие на поселении лепных и гончарных сосудов болгарского типа свидетельствует о проникновении в среду местного населения болгар. Мне представляется, что встречающаяся в массе гончарная посуда плохого качества свидетельствует скорее об освоении местным населением гончарного круга. Находки в массе костей срыны едва ли говорят о присутствии здесь мусульман-болгар. На других болгарских поселениях ничего подобного нет.

Луки, очень слабо освещенная в литературе, по мнению П. Н. Старостина, также близка именьковским¹³⁹.

Могильники, которые можно было бы увязать с описанными поселениями правобережных районов Волги, к сожалению, пока не открыты а, возможно, не выделены из уже известных.

Открытие трупосожжений в Приуралье позволяет в новом свете проанализировать распространение этого обряда в волго-окских могильниках I тысячелетия. В ранних могильниках типа Писеральских, Кошибевских и Селиксинских трупосожжений нет, появление их в массе относится, по мнению Е. А. Алиховой, к началу второй половины I тысячелетия н. э.¹⁴⁰ Едва ли это можно связывать со славянским влиянием, ибо расцвет его падает на конец I тысячелетия, когда сожжения становятся уже редкостью, да и сам обряд весьма отличен (отсутствие курганов, урн и т. д.). Небезынтересна деталь, отмеченная еще А. А. Спицыным, — ямы для сожжений часто очень «неглубокие, редко глубже аршина, чаще квадратной формы, обыкновенно меньше аршина в ширину и длину. На дне такой могилы прежде всего равномерным слоем размещались остатки костей, а затем симметрично располагались сосуды и все остальные крупные и мелкие вещи»¹⁴¹. Размеры ям и остатки в них живо напоминают могилы именьковских захоронений, в которых очень мало вещей. Не является ли распространение трупосожжений следствием присутствия в данных районах населения оппандинского или ножа-варского типов, близких именьковским?

В настоящее время трудно провести достаточно всесторонний сравнительный анализ памятников из всех рассматриваемых районов, как ввиду малочисленности изученных объектов, так и отсутствия в публикациях полноценных статистических данных. В качестве примера, иллюстрирующего, что наряду со сходством в таком массовом материале, как керамика, существуют и вполне уловимые различия; приведем таблицу по двум районам — именьковскому и романовскому (табл. XII).

Суммируя наблюдения над различиями, можно отметить, что в Кушнарковском селище больше сосудов крупного размера, чаще встречаются высокорослые сосуды и с более выпуклыми плечиками и меньшим диаметром днищ, поэтому гораздо больше сосудов с широким рас­тубом придонной части. В целом здесь больше сосудов четко профилированных, в то время как в Рождественском преобладают сосуды с менее профилированными шейками и стенками. Надо полагать, что в каждом из рассматриваемых районов будут свои особенности в керамике, так же как и различия в погребальном обряде, подробно описанные выше.

Проблема этнической принадлежности всего круга памятников, близких именьковско-романовским, остается одной из самых дискуссионных в археологии I тысячелетия Поволжья и Приуралья.

¹³⁹ П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры..., стр. 30.

¹⁴⁰ Е. А. Алихова. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. СА, 1958, № 2, стр. 69.

¹⁴¹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории, стр. 154.

Таблица XII

Сравнительная характеристика сосудов Рождественского и Кушнаренковского селищ (в %)

Характеристики		Рождествен- ское селище	Кушнарен- ковское сели- ще
Диаметр по венчику: до 16 см 18—22 см св. 24 см		27,2 34,8 38,0	23,3 17,1 59,6
Форма верхней части сосуда:	высокая шейка, сильно выпуклое плечико;	5,1	54,0
	низкая шейка, сильно выпуклое плечико;	23,8	25,5
	низкая шейка, слабо выступающее плечико	70,1	20,5
Примеси к глине:	песок	3,1	18,4
	шамот	96,9	81,6
Обработка наружной поверхности:	грубо	71,8	63,9
	гладко	22,6	34,0
	лощенные	5,6	2,1
Форма венчика:	плоский	49,0	61,0
	заостренный	12,0	22,7
	утолщенный	9,1	16,3
	округлый	29,9	—
Орнамент по венчику		0,5	34,1
Диаметр дна:	до 12 см	72,0	89,7
	св. 13 см	28,0	10,3
Форма придонной части:	широкая	26,0	57,7
	узкая	74,0	42,3
Край дна:	выступающий	38,0	34,4
	вертикальный	38,4	32,0
	скошенный	23,6	33,6

Рождественский могильник А. П. Смирнов сравнивал с Волинцевским на Украине и пытался интерпретировать его как славянский¹⁴². Неправомерность такого сопоставления уже отмечена в литературе¹⁴³. Едва ли убедительна гипотеза П. Д. Степанова о связи всего широкого круга рассматриваемых памятников с угро-мадьярами¹⁴⁴, основанная

¹⁴² А. П. Смирнов. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар. «Историко-археологический сборник», изд. МГУ, 1962.

¹⁴³ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 95—97; П. Н. Старостин. Памятники именновской культуры..., стр. 17.

¹⁴⁴ П. Д. Степанов. Ош-Пандо, стр. 105—107; он же. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. АЭБ, т. II. Уфа, 1964.

главным образом на своеобразном толковании письменных источников X—XIII вв.

Вопрос об этнической принадлежности всей группы памятников с плоскодонной керамикой весьма сложный, и, по-видимому, однозначного решения здесь быть не может, учитывая различия в погребальном обряде отдельных групп. К сожалению, ни в одном из районов по археологическим материалам невозможно проследить последующие этапы развития рассматриваемой культуры и увязать с каким-либо известным народом. Поэтому пока приходится обращаться к косвенным данным, связанным с другими источниками. Часть этого населения, несомненно, принадлежала к древнетюркским племенам, что, по моему мнению, подтверждается фактами: 1) наличием в удмуртском языке ряда терминов, происходящих из древнетюркского языка типа чувашского, заимствование которых не могло происходить позднее середины I тысячелетия н. э.; 2) в Среднем Поволжье до прихода болгар уже обитало тюркоязычное население, которое вплоть до эпохи Казанского ханства называлось Суваз-Чуваша¹⁴⁵, а в некоторых источниках — бесермянами¹⁴⁶. В XVI—XVII вв. имя чуваша окончательно закрепляется только для присурских групп предков современных тюркоязычных чуваш, а бесермяне — за группой населения в Северо-Западной Удмуртии, усвоивших удмуртский язык, но сохранивших в культуре и быте массу тюркских черт¹⁴⁷.

На всей территории распространения памятников именьковско-романовского типа от Присурья на западе и до Белой на востоке встречаются повторяющиеся этнические имена, большинство которых в той или иной мере связаны с тюркским этносом, причем, судя по языку современных чуваш, это были какие-то группы очень рано, возможно, еще в эпоху ранней бронзы, отделившиеся от основного тюркского массива и смешавшиеся с другими этническими группами, что и привело к распространению различных приемов погребального обряда.

Еще раз о буртасах. В восточноевропейской медиевистике уже давно дебатруется «буртасская проблема», связанная с сообщениями арабских и персидских авторов IX—X вв. о народе буртас в Восточной Европе. Наличие ряда обзорных работ и в первую очередь исследование Б. Н. Заходера, в котором объединены все сведения, освобождает нас от обзора источников¹⁴⁸.

Лишь несколько предварительных замечаний. Уже со времени Х. М. Френа и П. С. Савельева неоднократно предпринимались попытки

¹⁴⁵ В. Ф. Генинг. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, стр. 334—336.

¹⁴⁶ Подробный обзор см.: Т. И. Тепляшина. Этноним бесермяне. Сб. «Этнонимы». М., 1970, стр. 180—182.

В. Н. Белицер. К вопросу о происхождении бесермян (по материалам одежды). «Труды Ин-та этнографии», новая серия т. I. М.—Л., 1947; Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М., 1970, стр. 5—30.

¹⁴⁸ Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962; см. обзор литературы: Б. А. Васильев. Проблема буртасов и мордвы. «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. 63, 1960.

увязать буртасов с отдельным современным народом (мордва, мокша, чуваш, рязанская мещера, мари, чеченцы и др.). Вслед за Б. Н. Заходером мы считаем, что подобные попытки не могут дать положительных результатов, ибо «под буртасами восточные источники X в. разумели народонаселение, рассеянное на достаточно большой территории», которое легло в основу многих поволжских народов. Буртасов большинство источников «прикрепляет» к Итилю (Волге), но уже в X в. этот народ не существовал как единое целое. Б. Н. Заходер убедительно доказывает, что все сведения о буртасах относятся ко времени не позже середины IX в. и даже раньше, так как все авторы, начиная рассказ о буртасах, объясняют подробно этот термин¹⁴⁹, что подтверждается также отсутствием этого имени у Ибн-Фадлана (922/23 гг.).

Многие авторы при локализации буртасов исходят в первую очередь из расстояний, приводимых источниками, мы же попытаемся предложить некоторые аспекты решения этой проблемы в другом плане.

Самого пристального внимания требуют те известия, которые освещают природные условия территории обитания буртасов и их хозяйства. Б. Н. Заходер суммировал их следующим образом: «26. Земля буртасов — обширная; они живут в лесах (или: земля буртасов — ровная, большая, часть их деревьев — халандж...). 33. Наибольшая часть достояния буртасов — куницы, из шкур которых делают пшубы. Имеется у буртасов мед, а также верблюды, крупный рогатый скот (или коровы), овцы (или свиньи). 35. У буртасов (обширные) пахотные поля. 38. У буртасов нет фруктов и вино их — из меда»¹⁵⁰. К этому можно добавить еще сведения о наличии мехов чернобурых и красных лисиц (Масуди), бобров, соболей и белок (Ибн-Русте) и что на востоке «мягкая рухлядь» именовалась «ал буртасийа»¹⁵¹.

Эти сведения дают представление об определенной естественногеографической зоне, об определенном укладе хозяйства ее обитателей, причем обе эти стороны прекрасно согласуются. Ровная земля, наличие леса, обилие пчел, куниц, лисиц и бобров, обширные поля, развитое животноводство с наличием свиньи — сочетания, возможные только в лесостепной зоне, причем указание на наличие верблюда — свидетельство того, что это была южная окраина ее. В Поволжье лесостепная зона протянулась на обширном пространстве от среднего течения р. Белой к западу на низовья левобережья Камы и далее на правобережье средней Волги. Другой подобной зоны в Поволжье и Приуралье нет. И только здесь мы находим сочетание хозяйства в том виде, как это описывают восточные авторы. Памятники этно-культурного круга именьевско-романовского типа — наглядное тому подтверждение. О развитом скотоводстве свидетельствуют находки костей домашних животных, среди которых представлены все

¹⁴⁹ Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 231. Среди более поздних сведений, очевидно, к этому этнониму можно отнести пертасы, упомянутые в перечне народов, живущих вокруг Перми по Софийской летописи (1936 г.), и пароситы, жившие к северу от «баскарт» (башкиров). *Плано Каприни*. Указ. соч., стр. 48.

¹⁵⁰ Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 27—28.

¹⁵¹ Там же, стр. 242.

виды, упоминаемые источниками, в том числе свинья и верблюд¹⁵². Удельный вес крупного рогатого скота и лошадей в стаде доходил до 50—70%, свиней — 20—50% и мелкого рогатого скота — не более 15—20%. Такие соотношения — свидетельство оседлых форм скотоводческого хозяйства, сочетающегося с развитым земледелием, наличие которого хорошо документируется многими находками ральников, кос, серпов, каменных зернотерок и жерновов¹⁵³ и находками зерен сельскохозяйственных культур: пшеницы, проса, ржи, овса, ячменя и гороха¹⁵⁴. Охота на пушного зверя иллюстрируется как многочисленными наконечниками стрел, так и костями, где опять-таки все виды упомянуты письменными источниками: куница, соболь, горноста́й, лиса, бобр¹⁵⁵. О развитии в этих областях бортничества может свидетельствовать хотя бы тот факт, что башкиры даже в историческое время ясак платили медом. Это была страна классического пчеловодства¹⁵⁶. Кстати, для развития бортничества также требовалось обилие леса, где устраивались бортни. Из орудий, связанных с бортничеством, отметим долота и рашпили и, возможно, небольшие длинные топоры, часто находимые на именьковских памятниках¹⁵⁷.

Таким образом, только в лесостепной зоне Волго-Камья были такие природные условия и, по свидетельству археологических источников, развивалось такое хозяйство, о котором восточные авторы пишут у буртасов.

Обратимся теперь к некоторым бытовым особенностям культуры буртасов: «... у них деревянные дома, в них живут зимою, и шатры, в них они обитают летом; они — совершенны лицом и общим видом. 30. Вера буртасов походит на веру гузов. 34. Буртасы делятся на два разряда: одни предают мертвых сожжению, другие хоронят их. Оружием буртасов служат два кинжала, секира, лук, у них нет панциря и кольчуг; лошадей у них владеет не каждый, а только тот, кто обладает многими достоинствами; их одежда — архалук и халат, у них — головной убор, а чалму завязывают вокруг него»¹⁵⁸.

В отношении жилищ, казалось бы, имеются большие расхождения, так как на романовских, именьковских и ош-пандинских памятниках вскрыты остатки полуземлянок, но глубина котлована их чаще всего от 30—40 до 60—70 см. При столь незначительной глубине над котлованом должны были возвышаться еще стена, а затем уже крыша. Все это было сооружено из бревен, поэтому восточные авторы и пишут о деревянных домах. Дома эти обычно очень небольшого размера, поэтому вполне вероятно, что в летнее время обитатели их жили в каких-нибудь более легких постройках, которые названы у восточных авторов шатрами.

¹⁵² П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры, стр. 27.

¹⁵³ П. Н. Старостин. Указ. соч., стр. 26. табл. 13; В. Ф. Генинг. Тураевский курганный могильник, рис. 29, 5, 8; он же. Мазунинская культура, табл. IV, 3; П. Д. Степанов. Ош-Пандо, табл. XVIII, А, Б, рис. 36.

¹⁵⁴ П. Н. Старостин. Указ. соч., стр. 26; П. Д. Степанов. Указ. соч., стр. 83.

¹⁵⁵ П. Н. Старостин. Указ. соч., стр. 24.

¹⁵⁶ С. И. Руденко. Башкиры. М., 1955, стр. 96.

¹⁵⁷ П. Н. Старостин. Указ. соч., табл. 13, 9—12; 14, 14; П. Д. Степанов. Указ. соч., табл. XVIII, В, 4; XX, Б, 16, 17; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Именьковское городище. МИА, № 80, 1960, рис. 7. 1. 2. Ср.: С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 98.

¹⁵⁸ Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 27, 28.

К сожалению, мы не располагаем никакими сведениями об одежде по материалам могильника. А о вооружении сведения опять во многом совпадают — «два кинжала, секира, лук». В Тураевском могильнике в 4-х могилах находились попарно меч и кинжал, в двух здесь же были топоры и наконечники стрел. Сведения об отсутствии панцирей и кольчуг не совсем точны. В Тураевском могильнике найдены прекрасные экземпляры этих защитных доспехов¹⁵⁹.

Едва ли требует особого подтверждения наличие лошадей — многие находки костей на поселениях и могильниках, как и остатков конской сбруи, — яркие тому доказательства. Сравнение веры буртасов с гузами трудно проверить, но, очевидно, это следует понимать в том смысле, что буртасы были язычниками. И, наконец, полное подтверждение сообщений о двух обрядах погребения — трупоположения и трупосожжения, бесспорно подтверждается открытием могильников как с трупосожжением (именьковский и петропавловский типы), так и с трупоположением (тураевский и романовский типы). Можно также предполагать, что эпитет «они — совершенны лицом и общим видом» относится, по представлению восточных авторов, к людям ярко выраженного европеоидного облика, останки которых открыты в Кушнаренковском могильнике¹⁶⁰.

Теперь посмотрим, согласуется ли эта локализация буртасов с теми географическими сведениями о расположении их земли, которые можно извлечь из письменных источников: «1. Страна болгар соседит со страной буртасов. 2. Между буртасами и булгарами три дня пути. 3. Булгары обитают на берегу (или берегах) реки, которая впадает в Хазарское море и называется Итиль. 9. Булгары постоянно нападают на буртасов и полонят их. 22. Буртасы находятся между булгарами и хазарами; между буртасами и хазарами расстояние в 15 дней пути. 23. Соседствуя с хазарами, буртасы живут на реке, название которой также Буртас (или Итиль): Буртас — название области, как Рус, Хазара. 24. Буртасы находятся в подчинении царя хазар, они поставляют десять тысяч всадников. 27. Земля буртасов в длину и ширину — 15 дней (или 17 дней, или полтора месяца) пути. 28. Буртасы постоянно воюют с булгарами и печенегами. 36. От области буртасов до хазар все степь, дорога — благоустроенная, с источниками, деревьями, текущими водами; некоторые же, отправляясь от буртасов к хазарам, плывут по реке Итиль на судах, а некоторые (путешествуют) сухим путем. 39. К востоку от области буртасов река Итиль, к югу — хазары, к западу — в.н.д.рр., к северу — тюркские печенеги»¹⁶¹.

Попытки произвести расчеты пути и тем самым абсолютно точно локализовать территорию буртасов привели к целому ряду разноречивых мнений¹⁶². Лучше, очевидно, разобраться в общем контексте, из которого следует, что земля буртасов находилась между хазарами и булгарами

¹⁵⁹ В. Ф. Генинг. Тураевский курганный могильник.

¹⁶⁰ М. С. Акимов. Антропология древнего населения Приуралья стр. 69.

¹⁶¹ Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 26—28.

¹⁶² Б. Д. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 года. КСИИМК, вып. XIII, 1952; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ..., стр. 56—59.

и что к булгарам она была гораздо ближе (3 дня пути), чем к хазарам (15 или 20 дней пути). Район расселения булгар в VII—IX вв. — это сравнительно небольшой отрезок Волги от устья р. Черемшан до устья Камы, что подтверждается в настоящее время археологическими памятниками. Хазары занимали низовья Волги. Следовательно, земля буртасов начиналась где-то в окрестностях Самарской Луки и занимала обширнейшее пространство, которое исчислялось в длину и ширину расстоянием, равным расстоянию от буртас до хазар (15 дней пути), или в другом варианте равным половине пути от хазар до булгар (1 месяц). Эти сведения позволяют расширить земли буртасов как на восток, так и на запад от Волги. Напомним также, что соседями буртасов были печенеги, обитавшие в VII—IX вв. в бассейне нижнего течения р. Урал, и что до них расстояние было 10 дней пути, что в три раза меньше, чем расстояние от булгар до хазар, и в 1,5 раза меньше, чем протяженность территории буртасов. Все эти сведения согласуются между собой только в том случае, если мы примем за буртасскую территорию пространство между р. Белой на востоке и р. Сурой на западе, р. Камой на севере и р. Самарой на юге, то есть район Волго-Камской лесостепи, природные условия которой, как и облик хозяйства и культуры обитавшего здесь в V—VII вв. населения, полностью соответствует сведениям восточных авторов.

Итак, в районе лесостепного Волго-Камья совершенно очевиден редкий случай полного соответствия письменных и археологических данных. Носители именьковского, романовского, тураевского, ош-пандинского и ножа-варского археолого-этнических типов и были теми, кого на востоке называли буртасами.

Происхождение памятников именьковско-романовского круга. При известной общности керамики памятники рассматриваемого круга существенно различаются по погребальному обряду: именьковские и петропавловские трупосожжения, тураевские трупоположения в глубоких простых ямах часто без сосудов, романовские погребения всегда с сосудами, но в простых ямах или ямах с круговыми заплечиками, или в ямах с заплечиками и нишами, наконец, кости животных рядом с захороненными и чучело коня над умершим — все это отражение древних этнических различий и происхождения отдельных групп населения, оказавшихся втянутыми в орбиту формирования одной общности.

Сравнение именьковской культуры с синхронными памятниками, для которых вероятна генетическая связь с городецкой культурой, показало существенные различия между этими группами¹⁶³, что исключает предположение о местном, поволжском, происхождении всего круга памятников именьковско-романовского типа.

Простые могильные ямы, плоскодонные слабопрофилированные горшки весьма аморфны и широко распространены, поэтому для выяснения вопросов генетической связи могут быть использованы лишь в совокупности с другими, более специфическими чертами.

Более определенную форму имеют высокогорлые хорошо профилированные горшки (романовского II типа), которые А. П. Смирнов и сра-

¹⁶³ П. Н. Старостин. О так называемых позднегородецких памятниках.

нивал с волинцевскими на Украине. Но при синхронности этих комплексов это сходство в лучшем случае может свидетельствовать о принадлежности их каким-то параллельным родственным группам населения.

Погребения романовского III типа в могильных ямах сложной конструкции в сочетании с сосудами и костями животных остаются пока почти единственными. В Больше-Тарханском могильнике VIII—IX вв. на Волге было обнаружено четыре погребения с небольшими нишами в изголовье, которые я сравнил с усуньской могилой с подбойчиком и вещами из Семиречья. В этой же публикации приведены аналогии устройства могил с заплечиками в районах Верхнего Прииртышья¹⁶⁴, которые, по мнению А. Г. Максимовой, встречаются здесь начиная с эпохи бронзы¹⁶⁵.

Наши исследования в лесостепной зоне по Иртышу и Ишиму показали, что ямы с заплечиками и сосудами характерны для могильников абатского типа — рубежи н. э. Сохраняется подобная конструкция ям здесь и позднее, вплоть до X—XII вв.¹⁶⁶, в последних памятниках можно обнаружить еще ряд сходств с приуральскими. Так, в Трифоновском II (кург. 6 погр. 2), Покровском (кург. 5) и Бобровском II (кург. 7) могильниках при умершем лежали череп и ноги коня, а в последнем кургане найдены и грубые плоскодонные горшки. Кроме того, во многих курганах Бобровского I могильника находились остатки трупосожжения, помещенные на древней поверхности, а рядом с ними стояли сосуды — грубые горшковидные или типа, близкого куштерьякским (см. выше). Около сожжений много костей лошади, в том числе черепов и ног, а в одном из курганов были захоронения 3-х лошадей¹⁶⁷. Эти сожжения переключаются с рождественскими (небольшие ямы, сосуды), а в одном из кушнерковских погребений рядом с пережженными костями находилась кость лошади.

На Верхней Оби сожжения встречаются часто в могильниках фоминского этапа. Можно также отметить, что в Ближних Елбанах у некоторых могил с остатками сожжения были ямы очень небольших размеров и в ямах почти всегда стояли сосуды¹⁶⁸.

Таким образом, разбираемые комплексы именковско-романовского типа, так же как и многие другие приуральские памятники V—VII вв., находят некоторые аналогии в восточных областях, в которых нередки и грубые плоскодонные горшки со слабой профилировкой. Такие горшки были под насыпью Второго Башадарского кургана на Алтае, где, кстати, обнаружено дно сосуда чандарского типа¹⁶⁹. Грубые горшки характерны и для центральноказахстанских погребений в курганах с каменными грядами I тысячелетия до н. э. — середины I тысячелетия н. э., где очень часто встречаются черепа лошадей. Интересно, что в малых курганах этих

¹⁶⁴ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге, стр. 14, 133—136.

¹⁶⁵ А. Г. Максимова. Курганные могильники. Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 191.

¹⁶⁶ Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.) Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968.

¹⁶⁷ Там же, стр. 102—104.

¹⁶⁸ М. Г. Грязнов. История древних племен верхней Оби., стр. 127—133.

¹⁶⁹ С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая., стр. 63, рис. 40, 41, 44.

могильников, где нет костяков, находятся сосуды, череп и кости ног коня¹⁷⁰.

В целом, однако, приходится пока отмечать, что памятники круга именьковско-романовского типа увязываются генетически с восточными районами менее убедительно, чем некоторые другие типы. Очевидно, только накопление новых материалов позволит решить, насколько действительно районы Западной Сибири были исходными для расселения на запад племен именьковского, романовского, тураевского, ножа-варского и ош-пандинского типов.

6. Кушнаренковская эпоха в Южном Приуралье. В V—VII вв. в Приуралье осели различные племена, заброшенные сюда волной «великого переселения народов», прокатившейся по степям Евразии. Археологические материалы V—VII вв. из Южного Приуралья, бесспорно, свидетельствуют о массовом притоке инородного населения, оказавшегося гораздо более многочисленным, чем местные племена, с которыми и смешались пришельцы. Большинство пришлых племен, судя по археологическим параллелям, двинулись на запад из районов Верхнего Прииртышья и Приобья. Нам неизвестны ни причины, заставившие огромные массы населения отправиться в столь далекий путь, связанный с преодолением двухтысячекилометрового пространства, ни их конкретные имена. Письменные источники сообщают, что по степям юга в V—VII вв. прошли сарагуры, савыры, абары и другие племена, часть из которых, вероятно, осела в Приуралье. Но до сих пор ни одно из названных племен не удалось связать с каким-либо археологическим комплексом. В значительной мере это объясняется тем, что археологических материалов накоплено еще чрезвычайно мало и датированы они недостаточно точно, чтобы на основании синхронности письменных и археологических источников попытаться увязать их с определенными этническими группами. Кроме того, очевидно, общее имя, известное по письменным источникам, далеко не всегда отражает однородность этнического состава. Археологические материалы Южного Приуралья V—VII вв. в этом отношении весьма показательны. Здесь наряду с местным пермским (мазунинский тип) и угорским (?бахмутинский тип) населением достаточно многочисленны были группы самодийского (куштерьякский и кара-якуповский типы) и смешанного тюрко-угорского (романовский, именьковский, тураевский, турбаслинский типы) происхождения. Вероятно, именно это население восточные авторы и называли буртасами. Некоторые группы остаются пока выявленными еще недостаточно четко (чермосанский, капсиярский, бирский, шареевский, петропавловский типы), и угорская этническая принадлежность их слабо аргументирована. Большой интерес представляет группа (чандарский тип), возможно связанная с каким-то палеосибирским населением.

Как уже неоднократно отмечалось, археологические памятники V—VII вв. дают в массе смешанные материалы, что отражает и опреде-

---

¹⁷⁰ М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. Сб. «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1966, стр. 309, 392—293, рис. 61.

ленный исторический процесс — сосуществование различных по происхождению групп населения, их смешение и в конечном итоге этническую интеграцию. К сожалению, этот заключительный этап развития — интеграцию — по археологическим материалам мы пока проследить не можем. Как это ни странно, но на огромной территории Южного Приуралья, покрытой массой памятников V—VII вв., до сих пор не обнаружены и не выделены памятники VIII—X вв., а в Южной Удмуртии и Башкирии и более поздних веков. Единичные пункты, известные в настоящее время в горных районах Башкирии, не меняют общей картины.

Памятники бассейна р. Белой, где наблюдается особенно сильная смешанность, принадлежали, по-видимому, предкам современного населения Башкирии, изучение которого по этнографическим, антропологическим и даже языковым данным показало также значительную пестроту¹⁷¹, отражающую, несомненно, различия в происхождении. Перемещения больших масс населения, этническая пестрота состава отдельных объединений — вполне закономерное явление этнического развития эпохи окончательного распада первобытных отношений¹⁷². Именно на основе таких разноплеменных объединений и формируются этносы раннеклассового общества.

В заключение остановимся еще на одном сугубо археологическом и даже методическом аспекте исследования.

При всей той пестроте археологического материала, о которой достаточно подробно писалось выше, не следует забывать, что эта пестрота обнаруживается лишь в тех сторонах культуры, которые отражают этническую принадлежность, а скорее всего, даже этническое происхождение отдельных членов того или иного общества. Именно для того чтобы вычленил различные по своему происхождению группы населения, мы и ввели понятие археолого-этнического типа. В главном же — социально-экономической жизни — это единые коллективы, единая общность, которая возникла на основе общности владения единой территорией. И здесь вновь перед археологами встает проблема, можно ли территории со смешанными археолого-этническими типами, как, например, на территории Южной Удмуртии, Восточной Татарии и Башкирии в V—VII вв., выделять в особую археологическую культуру?

Эта проблема требует специального исследования, пока же по комплексу наиболее типичных памятников данного времени — у с. Кушнаренково на р. Белой — всю рассматриваемую эпоху можно назвать кушнаренковской¹⁷³.

---

¹⁷¹ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 328—352.

¹⁷² В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности, стр. 98—120.

¹⁷³ В. Ф. Генинг. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс.). АЭБ, т. IV, Уфа, 1971.

TO THE FORMATION OF THE FINNO-UGRIANS

Gyula LÁSZLÓ

The analysis of biogeographical terms shows that the initial territory of Uralian peoples is the contact zone of the taiga and forested steppe regions of the Central Europe. Investigating the phytogeographical data one is allowed to consider that at the Early Holocene the distribution territory of the ancient Uralians has been the area from the Baltic Sea Coast and up to the Urals. To this territory, determined on the basis of the phytogeographical data, corresponds an archaeological culture, namely, the Svi-derian.

Succeeding development stages of the cultures within the said territory show that the ancestors of Ugrians lived in the forested steppe zone of the Middle Volga in the neighbourhood of Permian and Ob-Ugrian peoples.

TO THE PROBLEMS OF THE EARLIEST FINNO-UGRIANS IN THE URALS AND OF EARLY FINNS BETWEEN THE URALS AND THE BALTIC AREA

O. N. BAHDER

According to the linguistic data the desintegration of the Finno-Ugrian unity has taken place hypothetically during the third or second millennium B. C. On the basis of the archaeological evidences the author believes it necessary to somehow shift this date back up to 3300 B. C. approximately, when the first differentiation of the Uralian Neolithic culture into two parts occurred—the east-uralian culture with the punctate pattern and wave-line ornamented pottery and the west-uralian one with the comb-marked pottery. The duration period of the west-uralian Late Neolithic culture lasted over one thousand years and represented a period of the Perm-Finnish linguistic Unity.

By the verge of the third and second millennia B. C. on the basis of the Volga-Kama Neolithic culture with the comb-marked pottery there have

been formed two cultures of the early Metal Age: the Turbino-culture and the Volosovo-culture.

The Turbino-culture gradually broadens its area comprising the northern part of the Cisuralian region up to the Polar Circle, including Pechora-basin, and forms a basis on which further the Perm-Finnish cultures of the Iron Age are formed. The Volosovo culture is spreading westwards into the area of an alien to it Neolithic culture with the comb- and pit-marked pottery.

The Neolithic population, which created in the Central Russia the culture with comb- and pit-marked pottery, most likely is bound up with the toponymous layer of the hydronyms with ma-, ra-, ma-endings and has not been neither Finno-Ugrians, nor Indo-Europeans.

The appearance in the mentioned territory of the vestiges of Volosovotype is illustrating the spread of the ancient Finnish population from the east.

For the first time the Indo-European ethnic groups have penetrated in the territory of Central Russia by the verge of the third and second millennia B. C. with Balanovo- and Fatianovo-cultures and find here already the Finnish population of the Volosovo-culture. These tribes brought with them into the Volga woodland a more progressive form of the productive economy, but the size of that population has been not sufficiently large, so they did not leave any perceptible traces in the local toponymics and gradually had been fully assimilated by the Volga-Finns of the Volosovo-culture.

This assimilative process has lead during the last quarter of the second millenium B. C. to the formation of a new archaeological culture, which once again represented a solid integrated formation. For this culture characteristic are: round- and flat-bottom pottery with the textile marks on the pots and also flint tools.

There can be no doubt about the ties of this textile-marked pottery culture with the culture of Diakovo-type settlement, which appeared in the first half of the first millenium B. C. and lasted almost to the end of the first millenium A. D. Without any doubt they are as well the ties of the Diakovo-culture with the early historical Finnish speaking tribes of the same territory.

ROCK PAINTINGS FROM THE URALS AREA

V. N. CHERNETSOV

Studies in the Rock Paintings from the Urals area made it possible to ascertain the territory of their spread as well as the range of their chronology to some extent to reveal their meaning and purpose and, at last, to connect them rather reliably with the ancestors of mansi.

It had to be ascertained as well whether the Uralian Rock Paintings existed as an independent phenomenon or they have been in some way connected with the Rock Paintings and petroglyphs of some other regions:

A comparison, effectuated by the author, between the petroglyphs from the different regions of Siberia and of the north-eastern Europe revealed a distinct resemblance of the rock paintings and petroglyphs of the Urals, with those of Tomi basin, a certain group of the rock drawings from the Yenisei basin and of the most part of the Angara basin. It turned to be as well, that the cliff drawings from the Angara basin and to some lesser extent those from the Tomi basin and the Urals are, undoubtedly akin to the hunters type petroglyphs from the Arctic Norway.

On the other hand, in spite of a very similar themes, none of the groups mentioned cannot be related to the Karelian petroglyphs, though the latter ones are geographically situated between the Norwegian and Uralian ones.

All the compared groups of the petroglyphs have been superposed on an archaeological and ethnical map. It resulted in that all these except the Karelian ones, found their correspondent places within the area of the cultures of the Ural-Siberian type, which even in the Neolithic period displayed the tendency to spread westward as well as eastward along the Subarctic belt. The area of these cultures corresponds to the ancient and partly also to the present territory of spread of the East-Uralian peoples.

Karelian petroglyphs are related to the comb-marked and asbestos pottery cultures alien to the Uralo-Siberian ones. Accordingly, in the Karelian petroglyphs some parallels with the South Sweden ones may be noticed.

TRANSURALIAN ZOOMORPHIC DECORATIONS OF THE POTTERY (TO THE PROBLEM OF THE EARLY CONTACTS OF THE URALIAN PEOPLES)

W. MOSZYNSKA

On the basis of archaeological data it is possible to conclude about very long standing and duration in the Transuralian area of the tradition to provide the local pottery with different type zoomorphic decorations. According to the orientation of relief heads of the animals on the pottery edges the plastic decorations should be divided in two groups:

- a) with the muzzles turned inwards and
- b) with the muzzles turned outwards. For the both groups some reduced forms are known. As far as one may judge recurring to the information yet rather insufficient the territory of spread for the group «a» has been wider than the same for the group «b». What to the time-range this also is larger for the group «a». The decorations of the group «b» being related only with the neolithic pottery, those of the group «a» have been noted for the Neolithic period as well as for different stages of the Bronze Age. The reduced forms are known for those early periods when they existed in parallel with the animal heads in relief of both groups, as well as later during the Early Metal Age up to I millenium the Uralian pottery has been provided with the animal decorations in relief as well as with the realistically performed graphic images of animals or birds composed from the comb-marks. There are known

the more realistic images of aquatic birds (var. I) as well as schematically outlined ones (var. 2).

Zoomorphic plastic raised decorations of pottery is a wide-spread phenomenon in the sense of territory as well as of the time-range. Very likely the raised zoomorphic decoration, mainly of the «a»-group could have had the safeguard meaning for food containing pots. Apothropheic meaning could have had also the graphic images, although bearing in mind the valid by that time prohibitions not allowing to mix meat and fish in the same pot, it might be admitted that the images concerned have been used to show for what kind of food each pot is destined.

Taking into account the universality of the concept of zoomorphic apothropeas the author believes it possible to restrict the analogies, confining oneself to only coming from the territories of the cultures of similar type. The closest parallels, particularly for zoomorphic decorations of the «a»-group, may be drawn from the territories of Finland.

The graphic drawings of the birds (var. I) can as well be compared with those known in Finland and in the North of the European USSR. Synchronizing the Uralian and Finnish data one is allowed to ascertain the probable chronology for the zoomorphic plastic related to the pottery. Taking into account the contacts on the territory investigated, evidenced by several finds and not insisting on a one-sided judgement regarding the problem of the origin of the zoomorphic decoration of the Finnish pottery, one may for all that make a supposition that the spread of Uralian population northwards and westwards up to the Finland may have influenced the evolution of the zoomorphic decoration of the pottery in this area. Very long standing of this tradition in the Urals is supporting the above supposition.

TO THE PROBLEM OF THE SARGATKA CULTURE

V. A. MOGUILNIKOV

The article characterizes the archaeological culture of the forested steppe region of the West Siberia, which from IV—III centuries B. C. till III—IV centuries A. D. occupied the wooded steppe Irtysh basin area and by the verge of the first century A. D. spread over the Tobol-basin region. This culture has been called «Sargatka culture» by the name of Kurgan cemetery on Irtysh river.

The monuments of the Sargatka culture are represented by the fortified and non-fortified settlements as well as by the Kurgans. Each Kurgan contains one or more graves with the skeletons laying mostly in stretched position, the head northward. Deviation from the northward orientation most often has been met in the graves of the later stage of this culture and is quite unusual for IV—III centuries B. C. The grave-pits are almost rectangular in plan, in some cases having steps along the walls. In the Kurgan mounds are found the rests of extinguished fires, animal bones from commemorative feasts. Burial inventory is represented by weapons, implements, adornments,

pottery. Metal artifacts are very scarce. They evidence the relation with the West, Central Asia with the eastern region of Siberia.

The settlements are feebly investigated. There have been found small dwellings of almost rectangular form in plan with the centrally located fireplaces. The population attended to stock-breeding, mainly, horse-breeding. Evidently to some extent the agriculture too has been attended to. Hunting and fishing took a secondary place in their economy. Some of the researchers tend to consider in the bearers of this culture one of the groups of the early Ugrians.

SOME ARCHAEOLOGICAL DATA ON THE UGRO-HUNGARIANS OF THE VOLGA-BASIN AREA

A. P. SMIRNOV

One of the not solved yet problems of mediaeval history is the question of the origin of the Hungarians and of their early history before the arrival in the Hungarian Plain. There are different opinions regarding the origin of the Hungarians. Some relate them with the peoples of the Finno-Ugrian linguistic group, some others but with the Turkich group. Attempts have been made to attribute to Hungarians some archaeological monuments of the Cisuralian area. So A. V. Schmidt connected with Hungarians the cemeteries of the Bakhmutino culture, while later on M. I. Artamonov attached importance to the Sterlitamak cemetery for the description of the milieu from which issued the Hungarians. Lately, P. D. Stepanov tried to motivate an affirmation that the monuments of the Imenikovo culture and of the settlements of Osh-Pando-type have to be related with the early Hungarians. But the materials referred to do not give any reason to agree with his point of view. The objects quoted are widely distributed and cannot serve as ethnic-indicators. In my opinion the Imenikovo culture is genetically related with the Gorodets culture of the early Iron Age and belongs to the ancient Mordvinians. It has no objects that could be compared with the Ugrian ones. At present the science does not dispose of the data necessary for the solution of Ugro-Hungarian problem in the Cisuralian and Volga-basin areas.

BASHKIRIA AND THE EURASIAN STEPPES OF THE IV—IXTH CENTURIES (on the materials of the belt component assemblies)

V. B. KOVALEVSKAIA

In the first millenium A. D. through the vast corridor of Eurasic steppes from the Altai and Mongolia to the Danube-basin from the East to the West passed the tribes of the Huns, Turkies, Avares, Ugrians, Alans, Bulgars a. oth. The whole route of their passage has been evidenced by numerous burial monuments.

The choice of Bashkiria of the IV—IXth centuries for the research has been stipulated by the fact that within this territory the history of its population is indissolubly tied with the problem of the origin of the Hungarians. The choice but from the vast material of the finds just of only one group of objects—namely, of belt component assemblies, can be explained by the possibility of making more precise—with the help of the said material the very chronology of Bashkiria and of investigating the relations of this country to the various regions of the Europe and Asia.

All the parallels concerning the belt component assemblies of the IV—IXth centuries of Bashkiria lead to the world of Sarmatians and Alans of the Northern Coast of the Black Sea.

Within the VI—VII centuries the situation changes in the sense of tightening the ties with the Northern Caucasus, Volga-basin, Crimea i. e. with the Alano-Bulgarian world of the Europeo-Asiatic world of the steppes of Volga-basin and Ciscaucasian regions. The few parallels to the Siberia (6,4% = for buckles and 3,2% = for ornament plates and bits) as well as the investigations of the typological peculiarities show that Bashkiria situated intermediately between the western and middle Europeo-Asiatic Steppes had been an intermediary between the Crimean and Caucasian centers and Siberia. The verge of the VIIIth century A. D. should be considered as an initial moment of particular strengthening of the Turkic influence in the territory of Bashkiria. On the materials of belt component assemblies such an influence could not be traced before.

Within VIII—IXth centuries many belt ornament plates, analogous to those from Bashkirian kurgan finds, are of the Siberian origine. Strong are the ties with monuments of the VIII—IXth centuries from the Kama-basin area. To judge from the belt-buckles of the VIII—IXth centuries the closest relations can be observed between Bashkiria and the Middle-Volga region (43,0%) according to the buckles of the Saltovo-Maiatzk group, i.e. the ties with the remote regions change for the some with the nearer areas. Unlike the preceeding periods this one is characterized by the fact that the belt-buckles made by the Crimean and North Caucasian craft do not penetrate into territory of Bashkiria almost absolutely.

THE SOURCES OF TENTH CENTURY HUNGARIAN CULTURE

ANTAL BARTHA

The study sets out from the circumstance that Hungarian culture in the 10th century was characterized by the simultaneous presence of nomadic and the agricultural modes of life. The Hungarian archaeological finds from the 10th century are of a nomadic character; the Bulgarian-Turkish loan-words of the Hungarian language bear witness of the knowledge and practice of agriculture. Both elements became parts of Hungarian culture and merged before the migration of the Magyars into the Carpathian Basin at the end of the 9th century.

There are analogies to the Hungarian decorative metalwork of the 10th century in all areas of Eastern Europe and Asia where nomadic peoples

lived. Analogous yes, but no identical works have been found so far. The explanation of the centuries of the early Middle Ages social and economic differentiation required marks to indicate the hierarchic order of society. The unification of social stratification furthered the trade in decorative metal objects. The culture of the Saltovo-Maiatzk is evidence that in the 8th and 9th centuries some groups of nomads began to go to agriculture. The initiators of this rich culture were Alan tribes of the Northern Caucasus. From the Alans the Bulgarian-Turks, and from the latter the Magyars learned agriculture. Hungarian metal objects of the 10th century are analogous with the metal objects of the Saltovo-Maiatzk culture. It does not follow from this that the culture in question was Magyar, but it explains the two-fold character of 10th century Hungarian culture, which was rather difficult to explain until now.

ON THE ARCHAEOLOGICAL CULTURE OF THE EARLY HUNGARIANS OF THE LATE NINTH — EARLY TENTH CENTURIES A. D.

ISTVÁN ERDÉLYI

The purpose of the article is to characterize in brief the archaeological culture of the early Hungarians of the IX—Xth centuries A. D.

After the publication of the monographs by J. Hampel in 1905 and in 1912 we did not dispose of any complete publications. In 1961 B. Szöke tried to give such a characteristic of the early Hungarian material but has been limited only by the objects from the grave finds. In his monograph he omitted such questions as funeral rite, origin of the pottery a. oth.

Accumulated archaeological material for more than 50 years requires a modern monographical publication. At the time being such a work is being prepared under the leadership of I. Dienes.

In his work the author as examples quotes some ancient Hungarian burials of the very end of IXth and the second half of the Xth centuries A. D. (Tiszabездéd, Kenézlő I—II, Szarvas, Eperjeske, Tiszaeszlár, Streola nad Bodrokom, Szeged-Bojárhalom and Hencida, Kecel) and briefly describes different types of the found objects.

Each mention of a certain location is accompanied by corresponding number of the register of archaeological monuments from the Karpathian-Danubian area for the IX—XIth centuries A. D. (ed. 1962). Further follow the results of recently begun investigations of the settlements.

THE FUNERAL RITE OF THE TANKEEVKA CEMETERY AND ITS HUNGARIAN PARALLELS

E. A. KHALIKOVA

During 1961—1968 there have been investigated over 800 of burials of the IXth—beginning of the XIth centuries A. D. from the early Bulgar cemetery at the village Tankeevka of Kuibyshev district in Tatar Auto-

nomous Soviet Socialist Republic. Many particularities of the funeral rite find their parallels in the Hungarian cemeteries. The burials had been effectuated in the rather deep and long pits with the vertical walls, very seldom but in the pits of some complex construction with some cuts and diggings out.

The skeletons are mostly oriented with their heads westward and had been laid on the bast floor covering or in the wooden coffin-like boxes. In some cases a «mirror image» arrangement has had place, i.e. reversed to what it would have been in life. Rich burials of men included also partial burials of horses (skull and four legbones). In 19 graves there have been found face-clothes-silver-masks with the slots for the mouth and the eyes, sewn on the silk-tissue. These latter finds may be compared with the funeral face-clothes found by I. Dienes in Hungarian cemeteries IX—X A. D.

Parallels in the funeral rite noted in the monuments of the type of the Tankeevka cemetery in the Middle Volga area and in the Hungarian cemeteries allow to suppose that within the population of the Volga-Bulgaria as well as within the population of simultaneously forming Hungarian state at the end of the IXth—Xth centuries A. D. there had been a common ethnical component.

ON SOME HUNGARIAN ANALOGIES WITHIN THE RELICS FOUND TANKEEVKA CEMETERY

E. P. KAZAKOV

In the objects from the Tankeevka cemetery of IX—Xth centuries A. D. there are some which can evidence the contacts of Magyars with the population of the Volga-Bulgaria. In the Tankeevka graves have been found some relics characteristic to the Hungarian burial of that time.

Localization of the analogies of the said objects from one Tankeevka cemetery in general is coinciding with the territory through which, probably, the migration of the Magyar union of tribes has had his course (Kama-basin, Cisuralian area, Middle Volga region, South-East Europe, Pannonia).

ABOUT FUNERAL RITES OF THE CONQUERING HUNGARIANS

ISTVÁN FODOR

Our study deals with use of the face-cloth, an interesting feature of the 10th century Hungarian funeral rites. The use of such a face-cloth was demonstrated first by I. Dienes, calling attention to the parallels to this funeral rite among the Ob-Ugrians, a people akin to the Hungarians.

The face-cloth of the Hungarians at the age of the Conquest was similar to that of the Ob-Ugrians: the face of the dead was covered with leather or textile, then silver lamina, buttons or mountings were laid where the mouth and the eyes were situated. In one case we find these square lamina made of gold (Hajduböszörmény — Vid).

The use of face-cloths similar to those of the Hungarians was wide-spread in Eastern Europe at the following places:

- 1) on the northern shore of the Black Sea in the Late Hellenistic Age (2nd century B. C.—3rd century A. D.);
- 2) in the Middle Volga and Kama region from the 8th to the 10th century;
- 3) in the Carpathian basin after the Hungarian conquest;
- 4) among the Ugrians of the Ob till our times.

There are essential deviations among the finds of the above areas, but they are rooted, all the same, in an identical religious belief: the fear of the dead on the one hand and the effort of shielding the dead from the evil spirits of the other-world on the other hand. Shape and material of the face-cloths used in different territories are different: those of the Northern Pontic are made entirely of gold, the middle of the face- and mouth-lamina cut out in rhomboid form. Those of the Volga—Kama country are roughly of the same shape, but most of them made of silver.

In our opinion the Hungarians brought this custom from the Middle Volga Region, where they lived till the 9th century. These face-clothes occur in the Volga region as in our country almost entirely in richly furnished male graves, i.e. men of rank were buried with them. From the fact that silver face clothes were used in the 8th to 9th centuries in Finno-Ugrian territories and at the same time they are found in Hungary in the graves of the rich, we can conclude that the highest social strata of the Hungarians were not only Turks, as often thought in past and present, but also Ugrians.

MAGYAR BURIALS WITH HORSE (the 10-th and 11-th centuries)

CSANÁD BÁLINT

In the graves of the Magyars of the 10th and 11th centuries only partial horse burials (skull and four legbones) can be found. On the basis of the position of the horse-bones I could distinguish four variations, in addition to the graves which contained only the harness beside the skeleton. In all variations the skull of the horse was facing with its nose that of the man. Group I: «burials with harness» (Plate 1,1). Group II: «burials with horse-skin placed at the feet» (Pl. 1,2—3). Group III: «burials with stuffed horse-skin» (Pl. 1,4). Group IV: «burials with folded horse-skin» (Pl. 1,5). Group V: «burials with unfolded horse-skin».

The above forms fall into two basic groups considering chronology, social position and original function: group II and group III. This is also supported by the fact that east of the Carpathians parallels can be found only to these two customs.

Group I—II is evenly spread over the whole territory of the Hungarians, it can be observed in all 9—11th century cemeteries and that rite is present in the cemeteries of the Finno-Ugrian-speaking common people almost without exception. On the other hand, the frequency of group III—IV—V

falls well short of first two (237 graves as opposed to 56). These occur in greater number only in the north-eastern part of the country, and this rite disappears from cemeteries by the second part of the 10th century. On the basis of the objects found in these graves have been yet earlier by research to the Turkic upper stratum. It might be worth while adding that the latter rites are very rare in the cemeteries of commoners. Thus I identify the custom of group I—II with the basic, Ugrian masses of the Magyars of the age of Conquest, while group III—IV—V belongs to the Turkish element, which got assimilated at the second part of the 10th century.

This assumption is supported by a survey of the horse burials of 6—11th century in Southern Russia. The practice of «burial with horse-skin placed at the feet» cannot be identified with any of the early mediaeval peoples. As these graves occur mainly along the Volga, in Finno-Ugrian surroundings, and as the equestrian manners of the Magyars (perhaps their horse-cult as well) were the result of independent development, I associate these graves with the ancient Ugrian-Magyars.

The «burial with stuffed horse-skin» is related unequivocally to the Pechenegues and the Guzzs Turks by Soviet scholarship. As there could be no direct contact in the 9th century between the Magyars and the Guzzs, this custom of the Magyars must have the Pechenegue origins. By analysing a chapter at the Jewish Khazar document (Anonymous of Cambridge) I have tried to show the likelihood of some Pechenegue and Alan groups joining the tribal alliance of the Magyars at the time of the revolt of the Kabars, which I think had taken place between 863—867. This hypothesis may explain many historical, linguistical, archaeological and anthropological problems of the Hungarian prehistory.

SLAVO-HUNGARIAN RELATIONS IN THE IXTH CENTURY A. D. AND THE ANCIENT RUSSIAN POPULATION OF THE MIDDLE AND UPPER DON AREA

A. A. MOSKALENKO

The problem of the Slavo-Hungarian relations in the IXth century remains in the field of vision of the researchers almost one hundred years.

Most of the researchers recognize that the ancient motherland of the Hungarians has been the South Cisuralian area. From here in the VIth—VIIth centuries A. D. has been started the migration of the Hungarian groups westward. As to the very route of the Hungarians there exist some differences. Some of the researchers suppose that the Hungarians moved through the Volga to Oka-River and further to Levedia (K. I. Grot, E. Moór), the others but think that the route crossed Volga and Don-River (N. I. Danilevski, I. Perényi). The problem about the supposed location of Levedia is not less vexed, there also the opinions are different. Some think it in the Black Sea steppe-area between the Don and Dnieper, the others but in the zone of forested steppes between Kiev and Voro-

nezh or between Danube and Don, or between Danube and Dnieper. And, finally, some suppose it to have been in the Cisuralian area.

There is no great difference in the opinions regarding the character of the Slavo-Hungarian relations. According to the literary sources these have been sometimes friendly and sometimes hostile ones. Archaeological data serve as evidences of the stay of ancient Hungarians somewhere near the Don River. The relations between the Don-Slavs and the Hungarians are evidenced by some separate Hungarian relics found within the Don-basin area as well as by the presence of local toponyms of Hungarian origin.

THE TIME AND THE WAYS OF PENETRATION OF THE KUFIC COINS INTO THE MIDDLE DANUBIAN AREA

V. V. KROPOTKIN

The Hungarian nomadic tribes of the VIII—IXth centuries A. D. living within the steppes of Eastern Europe, achieved the trade contacts with the neighbouring states and tribes, so they got acquainted with the coins in the circulation within the corresponding territories. After the transmigration of the Hungarians to the Middle Danube area they maintained wide trade relations with the Eastern Europe and Byzantium.

Investigation of the kufic coins from the finds of Middle Danube area evidenced that the earliest dirhams relate to the VIII—IX centuries A. D., but the mass penetration of the oriental coins into the Danube-basin area fell on the end of the IXth and the beginning of the Xth century A. D., which corresponds to the period of spread of said coins within the right-bank Ukraine, Bug-basin, Dniester-basin areas and Transcarpathian. Penetration of the kufic coins westward, in particular, into the mediaeval Hungary, depended on the wide trade, which the maintained with the towns of the Middle Europa, Cracow and Prague. From the main trade route, connecting Kiev with the trade centers of the Middle and Western Europe, the trade routes branched off to Slovakia and Hungary through the Karpathian mountain passes.

QUESTIONS OF HUNGARIANS CIRCULATION OF MONEY BEFORE THEIR INDEPENDENT COINAGE

ISTVÁN GEDAI

The first Hungarian coin so far known was minted by King István I (1000—1038). His good pennies became soon popular in Hungary, as well as outside its frontiers. The dead obulus usual in that time is permanent object in cemeteries of our commoners. This proves that the first Hungarian coin had been an instrument of circulation. If it became common at once, it had to have precedents. King István did not mint the coins for a people which had not known it, as a standard of value. There had to be a circulation of money and its becoming common, its quantitative change

created the new qualitative degree, the independent Hungarian coin. King István thus recognized a real economical situation. The sources support our supposition founded on this economical lawfulness.

In the coin-finds of the 10th century—each are from tombs except two ones—the following coins can be found: dirhems of Arabia, coins of Byzantium, pennies of West-Europe. Dirhems of Arabia could get here only by commercial way, pennies of West-Europe as spoils of war, while coins of Byzantium by both ways. Coins in tombs are bored through, they come light divested of their coin-character as decorations for dresses. But among them there are also some exceptions and the dirhems by all means relate to commerce. Thus we can conclude from coin-finds to circulation of money.

Written sources also refer to the Hungarians having known money as a standard of value. Ibn Rusta wrote about Hungarians in the 9th century that there were coins among pieces of marriage portion as proposal.

If we interpret our sources well, we can establish that among Hungarians there was some circulation of money in the 9th, and not later than in the 10th century.

THE RISE OF BORSOVA FRONTIER COUNTY

PÉTER NÉMETH

In our study we deal with the rise of a Hungarian county of the age of the Árpáds and wish to illustrate the process of the organization of the Hungarian state with the help of historical linguistic and archaeological data after the example of a frontier county of the X—XIth centuries.

Borsova county was situated (Marchia) in the north-eastern part of the Carpathian basin (fig. 1), its territory was identical with the area of Borsova deanery (archidiaconatus). Its first county town was Kisvárdá which in its name refers to the residence of the bailiff, to the castle situated in the early county town. Later, during the reign of St. Stephen (1000—1038) the place of the county town was changed to the earthwork built at the junction of the Borsova brook and the river Tisza. This change took place in those times when the county towns of the frontier counties were placed along the roads leading out of the county.

Around Kisvárdá we find such a group of place-names which marked in their names the task of their former inhabitants, that is the defence of the frontier. The same is the situation regarding the series of our cemeteries of the Xth century which almost surround Kisvárdá. From the large numbers of the double-edged swords found in this area, we concluded that the central power in this area was strengthened and the county system of the feudal state was organized in the time of prince Geza (972—997).

We do not know any double-edged swords the surroundings of the castle of Borsova, i.e. the residence of the bailiff here was built as late as the reign of king St. Stephen, when the ranks of the warriors forming the retainers of the bailiff had been buried in a Christian manner. The castle-serf villages attached to Borsova still keep the memory of that-miles fighter layer (fig. 3).

According to our archaeologists and historians the Kabars formed the great majority of the population which lived in the territory of Borsova county. Our place-names prove the settling down of fragments of people; Székelys, Pechenegs, the people of the prince, the Blue-Kends. On this side of the Tisza there are only isolated traces of Slave population in the place-names. Eastwards from the Tisza till the timber-line of the Árpadian age the whole area was inhabited by mixed peoples, while the basin of the Borsova (brook) and the wooded highlands were uninhabited. The studying of the place-names showed that the X—XIth century picture of frontier county Borsova was determined by a group of people with Turkich culture and by another speaking a Slave language, decisively in favour of the former one. This was proved by the territorial and quantitative localization of the archaeological material.

The supposition of the local historians that the present Transcarpathian territory was independent with a governor of his own in the XI—XIIIth centuries does not stand the proof. George Györffy proved that **dux Ruizorum** «the leader of the Russians» is identical with **dux exercitus regis** — the leader of the royal army and royal guards and it follows from the name that the essential element of the guards was Russian (russ). We tried to demonstrate archaeologically that the few tombs with double-edged swords (fig. 5) of the area of the Upper Tisza cover the solidiers of rank of the guards of Varenegns origin resettled and put into the possession of estate in our region.

At last on the basis of the spreading of the dirhem findings we tried to confirm archaeologically the supposition that in the first half of the tenth century the great part of the military subpeoples the so-called Kabars were of Mohammedan religion.

SOUTH CISURALIAN AREA WITHIN III—IVTH CENTURIES A. D.

V. F. HENING

During III — IVth centuries A. D. in the South Cisuralian Area considerable migration of the population had taken place. Archaeological material concerning such elements of the culture that could serve as ethnical indicators are various and rather incoherent. The author putting the question whether it is possible to establish particular archaeological cultures for the territories with the mixed «archaeological-ethnical types», such as the South Udmurtia, East Tataria and Bashkiria of V—VII centuries A. D., considers it more reasonable to define only the corresponding epochs.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИА — Архив Института археологии
 АЭБ — Археология и этнография Башкирии
 ВАУ — Вопросы археологии Урала
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ИА — Институт археологии АН СССР
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИАН — Известия Академии наук
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 КИЯЛИ АН СССР — Казанский Институт языка, литературы и истории АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НТШ — Наукове товариство им. Шевченко, Львів
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ПГУ — Пермский государственный университет
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
 САИ — Свод археологических источников
 СА — Советская археология
 ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
 ААН — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
 АЕ — Archaeologiai Értesítő
 АН — Archaeologia Hungarica
 АК — Archaeologiai Közlemények
 АL — Acta Linguistica
 АR — Alba Regia, Székesfehérvár
 АU SAV — Archeologické Ustav Slovenská Akadémie Vied Nitra
 Arch. Rozhl. — Archeologické Rozhledy
 Bud. Rég. — Budapest Régiségei
 Dolg. — Dolgozatok, Szeged.
 FA — Folia Archaeologica
 HMNE — Gy. László. A honfoglaló magyar nép élete. Budapest 1944
 MNy — Magyar Nyelv
 RF — Régészeti Füzetek
 RT — Régészeti Tanulmányok
 SRH — Scriptores Rerum Hungaricarum
 SzI. Emk. — Szent István Emlékkönyv, Budapest 1938
 PAU — Polska Akademia Umiejętności
 АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР Київ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
К вопросу о формировании финно-угров <i>Д. Ласло</i> (Будапешт)	7
О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой <i>О. Н. Бадер</i> (Москва)	10
Наскальные изображения уральского ареала <u><i>В. Н. Чернецов</i></u> (Москва)	32
Зауральские зооморфные изображения, связанные с глиняной посудой (О древних контактах в уральской среде) <i>В. И. Мошинская</i> (Москва)	56
К вопросу о саргатской культуре <i>В. А. Могильников</i> (Москва)	66
Археологические данные об угро-венграх в Поволжье <i>А. П. Смирнов</i> (Москва)	87
Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов) <i>В. Б. Ковалевская</i> (Москва)	95
Истоки венгерской культуры X в. <i>А. Барта</i> (Будапешт)	118
Об археологической культуре древних венгров конца IX — первой половины X в. н. э. <i>И. Эрдели</i> (Будапешт)	128
Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели <i>Е. А. Халикова</i> (Казань)	145
О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника <i>Е. П. Казаков</i> (Казань)	161
К вопросу о погребальном обряде древних венгров <i>И. Фодор</i> (Будапешт)	168
Погребения с конем у венгров в IX—X вв. <i>Ч. Балинт</i> (Сегед)	176
Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население среднего и верхнего Дона <i>А. А. Москаленко</i> (Воронеж)	189

Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье <i>В. В. Кропоткин</i> (Москва)	197
Вопросы денежного обращения у венгров до чеканки собственной монеты <i>И. Гедан</i> (Будапешт)	203
Образование пограничной области Боржава <i>П. Немет</i> (Ниредьхаза)	206
Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения) <i>В. Ф. Генинг</i> (Свердловск)	221
Резюме	296
Список сокращений	309

CONTENTS

Introduction	5
To the problem of the formation of the Finno-Ugrians <i>Gy. László</i> (Budapest)	7
To the problems of the earliest Finno-Ugrians in the Urals and of early Finns between the Urals and the Baltic Sea <i>O. N. Bahder</i> (Moscow)	10
Rock Painting from the Urals area <i>V. V. Chernetsov</i> (Moscow)	32
Transuralian Zoomorphic decoration of the pottery (To the problem of the early contacts of the Uralian peoples) <i>W. Moszyńska</i> (Moscow)	56
To the problem of the Sargatka culture <i>V. A. Moguilnikov</i> (Moscow)	66
Some archaeological data on the Ugro-Hungarian of the Volga-basin area <i>A. P. Smirnov</i> (Moscow)	87
Bashkiria and the Eurasian steppes of the IV—IX centuries (On the materials of the belt component assemblies) <i>V. B. Kovlevskaia</i> (Moscow)	95
The sources of Tenth century Hungarian Culture <i>A. Bartha</i> (Budapest)	118
On the archaeological culture of the early Hungarians of late Ninth — early Tenth centuries <i>I. Erdélyi</i> (Budapest)	128

The Funeral Rite of the Tankeevka cemetery and its Hungarian parallels <i>E. A. Khalikova</i> (Kazan)	145
On some Hungarian parallels with the relics from the Tankeevka cemetery <i>E. P. Kazakov</i> (Kazan)	161
About Funeral Rites of the Conquering Hungarians <i>I. Fodor</i> (Budapest)	163
Magyar Burials with Horse (the Xth and XIth centuries) <i>Cs. Bálint</i> (Szeged)	176
The Slavo-Hungarian relations in the IXth century and the early Russian population of the Middle and Upper Don <i>A. A. Moskalenko</i> (Voronezh)	189
The time and the ways of penetration of the kufic coins into the Middle Danubian area <i>V. V. Kropotkin</i> (Moscow)	197
The rise of Borsova frontier county <i>P. Németh</i> (Nyíregyháza)	203
Questions of Hungarians circulation of money before their independent coinage <i>I. Gedai</i> (Budapest)	206
South Cisuralian area within III—IV centuries A. D. <i>V. F. Henning</i> (Sverdlovsk)	221
Abstracts	296

Проблемы археологии и древней истории угров

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор А. Е. Сидоренко. Художественный редактор В. Н. Тихунов

Технический редактор Ф. М. Хенох

Сдано в набор 3/VIII 1972 г. Подписано к печати 27/XI 1972 г. Формат 70×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 22,81 + 2 вкл. Уч.-изд. л. 24,9. Тираж 1300. Тип. зак. 1008. Т-16966. Бумага № 1.

Цена 1 р. 79 к.

Цена 1 р. 87 к.

Издательство «Наука», 103117 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 10

1 p. 87 x

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»